

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт психологии

ИСТОРИОГЕНЕЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Выпуск 2

Ответственные редакторы:

*А. Л. Журавлев,
В. А. Кольцова,
Е. Н. Холондович*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Институт психологии РАН»
Москва – 2016

УДК 159.9
ББК 88
И 90

СОДЕРЖАНИЕ

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

И 90 **Историогенез и современное состояние российского менталитета.** Выпуск 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 4?? с. (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0344-0

УДК 159.9
ББК 88

В сборнике рассматриваются теоретико-методологические проблемы исследования менталитета, его трактовки в современной психологии, сущностные характеристики и факторы формирования. Освещаются различные аспекты менталитета русского народа дореволюционного периода: особенности праздничной и игровой культуры, фольклора как выразителя установок и ценностей народа, земледельческого труда русского крестьянства. Раскрыта специфика ментальности различных социальных групп современной России (поколенческих, гендерных, профессиональных, семейных). Рассмотрены особенности правового сознания и социальных представлений современных россиян о разных сторонах общественной жизни. Обсуждается вопрос о перспективах развития современного российского общества.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016

ISBN 978-5-9270-0344-0

Введение

А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования7

Глава 1

ИСТОРИОГЕНЕЗ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

- Т. И. Артемьева.* Частушка как источник изучения образа жизни и психологии деревенской молодежи в дореволюционной России. 38
- М. И. Воловикова.* Праздничная культура как составляющая и фактор формирования российского менталитета: генезис и судьба советских ценностей и идеалов. 47
- С. В. Григорьев.* «Ломоносовская линия» в этнопсихологических исследованиях народного психологического опыта и празднично-игровой культуры. 55
- О. В. Клыпа.* Истоки российского менталитета 62
- Е. Г. Синякина.* Земледельческий труд как основа, ценность и смысл жизни русского крестьянства конца XIX–начала XX столетий. 71
- Е. В. Харитонова.* Представления о русском народе П. А. Кропоткина и П. Ф. Каптерева 95
- А. В. Юревич.* Факторы формирования и эволюции национальных менталитетов 105

Глава 2

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

К. А. Абульханова, А. Н. Славская. Менталитет и правовое сознание российской личности. 125

<i>И. А. Аполлонов, О. Р. Тучина. Исторический опыт Великой Отечественной войны в контексте национальной идентичности</i>	170	<i>А. Г. Сулейманян. Протестные движения в современной России и мире: новые пути или старые заблуждения?</i>	381
<i>Н. Г. Артемцева, Т. В. Галкина. Личностные представления о компонентах психологического здоровья у наших современников</i>	182	<i>Б. Н. Тугайбаева. Представления о гендерных отношениях в семье как характеристика менталитета современных россиян</i> . . .	396
<i>Н. В. Борисова. Преемственность смысложизненных идей в российском менталитете</i>	194	<i>Е. Н. Холондович. Отношение россиян к богатству: историко-культурные предпосылки и современные тенденции</i>	418
<i>А. А. Гостев. Отношение современных россиян к некоторым аспектам социальной и политической жизни страны</i>	206	<i>К. Л. Церковская, С. Е. Поддубный. Ценности как конструкт менталитета российских руководителей</i>	431
<i>Т. П. Емельянова. Коллективные воспоминания о советском прошлом представителей разных групп российского общества</i>	219	<i>А. А. Чекалина. Ментальность учителя: на пересечении гендера и профессии</i>	440
<i>Н. А. Журавлева. Отношение к экономическим ценностям представителей различных социальных групп в российском менталитете</i>	231	Аннотации	454
<i>А. Н. Захарова. Экономический менталитет в структуре российской полиментальности: социально-психологический дискурс исследования</i>	240		
<i>А. Ю. Какичева, И. А. Панкратова. Влияние российской ментальности на возникновение кризисов в карьере женщины</i>	252		
<i>А. А. Королев. Менталитет как междисциплинарная проблема: историографический анализ</i>	260		
<i>А. Н. Неврюев. Взаимосвязь между верой в справедливый мир, национальной идентификацией и отношением к войне</i> . . .	280		
<i>И. Н. Нурлыгаянов. Содержание и структура представлений о хамстве у современной молодежи</i>	288		
<i>Ю. Н. Олейник. Коллективистическое мировоззрение современных россиян</i>	295		
<i>О. С. Осипова. Ментальность сквозь призму социогенеза и современного развития российского общества</i>	314		
<i>В. И. Пищик. Ментальность российских поколений Южного региона</i>	330		
<i>О. И. Прокушенкова. Исследование ценностных и смысложизненных ориентаций подростков московских школ как важных составляющих ментальности молодого поколения россиян</i>	338		
<i>Т. В. Разина. Изменение профессиональных ценностей в менталитете трех поколений отечественных ученых</i>	350		
<i>В. Е. Семёнов. Российская идентичность, полиментальность и социальная справедливость</i>	363		

ВВЕДЕНИЕ

РОССИЙСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова (Москва)

Актуальность, научная и практическая значимость исследования проблемы менталитета

Происходящие в нашей стране в последние десятилетия глубокие преобразования в разных сферах общественной жизни вызвали масштабные социально-культурные изменения, связанные с трансформацией сформировавшихся в прошлом традиционных ценностей, приоритетов и норм в сознании россиян. Новая модель общественного развития в качестве одного из своих векторов предполагает переход от традиционных для нашего народа, сложившихся в его многовековой истории коллективистических ценностей и отношений к индивидуалистическим. По сути, происходит процесс преобразования важных характеристик российского менталитета как глубинного основания целостности и самобытности народа. И это чрезвычайно тревожный симптом, чреватый потерей нашим народом своей самобытности, ослаблением его самоидентификации.

Этим определяется актуальность и научная значимость исследования проблемы менталитета.

Возникнув в лоне истории, сегодня эта проблема обретает междисциплинарный статус: здесь пересекаются интересы разных отраслей социогуманитарного научного знания: социологии, культурологии, истории, философии, этнографии, источниковедения. Но, безусловно, основная роль в ее разработке принадлежит психо-

логии, что определяется сущностью самого феномена менталитета как психологии народа.

Тенденция роста интереса к проблеме менталитета в современной психологии и смежных с нею отраслях знания обусловлена значительным объяснительным потенциалом данного феномена при разработке широкого спектра научных проблем. Очевидно, что в какой бы ипостаси ни выступал человек (как субъект экономической, политической, общественной деятельности, в своих социальных или индивидуальных проявлениях), он всегда в той или иной мере, осознанно или неосознанно, эксплицитно или имплицитно несет в себе ментальные характеристики, впитанные в процессе социализации и жизни в своей культуре и ставшие органической частью его личного психологического пространства.

Обращение к проблеме менталитета обусловлено стремлением выявить «корни» и эксплицитировать причинную обусловленность поведения и действий человека, а также социальных групп, системы их отношений к разным сторонам действительности. Апелляцию к особенностям менталитета можно обнаружить в исследованиях детерминации социально-психологических явлений, их состояния и динамики. Причем отсылки к менталитету народа, металными характеристикам личности и социальных общностей наблюдаются, прежде всего, тогда, когда требуется объяснить недостаточно изученные и отрефлексированные психологические явления при отсутствии ясности в их причинной обусловленности. В этом случае на помощь приходит менталитет, превращающийся тем самым в некий универсальный объяснительный принцип. Однако введение в научный оборот понятий «менталитет» и «ментальность» означает не замещение других научных терминов, а дальнейшее расширение системы понятий и повышение объяснительных возможностей гуманитарного знания.

Ментальность личности – та внутренняя психологическая опосредующая среда, через которую преломляются любые внешние воздействия и которая определяет отношение человека к разным явлениям и событиям окружающей действительности, эффективность его взаимодействия с миром.

То же относится и к народу в целом как носителю менталитета. В менталитете воплощается совокупность корневых психологических черт народа, характеризующих его своеобразие, особенности его национального характера, мировосприятия. Как пишет Д. С. Лихачёв, «национальные особенности – достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной

нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности – значит делать мир народов очень скучным и серым» (Лихачёв, 1984, с. 40).

Своеобразие и неповторимость каждого народа отмечает Г. Д. Гачев, считая необходимым определение его специфических качеств, субстанции, характера «мышления, психики и особых талантов, потому что народы, как музыкальные инструменты: один – скрипка, другой – гобой, третий – орган и т. д. Все музыканты, но тембр разный. Вот этот тембр и определяют» (Гачев, 2003, с. 440).

Менталитет выступает тем верховным определителем, которым обусловлены традиционные для народа формы человеческого сознания, поведения, восприятия и отношения к разным социальным явлениям.

Этим объясняется, например, непонятное многим представителям так называемого «цивилизованного мира» отношение наших людей к ряду инноваций в современной социальной жизни европейских стран и Америки – признанию однополых браков, гомосексуализма, к доходящим до абсурда принципам политкорректности и свободы, дающим право кому-то цинично осмеивать религиозные ценности других людей, издеваться над человеческими трагедиями, беспардонно вторгаться в личную жизнь любого человека и т. д. Однако за этим стоят не приписываемые западными политтехнологами нашему народу «непредсказуемость», консерватизм и «цивилизационная отсталость», а сохраняющаяся у него приверженность традиционным ценностям как составной части российского менталитета. На необходимость их сохранения и укрепления в последнее время неоднократно указывал В. В. Путин.

Непонятной и необъяснимой, с точки зрения западного мышления, является и реакция россиян на введенные санкции и трудности, связанные с кризисным состоянием экономики. Казалось бы, ухудшение материального положения значительной части населения должно было вызвать усиление протестных настроений, а на деле наблюдается консолидация народа, одобрение внешнеполитических действий властей, что подтверждается растущим рейтингом Президента РФ. И здесь вновь проявляется сила менталитета: присутствие русскому народу-идеалисту терпение, способность и готовность стоически переносить лишения и трудности во имя высших целей, предпочтение духовных ценностей материальным. На это указывали многие русские мыслители.

Так, по мнению И. А. Сикорского, русских отличают терпение и вытекающая из него потребность в страдании. «Потребность мученичества является как бы необходимой психологической практикой, как бы внутренним предуготовительным упражнением, без которого была бы немислима борьба с препятствиями, налагаемыми на человека суровой и бедной природой» (Сикорский, 1899, с. 40). Обосновывая свою мысль, Сикорский пишет, что «самым важным плодом терпения у русского народа является самообладание, способность подавлять в себе волнение и вносить мир в собственную душу. Терпение и покорность судьбе должны быть, несомненно, признаны за самые выдающиеся особенности русской души» (там же).

Сикорский отмечает, что русского человека мало интересует окружающая обстановка жизни, он обходится без внешнего комфорта, необходимого англичанину, и без избытка изящества, которым окружает себя француз; русский довольствуется простыми условиями существования, не ищет удобств и «всему предпочитает теплую душу и открытое сердце».

Согласно И. В. Киреевскому, богатство воспринимается русским народом как второстепенное условие общественной жизни, подчиненное высшим целям и условиям. Он стремится путем внутреннего возвышения над внешними потребностями преодолеть тяжесть внешних нужд (Киреевский, 1952).

На жизненную стойкость и силу духа русского народа, его способность противостоять ударам судьбы, сохранять свои лучшие качества в самых тяжелых условиях указывает Ф. М. Достоевский (1994, с. 48).

А. В. Терещенко отмечает присущие русскому народу бытовую неприязнательность, способность в любых сложных жизненных условиях сохранять силу духа и оптимизм (Терещенко, 1997).

Конечно, жизнь вносит коррективы в сознание и поведение людей: формируется привычка к бытовому комфорту, к спокойной и безопасной жизни. Однако в сложные моменты, при столкновении с критическими обстоятельствами на поверхность выходит то, что находится в глубинных пластах души русского человека, давая ему силы для выживания, преодоления трудностей и лишений.

Исследование российского менталитета имеет не только научное, но и *практическое значение*. Полученные в его ходе данные позволяют наметить правильную, отвечающую ментальным особенностям народа, его ожиданиям и чаяниям социальную политику. Проводить какие-либо социальные преобразования без апелляции к культурной традиции и менталитету народа – это значит

заведомо обрекать их на серьезные трудности. И пробуксовка тех социальных преобразований, которые осуществляются в настоящее время в нашей стране, как представляется, обусловлена в первую очередь отсутствием их необходимой культурной валидации, несоответствием их направленности исконно русскому мировосприятию, укоренившимся в нашей культуре нравственным представлениям, идеалам и ценностям.

Менталитет – это своеобразный «фильтр», через который преломляются и посредством которого оцениваются все инновации в жизни народа, способствующий сохранению того, что соответствует его глубинным психологическим чертам и противодействующий вторжению в его структуру антагонистичных его природе элементов. С этой точки зрения менталитет рассматривается в его *избирательной, селективной и защитной функциях*.

Особенности современной социальной жизни убедительно демонстрируют, что сложившиеся устойчивые образования менталитета нашего народа ставят заслон на пути вхождения в его культуру и образ жизни чуждых инновационных нововведений (индивидуализма, коммерциализации разных сфер жизни, конкурентных отношений, идеи обогащения любой ценой и т. д.). Может быть, поэтому с таким трудом приживаются в нашей стране новые формы общественной жизни, связанные с утверждением капиталистических отношений. Большинство населения страны отвергает их, причем не по идеологическим соображениям, а исходя из природы своего менталитета, антибуржуазного по своему существу. Как пишет Н. А. Бердяев, «в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства. Россия – страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Европы, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей, нет деспотизма мещанской семьи. Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни» (Бердяев, 1997, с. 12). По его мнению, русский человек никогда не поклонялся «золотому тельцу», не почитал материальные богатства в качестве высшей ценности, презирал буржуазные добродетели. «Более того, наживаясь и обогащаясь, он всегда ощущал себя немного грешником» (Бердяев, 1989, с. 26, 76). Отсюда, по мнению Бердяева, вытекает неприятие русскими людьми буржуазного мира.

Именно учет особенностей менталитета народа может предохранить от ошибок в проектировании и реализации нововведений в общественной жизни.

К числу последних можно отнести монетизацию льгот, поставившую во главу угла финансовые соображения и не учитывающую важность для русского человека прежде всего моральной оценки его заслуг и достижений. Столь же непродуманной является образовательная политика государства, строящаяся на основе зарубежных лекал и, в конечном счете, ориентированная на развитие не творческой личности, а делового и предприимчивого менеджера со стереотипным мышлением, что чуждо нашему народу, отвергающему сугубо прагматические ценности.

В этом ряду можно отметить и инновации в сфере российской науки, игнорирующие ее национальные особенности.

В свое время И. А. Ильин, отмечая своеобразие русской научной мысли, подчеркивал, что она не должна подражать «западной учености» в области исследования и мировосприятия, а призвана разрабатывать свое мировоззрение и собственную исследовательскую культуру.

По его мнению, отечественную науку роднит с мировой ориентация на общечеловеческую логику, принципы научной доказательности, направленность на главную цель – постижение истины. Но в отличие от западных абстрактных, рассудочных построений русская наука вносит в исследовательский процесс «начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести» (Ильин, электронный ресурс). Русский ученый должен «вдохновенно любить свой предмет», как его любили выдающиеся отечественные деятели науки. Согласно Ильину, «русская наука не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения. Русский ученый призван насыщать свое наблюдение и свою мысль живым созерцанием – и в естествознании, и в высшей математике, и в истории, и в юриспруденции, и в экономике, и в филологии, и в медицине. Рассудочная наука, не ведущая ничего, кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука духовно слепая: она не видит предмета, а наблюдает одни его оболочки; прикосновение ее убивает живое содержание предмета; она застревает в частях и кусочках и бессильна подняться к созерцанию целого. Русский же ученый призван созерцать жизнь природного организма; видеть математический предмет; зреть в каждой детали русской истории дух и судьбу своего народа; растить и укреплять свою правовую интуицию; видеть целостный экономический организм своей страны; созерцать целостную жизнь созерцаемого им языка; врачебным зрением постигать страдание своего пациента» (Ильин,

электронный ресурс). По сути, выделяются те черты, которые всегда отличали отечественную научную мысль: целостное изучение явления, глубокая личностная включенность ученого в исследовательский процесс, признание важности этической составляющей научной деятельности.

Важным компонентом научного исследования, по Ильину, является творческая свобода. Это положение касается и разработки научных методов исследования, которые, как он отмечает, не являются лишь мертвой системой «приемов, схем и комбинаций», а представляют собой «живое, ищущее движение к предмету, творческое приспособление к нему, „исследование“, „изобретение“, вживание, вчувствование в предмет, нередко импровизацию, иногда перевоплощение» (Ильин, электронный ресурс).

Резюмируя, И. А. Ильин пишет, что русский ученый должен быть «не ремесленником и не бухгалтером явления, а художником в исследовании, ответственным импровизатором, свободным пионером познания. Отнюдь не впадая в комическую претенциозность или в дилетантскую развязность самоучек, русский ученый должен встать на свои ноги. Его наука должна стать наукою творческого созерцания – не в отмену логики, а в наполнение ее живою предметностью; не в поспориение факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними» (Ильин, электронный ресурс).

Поразительны глубина и полнота рассмотрения русским мыслителем тех основ, на которых должно базироваться отечественное научное мышление.

Обращаясь к современному состоянию развития науки, прежде всего фундаментальной, следует с сожалением констатировать, что она ориентируется властными структурами не на национальные традиционные формы организации и оценки ее результативности, а на нормы, принятые в зарубежных научных сообществах (минимизация государственного финансирования, введение грантовой системы, превалирование в оценке деятельности ученых количественных, наукометрических показателей, коммерциализация науки, утверждение принципов прагматизма и т. д.). Это не может не подрывать те основания, на которых всегда базировалась отечественная наука, – ее высочайшую теоретическую фундаментированность, ориентацию на раскрытие глубинных, сущностных основ бытия мира и человека, целостность и системность, антипрагматизм и антипозитивизм, творческий полет мысли, гармоничное сочетание естественно-научного и гуманитарного знания. Именно этот путь развития науки обеспечил ее огромные достижения, которые

в короткий срок в XX столетии вывели Россию в число лидеров в области научно-технического прогресса.

Выход из этой ситуации очевиден – возвращение к своим «корням», творение своего и по-своему: «русского по-русски».

Власть предержащим следует также учитывать, что особую ценность и значимость для русского народа представляет *справедливость*, традиционно отождествляющаяся с правдой и истиной. Н. А. Бердяев указывает, что русского человека отличает обостренное чувство «социальной правды». Об особой чувствительности русского человека к вопросам совести, присущем ему чувстве социальной справедливости, поиске правды пишет Н. О. Лосский: «Русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла; он зорко подмечает несовершенство всех наших поступков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра» (Лосский, 2005, с. 16). При этом отмечается, что в случае разочарования в правде и добре русский человек может дойти до крайних проявлений агрессии и жестокости.

Это предостережение выдающегося исследователя психологии русского народа звучит чрезвычайно актуально. Тотальная социальная несправедливость в распределении некогда созданных всем народом материальных ресурсов общества, их незаконное присвоение группой «избранных» при постоянно ухудшающемся положении основной массы населения страны, подкрепляемые беспрецедентной по своим масштабам коррупцией, воровством, растущей безответственностью при принятии государственных решений всех уровней, несправедливыми вердиктами судов, по сути, потрясающие традиционный «коллективный строй» жизни, не только глубоко переживаются людьми, но и провоцируют рост в обществе напряженности, протестных настроений, асоциальных и антисоциальных проявлений. В этих условиях временная консолидация общества на фоне внешнеполитических успехов и присоединения Крыма может смениться резким обострением социальных противоречий, если ситуация в стране не претерпит серьезных изменений. Русский народ готов мужественно переносить трудности, «пострадать ради блага Отечества», но он никогда не сможет примириться с несправедливостью.

Ментальные характеристики, укорененные в жизнедеятельности и коллективной памяти народа, способствуют адаптации человека в обществе, его социализации и культуризации, и в этом проявляется его *адаптивная функция*.

Обеспечивая актуализацию накопленного опыта при решении жизненно важных задач, возникающих на каждом новом этапе ис-

торического развития, менталитет тем самым выступает в своей *активной, созидательной функции*.

Менталитет – это то начало, которое объединяет людей, живущих в едином культурном пространстве, в особую живую целостность, наделенную собственным самосознанием, самоидентификаций, осознанием ценности своей культуры и чувством патриотизма, в чем проявляется его *консолидирующая функция*. В связи с этим обращение к проблеме менталитета отвечает актуальным запросам национальной и общечеловеческой безопасности.

Наконец, нельзя не отметить, что особую актуальность разработка проблемы менталитета приобретает в связи с динамикой мировых процессов.

Особенностью современной ситуации является усиливающаяся глобализация и стандартизация мировой культуры. Расширение средств коммуникации, массовая миграция населения порождают тенденцию взаимопроникновения культурных традиций в значительно большей степени, чем в предшествующие эпохи. Происходит сознательное разрушение национальных государств, не вписывающихся в планы проектировщиков нового мирового устройства.

Эта стратегия установления мирового порядка не нова. В конце XIX в. ее существо было вскрыто русским мыслителем Н. Я. Данилевским, решительно отстаивающим идею о существовании особой славянской культуры и ее ценности (Данилевский, 1895). На этом пути ему пришлось столкнуться с господствующим в то время в умах просвещенной элиты России убеждением, что существует только одна культура – европейская, а все иные являются лишь ступенями на пути движения к включению в эту всеобъемлющую мировую культуру. Ценой же достижения этой возделенной цели признавалась необходимость отказа от своих национальных корней, собственной истории, своей самобытности во имя приобщения к европейским ценностям, нормам и устоям жизни, выдаваемым за общечеловеческие.

Данилевский уверен, что невозможно привить цивилизацию извне и совершенно недопустимо отказываться от своей «народности». Идее существования одной (европейской) цивилизации и единой мировой истории он противопоставляет учение о различных культурно-исторических типах, имеющих своеобразную историю и закономерности развития, самоценных и несопоставимых друг с другом с точки зрения уровня их совершенства.

Сегодня на смену европоцентризму пришел американоцентризм, хотя существо глобализационного процесса не изменилось.

Этому необходимо противопоставить право каждого народа на обладание собственной национальной и культурной самобытностью и идентичностью при взаимодействии с другими народами и нациями. А главный путь обеспечения самостоятельного и самобытного развития любого народа – сохранение его лучших традиций, присущих ему культурных ценностей и мировоззренческих приоритетов, объединение народа вокруг созидательных целей, открывающих перспективы его развития.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что, во-первых, менталитет представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, которая открывается и проявляется в разных сферах социальной жизни – в социализации и культуризации, семейном и общественном воспитании, образовании и познании, деятельности и общении и т. д.; во-вторых, менталитет обеспечивает закрепление, сохранение и трансляцию специфичных для народа форм восприятия мира, реагирования на события и явления действительности, традиций и норм, ценностей и идеалов, что важно для социализации и адаптации личности в современных условиях изменяющегося общества.

История разработки и подходы к трактовке менталитета

Несмотря на очевидную научную и практическую значимость проблемы менталитета, востребованность и широту использования понятия «менталитет» в современной науке, все еще явно недостаточно отрефлексированы сущность и природа описываемой им реальности.

Признание «ментальной связанности» человека, которая не менее сильна, чем его социальная обусловленность, у большинства исследователей сочетается с констатацией сложности, неопределенности и многозначности феномена менталитета. Этим, по-видимому, обусловлены различные подходы к его трактовке.

Так, Э. Дюркгейм, который одним из первых обратился к исследованию данного феномена¹, рассматривает его как коллективное сознание, т. е. совокупность у индивидов, принадлежащих к одному обществу, общих представлений, верований, интересов, чувств, стремлений, ценностей. Коллективное сознание (или менталитет) определяется им как особый «психический тип общества», отличающийся собственным способом существования, развития, присущими ему свойствами. Являясь особой реальностью и существ-

1 Понятие «менталитет» было введено в научный оборот в 1867 г. американским философом Р. Эмерсоном.

вая объективно, менталитет влияет на индивидуальное сознание. И чем больше он, как «голос общественной совести», регламентирует социальную жизнь, тем выше уровень общественной солидарности, сильнее связь индивида с группой и макросоциумом. Дюркгейм утверждает примат социального над индивидуальным (коллективного сознания над индивидуальным, коллективных представлений над индивидуальными), его «принудительное воздействие» на сознание и поведение индивидов.

Французский философ и психолог-позитивист Л. Леви-Брюль в своих исследованиях по изучению познавательной деятельности представителей разных культур опирается на введенное Дюркгеймом понятие «коллективные представления» как совокупность навязываемых социумом индивиду верований и чувств. Однако в отличие от Дюркгейма, акцентирующего внимание на универсальных характеристиках обществ и дифференцирующего их по уровню «солидарности» («механическая» солидарность, базирующаяся на кровном родстве в первобытном обществе, и «органическая» солидарность, основанная на общественном разделении труда в развитых общественно-социальных системах), Леви-Брюль ставит задачу раскрытия особенностей менталитета людей цивилизованных и «примитивных» культур, проявляющихся, прежде всего, в специфике их познавательной деятельности. Согласно его мнению, в «низших обществах» доминируют коллективные представления, определяющие своеобразный характер и тип мышления его членов: глубоко эмоциональное отношение к познаваемым явлениям; нечувствительность к логическим противоречиям; закрытость, непроницаемость для объективного опыта. Это приводит ученого к выводу о наличии на ранних стадиях развития общества особого типа ментальности – пралогической ментальности.

Большой вклад в теоретико-эмпирическую разработку проблемы менталитета внесли создатели школы «Анналов» Марк Блок и Люсьен Февр, разработавшие новое направление исторического исследования, в котором осуществлен переход от событийной истории, «истории-повествования», к «истории-проблеме». Новая стратегия исторического исследования в школе «Анналов» заключается во всестороннем и целостном изучении всех сторон жизни общества – хозяйственно-экономических, политических, социальных, культурных. При этом особое внимание уделяется раскрытию психологической составляющей исторического процесса. Согласно М. Блоку, основной предмет исторического исследования – «человек во времени» (Блок, 1986). Тем самым заложены основы психологизирующей истории.

В работах представителей школы «Анналов» ставится задача изучения ментальных характеристик народов различных культур и исторических периодов, воссоздания «истории чувств и образа мышления эпохи». В качестве основной структурной единицы анализа менталитета выделяются мировоззрение и массовые представления людей определенного исторического периода. Именно история ментальностей, по мнению ученых, составляет подлинную суть истории, основу синтеза всех исторических данных. Не умаляя роли экономического, политического, социального процессов, они вместе с тем считают необходимым их рассмотрение через призму отношения людей к общественным явлениям. Таким образом, социальные явления обретают психологическую интерпретацию, рассматриваются в их обусловленности «коллективным образом чувств».

Заслугой историков данного направления является также выход за рамки традиционного рассмотрения менталитета как исключительно характеристики высших слоев общества (государственных деятелей, известных личностей, героев) к его изучению как массовидного социально-психологического феномена, в котором объективируются и отражаются устойчивые, глубинные свойства широких народных масс.

Трудность исследования коллективной ментальной инстанции породила стремление выделить для ее описания какой-то один, центральный компонент. Так, в работах Л. Февра (1990) и его сторонников – Ж. Дюби, Ф. Ариеса, Ж. Делюмо – ментальность, понимаемая как «коллективная внутренняя инстанция», сводится к сфере эмоций, а рациональные идеи оцениваются как нечто вторичное, относящееся к области индивидуальных проявлений. Из исходной коллективной эмоциональной общности и на ее основе, по утверждению этих авторов, на определенном этапе истории рождается индивидуальная рациональная мысль.

Американские ученые, исследующие историю становления правовых отношений, наоборот, полагают, что в основе формирования ментальных эмоциональных явлений лежат идеи, которые, закрепляясь в общественной практике, приводят к возникновению веры.

А. Буро (Boureau, 1988) предлагает ограничить изучение ментальности исследованием коллективных представлений, зафиксированных в языке. Предметом анализа, как полагает автор, должны выступать высказывания, лежащие в основе многих дискурсов на том или ином этапе истории и обеспечивающие согласие в понимании определенных явлений и рациональное единство эпохи.

Особый акцент в трактовке менталитета делается на наличии в нем бессознательного компонента, выступающего в качестве не-

коего «вживленного образца», обуславливающего предрасположенность его субъектов к определенным типам реакций (Фр. Граус). Согласно Г. Телленбаху, менталитет как относительно постоянная «всеобщая установка или коллективный образ мысли» проявляется не в критических оценках и сознательных аргументированных рассуждениях, а в тех идеях и мыслях, которые в данном обществе представляются как априорные, само собой разумеющиеся, не требующие подтверждения и доказательства. По утверждению немецкого историка У. Раульфа, менталитет – некая предрасположенность, внутренняя, неосознаваемая готовность человека действовать определенным образом, «область возможного для него».

Проблема «психологического склада», или менталитета, русского народа получила глубокое освещение в отечественном философско-психологическом и этнографическом знании XIX–XX столетий. Осмыслению особенностей русского национального характера, метафизических основ «народного духа» посвящены работы К. С. Аксакова, Н. А. Бердяева, И. Н. Болтина, В. И. Даля, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, И. А. Ильина, К. Д. Кавелина, Н. М. Карамзина, Л. П. Карсавина, И. В. Киреевского, Н. И. Надеждина, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского, М. П. Погодина, Ю. Ф. Самарина, И. П. Сахарова, А. И. Сикорского, И. М. Снигирева, Вл. Соловьева, С. М. Соловьева, А. В. Терещенко, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, А. С. Хомякова, Б. Н. Чечерина, Г. Г. Шпета, В. Ф. Эрн, П. Д. Юркевича и многих других отечественных авторов.

В этом ряду следует особо отметить вклад ученых Этнографического отделения Русского географического общества (К. Д. Кавелин, Н. И. Надеждин), а также созданного В. Н. Тенешевым Этнографического бюро в исследование образа жизни, бытовой культуры, духовных ценностей народа (прежде всего, крестьянства) России. В результате сбора конкретных данных был накоплен богатейший уникальный материал, касающийся «психологического склада» русского народа. Как отмечает Е. А. Будилова, известный английский ученый Г. Спенсер сожалел, что не знает русского языка и не может познакомиться с этими уникальными материалами (Будилова, 1983).

В советской психологии первым к исследованию проблемы менталитета в конце 1960-х годов обращается А. Я. Гуревич. И хотя на этом этапе само понятие «менталитет» Гуревичем не используется как неустоявшееся и еще не вошедшее в научный оборот, в его работах представлено достаточно полное описание той реальности, которая обозначается данным понятием. Начиная с 1980-х годов в работах Гуревича уже используется понятие «менталитет», кото-

рое определяется им как «духовный инструментарий», «умственное оснащение народа». Согласно Гуревичу, менталитет воплощает в себе «повседневный облик коллективного сознания», включает социально-психологические установки, способы восприятия, чувствования, мышления (Гуревич, 1972).

Наряду с осознаваемыми, в нем представлены также неосознаваемые психические феномены: автоматически воспроизводимые действия, представления и формы поведения. «Неосознанность или неполная осознанность – один из важнейших признаков менталитета» (Гуревич, 1989, с. 115). Эти неотрефлексированные, но реально существовавшие пласты психики людей, живших и творивших в рассматриваемые периоды истории, анализируемые исследователями с позиции современной науки, позволяют полнее воссоздать ментальные характеристики народа. Как пишет автор, «в ментальности раскрывается то, о чем изучаемая эпоха вовсе и не собиралась, да и не была в состоянии сообщить, и эти ее невольные послания, не отшлифованные и не процензурированные в умах тех, кто их отправил, тем самым лишены намеренной тенденциозности – в них эпоха как бы помимо собственной воли „проговаривается“ о самой себе, о своих секретах. В этой особенности ментальности заключена огромная ее познавательная ценность. На этом уровне удастся расслышать то, о чем нельзя узнать на уровне сознательных высказываний. Круг знаний о человеке в истории, о его представлениях и чувствах, верованиях и страхах, о его поведении и жизненных ценностях резко расширяется, делается более многомерным и глубже выражающим специфику исторической реальности» (там же).

Проблеме менталитета посвящены работы многих современных отечественных (К. А. Абульханова, 1997; Т. И. Артемьева, 2015; М. И. Воловикова, 2003; А. А. Гостев, 1986, 1994, 2015; А. Я. Гуревич, 1989, 1991, 1993; И. Г. Дубов, 1993; Т. П. Емельянова, 2009, 2015; И. Е. Загороднова, 2008; Е. А. Климов, 2002; В. В. Колесов, 2006; В. А. Кольцова, 2015; Е. В. Мочалова, 2008; Д. В. Полежаев, 2007; В. Е. Семёнов, 2007, 2015; Е. Г. Синякина, 2010; А. Н. Славская, 1997; О. Г. Усенко, 1994; Е. В. Харитоновна, 2015; Е. Н. Холондович, 2015; А. В. Юревич, 2015; и др.) и зарубежных (Фр. Граус, Г. Телленбах, У. Раульф, А. Буро и др.) ученых.

В определении менталитета отмечается наличие в нем сознательного и бессознательного компонентов, его обусловленность природными и социально-культурными факторами, объективированность в виде представлений его субъектов о разных явлениях действительности, их оценки и отношения к ним. Так, согласно

Е. А. Климову, «ментальность характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания; в этом смысле она представляет собой специфический тип мышления... Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, ментальность – то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности свое культурное обнаружение» (Климов, 2002, с. 399).

Представляется интересной трактовка менталитета И. К. Панариным как закрепления в культуре народа судьбы страны, единства «характера исторических задач и способов их решения», результата накопления исторического опыта народа, его памяти о прошлом, определяющей его мировосприятие и поведение (Панарин, 2002).

В целом в науке сложилось понимание менталитета как психического склада народа, совокупности характерных для него психологических свойств, архетипов коллективного бессознательного, представлений о мире, склонностей и интересов, ценностей и идеалов.

Структура менталитета

В менталитете в нерасчлененном единстве сосуществуют осознаваемое и бессознательное, современное и архаичное, рациональное и чувственно-эмоциональное, укорененное и сиюминутное, стабильное и изменчивое, традиционное и инновационное. К его определению полностью подходит данная С. Л. Франком характеристика души как особой нерасчлененной и неструктурированной целостности – ее «сплошности», «слитности», «бесформенности единства». Использование этого определения не случайно, ибо менталитет – это и есть душа народа, то, что определяет его существование как специфической целостности.

Но, может быть, именно эта неопределенность, расплывчатость, сложность четкого структурирования данного феномена является подтверждением его необыкновенной емкости и многогранности (Ж. Ле Гофф).

Большинство авторов (И. В. Загороднова, Я. В. Зубкова, В. И. Карасик, Ю. Д. Коробков, Л. В. Лесная, А. А. Соколова, А. В. Сухарев, Н. М. Чернышева, Н. С. Южалина, А. В. Юревич и др.) при определении структуры менталитета, руководствуясь логикой его понимания как психологических особенностей народа, выделяют тот или иной (узкий или широкий) перечень психологических характеристик. Иногда этот список охватывает практически все психические явле-

ния, начиная от всего спектра познавательных процессов и до различных личностных и социально-психологических характеристик. Делаются также попытки определенным образом структурировать указанные признаки менталитета (К. А. Абульханова, В. В. Колесов, А. В. Юревич и др.).

Такой путь анализа позволяет описать некую абстрактную универсальную модель менталитета – менталитета вообще. Но возникает вопрос, как, руководствуясь этой моделью, раскрыть специфику менталитета данного, конкретного народа (социальной общности). Признание того, что в менталитете любого народа представлены и рациональные, и эмоционально-чувственные, и поведенческие компоненты не продвигает к решению вопроса о том, чем отличается менталитет одного народа от другого. Может быть, степенью выраженности указанных компонентов?

Очевидно, что нет некоего единого менталитета, общего для всех народов, а значит, и универсальной его структуры. Данный феномен носит сугубо *конкретно-исторический* характер, является принадлежностью данного, конкретного народа на данной, конкретной стадии его развития и требует аналогичного подхода к его изучению. Более того, если раньше ставился вопрос о едином для всего общества менталитете, то в настоящее время обоснованно утверждают о существовании *полиментальности* (В. Е. Семёнов) – об особой ментальности разных социальных общностей: классов, этносов, профессиональных сообществ, возрастных и половых страт, жителей столицы и провинции, города и сельской местности и т. д. И каждая из них, по-видимому, имеет свой особый состав компонентов, объединенных в своеобразную структуру.

В этом плане можно было бы сослаться на Д. Н. Овсяннико-Куликовского, (1922), который для описания психологических особенностей народа использовал два основных, по его мнению, компонента – мышление и волю. Причем, по сути, главным отличительным признаком менталитета народа он считал волю, которую разделял на «действующую» и «задерживающую». С этой точки зрения исследуемые автором народы дифференцировались на активные и пассивные, разделяющиеся, в свою очередь, на ряд подтипов, отличающихся наличием добавочных компонентов психики. Так, к пассивному типу национального характера Овсяннико-Куликовский относил русских и немцев, видя их отличие в том, что у немцев воля тверда и дисциплинирована, а для русских характерна «волевая лень». Активный тип национального характера представлен, согласно автору, англичанами и французами, хотя последних отличает излишняя импульсивность.

Выводы Д. Н. Овсяннико-Куликовского недостаточно обоснованы и аргументированы, являются результатами умозаключений, не опирающихся на конкретные исследования. Вызывает сомнение правомерность ограничения только двумя, а по сути, одним (воля) компонентом, выступающим основанием дифференциации менталитетов народов, исключение из перечня значимых характеристик психологии народа чувственной сферы, его духовно-нравственной составляющей. Вместе с тем безусловный интерес представляет используемый автором подход, его попытка выделения системообразующего качества, позволяющего дать целостную характеристику национального характера.

Таким образом, представляется правомерным в качестве основного способа исследования российского менталитета использовать *системный анализ*, включающий выделение не только совокупности компонентов, но и особенностей их взаимосвязи (наличие ядерного и периферийного слоя), а также системообразующего основания, объединяющего их в целостную систему (Б. Ф. Ломов, 1984), собственно и определяющую специфику менталитета конкретного народа. Особенность менталитета того или иного народа выявляется через раскрытие *системы* его психологических составляющих, образующих структурно организованное целое, в котором его ядерные (центральные, устойчивые, инвариантные) компоненты объединяют вокруг себя более динамичные, периферийные.

Можно предположить, что в качестве системообразующего стержня менталитета русского народа выступают духовные качества – особенности высших ценностей, составляющих основу его мировоззрения, мировосприятия и системы отношений к разным сторонам действительности. Основой формирования такой системы русского менталитета стало мощное многовековое влияние православной церкви с ее высокими духовно-нравственными требованиями к человеку. Это подтверждается приоритетными позициями в системе ценностей русского народа добра, миролюбия, милосердия, справедливости, соборности, патриотизма, терпения, взаимопомощи.

Как пишет К. А. Абульханова, «самую главную черту российской психологии всегда составляла вера, в принципе свойственная любому народу, но у всех, как правило, проявляющаяся в различной форме. Однако в российском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал. Русский идеализм сочетал в себе определенную умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни» (Абульханова, 1997, с. 7–8).

Способы исследования менталитета

В работах Г. Г. Шпета в качестве основной единицы анализа менталитета народа выступает типичное для него отношение к разным сторонам социальной действительности.

В современной психологии широкое распространение получила идея С. Московичи о социальных представлениях как репрезентанте менталитета народа. В этом русле выполнено много исследований, в том числе, в российской психологии.

Оригинальные исследования российского менталитета на основе данного методологического подхода проведены в Институте психологии РАН (К. А. Абульханова, 1997; М. И. Воловикова, 2003; И. А. Джидарьян, 2001; Н. Л. Александрова, 1997, 2015; и др.). Так, в работе А. Н. Славской (1997) анализируются отношение россиян к власти, их представления об имеющихся у них социальных правах и их реализации. Исследования И. А. Джидарьян (2001) посвящены выявлению представлений русских людей о счастье. Предметом изучения также выступают представления русских людей о нравственном идеале (М. И. Воловикова, 2003), о порядочном человеке (М. И. Воловикова, Л. Л. Гренкова, 1997), об умном человеке (Н. Л. Смирнова, 1997), о лжи и правде (В. В. Знаков, 1997).

И хотя при таком подходе за скобками остаются многие психологические составляющие менталитета народа, следует признать, что данная стратегия исследования менталитета открывает возможность посредством использования научного инструментария выявить его важные стороны. По сути, на сегодняшний день это наиболее надежный и доступный способ психологического исследования менталитета народа.

Альтернативой указанному подходу выступает целостное описание и реконструкция в опоре на исторические источники разных сторон жизни народа с их национальными чертами, в которых воплощается и проявляется его менталитет: народного быта, религии и мифологии, правовых норм, традиций и обычаев, семейных отношений, видов занятий, песенной и игровой культуры и т. д. Истоки указанного подхода восходят к работам В. Вундта, в которых обосновывается возможность воссоздания психологии народа – особенностей его мышления, воли, воображения – на основе анализа продуктов коллективного творчества: языка, мифологии, религии, правовых норм.

Это направление исследования менталитета получило развитие в отечественной философско-психологической и этнографической мысли дореволюционного периода, прежде всего, в разработке

и широкомасштабной реализации программ исследования русского народа в Этнографическом отделении Русского географического общества (К. Д. Кавелин, Н. И. Надеждин), в многочисленных работах, посвященных изучению народной бытовой материальной и духовной культуры. Большое внимание в этих исследованиях уделялось описанию психологических характеристик русского народа, которые были встроены в образ жизни и традиции народа.

В настоящее время этот способ изучения менталитета, вероятно, в силу его трудоемкости, сложности в доказательности полученных на его основе данных, его описательного характера, недостаточно представлен в психологических исследованиях, хотя он открывает возможности для выявления его важных психологических аспектов. Так, в исследованиях М. И. Воловиковой и ее учеников рассмотрены культурные традиции народа, прежде всего праздничная культура (М. И. Воловикова, 2003; М. И. Воловикова, С. В. Тихомирова, А. М. Борисова, 2003).

Факторы формирования менталитета

Становление менталитета – длительный и противоречивый процесс. Россия – это цивилизационно неоднородное образование, сложившееся из многочисленных этносов. Это особый сформировавшийся вид мирного сосуществования народов, относящийся к разным типам культур и развития, объединенный мощным централизованным государством и общим культурным пространством, особенностями исторической судьбы и создавший в результате совместного бытия и взаимодействия проживающих на территории России этногрупп особое культурно-психологическое образование – единый российский менталитет.

Для понимания сущности российского менталитета важно раскрыть факторы его формирования, так как именно ими определяются те его сущностные характеристики, которые в относительно устойчивом или преобразованном виде сохраняются в психологии народа на современном этапе его развития.

Среди них важную роль все исследователи российского менталитета отводят *природным условиям* (географическим, климатическим). С одной стороны, это внешние по отношению к нему факторы (экстраментальные), с другой – это та органическая для него среда, контекстуальность, которая, будучи освоена сознанием и поведением людей, оказывается интериоризированной, т. е. становится его внутренней структурной составляющей, отличительной для него семантикой. В этом отношении национальная картина природы,

отображенная в языке, мифологии, фольклоре, обыденном мирозерцании и исконной религиозности народа, а позднее в формах специализированной культуры – в философии, искусстве, словесности, а также в образе жизни и культуре повседневности, становится частью культуры, ярким выразителем менталитета народа.

На формирование психологии русского народа, по мнению М. Н. Погодина, большое влияние оказали, прежде всего, равнинный характер западноевропейской части России и огромная территория расселения славянских племен. Легкость перемещения по такой территории породила специфическое явление – «бродяжничество» русских людей, когда князья переходили с одного места на другое, за ними следовали бояре, за которыми – воины, горожане и жители сел. Отсутствие укорененности на одном месте проживания и рассеянность племенных групп на огромном пространстве обусловили, согласно Погодину, недостаточную сплоченность русского народа и слабость его социальной организации. Этим объясняется и объективная потребность в сильном государстве, которое в этих условиях оказалось единственной силой, способной объединить и организовать этот аморфный конгломерат людей (Погодин, 1874).

Ведущую роль природных условий в формировании русского национального характера отмечает и С. М. Соловьев (1851). Для подтверждения он проводит сравнительный анализ становления русского и европейских народов.

Западные страны не столь велики по территории, как Россия, к тому же там земли разделяются на обособленные, замкнутые части естественными границами – высокими горами. Любому племени, желающему переместиться на другое место жительства, чрезвычайно трудно преодолеть эту преграду, что, впрочем, и не имеет смысла, так как по другую сторону горной гряды все удобные для проживания земли уже заняты другими группами людей. Ограниченность пространства проживания и трудность перемещения побуждали людей оседать и укореняться на определенной территории. Этому способствовал также используемый в Европе для строительства жилищ материал, в качестве которого, в силу недостаточности лесных массивов, применялся камень. Жилища, построенные из него, прочны, не подвержены огню и служат многим поколениям. Бросить такой дом было невозможно. Все это приводило к достаточно быстрому объединению людей в народности.

Европейская же часть России представляет собой огромную равнину без каких-либо естественных границ, что облегчало перемещение по ней. Обилие лесов предоставляло русским легкий в обработке материал – дерево, из которого строились избы. Они непрочны,

часто сгорали, и это не «привязывало» людей к месту проживания. Потеряв сгоревшее жилище, они переходили на другое место. Происходило постоянное перемещение, «кочевание» русских племен. Это, в свою очередь, затрудняло их объединение в единый народ. Таким образом, природное богатство и относительная легкость существования обернулись против русского народа. Именно этим С. М. Соловьев объясняет то «жидкое состояние», в котором долго пребывал русский народ, его отставание в цивилизационном развитии от европейских стран. Он пишет по этому поводу, что природа для народов Западной Европы являлась матерью, а для русского народа – мачехой. Вместе с тем Соловьев отмечает, что действие географических условий не безгранично; пройдя определенный путь исторического развития, народ перестает зависеть от природы и подчиняет ее себе.

Согласно В. О. Ключевскому, жизнь русского народа проходила в тяжелой борьбе с природой («с лесами и болотами своей страны»). Короткое теплое время, недостаток плодородных земель, летние засухи и суровые зимние морозы, незначительность береговой линии морей – все это создавало огромные трудности для народа и требовало для их преодоления огромной затраты сил. Вместе с тем именно жизненные трудности сформировали такие черты русского национального характера, как осмотрительность, неприязнительность, способность стойко переносить лишения, выносливость, удивительная наблюдательность и работоспособность (Ключевский, 1993).

А. В. Терещенко отмечает, что особенности природно-климатических условий оказывали серьезное влияние на бытовую жизнь русского народа: его жилища, питание, национальную одежду, хозяйственную деятельность, обрядовую культуру. Как пишет Терещенко, «климат, резко выказывающийся во всем существующем в природе, отпечатлевается равномерно в умственных и физических свойствах человека: в его способностях и деятельности, росте и силе». С этой точки зрения, говоря о русских людях, он отмечает, что они, «испытывая все ужасы холода, находились во всегдашнем движении, посему деятельность, бодрость и мужество суть отличительные их качества. Крепкие и неутомимые, хладнокровные и расчетливые, любознательные и легко все перенимающие, они твердо идут вперед и достигают своей цели» (Терещенко, 1997, с. 14).

Как пишет Н. А. Бердяев, «необъятные пространства тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработачивает ее. <...> Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть эти-

ми пространствами и организовать их. <...> И в собственной душе чувствует он необъятность, с которой трудно ему справиться. Широко русский человек, широк, как русская земля, как русские поля» (Бердяев, 1997, с. 66).

К. Д. Кавелин видит одну из причин своеобразия психологии русского народа в истории его перманентных переселений на новые территории, их колонизации и освоения, сопровождающихся смешением с проживающими там другими племенами. Как он пишет, «в вековых трудах расселения образовалась та подвижность, то умение найтись в трудных обстоятельствах, тот практический такт в сношениях с инородцами, которыми так отличается великороссиянин перед своими соплеменниками. Преобладанием в новом отечестве над всеми другими, прежде всего, финскими, племенами объясняется то чувство превосходства над инородцами, которое великорусы глубоко носят в своей душе, хотя и не всегда высказывают» (Кавелин, 1989б, с. 198).

Но результат процесса расселения имел и другую сторону. Суровые условия жизни на новых осваиваемых территориях, «негостеприимный климат», а главное, отсутствие позитивного культурного влияния со стороны местного населения принуждали русский народ долго «оставаться при грубых умственных и социальных зачатках первобытного человека. Трудная упорная борьба с природой-мачехой, поглощавшая все силы, не оставляла ему досуга для высших помыслов, развила, рядом с суеверным фатализмом, признаком гнетущей внешней обстановки, какой-то грубый реализм и надолго помешала образоваться в нем той идеальной сдержке, которая дает человеку точку опоры против окружающего, против изменчивости обстоятельств и случайностей, как бы влагает в него центр тяжести, поддерживающий равновесие посреди бурь житейского моря и в то же время служащий складалищем опытности и воспоминаний, накопленного жизнью умственного запаса» (там же).

Всеми исследователями менталитета русского народа признается роль *духовно-религиозного фактора* в его формировании.

Так, И. А. Киреевский основой («внутренним ядром») русского менталитета считает духовную сферу, в связи с чем огромную роль в развитии русского народа отводит религии как главному источнику его духовного опыта, фактору, формирующему его духовный мир, определяющему тип мышления, образованности и строй общественной жизни в целом. В единстве убеждений, верования – причина консолидации русского народа, осознания им себя как одного живого целого. Из православного мировосприятия вытекали и определялись им не только духовные, но и нравственные, обще-

житейские, юридические представления и понятия русского народа. Христианские начала лежат и прочно сохраняются также в бытовой жизни народа, в общественном устройстве России.

Согласно Киреевскому, мировоззрение славян формировалось под влиянием «художественно-созерцательной» культуры Греции, восточного мистицизма, а также пришедшего из Византии православия. Европейские народы – восприимчивы католической ветви христианства и рассудочной римской культуры с ее культом насилия, завоевания, полного обесценивания человеческой личности. Говоря об особенностях западной ветви христианства – католицизме, он подчеркивает присущее ему доминирование рационализма и «внешней разумности» над «внутренним духовным разумом». В православии отсутствовали как борьба веры против разума, так и торжество разума над верою. Оно сумело сохранить чистоту христианского вероучения (Киреевский, 1852).

А. В. Терещенко подчеркивает, что именно православие сделало людей, живущих на огромных просторах страны, говорящих на разных языках, имеющих различную бытовую культуру, единым народом. Во все времена русские люди являли пример глубокой и искренней веры, берегли и охраняли свои святыни от любых посягательств извне: «Русский предпочтет лучше умереть, нежели захочет видеть православие униженным; но допустить ругаться над его храмами и алтарями – это невозможно! <...> Кто нападает на его веру, тот нападает на его отечество, потому прежде надобно истребить веру, чтобы... уничтожить народ, даже завладеть им!» (Терещенко, 1997, с. 48).

Вспомним, что именно так поступили большевики, последовательно осуществляя разрушение религии. Народ, лишившийся своего духовного ядра, стал покорной управляемой массой. Идеи ученого о народообразующей роли православия актуальны и сегодня, ибо в них намечен путь духовного возрождения современной России.

Важным фактором, оказавшим влияние на формирование русского национального характера, согласно Терещенко, является *историческая судьба народа России*, вместившая в себя ряд кардинальных поворотов в его развитии, длительное пребывание под татаро-монгольским игом, отражение многочисленных чужеземных вторжений.

По мнению К. Д. Кавелина, ведущим фактором формирования русского национального характера является *особое общественное устройство России*. Проводя сравнение русской и европейской бытовой и общественной жизни, Кавелин отмечает, что в Европе центром общественной жизни является город, а ее типичным представителем – горожанин, буржуа. Великоросс – прежде всего селянин;

Россия – «мужицкое царство». Основой общественного устройства России изначально выступал дом, двор. Из него как из базовой ячейки произошли и получили дальнейшее развитие все формы организации государственной и общественной жизни. Кавелин пишет: «Домовладыка, окруженный семьей и домочадцами, распоряжающийся своим хозяйством, устанавливающий порядок среди своей семьи и своих слуг, и рабочих-домочадцев, явился прототипом той высшей общественной, а затем и государственной власти, которые выработались в великорусском племени... Великорусский царь – домовладыка; подчиненность ему различных „разрядов“ русского народа (служилые люди, торговые, тяглые) и организация его управления („наказы“, „приказы“, „пути“) суть ничто иное, как дальнейшее разрастание распорядков, сложившихся во дворе, в доме великоросса» (Кавелин, 1898, с. 14).

В полной зависимости всех членов семьи от воли домовладыки Кавелин видит источник возникновения крепостного права и русской общины, затворничества женщин, доминирования у великороссов личных, семейных интересов над общественными. Он пишет, что «крепостное право было... основанием всей нашей общенности, а это начало прямо вытекало из первообраза перворусского быта – двора, или дома». Оно возникло «из домашней власти и развивалось по ее образцу» (Кавелин, 1989б, с. 215). Этим определялись также нравы и представления русских людей. «Чадам и домочадцам, состоящим под властью господина, по тогдашней терминологии „государя“, казалось очень естественным состоять под его „наказанием“ (т. е. и наставлением, и исправительным взысканием). Эпитет „грозный“ выражал хвалу, по крайней мере, одобрение, а никак не порицание. Не наставлять, не руководить подвластных, не взыскивать с них, когда они того заслуживали, считалось, в глазах самих подвластных, предосудительным признаком равнодушия, невнимания. <...> Подчиненный власти считал себя в древней Великороссии не рабом, не предметом промышленной эксплуатации, а несовершеннолетним, неразумным, малосведущим, темным человеком, которого надо учить, наставлять, вразумлять и направлять. Оттого и наказание считалось мерою исправления, а не делом каприза, своеволия или жестокости» (там же). По этой же причине жена переживала из-за того, что муж ее не бьет, а простолюдин благодарил наказавшего его за то, что тот научил его «уму-разуму». Это, по мнению Кавелина, подтверждает, что «древняя великорусская общественность, построенная снизу доверху на начале двора, или дома, и проникнутая вытекающим из него крепостным правом, была в народных нравах и убеждениях, поддерживалась не насилем, а со-

знанием» (там же). Он подчеркивает, что этот строй жизни прочно укоренен и сохраняется в народной жизни, проявляясь во взглядах, привычках, преданиях, пословицах и поговорках.

Сложность и противоречивость русской культуры и менталитета русского народа обусловлены *особым геополитическим положением России*, находящейся между Востоком и Западом и открытой для проникновения в ее жизнь элементов развивающихся там цивилизаций. Этим, по мнению Н. А. Бердяева, объясняется сложность и антиномичность русской души. Он пишет, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» (Бердяев, 2000).

Наконец, большая роль в историогенезе русского менталитета отводится *русскому языку*, который, по словам Терещенко, представляет собой «таинственный узел народности», скрепляющий людей между собой. Согласно К. С. Аксакову, прежде всего благодаря языку обеспечивается единство народа. Слово оценивается им как орудие духовной деятельности, то, что определяет сознание и самого человек.

Традиционное и инновационное в российском менталитете

Менталитет занимает серьезное место в социокультурном развитии общества, объединяя его, осуществляя «связь времен», благодаря чему социальная общность способна себя идентифицировать. Он включает в себя нравственные, этические и правовые представления и нормы, которые, передаваясь из поколения в поколение, закрепляются и становятся устойчивыми психологическими образованиями.

Менталитет выступает как составная часть культуры народа. Если культура – это все продукты человеческой деятельности, как материальной, так и духовной, то менталитет представляет собой ее субъективный аспект, включающий ценностное отношение ко всему созданному и существующему. Так, по-разному воспринимаются и оцениваются людьми разных культур, классов, сословий, исторических эпох богатство и бедность, успех и пути его достижения, социальные права и обязанности личности и т. д. Как отмечает Ж. Дюби, поведение и действия людей обусловлены не столько непосредственно действительностью, сколько сложившимися у них ее образами.

Культура, несмотря на возможные временные инволюционные тенденции, представляет собой непрерывно развивающуюся, пополняющуюся, обогащающуюся систему, и вместе с ней развивается, совершенствуется, обогащает и расширяет свой опыт познания и преобразования мира ее творец – человек.

Развиваясь и преобразуясь, культура сохраняет свое инвариантное ядро, что обеспечивает ее существование как данной качественной определенности. Утрата этого ядра, по мнению Н. Я. Данилевского, означает исчезновение («смерть») культуры (Данилевский, 1895).

Та же закономерность обнаруживается и при рассмотрении менталитета.

Базовые черты, характеризующие менталитет того или иного народа, отличаются стабильностью, сохраняются на протяжении многих столетий. Даже претерпевая некоторые изменения под влиянием глобальных преобразований в социальной организации общества и образе жизни народа, присущие ему ментальные свойства остаются в своей основе постоянными, что обеспечивает его самоидентификацию на всех этапах исторического развития. Так, обращаясь к древней Руси времени ее Крещения, к периодам великих бедствий русского народа, страдающего под монголо-татарским игом, или его триумфальной победе над Наполеоном, к истории советского государства и современной России, можно обнаружить много сходных черт в психологии людей этих периодов, так как везде развивается и действует *один* народ, создатель и носитель *одной* культуры и ментальности.

Однако менталитет не является неким абсолютно неизменным образованием. Он создается коллективным субъектом и определяется особенностями его жизнедеятельности, в процессе изменений которой возникают и накапливаются новые ментальные характеристики. Это касается, прежде всего, периферийных характеристик менталитета, ибо его ядерные свойства обладают большей устойчивостью и консервативностью. Трудно представить возможность преобразования архитипического начала в менталитете, так же как и его базовых черт.

Согласно Н. Я. Данилевскому, ядром любого культурно-исторического типа народа выступает духовное основание – верования, ценности, идеалы. Оно поддерживается силой традиции, сложившимися ритуалами, укоренившимися обычаями. Сохранение этого ядра означает сохранение культуры и менталитета народа. С его разрешением возникает новая культура и новый менталитет как ее глубинное основание.

Языческая культура с ее поклонением идолам, анимистическими представлениями, идеей тотальной зависимости человека от природных явлений и соответствующими ритуалами исчезла после Крещения Руси. Возникла новая культура – христианская, основанная на идее теоцентризма, отчасти ассимилировавшая языческие представления, но качественно преобразовав их. Высший слой язычества – демоны – был разрушен, а периферийные слои (домовые, русалки, суеверия, обряды и т. д.) перемещены из духовного ядра менталитета народа в область фольклора и обыденной жизни. В связи с этим можно сделать вывод об огромной роли религиозных воззрений и высших ценностей как духовного основания существования и сохранения менталитета народа.

XX в. с его мировыми войнами, кровавыми революциями, коренными поворотами в исторической судьбе русского народа внес значительные коррективы в его культуру и менталитет и предопределил новые тенденции в социокультурных процессах, протекающих на громадном этнокультурном пространстве России. Безусловно, огромное влияние на судьбу русского народа и его менталитет оказала революция 1917 г., заложившая начало кардинального преобразования традиционных устоев жизни, насильственной «переделки» веками существовавших норм, ценностей и идеалов русских людей. Ставилась задача создания нового типа личности – советского человека. Для ее решения использовался мощный арсенал идеологического воздействия и репрессивная сила государственной машины. Удар наносился, прежде всего, по самой сердцевине русской культуры и духовности – религии, которая целенаправленно разрушалась, объявлялась «опиумом для народа». Отвергнутая религия замещалась новой – религией классово-пролетарской революции, коммунизма. Как пишет Н. А. Бердяев, коммунизм «сам хочет быть религией, идущей на смену христианств, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. <...> Коммунизм есть исповедание определенной веры, веры, противоположной христианской. <...> Коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской, евангельской морали, морали любви, жалости, сострадания» (Бердяев, 1981, с. 120, 135).

Коммунистическая мораль декларировала новые нормы отношений и предъявляла суровые требования к человеку. Социально одобряемыми становились, прежде всего, такие качества, как преданность делу революции, бдительность и жесткая, непримиримая борьба с ее врагами, твердость духа, сплоченность, героизм революционной борьбы. Христианским добродетелям в этом перечне места не отводилось.

Конечно, никакие запреты и репрессивные меры не могли истребить в душе человека веру. Она сохранялась в глубинах русской души, хотя при этом тщательно скрывалась от социального окружения. В результате в психологию человека на смену искренности и открытости приходят закрытость и «двойная мораль» – внешне демонстрируемые новые нравственные нормы и ценности и сокровенные внутренние традиционные нравственные убеждения; свобода и независимость в суждениях заменяется конформизмом; толерантность по отношению к иным культурам и народам преобразуется в отчуждение и неприятие любой инаковости.

Дальнейшая история развития советского общества продемонстрировала силу традиции, выступившей преградой на пути замышляемой тотальной перестройки психологии человека. Народ сумел сохранить присущие ему ценности, катакомбно развивая и передавая их от одного поколения другому. Ментальность народа и русская культура, сформировавшиеся в многовековой истории, выжили и победили в схватке с антисистемами, по словам Л. Н. Гумилева, влияниями. Без сомнения, этому в немалой степени способствовали трагические годы войны, сплотившие народ и на фоне некоторого ослабления идеологического давления актуализировавшие его лучшие традиции, глубинные, корневые пласты его души. Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что духу русского менталитета соответствовали утвердившиеся в советском обществе принципы коллективизма, патриотизма, жертвенности и страдания во имя высших целей, социальной справедливости, государственности, сотрудничества и взаимопомощи. Героическими усилиями народа в невероятно трудных условиях была воссоздана великая держава, многие достижения которой вызывали у людей законное чувство гордости. В нравственной сфере, несмотря на многочисленные идеологические препоны, вновь утверждаются традиционные для русского народа отношения взаимопомощи и поддержки. Более того, они декларируются как основополагающие нормы человеческого общежития на государственном уровне, кладутся в основу воспитательной работы. Подтверждением этого выступает, в частности, «Моральный кодекс строителя коммунизма», по сути, представляющий собой изложение в секуляризованной форме общечеловеческих норм и ценностей.

Обращаясь к современной действительности, следует констатировать, что сегодня вновь во имя пока еще неких иллюзорных целей разрушается то духовное наследие, которое досталось нам от предков и благодаря тяжелейшим жертвам было сохранено в XX столетии. В сознание нашего народа внедряются чуждые ему ценности индиви-

дуалистической морали, космополитизма, прагматизма, конкурентности; вновь правят бал жестокость, агрессия и насилие. Общество раскалывается на полярные классы богатых и бедных, утрачивается его социально-психологическое единство. Обосновывается приоритет личных интересов над общественными. Критерием достоинства человека провозглашаются его предприимчивость и способность к обогащению. Свобода рынка как высшая либеральная ценность противопоставляется якобы деструктивной идее государственного регулирования социально-экономических процессов в стране.

В 1990-е годы народу активно навязывалась мысль о том, что патриотизм является религиозно-политическим атавизмом великодержавных амбиций царской России и советского тоталитаризма. Само понятие патриотизма в таком осмыслении становилось в своем существе резко отрицательным. С экранов телевизора звучала вырванная из контекста фраза о том, что «патриотизм – последнее прибежище негодяев». В качестве альтернативы патриоту в СМИ воссоздавался образ космополита, разделяющего идеологию плюрализма и политического глобализма. Тем самым делалась попытка подорвать корневые свойства нашего менталитета, всегда включавшего патриотизм и государственность как базовые социальные и личностные ценности.

Сознательный отказ от идеологии автоматически привел к упразднению воспитания как фактора формирования личности. При этом акцент на всех уровнях образовательной системы делается на подготовку «способных менеджеров», умеющих манипулировать информацией в интересах достижения своих целей. Школа уже не учит детей мыслить, рассуждать, аргументировать, видя свою главную задачу в «натаскивании» учащихся в целях успешной сдачи ЕГЭ. Деидеологизация общества и умаление роли гуманитарных наук открыли простор для тотального искажения истории России, которая рисуется в самых темных красках. Русский народ предстает в ней как агрессивный, бездеятельный, ленивый, консервативный, неспособный воспринимать ценности цивилизованного мира.

К счастью, в последние годы ситуация начинает меняться. Появилась государственная программа патриотического воспитания граждан РФ. В выступлениях президента страны В. В. Путина остро ставятся вопросы о важности нравственного воспитания личности, необходимости сохранения традиционных для нашего народа ценностей. Проводится работа по созданию единого учебника по истории России, призванного адекватно освещать основные события прошлого. Все это вселяет некоторую надежду на грядущее духовно-нравственное возрождение российского общества.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1981.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 9–250.
- Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 1997.
- Бердяев Н. А. Русская идея. Самопознание. М., 2000.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.
- Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
- Гачев Г. Д. Ментальность как национальный космопсихологос // Душков Б. А. Психосоциология менталитета нооменталитета. Приложение. М., 2002.
- Гачев Г. Д. Ментальность народов мира. М., 2003.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей: Человек в истории. М., 1989.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1895.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя: 1873 год // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 15 т. Л., 1994. Т. 12.
- Ильин И. А. О русской идее. URL: www.pravoslavie.ru/367.html (дата обращения: 15.09.2015).
- История ментальностей: Историческая антропология. М., 1996.
- Кавелин К. Д. Взгляд на русскую сельскую общину // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989а. С. 95–123.
- Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989б. С. 171–255.
- Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к графу Е. Е. Комаровскому) // Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 1–68.
- Климов Е. А. Профессиональный менталитет и одна психозеологическая гипотеза // Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета: Приложение. Екатеринбург, 2002.
- Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций. М., 1993.
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- Лихачёв Д. С. Заметки о русском. М., 1984.

- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Лосский Н. О. Характер русского народа. М., 2005.
- Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
- Панарин А. С. Процессы модернизации и менталитет // Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Приложение. Екатеринбург, 2002.
- Погодин М. Н. О влиянии внешней политики на внутреннюю // Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. М., 1874. С. 245–271.
- Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
- Российский менталитет: Психология личностей, сознание, социальные представления. М., 1996.
- Семёнов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.
- Семёнов В. Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 403–429.
- Сикорский И. А. Черты из психологии славян. Киев, 1899.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1851. Т. 1.
- Тереженко А. В. Быт русского народа. В 4 т. М., 1997. Т. 1.
- Февр Л. Чувствительность и история. Как воссоздать эмоциональную жизнь прошлого // Февр Л. Бои за историю. М., 1990.
- Voigneau A. L'arapese Jeane. P., 1988.

Глава первая

ИСТОРИОГЕНЕЗ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

ЧАСТУШКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ И ПСИХОЛОГИИ ДЕРЕВЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Т. И. Артемьева (Москва)

Частушки как особая поэтическая форма народного фольклора

Важным источником воссоздания традиционного уклада жизни и психологии русского крестьянства дореволюционного периода являются продукты устного народного творчества – сказки, былины, народные песни, суеверия, приметы и т. д. Среди них особое место занимают частушки, представляющие собой одну из форм фольклора.

Частушки как специфический песенный жанр появились, как пишут современные исследователи русского фольклора (А. Кулагина и др.), более ста пятидесяти лет назад. Истоком их возникновения выступали хороводные деревенские и городские, игровые и плясовые песни, скоморошья и свадебные «смешилки». Одной из первых дошедших до нас работ, описывающих место и особенности частушки в песенной культуре и бытовой жизни русского селянина, является книга В. Александрова 1864 г. «Деревенское веселье в Вологодском уезде».

Считается, что термин «частушка» – не народного происхождения. Он был введен в литературу писателем Г. И. Успенским в его очерке «Новые народные стишки (Из деревенских заметок)» (1899) для характеристики песен, исполняемых деревенской молодежью на гулянье.

В частушке, как правило, в юмористической форме отражаются разные стороны повседневной жизни людей – общественные и семейные нравы, обычаи, быт, мораль, этика, эмоциональное отношение человека к действительности. «Вечно юная, вечно кипучая частушка есть бродящее вино народной жизни», – пишет выдающийся мыслитель, знаток искусства П. А. Флоренский (1909, с. 19).

Согласно А. Кулагиной, изучение этого вида народного творчества активизировалось в начале XX столетия (Кулагина, 2009). Так, в 1903 г. в Вятке было издано первое собрание частушек Д. К. Зеленина; в 1913 г. в Ярославле – «Сборник деревенских частушек» В. И. Симакова; в 1914 г. вышел «Сборник великорусских частушек» Е. Н. Елеонской. Частушки публиковались также П. А. Флоренским, В. В. Князевым, Д. А. Марковым и др.

Определяя особенности этого жанра народного творчества, специалисты по фольклору отмечают, что частушки нередко представляют собой своеобразные микропьесы со своим сюжетом, намеком на характеры и обстоятельства развития действия, со своей внутренней драматургией, богатым психологическим содержанием. Для них характерны злободневность и реалистичность тематики, напевно-речитативный тип мелодики, афористичность и импровизационный характер выражения содержания, выразительность и разнообразие языковых средств, включая и нелитературные формы.

Разнообразен эмоциональный тон частушек. В них воплощаются как буйное веселье и радость, так и глубокое, безысходное горе и тоска. П. А. Флоренский писал: «Эта двойственность частушки, это шутовское в глубоком и глубокое в шутовском придают частушке дразнящую и задорную прелесть, постоянно напоминающую гейневскую музу. Как и у Гейне, в глубине частушки нетрудно разглядеть слезы и боль разбитого сердца; однако, как у поэта, так и у народа эти слезы и эта боль показаны более легкими, нежели они суть на деле» (там же, с. 12–13).

Согласно В. Ф. Чижу, не подлежит сомнению искренность и непосредственность частушек: мысли в них не стеснены литературной формой, выражаются смело и свободно.

Происходящее в окружающей действительности, ставшее предметом освещения, приобретает в частушках оригинальную личностную интерпретацию. Актуальные общественные события получают в них «своеобразное конкретно-личностное преломление в частных судьбах». Соответственно, «новое в общественной жизни порождает новые коллизии личного свойства. Эти коллизии, как правило, и дают частушку» (Горелов, 1965, с. 11). Именно поэтому, по мне-

нию А. А. Горелова, частушка «была и остается „первоисточником народной души“» (там же).

Подчеркивается особая психологическая насыщенность частушки: «каждая ее строчка „полна выражений индивидуального чувства в связи с обстоятельствами личной жизни“» (Колпакова, 1966, с. 267). В частушке представлены настроения и мысли героев, отношение к событиям и людям, их оценки. А. Калугина отмечает, что ни один жанр народной поэзии не сумел так глубоко раскрыть внутренний мир человека, его мысли, чувства, переживания от подросткового возраста до брака, как частушка.

Разнообразен и широк тематический диапазон частушек: частушки общественно-политические, бытовые, любовные и т. д. В частушках отражаются разные стороны жизни людей, хотя преобладающей является любовно-бытовая тематика.

В. Ф. Чиж о частушке как источнике изучения бытовой жизни и менталитете деревенской молодежи

Психология деревенской молодежи представляет собой актуальную проблему в любой период истории страны. В дореволюционной психологии эта проблема получила оригинальную трактовку в работе Владимира Федоровича Чижа (1855–1922), известного русского психиатра и психолога, доктора медицины, писателя. Большую известность получили его работы, посвященные анализу личности выдающихся писателей: Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. С. Пушкина и др., а также политических и общественных деятелей: императора Павла I, А. А. Аракчеева, архимандрита Фотия. Каждому из них В. Ф. Чиж посвятил специальный труд.

В 1915 г. В. Ф. Чиж опубликовал свою последнюю работу, которая как бы выпадала из сферы его профессиональной деятельности, – «Психология деревенской частушки». Частушка оценивалась им как своеобразная модель, благодаря которой и через которую он пытался раскрыть различные нюансы психических состояний деревенской молодежи и выявить ряд важных аспектов ее жизнедеятельности.

По мнению Чижа, частушки мало изучены, в то время как они заслуживают всестороннего исследования из-за наличия в них глубокого социально-психологического содержания: «Изучение частушек уясняет нам наименее известное, наименее понятное – именно жизнь нашей деревни», – писал он (Чиж, 1915, с. 4). Он ставит перед собой задачу провести «посильный психологический анализ частушки» и на этой основе «осветить душевную жизнь народа, поскольку

она проявляется в частушках». Чиж уверен, что частушка является «отражением души народа», а потому «было бы неппростительным упущением не изучить это отражение недоступной нашему исследованию и... нам непонятной души народа» (там же, с. 4–5).

Чиж характеризует частушки как произведения коллективного творчества «молодой деревни», получившие «одобрение большинства и нашедшие распространение как самое верное отражение народной души». Их ценность он видит в том, что их «избрал и разработал сам народ, совершенно самостоятельно, независимо от каких-либо влияний и образцов» (там же, с. 5). Являясь стихийным деревенским творчеством, частушки, согласно автору, рождаются благодаря напряженному труду селян и выражают присущую им обширную палитру эмоций, чувств, переживаний.

В. Ф. Чиж задает вопрос, чем объясняется выбор народом именно частушки, а не других форм «для выражения своих мыслей и настроений», и почему она полюбилась народу. Ведь частушка и по форме, и по содержанию, уступает былине, песне и сказке.

Ответ на этот вопрос он видит в том, что частушка создается молодежью, а былины и песни – людьми много пережившими, много передумавшими, много переживавшими. Являясь продуктом юношеского творчества, частушка несет в себе отпечаток и его достоинств, и недостатков. Молодежь нашла в частушке форму для выражения того, что ей хочется сказать: легкость высказывания своих мыслей и «свои не развитые жизненным опытом и, увы, высшей культурой переживания» (там же, с. 7).

В. Ф. Чиж отмечает, что частушки позволяют узнать, о чем и как думает деревенская молодежь, выявить волнующие ее проблемы и отношение к ним. На этой основе можно охарактеризовать деревенскую молодежь, понять ее духовную жизнь и жизненные бытовые условия, уровень ее культуры и даже степень материального благосостояния.

По мнению автора, частушка должна вызывать симпатию потому, что ее распространение указывает на напряженную духовную жизнь деревенской молодежи: она самостоятельно, без чьей-либо помощи сумела найти наиболее подходящую форму своего творчества, создала множество частушек, в которых в доступном ей виде выразила свои мысли и переживания, внося тем самым свой вклад в «общую сокровищницу народного творчества». При этом подчеркивается, что у молодежи нет особой любви к великим образцам нашей поэзии.

Содержательный анализ частушек приводит Чижа к мысли, что большинство из них создано девушками (там же, с. 9). Отсюда

следует, что деревенская частушка, по сути, единственный памятник творчества деревенской девушки, ключ к проникновению в ее пока совершенно не исследованную психологию, что важно для понимания русского народа вообще. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что таким признанием Чиж создал своеобразный «памятник» деревенской девушке как натуре творческой и эмоциональной, способной к глубокому анализу и обобщению.

Чиж подчеркивает, что особенно интересны деревенской молодежи частушки о любви. И это неудивительно, так как душа и народа, и отдельного человека яснее и полнее всего проявляется в любви¹: «Изучая изображение любви в частушках, мы проникаем в сокровенные тайники народной души, постигаем самые тонкие, наименее уловимые оттенки духовной жизни народа», – пишет В. Ф. Чиж (там же, с. 10). Чтобы понять душу народа, надо знать, *как он любит*. Игнорирование интеллигенцией этой непреложной истины объясняет, почему она не способна понять народ и «как бы не существует для народа» (там же, с. 11).

Частушки о любви показывают, «насколько наш народ проникнут христианством, насколько христианство проникло в плоть и кровь нашего народа» (там же).

В них раскрываются высокая ценность любви, потребность в ней, презрение к тем, кто неспособен любить: «*Кто любви не имеет, тот проклятый человек*», – поется в частушке.

В деревенской частушке перед слушателем зримо предстает психология деревенской девушки – ее запросы, нравственные нормы и качества: скромность, стыдливость (необходимость хранить любовь от посторонних глаз). Чиж отмечает, что девичья красота усиливает любовь, и это отражается в частушке в стремлении девушки быть привлекательной:

Купика-ка, батюшка, на платье
Голубова кумачу.
У цветка така рубаха,
Под один манер хочю.

Девушка понимает свое превосходство, осознает свою девичью силу:

Мои глазки, как алмазки,
Брови очень хороши.

¹ Проблеме любви В. Ф. Чиж посвятил специальную книгу «Психология любви» (1897). Он делает любопытное замечание, что во всех произведениях русской литературы, за исключением «Мертвых душ» Н. В. Голя, речь идет о любви.

Кто ни взглянет – сердце свянет,
Останется без души.

Скромность не позволяет девушке признаться в любви до тех пор, пока она не убедится, что любима:

Кабы знала совершенно,
Что вы любите меня,
Я б сказала откровенно:
«Дорогой, люблю тебя».

Несмотря на краткость и лапидарность выражения мыслей и чувств в частушках о любви, они, по мнению Чижа, позволяют проследить «начало, развитие и исход любви у нашей деревенской молодежи, насколько глубоко захватывает всю душу это душевное состояние и насколько любовь скрашивает тяжкую жизнь нашего народа» (там же, с. 12).

Показано, как развивается взаимная симпатия молодых людей, отмечается особая роль их духовного общения, приносящего истинное наслаждение. Когда чувство появилось, то внешние препятствия уже не действуют, в том числе и запреты родителей. Волей девушки начинает управлять любовь: желание быть вместе с милым оказывается сильнее всего. Так было в весьма далекие времена, так происходит и в настоящее время, т. е. можно говорить об определенной закономерности: любовь сильнее всех преград.

В частушках отражается строгость нравов деревни, предъявляющей к поведению молодых людей высокие и жесткие требования. Так, девушка знает, что ей дозволено, а что запрещено, и ведет себя с достоинством. Но, несмотря на это, в жизни бывают и падения, и тогда девушка подвергается осуждению.

Русская частушка выражает воззрения молодежи на любовь: влюбленные счастливы, когда видят друг друга, вместе работают; любовь наполняет их душу, определяет ее содержание, поднимает настроение, создает поэтическое настроение:

Хоть не вместе мы с тобой,
Часть души во мне твоей.

Меткие короткие изречения передают тонкости душевного настроения:

Чернобровая бяляночка
С ума меня свела.
Спать ложился, не молился,
Все я думал про тебя.

В частушке выражается широкая палитра чувств – радость при свидании; грусть и скорбь при разлуке; забота и нежность о любимом, желание разделить с ним все превратности судьбы:

– Не ходи милашка тут,
Ты утонешь, берег крут.
– Ягодиночка ты мой,
Рада я тонуть с тобой.

В. Ф. Чиж пишет, что ясный, трезвый ум русского народа проявляется в понимании смысла любви: она должна вести к браку, умножать счастье, обеспечивать жизненное благополучие и поддержку. Девушка считает, что любить надо того, за кого можно выйти замуж; так же думают и парни:

Хорошо траву косить,
Котора сама косится:
Хорошо милку любить,
Котора замуж просится.

Не люби, парень, мещанку,
Люби девушку-крестьянку.
Ведь крестьянка жнет и косит,
А мещанка чаю просит.

Вместе с тем отражается понимание возможности разочарования в любви, осознание того, что вечной любви не бывает, а следовательно, необходимости разумного отношения к этому:

Мало ли случается:
Любят, отступаются.
Не найти такой березки,
Чтобы дождик не полил;
Не найти такого дружка,
Чтоб веки не забыл.
Раньше реченька бежала,
Нынче высохла она.
Раньше милочка любила,
Теперь бросила меня.

В. Ф. Чиж обращает внимание на выразительность и богатство языка частушки, в чем, в свою очередь, проявляется богатство душевной жизни. Он называет 57 разнообразных слов, выражающих предмет любви и имеющих наибольшую ценность для влюбленных. Так, любимых называют «миленком», «ягодкой», «картиночкой», «кровиночкой» и т. д.

Психология деревенских жителей отличается нравственностью, следованием моральным устоям: «Наш народ так деликатен, так чуток к добру и злу, что даже не говорит о том, о чем не следует говорить...» (там же, с. 27). Например, он не хочет говорить об адюльтере, об ухаживании женатого, что считается зазорным, противоречащим моральным нормам. Вместе с тем русские не выносят лицемерия, трезво смотрят на вещи и не закрывают глаза на отрицательные явления жизни (там же).

Интересно замечание Чижа о различии великорусских и белорусских частушек. У великоруссов нет частушек о тяжелом материальном положении. Великорусская частушка поражает ярким реализмом, трезвостью мысли, практичностью воззрений. Так, девушка в парне ценит ум и другие духовные качества. Она отчетливо понимает, что за глупого парня замуж выходить не стоит, осознает ценность душевных качеств своего избранника; она и в себе ум и хороший характер ставит выше богатства и красоты. Для нее характерны практическая сметка, трезвость ума, понимание своих семейных обязанностей и необходимых для их выполнения свойств – высокой работоспособности и подготовленности к трудовой жизни. Нельзя вступать в брак, не умея работать, ничего не имея. «Едва ли можно сомневаться в великом будущем народа, который смолodu так уважает труд, который так отчетливо понимает, что мир – не храм, а мастерская», – пишет В. Ф. Чиж (там же, с. 32).

Деликатность русского народа проявляется в отсутствии высмеивания бедности. С насмешкой деревенская молодежь относится к лености и кокетству, а также к пьянству.

Согласно В. Ф. Чижу, наш народ «больше всего, выше всего ценит труд; народ не уважает того, кто не работает, и не завидует ему...» (там же). А так как он не видит и не знает работающей, трудовой интеллигенции, то и не может ее уважать. В связи с этим даже народный учитель не оценен народом. В одной деревенской частушке это выражено в следующей саркастической форме:

Милые родители,
Отдайте за учителя.
Он будет книжечки читать,
А я слухать, да лежать.

В своем анализе деревенской частушки В. Ф. Чиж подчеркивает, что деревенская молодежь с пониманием относится к своим гражданским обязанностям, например, к службе в армии. Народ примиряется с воинской повинностью, считая ее почетной и необходимой. Девушка с пониманием воспринимает известие о призыве

ее возлюбленного в армию, надеясь на то, что расставание не остудит их чувств.

Частушки оперативно отзываются на все явления и события жизни, например, отражают мнение народа о Государственной думе, о различных политических партиях.

Кроме того, в частушках раскрывается бытовая сторона жизни, связанная с эстетическими запросами: можно увидеть, как одеваются девушки и парни, какие туалеты им нравятся, считаются модными.

Огромное огорчение, как пишет Чиж, вызывает тот факт, что деревенская молодежь находится вдали от просвещения и образования. Наука и искусство совсем ей неизвестны. Интеллигенция, живущая за счет народа, пока ничего не дала народу: «Народ ничего не получает от интеллигенции; наука и искусство не проникли в народ, не существуют для народа, и даже молодая деревня при всей ее восприимчивости, не подозревает о существовании науки и искусства» (там же, с. 44). Не только для Чижа, но и для читателей поразителен тот факт, что, будучи в таком отрыве от искусства и науки, деревенская молодежь сознательно или бессознательно, но находит верные пути своей жизни и правильные способы выражения своих состояний, соблюдает моральный кодекс чести. В определенной степени это есть некая тайна жизни, которую демонстрирует деревенская молодежь.

Заключение

Таким образом, психологический анализ русской частушки, осуществленный В. Ф. Чижом, раскрывает менталитет русской крестьянской молодежи, характеризующийся приверженностью к православному веру, стремлением соблюдать Христовы заповеди, жить «по правде», следовать принципам морали, добросовестно трудиться и выполнять свой общественный долг перед Отечеством. Подчеркивается трезвость в понимании явлений и событий, в решении частных проблем (выборе партнера для семейной жизни), самооценке и оценке окружающих. Отмечается огромный творческий потенциал русского народа, создателя уникальных продуктов народного творчества, ярким примером чего выступают частушки.

Литература

Горелов А. А. Русская частушка в записях советского времени // Частушки в записях советского времени. М.–Л., 1965.

Колпакова Н. П. Типы народной частушки // Русский фольклор. М.–Л., 1966. Т. 10.

Куланина А. В. Мир народной песни // Русские народные песни. Романсы. Частушки / Сост. А. В. Кулагина. М., 2009. С. 23–53.

Флоренский П. А. Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда // Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1909.

Чиж В. Ф. Психология деревенской частушки. Юрьев, 1915.

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ И ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ГЕНЕЗИС И СУДЬБА СОВЕТСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И ИДЕАЛОВ¹

М. И. Воловикова (Москва)

Постановка проблемы

При обсуждении проблем российского менталитета нужно учитывать одну из существенных переменных – временной интервал, о котором идет речь. Еще четверть века назад история в нашей стране отсчитывалась от 1917 года. «Начинается Земля, как известно, от Кремля», – в этих словах В. В. Маяковского в поэтической форме выражена мысль о прерывности российской истории, воспроизводимой на уровне существовавших в советский период представлений.

Из столетия в столетие наблюдается практика «переписывания» истории Государства Российского, что выразилось в шутовском: «Россия – страна с непредсказуемым прошлым». В 1990-х годах произошло отречение от советского периода, заодно со всеми его ценностями и достижениями. Наша непредсказуемая история начала свой новый отсчет, на этот раз уже с 1991 г., поскольку советский период воспринимался как сплошная ошибка, а дореволюционный, из-за недостатка исторических знаний, выглядел весьма туманным. В настоящее время уже четко осознается потребность в едином взгляде на российскую историю, но этому мешает отсутствие конструктивного анализа достижений и просчетов советского этапа развития страны.

1 Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2016-0002.

Праздники советского периода: психолого-исторический анализ

Одним из перспективных направлений исследования явилось обращение отечественных психологов к теме «историческая память» (Емельянова, 2016). Нам представляется, что в русле такого подхода находится и наше многолетнее исследование сложившихся представлений о подлинном («настоящем») празднике (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003; Борисова, Воловикова, 2016). Тема праздника позволяет выявить глубинные основания ценностной картины мира, поскольку она обращена к самым позитивным переживаниям человека, разделяемым им с другими людьми. Эта тема позволяет на конкретных образах и примерах показать, сколь неоднозначен и неравномерен был советский период отечественной истории.

О масштабе происходящих после Октябрьской революции изменений говорит тот факт, что из 30 официальных государственных праздников Государства Российского в календаре 1918 г. не осталось ни одного. Новые праздники еще не возникли, а прежние были отвергнуты.

Самый ощутимый удар по дореволюционному праздничному календарю был нанесен переходом с юлианского на григорианское («европейское») летоисчисление. В календаре за 1918 г. после 31 января сразу идет 14 февраля, а Новый год после замены «старого стиля» на «новый стиль» предшествует Рождеству. Но и само Рождество постепенно оказалось под запретом, не говоря о Пасхе – главном празднике страны, задававшем почти тысячу лет ритм праздничной общественной жизни (Громыко, 1991).

В календаре за 1911 г. обозначены как официальные праздники следующие дни (по старому стилю): 1 и 6 января; 2, 18, 19 февраля; 7–16 и 23 апреля; 6, 9, 14, 19, 25 и 29 мая; 29 июня, 22 и 30 июля; 8, 15, 29 и 30 августа; 8, 14, 28 сентября; 1, 5, 21 и 22 октября; 14 и 21 ноября; 6 и 25–27 декабря. Все праздники (кроме Царских дней) – православные, что естественно, так как Россия была православной державой. Праздник 21 октября из дореволюционного календаря как раз соответствует по новому стилю празднику 4 ноября. Праздник был установлен в честь конца Смутного времени, сохранения Государства Российского и отмечался два дня – 21 и 22 октября (4–5 ноября по новому стилю).

Особенность первого послереволюционного периода, который мы относим к 1920-м – началу 1930-х годов, состояла в попытке строить новую жизнь с «чистого листа». Запрету подвергались не толь-

ко прежние праздники, но даже сказки как вид художественной литературы для детей и танцы. Однако оказалось, что свободное проявление творческого духа человека запретам не поддается, а, видоизменяясь, прорастает вновь. И сказки, и танцы сохранились. Сохранился и недельный пасхальный ритм, так как вводимые «пятнадцатидневки», «десятидневки», «двенадцатидневки» не прижились, и в календарь вернулось воскресенье – «малая Пасха», с которого прежде начиналась, а теперь завершается неделя. Славянское название воскресенья – «неделя» (день, в который не положено работать – «не-деля»), по сути, символизировало запрет трудиться на Пасху, так как происходящее в духовном мире в эти светлые дни («светлую седмицу») важнее для духовной жизни человека, чем практические достижения.

Другие с детства привычные атрибуты Пасхи – «крашенки» (крашеные яйца), куличи и пасхи до конца всего советского периода находились под негласным запретом, хотя традиция и здесь проросла «кексом весенним», появившимся в булочных в канун Пасхи.

А вот с Рождеством расправиться не удалось, несмотря на запреты наряжать елку. Как раз в середине 1930-х годов начинается, с нашей точки зрения, второй этап советского периода, отличный от предыдущего, разрушительного. Укрепляется государство и вместе с этим появляется потребность в общих праздниках. Оказалось, что одними репрессиями страну не сплотить. Строительству новой идеологии служат блистательные «киномифы» Г. В. Александрова и И. А. Пырьева, творчество многих советских писателей, поэтов. Тогда же вспоминают и о празднике, о том ресурсе, который он открывает в деле воспитания подрастающего поколения.

27 декабря 1935 г. на слете стахановцев лидер украинских комсомольцев Павел Постышев произнес речь «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку» (на следующий день опубликованную в «Правде»), в которой заявил: «Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятшек трудящихся Советской страны?» (Постышев, 1935, с. 1). Уже 30 декабря в Москве и больших городах появились елочные базары. В 1937 г. в Колонном зале прошла первая «Кремлевская» елка. Так запрещенное Рождество «проросло» у нас удивительным «русским Новым годом». Новый год сохранил во многом рождественскую атрибутику: наряженную елку, подарки, детские праздники – спектакли о победе добра над злом. Дед Мороз и Снегурочка (в общем-то, языческие персонажи) воплощали чудесную сторону праздника. А если посмотреть более поздние советские новогодние открытия, то на них заметна рождественская символи-

ка в виде рождения Нового года-младенца. Рождественскую звезду на елке заменила пятиконечная.

Нерабочим Новый год стал только в 1946 г., но даже во время войны взрослые старались устраивать «елки» для ребят. Из воспоминаний, приведенных в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина, следует, что новогоднюю елку устраивали детям даже в 1942 г. в блокадном Ленинграде (Адамович, Гранин, 1982).

В нашем исследовании, проведенном в начале 2000-х годов совместно с А. М. Борисовой и С. В. Тихомировой (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003), приведено воспоминание, в котором 30-летняя женщина из Кабардино-Балкарии называет «настоящим праздником» встречу Нового года в детстве: «Я с братом ходила на утренники в детский садик и к маме на работу. Мы набирали массу подарков, и жизнь казалась бесконечно счастливой». По ее словам, празднование Нового года запомнилось «ожиданием чуда, каникулами и выходными, которые мы проводили все вместе».

Рассказ настолько типичный, что мы пришли к выводу о том, что «русский Новый год» стал в нашей стране прототипом, образцом подлинного («настоящего») праздника. Почему «русский»? Потому что остальной христианский мир празднует Рождество. На Новый год елки начинают убирать, а не ставить.

Однако лишенный видимого религиозного контекста наш Новый год смог объединить многочисленные российские народы в едином празднике, когда ровно в полночь вместе отмечается продвижение нового года по стране от одного часового пояса к другому, граждане СССР в эти мгновения ощущают огромные расстояния и просторы родной страны, чувствуют свою причастность к ней и всему населяющему ее народу, возвращаются мысленно к детству с его верой в чудо и надеждой на светлое будущее.

Но вся эта новая картина праздников сложилась в более поздний период. В 1941 г. началась Великая Отечественная война, продлившаяся четыре года и ставшая поворотным периодом в жизни страны и мира. Христианские корни нашей культуры, запрятанные после революции из-за репрессий, проросли подвигами воинства и граждан Великой Победой. Войну выиграло поколение, сформировавшееся еще в прежней России, воспитанные людьми, привычными к тяжелому труду, надежными и любящими Родину. Символично, что день 9 мая 1945 г. пришелся на Светлую (пасхальную) седмицу.

Вторая попытка начать строительство нового мира с «чистого листа» во время «хрущевской оттепели» имела уже менее разрушительные последствия и завершилась периодом, называемым «брежневским застоєм», хотя на самом деле оказавшимся самым

спокойным и гармоничным временем существования Советского государства. Именно к этому периоду сложились официальные праздники, которые стали меняться с очередным изменением общественного строя уже в постсоветской России.

Итак, бедный на праздники календарь советской эпохи скупо пополнялся новыми датами. В 1941 г. нерабочими днями были 1 и 2 мая (Международный праздник трудящихся), 7 и 8 ноября (Великая Октябрьская революция), 5 декабря (сталинская Конституция). Нерабочим был и день смерти Ленина – 22 января. Последнее, возможно, означало попытку устройства «новой пасхи» с «вечно живым» вождем, но здесь чудесной подмены праздника, как случилось с Новым годом, не произошло. Праздник не прижился. В 1979 г. происходит перенос Дня конституции с 5 декабря на 7 октября. В календаре 1981 г. появляется День Победы – 9 Мая. Последняя прибавка праздничного календаря советской эпохи – это Международный женский день (8 Марта), отчасти выполняющий роль Дня Матери.

В воспоминаниях наших респондентов нашлось много теплых слов и о Женском дне, и о 1 Мая, и о празднике Великого Октября, ставшем семейным праздником. Отчасти это было связано с редкой возможностью иметь два подряд выходных дня, чтобы поехать в гости к родным и друзьям. И спустя много лет воспоминания о таких встречах наполнены искренностью и любовью к близким людям (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003).

С нашей точки зрения, праздники советского периода можно считать уникальным явлением мировой культуры, поскольку в них под прикрытием коммунистической идеологии нашли воплощение христианские ценности и идеалы любви к людям, надежды на светлое будущее и веры в окончательную победу добра. Так, празднование 7 Ноября для некоторых из наших пожилых сограждан заменило Пасху. По крайней мере, наблюдалось стремление соблюдать правило «не-дели»: готовиться к празднику заранее, убираться, делать запас праздничной еды, чтобы в сам праздник не работать, не готовить и т. п. И смысл у этого праздника был гуманный: торжество идеалов равенства, братства, справедливости. Тем тяжелее для этих людей стала перестройка общественного строя, включающая изменение календаря «осенних праздников».

В свое время М. М. Бахтин подчеркивал: «Никакое „упражнение“ в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая „игра в труд“ и никакой отдых для передышки в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной формы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны полу-

чить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, т. е. из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности» (Бахтин, 1990, с. 13–14).

То, что праздник нельзя просто «назначить» и что основанием подлинного праздника являются разделяемые большинством ценности и идеалы, доказывается неудачным опытом замены дня Октябрьской революции сначала на День примирения и согласия, а затем на День народного единства (с переносом даты с 7 на 4 ноября). Конечно, официально о «замене» не говорилось, но именно так воспринималось нововведение населением, особенно пожилыми людьми (Борисова, Воловикова, 2016). Дело в том, что советский период имел свои достижения, забвение которых вызывает чувство обиды или растерянности. Идеалы дружбы, равенства, братства народов, взаимопомощи, ценности семьи и труда, пренебрежения богатством, поиска высших смыслов в любви к Отчизне, защите ее, не жалея собственной жизни, воспитания детей в доброте, радости жизни и оптимизме – вот небольшой перечень достижений поздней советской эпохи. С изменением общественно-го строя эти ценности подвергались испытаниям, и многие из них оказались девальвированными. Однако сожаление об окончании «прекрасной эпохи» при этом могло только нарастать. Стираются из памяти противоречия и недостатки, такие как лживость официальной пропаганды, репрессии за инакомыслие, давление государства на все сферы жизни человека, противоречивость принятой идеологии. В памяти остается, прежде всего, хорошее: спокойная и безопасная жизнь, счастливое детство, обеспеченная старость...

В ценностях советского периода проросли христианские ценности и идеалы, составляющие основу российского менталитета. Государство Российское образовалось с принятием православия, и революционный «запрет» на веру не смог полностью ее искоренить. Во многом идеал мира, любви и добра сохранился в российском менталитете в советский период благодаря праздничной культуре.

В праздничной культуре личностью и обществом осуществляется свободный поиск такого события, которое отвечает самым глубоким устремлениям и потребностям человека в обретении смысла. Так, движение «Бессмертный полк» оказалось настолько востребованным, что уже в 2016 г. превратилось в могучий праздник, в котором слились воедино любовь к родине и благодарная память потомков о тех, кто добыл победу, не жалея своей жизни.

Замечательный современный психолог Алексей Сергеевич Чернышев поделился с автором своими впечатлениями о праздновании Дня Победы 9 мая 2016 г.: «Я шел в „Бессмертном полку“ с сыном (семеро Чернышевых не вернулось с войны из девяти ушедших на фронт). Вот вам пример качественного обогащения психологии праздника за счет актуализации теплоты родственных связей потомков с конкретными победителями и повышения личностной значимости данного потомка как соучастника яркого, масштабного, социального действия... Жаль, что не мы, психологи, предложили этот способ духовного единения не только россиян, но и других народов».

Другое наблюдение того, как праздник День Победы укрепился акцией «Бессмертный полк», давая личности переживание радостного единства с миром и с другими – живыми и положившими свою жизнь в битве с фашизмом, сделано политологом Натальей Алексеевной Нарочницкой. Опубликованное воспоминание относится к 2015 г., когда акция только зарождалась. На вопрос о самых памятных событиях уходящего года она ответила: «Для меня главным событием, под впечатлением от которого я до сих пор нахожусь, стала акция „Бессмертный полк“. Я прошла в марше с портретом своей мамы – партизанки; со мной рядом шел мой двоюродный брат с портретом его отца, маминой сестры – его мамы; со мной шел англичанин с портретами своего дяди и отца – один летчик, другой служил в арктическом северном конвое; шли французы... Вокруг были незнакомые люди, с которыми мы обнимались, целовались, танцевали; я не помню такого ощущения единения и какого-то вот именно единства нации, у которой есть чисто исторические переживания. И французы, с которыми мы потом поздно вечером встретились в кафе, были просто потрясены, сказали: „Пусть наша поганая пресса пишет что угодно, сегодня мы видели настоящую Россию, видели то, чего не увидишь ни в одной западноевропейской стране“. Особенно их поразило, что в марше шли в основном молодые люди – от 25 до 45 лет; шли с детьми, с прогулочными колясками. С такой молодежью, по их мнению, Россия переживет все. Если в подобные минуты нация способна отбросить все, что разделяет – экономическое, социальное, мировоззренческое, – и единым целым, единым „хором“ выступить, то это абсолютно непобедимо» (цит. по: Филатов, 2015).

В 2016 г. «Бессмертный полк» разросся до мощного людского потока, охватившего многие города, регионы и даже страны. Именно он стал подлинным днем народного единства, поскольку точно выразил то, что нас объединяет. Это наше прошлое, наши герои, наши предки, наши ценности и идеалы.

Заключение

Тема преемственности ценностей и идеалов в отечественной культуре исключительно сложна. Встает вопрос: что и как мы можем передавать последующим поколениям? И вообще, какова направленность происходящих изменений?

В передаче «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» на телеканале Россия-1 от 27 марта 2016 (Соловьев, 2016) одним из участников были озвучены декларируемые цели изучения литературы в школе в 2004 г. и 2015 г. В 2004 г. эти цели звучали так: «воспитание духовно развитой личности, готовой к самопознанию и самосовершенствованию, готовой к созидательной деятельности в современном мире, формирование гуманистического мировоззрения, национального самосознания, гражданской позиции, чувства патриотизма, любви и уважения к литературе, ценностям отечественной культуры». Цели изучения предмета «литература», сформулированные в 2015 г., существенно отличаются: «формирование читательского восприятия и понимания литературных текстов, читательской самостоятельности и речевых компетенций».

Ценности и идеалы передаются не «компетенциями», а путем эмоционального сопереживания, подражания нравственным поступкам близких взрослых или героев великой русской литературы и в целом отечественной культурой.

Психологический потенциал праздничной культуры в свободной передаче новым поколениям ценностей и идеалов, составляющих основу российского менталитета, нельзя недооценивать. Его надо исследовать и активно применять полученные знания на практике.

Литература

- Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М., 1982.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Воловикова М. И., Борисова А. М. Динамика социальных представлений о новом государственном празднике в период 2007–2015 гг. // Социальная и экономическая психология: Электронный журнал Института психологии РАН. 2016. Т. 1. № 1. С. 41–60. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document210.pdf> (дата обращения: 12.09.2016).
- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М., 2003.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

- Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М., 2016.
- Постышев П. Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку // Правда. 1935. 28 дек.
- Соловьёв В. Эфир 27.03.2016. URL: <http://vsoloviev.ru/sunday/3524> (дата обращения: 10.08.2016).
- Филатов Н. Беседа с политологом Натальей Нарочницкой о событиях уходящего года и консервативном движении Запада // Православие.ру. 2015. 29 дек. URL: <http://www.pravoslavie.ru/89227.html> (дата обращения: 19.01.2016).

**«ЛОМОНОСОВСКАЯ ЛИНИЯ» В ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ НАРОДНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ОПЫТА И ПРАЗДНИЧНО-ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

С. В. Григорьев (Москва)

Этнопсихологическая составляющая характерна для многих масштабных психологических исследований отечественных ученых, конкретных научных проектов, прогнозного социально-психологического видения и планирования будущего науки. Особенности российского менталитета проявляются в истории отечественных этнографических исследований материальной и духовной культуры народов многонациональной страны, формировании важнейших музейных фондов и научных архивов. Обращение к историогенезу позволяет увеличить «историческую глубину» наших знаний об отечественных этнопсихологических исследованиях (вернее, их своеобразной предыстории) в XVIII в., когда начиналось формирование первых музейных этнографических коллекций и архивов. Они составляют предметно-материальную основу этнографии, которая рассматривалась во второй половине XIX в. в двух аспектах – как материальная и духовная («этнография физическая» и «этнография психическая»). Связывая начало социально-психологических исследований в России с развитием этнической психологии, Е. А. Будилова указывает, что в середине XIX в. эти вопросы решались в контекстах более общей проблемы – «проблемы народности» – с постепенным переходом от описаний и фиксации сведений к «объясняющей науке» (Будилова, 1983; 2008).

В современных условиях, принимая в целях историко-психологической реконструкции представления XIX столетия о разделении

этнографических знаний на материально-вещественные и духовно-психические, мы нередко получаем возможность изучать историогенез и источниковедение ряда проблем, соединяя этнопсихологию не только с этнографией-этнологией, но и археологическими материалами, документоведением и другими научными дисциплинами исторического профиля. Так, Новгородские археологические находки последних десятилетий существенным образом изменили наши представления о культуре, позволяя рассматривать и реконструировать материальную культуру, уровень образованности (956 новгородских берестяных грамот XI в. из 1023, найденных в России на 2016 г.), празднично-игровую культуру, включая тысячи находок игрушек, игровых предметов и сооружений, масок и музыкальных инструментов начиная с IX столетия.

Используя слова М. В. Ломоносова, можно заниматься «проницательством смысла», опираясь на историко-психологическое прослеживание-мониторинг развития игровой и празднично-игровой культуры населения на протяжении тысячелетий, соединяя археологию вещей, письменные источники и архивы (преимущественно с XV в.), этнографию и этнопсихологию начиная с середины XIX столетия. Важнейшим и определяющим моментом историко-психологического рассмотрения, в частности, научной реконструкции длительных по времени процессов развития, является воссоздание целостности, аутентичности народного психологического опыта. При этом используются не только методологические наработки и практики возрождения празднично-игровых традиций, но и факторы среды: музеи деревянного зодчества, предметно-игровая среда археологических и этнографических музеев-заповедников.

Опытно-экспериментальная деятельность в сфере социальной экологии и исторической психологии празднично-игровой культуры народов и регионов России проводится нами более 30 лет. Праздники «День народных игр в Витославицах» в 1986 г. положили начало возрождению празднично-игровых традиций Новгородской земли, в котором ныне участвует уже второе и даже третье поколение детей, демонстрируя «реальную связь веков и поколений» (Итс, 1986) в историческом процессе.

Вопрос о «ломоносовской линии» в истории отечественной науки возник в период подготовки к празднованию 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова и нашел отражение в личных архивах академиков В. И. Вернадского и А. П. Павлова за 1910 г. и последующие годы (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 8 и Ф. 48. Оп. 1а. Ед. хр. 4). В современном научном тезаурусе существует множество сочетаний слов, восходящих к имени М. В. Ломоносова, но именно «ломо-

носовская линия в науке» удачно фиксирует некоторые этнопсихологические особенности научного менталитета, проявляющиеся, в частности, в идеях целостного исследования народного психологического опыта, соединения исторического и психолого-биографического типа научных знаний, научно-мировоззренческих аспектах деятельности в науке.

В 1867 г., когда американским философом Р. Эмерсоном было впервые применено понятие «менталитет», в Москве открывалась готовящаяся несколько лет всей научной общественностью Этнографическая выставка, имевшая огромный успех и оказавшая большое влияние на развитие всей системы этнографических знаний. Материалы этой этнографической выставки стали основой для русского фонда современных музеев Москвы и Санкт-Петербурга (Шангина, 1997) и последующих кросс-культурных и типологических исследований. «Для нас праздничная сторона, внешний успех и даже сырой материал, собранный выставкой, как бы богат он ни был, составляет только средство, подготовительное орудие», – пишет в предисловии к книге по итогам Этнографической выставки 1867 г. один из ее главных организаторов, профессор Московского университета А. П. Богданов. «Дело, для которого устраивалась выставка, обыкновенно только начиналось серьезно с окончания ее, и время показывало только, насколько ученая задача осуществилась» (Антропологическая выставка..., 1879–1880, с. 2). Это в полной мере относится ко всем трем прогремевшим в Москве и стране грандиозным по масштабу выставкам: Этнографической (1867), Антропологической (1979) и Политехнических (1870; 1872). Они устраивались Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете.

Общественные организации играли в России исключительную роль в собирательской и отчасти собственно исследовательской деятельности в силу высокой активности образованной части общества, жесткой регламентации деятельности официальных организаций и узости профессионального «ученого» сословия в период становления отечественной этнографии и психологии. Обращение к научным биографиям отечественных исследователей содействует не только дополнению привычных исторических обзоров, часто порождающих стереотипы восприятия, но и возрождению значимых для этнопсихологии, этнопедагогики, этнокультуры детства и т. п. имен: И. Г. Вознесенского (XVIII в.), Е. А. Покровского (XIX в.), Г. С. Виноградова (XX в.) и др. Сопоставление биографий в историческом пространстве развития и на «стреле времени» (по И. Пригожину) раскрывает взаимосвязи «внешнее через внутреннее», выявляя ти-

пологические особенности отечественной научной ментальности и некоторые внутренние субъектные проявления личности ученого, реализующиеся в конкретный исторический период.

Детально рассматривая специфические особенности «ученого достоинства» в истории отечественной науки применительно к России XVIII–XX вв. (до 1917 г.), А. Е. Иванов приходит к выводу о том, что «научное знание объективно ценилось выше научных регалий», и именно поэтому «непременным штатным оппонентом выступал научный руководитель», а «состав диспутантов, особенно посторонних, во многом определялся научным авторитетом диссертанта и достоинствами его труда» (Иванов, 2014, с. 31). Так, магистерской диссертации С. М. Соловьева оппонировал весь цвет историко-филологического факультета Московского университета и самые известные историки России: М. П. Погодин, К. Д. Кавелин, Т. Н. Грановский, С. П. Шевырев и др. Соблюдалась особая российская логика научных обсуждений: чем выше достоинства автора и его исследования, тем авторитетнее оппоненты и участники диспута. Так через реальную диалектику развития идей и мыслей соискателя ученой степени обеспечивалась их публичность. Живой импровизационный (при важной роли сторонних неофициальных оппонентов) диалог требовал не только быстрой мобилизации научной эрудиции и прекрасного знания предмета, но и находчивости, остроумия, умения и зрелости в общении с трудными и неожиданными оппонентами. Острая научная полемика через публичность и открытость диспута, как правило, не приводила к отрицательному результату и общей оценке, а способствовала разностороннему обсуждению рассматриваемой научной проблемы, позволяла «в режиме советования, а не отрицания научной полезности проделанной исследовательской работы» достичь консенсусного мнения и «содействия продвижению» и автора, и результатов научной деятельности.

Открытый для публики характер носили в российской научной традиции большинство мероприятий Русского географического общества (РГО), где докладывались и обсуждались результаты географических открытий и экспедиций великих российских путешественников, этнографов, исследователей фольклора и быта многочисленных народов Российской империи и зарубежных стран. Специальный этнопсихологический анализ крупнейших научных фондов России показывает, что материалы архивов РГО, Российского музея этнографии (РЭМ), Государственного исторического музея (ГИМ) и других архивов и фондов, включая региональные, содержат обширные материалы, собранные и зафиксированные в письменном виде представителями практически всех слоев общества,

владеющих грамотой, а неграмотная часть населения просила записывать передаваемые в устной форме свои воспоминания, рассказы и свидетельства. Это подтверждается наличием большого числа этнографических материалов, представленных сельскими учителями и священнослужителями, с указанием на неграмотных информаторов, по просьбе которых или со ссылками на чьи рассказы осуществлялись фольклорно-этнографические записи.

Одной из характерных особенностей российской академической научной традиции, непосредственно восходящей к деятельности М. В. Ломоносова и «русской партии», являлось отсутствие отчуждения, оторванности «ученого сословия» от простонародных исследователей-самоучек, талантливых подвижников научных знаний, не получивших «достаточного образования», исполняющих малопонятные сейчас должности «подбиблиотекаря», «надсмотрителя», помощников наборщиков, препараторов и т. п. Эти должности занимали в академических учреждениях талантливые самородки, часто выделяющиеся выдающимися способностями к наукам и языкам, но испытывающие трудности в силу происхождения. Так, учеником М. В. Ломоносова являлся сын солдата Преображенского полка Семен Кириллович Котельников (1723–1806), который внес огромный вклад в систематизацию этнографических коллекций Кунсткамеры, поступлений от многочисленных экспедиций XVIII столетия. Ему удалось «для великолепия Кунсткамеры» изготовить выставочные образцы, манекены «с натуральными к тому платью лицами и прочим прибором» (Итс, 1986, с. 78). К концу века стараниями Котельникова и ученых-хранителей отделов Кунсткамера становится крупнейшим научным центром в мире, открытым для бесплатного посещения два раза в неделю с получением билетов в «Санкт-Петербургских ведомостях». Окончательное разделение Кунсткамеры на семь самостоятельных академических учреждений с выделением Этнографического и Азиатского музеев произошло в 1836 г. Это положило начало современным академическим музеям соответствующих профилей: антропологическим, археологическим, этнографическим и др.

Следует согласиться с предложенной Р. Ф. Итсом логикой рассмотрения истории отечественной этнографии и антропологии через призму «века и поколений», поскольку формирование крупных музейных коллекций часто связано с конкретными именами выдающихся личностей как носителей научных традиций и творцов крупных музейных коллекций, создателей музеев. В истории коллекций ГИМ это был И. Е. Забелин. Создателя современного Художественно-педагогического музея игрушки Н. Д. Бартрама не только

дети и подростки, но и в официальных документах называли «дядя-музей» (Архив ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 806). Реализация субъектности в музейно-научной деятельности и создании крупнейших архивных фондов является важным проявлением особенностей национального менталитета и складывающихся в историко-культурном процессе традиций научной и музейной институционализации авторских коллекций, инициативно собираемых одним или немногими личностями, а затем становящихся общенациональным достоянием. Социально-психологические аспекты перехода авторских замыслов в организационные проекты создания этнографических коллекций и музейных фондов имеют национальные и личностные, индивидуально-типологические особенности, раскрываемые через взаимосвязи исторического и биографического анализа.

В истории первых вещевых антропологических и этнографических коллекций народов мира, обогативших отечественную науку, особую роль играет собирательская деятельность Ильи Гавриловича Вознесенского (1816–1871) – научного предшественника Н.Н. Миклухо-Маклая. Его путь в науку начался с работы «наборным учеником в академической типографии» пятилетним мальчиком, а вместо детских игрушек у него была «страна сказочного царства» с невиданными заморскими птицами и хищниками – зоологический отдел Кунстамеры, где он проживал с детства вместе с отцом, отставным унтер-офицером, находящимся на иждивении Академии по причине инвалидности. Его взросление сопровождалось естественным вхождением в науку, практическим освоением многообразия природного мира, различением его видов и классов, участием в Кавказских экспедициях, раскрытием разнообразных исследовательских и научно-организаторских способностей. И как результат – крупнейшая коллекция по Америке с материалами Российско-американской компании (1839–1949) и кругосветного путешествия; проведение работ в Северо-Западной Америке, на Курилах и Камчатке, где по заданию Академии были собраны огромные коллекции «естественных и искусственных произведений» для четырех музеев Кунсткамеры, упрочивших авторитет отечественной науки. Собранные зарубежные коллекции, в частности материалы из этнографических коллекций И.Г. Вознесенского и Российско-американской компании (просуществовавшей до 1868 г.), показывают особый характер взаимопользных отношений с местным населением как русский путь освоения новых территорий, а также широкое взаимодействие с различными неакадемическими организациями и частными лицами в деле систематического научного исследования по программам Академии при довольно

благосклонном отношении к деятелям науки российских предпринимателей.

Для отечественной научной ментальности характерен *широкий междисциплинарный подход*, особенно важный при освоении новых сфер знаний и объектов научного исследования, к числу которых относились проблемы этнографии детства, физического и нравственного воспитания в период раннего детства (в терминологии рубежа XIX–XX вв. – «первого детства»), детского фольклора и традиционных игр.

Этнографические коллекции РЭМ и ГИМ, а также фундаментальные книжные издания формировались по материалам Московской антропологической выставки 1879 г., где соответствующие разделы готовились под «присмотром» Егора Арсеньевича Покровского (1834–1895), автора ряда книг по детской медицине, этнографии и «педагогии». Архив ГИМа сохранил переписку Е.А. Покровского и И.Е. Забелина (Архив ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 75. Л. 1–18), свидетельствующую о роли личных контактов и совместного обсуждения разных вариантов наиболее полной реализации исследовательских средств – соединении медико-антропологических и педагогических подходов (Покровский и редактируемый им «Вестник воспитания»), историко-археологических материалов и познавательных возможностей, обеспечивающих максимально полное использование «всех имеющихся» источников. Отметим высокую личностную рефлексивность и ориентацию на коллективную деятельность с привлечением многих добровольных помощников и авторов (до 2 тыс. корреспондентов) при подготовке выставки 1879 г. и впервые изданной в 1887 г. книги «Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной)». В целом традиция целостного подхода к постижению народного психологического опыта в аспекте традиционной культуры детства не была прервана событиями 1917 г., а продолжалась до 1928–1930 гг., когда была свернута краеведческая и музейно-этнографическая работа. Многие позитивные начинания отечественных этнопсихологических исследований, внимание к историко-биографическим материалам, изданию архивов и переизданию книг постепенно возобновляются с середины 1990-х годов, содействуя процессам взаимосвязи исторического познания и современных исследований российского научного менталитета.

Литература

Антропологическая выставка 1879 года / Под ред. А. П. Богданова. В 8 т. Т. 3. Вып. 1. М., 1879–1880.

- АРАН. Ф. 518.
 Архив ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 806.
 Архив ГИМ. Ф. 440. Ед. хр. 75.
 Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
 Григорьев С. В. Игра и самосознание культуры. М., 2005.
 Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. 1917 г. М., 1994.
 Итс Р. Ф. Века и поколения. Л., 1986.
 Традиционные новгородские игры и забавы / Сост. С. В. Григорьев. Новгород, 1991.
 Шангина И. И. Русские фонды этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга: история и проблемы комплектования: Дис. ... докт. ист. наук. М., 1997.

Истоки российского менталитета

О. В. Клыпа (Петрозаводск)

Особенности российского менталитета трудно объяснить без обращения к истокам психологической мысли русского Средневековья. В период русского Средневековья зарождались и оттачивались важнейшие аспекты психологического знания о человеке: идеи о разграничении внутреннего и внешнего миров; о связи души с телесной организацией человека; о детерминантах психического развития; о путях духовного самосовершенствования; о возрастных изменениях душевной жизни человека; о значении детства в становлении личности человека; о способах психологического познания и психотерапевтического воздействия. Эти идеи нашли отражение как в русском фольклоре, так и в русской литературе XI–XVII столетий. Своеобразие русской психологической мысли средневекового периода проявляется в том, что в ней в большей степени рассматривается *социально-антропологическая* и *духовно-нравственная* проблематика.

Так, уже в славянском языческом миропонимании можно усмотреть очертания «духовности» как следование тем или иным ценностным ориентациям, обретение смысла жизни, понимание таких категорий, как «добро» и «зло», «любовь», «совесть», «чувство долга». «Добро» и «зло» – это категории, которые выражают нравственно-

положительную и нравственно-отрицательную стороны в действиях и поступках людей. В исследованиях о языческих воззрениях древних славян отмечено, что «злое» и «доброе» находится в постоянной борьбе. При этом доброе начало всегда побеждает. Доброе начало, как правило, обоготворялось, представлялось в гораздо более определенных и разнообразных божественных личностях, в отличие от злого начала (Афанасьев, 2007; Попович, 1985; и др.).

В русских народных сказках отражены моральные принципы, нравственные ценности, идеалы народа. Сказка передает архетип человеческого сознания, является начальной формой мышления человечества. В. П. Аникин отмечал, что «не установка на вымысел является главной чертой сказки, а установка на раскрытие жизненной правды с помощью возвышающего или снижающего реальность условно-поэтического вымысла» (Аникин, 1959). В. Я. Пропп указывал, что всякая сказка – это рассказ об отношениях, причем, эти отношения имеют четко моральную ориентацию (Пропп, 1969). К. Юнг подчеркивал, что сказки закладывают в человеке некий «банк жизненной мудрости», содержащий полный перечень человеческих проблем и активизирующийся в случае необходимости (Юнг, 1994).

В русских народных сказках отражены вечные человеческие истины: добро сильнее зла; быть честным и смелым, верным и человечным – это норма жизни; любовь сильнее всего, даже смерти. Осуждаются эгоизм, жадность, хитрость, корысть.

Происхождение загадки также относится к глубокой древности. Первые упоминания о бытовании загадок можно встретить в летописях, в памятниках древнерусской письменности. В 1994–1995 гг. Институт славяноведения и балканистики РАН издал коллективную двухтомную монографию «Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадки как текст», где рассматривается антропоцентрическая сущность загадки. Загадки о людях, их жизни и смерти, молодости и старости несли в себе нравственную идею, содержали информацию аксиологического характера, отражали иерархию ценностей: «Чего хочешь – того не купишь; чего не надо – того не продашь» (молодость и старость); «Чего дороже на свете нет?» (друга искреннего); «Что у человека ложно, а что правдиво?» (уши – ложь, глаза – правда); «Что на свете всего дороже?» (здоровье); «Что на свете горше всего?» (сплетня); «Беззубая мышь кость гложет» (совесть), «Что на свете тяжелее всего?» (горе, печаль).

В былинах затрагиваются вопросы о смысле жизни человека, о мужском и женском идеалах, взаимоотношениях между героями, детьми и родителями, мужчиной и женщиной, определяются правила социального поведения. Главные былинные герои демонстри-

руют любовь к родной земле, самоотверженную борьбу с врагами, сочувствие угнетенным, прямоту и неподкупность.

Так, среди характерных качеств русской женщины, отраженных в былинном материале, можно выделить следующие: физическую выносливость, непорочность, скромность, жалостливость, жертвенность, верность супружескому долгу (Василиса). В отношении к людям женщина проявляет материнскую заботу: сущность ее любви – любовь-жалость, любовь-сострадание. В русской женщине сочетаются качества и матери, и возлюбленной, и верного спутника жизни. В былинах показана сильная, глубокая любовь матери к сыну, которая охраняет богатыря от несчастья (мать Добрыни, мать Василия Буслаева, мать Дюка).

В былинах выражена идея необходимости преемственности поколений: старшие дают советы молодым богатырям, младшие берут благословение у своих родителей: «Брал у батюшки и у матушки прощеньце-благословеньце» (Былины, 1988, с. 523). Именно с матерью и отцом связана функция благословения. Благословение является духовным действием; оно синонимично разрешению, пожеланию добра, блага. Невыполнение наказов родителей едва не приводит молодого богатыря к гибели (в подкопах, в плену, от усталости). Отец, пришедший на выручку к сыну, упрекает его: «Не послушал ты родительского наказанья» (там же). Однако любовь к Родине важнее родства. Трагический исход встречи Ильи с сыном, характерный для большинства вариантов былины «Бой Ильи Муромца с сыном», подчеркивает превосходство принадлежности человека к определенной этнической среде, объединенной в государство, над кровным родством. Историческое самосознание требовало ответственности перед будущим своего народа и Руси, отвергая кровные связи, если они вступали в противоречие с этим требованием. Идея преемственности связана и с добровольной заменой молодым богатырем старого, при этом старшие богатыри радуются появлению нового богатыря, когда завершается их боевой путь, восхищаются им: «Старшие богатыри дивуются: „Нет на поездку Ильи Муромца! У его поездка молодецкая, вся поступоцька богатырская“...» (там же).

В пословицах и поговорках также говорится о нравственных основаниях человека, мерой которых выступает *совесть*: «Угрызения совести»; «Добрая совесть – глаз божий»; «Совесть без зубов, а грызет»; «Как не мудри, а совесть не перемудришь»; «Сам от себя не утаишь, сам себя и обличишь».

В пословицах представлена проблема *межличностных отношений*: «Жить душа в душу»; «Лезет в чужую душу»; «Заглядывает

в чужую душу» (некорректность в отношениях); «Плюнул в душу» (оскорбил чувства или веру другого человека); «Почитай старых, сам будешь стар»; «Зла на зло не воздавай»; «Худо тому, кто добра не делает никому»; «Нет большего позора, как не выполнить уговора»; «Других не суди на себя погляди»; «Свет не без добрых людей».

Народная мудрость зафиксировала в пословицах представления о *дружбе*: «Друг денег дороже»; «Друг познается в беде»; «Не друг поддакивает, а друг спорит»; «Не тот друг, кто медком мажет, а тот, кто правду скажет».

Большое внимание в них уделяется описанию *нравственных качеств человека*: «Скромность каждому к лицу»; «Береги платье снову, а честь смолоду»; «Не дал слово – крепись, а дал – держись»; «Лень до добра не доводит»; «Делать добро спеш»; «Добро помни, а зло забывай»; «От вежливых слов язык не отсохнет».

Важной темой пословиц является *отношение к семье, родителям*: «На что клад, когда в семье лад»; «Вся семья вместе, так и душа на месте»; «На свете все сыщешь, кроме отца и матери»; «При солнце тепло, а при матери – добро»; «Своя семья – самые верные друзья»; «Нет такого дружка, как родная матушка»; «Кто родителей почитает, тот вовек не погибает» (Даль, 1997).

Проблема нравственного идеала русского человека отражена в произведениях русской литературы и иконописи.

В литературе русского Средневековья (жития, повести, сказания, летописи, притчи и др.) представлен довольно широкий спектр человеческих характеров, жизненных ситуаций, развиваются представления о человеке, детерминации поведения, факторах и путях духовного развития. Соотношение духа и плоти, «внутреннего» и «внешнего» человека было предметом постоянного внимания в русской средневековой литературе. Л. В. Левшун отмечает, что на Руси почитали книги, «сообщающие истинную мудрость и воспитывающие христианскую духовность. Это церковные уставы (в которых имеется особый четый раздел), пророческие «беседы» (книги ветхозаветных пророков), Евангелие, апостольские послания, жития и «беседы» святых отцов» (Левшун, 2009, с. 10).

Анализ литературных произведений периода русского Средневековья:

- а) переводных: «Источник знания» (XI в.), «Шестоднев» (XI в.), «Толковая Палея» (XI–XII вв.), «Диоптра» (XV–XVI вв.), «Повесть о споре жизни и смерти» (XVI в.);
- б) сборников-хрестоматий: «Изборники Святослава» (1073, 1076), «Пчела» (XII в.), «Кирилло-Белозерский сборник» (XV в.);

- в) агиографических работ: «Сказание о Борисе и Глебе», «Житие Авраамия Смоленского», «Житие Феодосия Печерского», «Житие Александра Невского», «Житие Сергия Радонежского», «Житие Кирилла Белозерского», «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», «Житие митрополита Филиппа», «Повесть о Петре и Февронии», «Житие царевича Димитрия Угличского», «Житие протопопа Аввакума», «Житие боярыни Морозовой»;
- г) произведений русских писателей: «Послание о посте и воздержании чувств киевского митрополита Никифора Вл. Мономаху» (1013), «Слово о Законе и Благодати» Илариона (между 1037 и 1050), «Поучение» Владимира Мономаха (1100), «Послание, написанное Климентом митрополитом русским Фоме прозвитеру, истолковано Афанасием мнихом» (1147); «Притча о человеческой душе и теле» Кирилла Туровского (до 1182), «Домострой» Сильвестра (XVI в.), «Завещание Нила Сорского» (XVI в.), повести о «Горе-Злосчастии», о «Марфе и Марии» показывает, что в них рассматриваются фундаментальные вопросы, касающиеся психической жизни человека: «Что есть человек?»; «Что есть душа?»; «Какова физическая, психическая, нравственная сущность человека?»; «Каково высшее предназначение человека?»; «Обладает ли человек свободой выбора?»; «Как и почему меняется человек в течение жизни?»; «Как и почему он переживает и определенным образом поступает?» и т. д. Краткий анализ нескольких произведений позволяет детализировать это утверждение.

Так, в «Изборнике 1076 г.» рассматривается проблема воли человека, которая непосредственно связана с вопросом о добре и зле. Воля человека свободна: каждый человек сам определяет свою судьбу. В данном произведении предложена и своеобразная иерархия мотивов, которую условно можно назвать «пирамидой самосовершенствования». Описываются семь ступеней, прохождение которых приближает человека к Богу:

- 1) человек погружен в плотские страсти и предстоит перед Богом как «перед смертью»;
- 2) человек – должник, предстоит и отвечает Богу;
- 3) человек как раб со страхом и молитвой;
- 4) человек как «наимытник», обладающий свободой и желающий получать плату;
- 5) человек как друг предстоит перед Богом и обращается к Нему;
- 6) человек как сын к Богу «дерзает»;
- 7) «вышши всьех есть и на преждедспяние, братосътворение к Богу»¹.

1 Приобщение к Богу.

В «Кирилло-Белозерском сборнике» в статье «Слово о женах добрых и злых» (эта тема освещалась во многих древнерусских рукописных сборниках) предложена типизация женских характеров, их сущность: «Добрая жена мужа своего любит и потакает ему во всем, а злая жена мужа своего по хребту бьет немилостиво. А добрая жена в очи и уста целует своего мужа, а злая жена сажей чернит и помелом забрызгивает, чтоб ослеп муж. А добрая жена своему мужу волосы гребнем расчесывает и милует его; а злая жена по рту и по зубам палкой бьет и кормит скверной пищей не на живот, а на смерть. А добрая жена по чреву ласкает, как истинная горлица, любвеобильная ласточка; а злая жена по рукам и по тайным членам ножом колет насмерть. А добрая жена по ногам гладит и пищей хорошей кормит его, мужа своего милого; а злая жена по голени топором сечет своего мужа. А добрая жена по рукам мужа своими руками проводит искренне и любовно; а злая жена по рукам и ногам коромыслом бьет. А добрая жена, за шею обнимая, целует любезно и радостно; а злая жена шею веревкой давит, желая смерти мужа своего, злострастница! А добрая жена, братья и друзья, по истине мужу своему предана нельстиво и правдиво, в доме своем добра желает и детям, и внукам своим! Злая жена для души – буря, а телу – чахотка, мятеж – уму, рукам – мозоли, глазам – дым и языку – горечь. Лучше чашу полыни испить, но со злой женой и меду не отвеждать... Злая жена мужу за грехи дается» (Красноречие Древней Руси..., 1987, с. 310).

Как видим, вопросы взаимоотношений супругов являлись предметом обсуждения в средневековой Руси. Были определены условия, способствующие формированию благоприятной семейной атмосферы.

Необходимо обратить внимание на произведение середины XVI в. – «Домострой». Различают раннюю, новгородскую, редакцию и основную, автором которой называется царский духовник Сильвестр. Он переработал изначальный текст в духе реформ Ивана Грозного и добавил назидательное поучение в форме обращения к своему сыну Анфиму. «Домострой» Сильвестра состоит из трех глав, которые представляют собой своеобразную классификацию основных проблем бытия человека. Это главы, включающие «духовное строение» о почитании веры (главы 1–15), о «мирском строении», т. е. об устройстве семейной жизни (главы 16–29), о «домовом строении», ведении хозяйства (главы 30–36).

В «Домострое» – своеобразной энциклопедии семейного воспитания – перечисляются основополагающие принципы благочиния в поведении христианина, которые отец должен передать сыну. Эти принципы выстроены иерархически, начиная с основ веры, почи-

тания церкви и царя, переходя затем к чинному устройению своего дома, хозяйства и жизни в целом. Отдельная статья посвящена почитанию «отцов духовных». Введение подобной статьи показывает, сколь значим был чин духовника – «учителя и наставника», стоявшего над отцами семейств как своими духовными детьми, обязанными исповедоваться ему. Отношения духовных отцов и детей дублировали взаимоотношения телесных отцов и детей. Большой блок наставлений посвящен чинному поведению жен, построенному на «угождении Богу» и «уноровлении мужу своему». Муж выступает наставником своей жены, которая «вопрошает у него о «всяком благочинии», а он, соответственно, поучает ее «любовью и благорассудным наказанием» (Домострой, 1991, с. 105). В произведении подчеркивалась сильная власть отца и нравственный авторитет матери.

Служение отцу и матери уподоблялось служению Богу; обидеть их – значит оскорбить самого Бога. В главах 15, 16, 17 («Како детей своих воспитати во всяком наказании, и в страхе Божий»; «Како чад воспитати, с неделком замуж выдати»; «Како дети учти и страхом спасти») сосредоточены советы о том, как воспитывать детей. Детей, по «Домострою», нужно воспитывать в страхе Божьем и в «благоразумном учении всякому разуму и вежеству и промыслу и рукоделию» (там же, с. 96). Причем обучение «вежеству и вякому благочинию» необходимо осуществлять «и по времени и детям смотря и по возрасту», т. е. с учетом возрастных особенностей детей, а также их задатков и способностей.

В «Повести о Горе и Злочасти» родители, наставляя свое чадо, просят, чтобы помнило родительские заветы, умные и мудрые пословицы, опасалось лживых людей, называющих себя «надежным другом», «названным братом». Но герой повести отверг судьбу родовую и выбрал судьбу индивидуальную, совершая грехи («преступление вином», предательство невесты). В повести подчеркивается, что молодец выбрал сам свою судьбу – злую долю, которая предстает в образе Горя. Горе-Злочастие – это внутренний двойник молодца, искуситель. Герой повести не имеет над ним власти, наоборот, находится под его воздействием: «А Злочастие над молодецм насмеялось: быть тебе, травонка, посеченой, лежать тебе, травонка, посеченой» (Древнерусская литература, 2004, с. 338). В повести изложена психология нравственно бесшабашных людей. Однако герой повести – человек раздвоенный, часто страдающий от собственного падения. Единственный выход из сложившейся ситуации – это уход молодца в монастырь, «а Горе у святых ворот остается, к молодцу впредь не привяжетца!» (там же).

Ключевая мысль этого произведения заключается в том, что жизненный путь человека определяется не только промыслом Божиим, но и свободной волей самого человека, который должен стремиться к духовно-нравственному росту.

Нельзя обойти вниманием особенности древнерусской иконописи. На Руси иконы выполняли функцию «книги для неграмотных».

Е. Н. Трубецкой – русский философ и общественный деятель, последователь философии всеединства В. Соловьева – в работах «Два мира в древнерусской иконописи» (1916), «Умозрение в красках» (1916) утверждал, что древнерусские мастера «не в словах, а в красках и образах» воплощали свое представление о смысле жизни, пытались найти ответы на извечные вопросы бытия. «То были не философы, а духовидцы. И мысли свои они выражали не в словах, а в красках» (Трубецкой, 2011, с. 366).

Раскрывая духовно-эстетические основы русской иконы, В. В. Бычков пишет: «Поверхностно зная кое-что из своего наследия, по существу мы не знаем и, главное, не понимаем его», но именно в нем заключена «истинная философия, истинная духовность, истинная культура» (Бычков, 1994, с. 8). Бычков считает икону духовно-художественным символом Руси, так как «именно на Руси икона достигла своего высшего художественно-эстетического расцвета и предстала во всей полноте в качестве сакрального феномена, таинственного носителя духовной энергии, божественной мудрости – Софии» (там же).

Содержание иконы следует рассматривать как подлинное духовное, психологическое руководство. «Цель иконы – не в том, чтобы возбудить и усилить в нас то или иное естественное человеческое чувство. Икона не трогательна, не чувствительна. Цель ее – направить все наши чувства, так же, как и ум, и всю нашу человеческую природу к ее истинной цели – на путь преображения, очищая нас от всякой экзальтации, которая может быть только нездоровой» (Успенский, 2008, с. 135). Как писал Е. Н. Трубецкой, «открытие иконы дает нам возможность глубоко заглянуть в душу русского народа, подслушать ее исповедь, выразившуюся в дивных произведениях искусства. В этих произведениях выявилось все жизнепонимание и все мироощущение русского человека с XII по XVII столетия. Из них мы узнаем, как он мыслил и что он любил, как судила его совесть, и как она разрешала ту глубокую жизненную драму, которую он переживал» (Трубецкой, 2011, с. 400).

В древнерусской иконе нашли отражение психологические воззрения о человеке, личности, о его внутреннем состоянии, мотивации и др. В ней отражены такие универсалии, как зло, добролюбо-

мудрые, долг, спасение, надежда, любовь, даны ответы на вопросы: «что такое человек?»; «в чем смысл его жизни?» и т. д. Л. А. Успенский утверждает, что православная икона «несет откровение непреходящего смысла жизни» (Успенский, 2008, с. 336).

Цель иконописи заключалась не в отражении повседневной жизни, а в ее осмыслении, не только в том, чтобы выразить ее проблематику, а в том, чтобы на эту проблематику дать ответ.

Подводя итог, подчеркнем, что в период русского Средневековья закладывались основы духовных ориентиров, нравственного идеала, ценностных установок, которые нашли отражение в русском фольклоре, переводной и оригинальной литературе. При этом следует отметить, что переводились и распространялись те литературные произведения, которые соотносились с менталитетом русского народа.

Литература

- Аникин В. П. Русская народная сказка: Пособие для учителей. М., 1959.
- Афанасьев А. Н. Мифология древней Руси: Поэтические воззрения славян на природу. М., 2007.
- Былины / Сост., вступ. ст., подготовка текстов и комментарии. Ф. М. Селиванова. М., 1988.
- Бычков В. В. Духовно-эстетические основы русской иконы. М., 1994.
- Владимир Мономах. Поучение // Памятники литературы Древней Руси XI–начала XII веков. М., 1980. С. 392–413.
- Даль В. И. Пословицы русского народа. СПб., 1997.
- Домострой. М., 1991.
- Древнерусская литература. М., 2004.
- Изборник 1076 года. М., 1965.
- Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1994.
- История русской литературы XI–XII вв. / Под ред. Д. С. Лихачёва. М., 1985.
- Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.) / Сост., вступ. ст., подготовка текстов и комментарии. Т. В. Черторицкой и др. М., 1987.
- Левшун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск, 2009.
- Попович М. В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985.
- Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969.
- Трубецкой Е. Н. Россия в ее иконе // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994.

- Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках // Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011.
- Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. Коломна, 2008.
- Юнг К. Г. О современных мифах. М., 1994.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ТРУД КАК ОСНОВА, ЦЕННОСТЬ И СМЫСЛ ЖИЗНИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Е. Г. Синякина (Москва)

Постановка проблемы

Русское крестьянство в дореволюционной России составляло более 80% населения страны, являлось основной производительной силой общества, создателем его материальных благ и духовной культуры. Поэтому исследование менталитета русского народа, складывающегося и закрепляющегося в многовековой истории России, предполагает обращение, прежде всего, к психологии крестьян, их образа жизни, традиций и обычаев, верований и социальных представлений.

Особое значение в связи с этим имеет реконструкция особенностей бытовой культуры и земледельческого труда, занимающего основное место в жизнедеятельности русского крестьянства, детерминирующего формирование его менталитета.

Восприятие крестьянином своего предназначения в обществе как кормильца-хлебопашца

Крестьяне четко идентифицировали себя как кормильцев и защитников отечества, осознавали значение земледельческого труда для страны и народа, *свой общественный долг и предназначение*: «Мы пахари, мы хлебу расти помогаем», – говорит герой рассказа А. Платонова дед Тит (Платонов, 1985, с. 183).

Историк А. П. Щапов в 1870-х годах записал высказывание одного из крестьян Восточной Сибири относительно их положения в обществе: «Мужик – работник; работа его капитал, его Божье назначение. Хлебец – его деньги, его чай-сахар. ... Мужики – не купцы, а крестьяне, работники хлебопахотные: им не капиталы копить, а вырабатывать нужные для дому, для семьи достатки, да за добрые

труды быть... почетными в миру, в обществе» (цит. по: Громыко, 1991, с. 265).

Оценка крестьянами своей общественной миссии, в частности, встречается во вводной части прошений, посылаемых ими в разные инстанции. Прежде чем приступить к изложению конкретной просьбы, крестьяне подчеркивали роль земледельческого труда в жизни общества. Так, крестьяне Бирюсинской волости Нижнеудинского округа писали в прошении, адресованном ревизору Государственных имуществ: «Крестьяне по природе вселены иметь прямое занятие земледелием, хлебопашество, хотя и многих неусыпных трудов и бдительного попечения требует, но самым невинным образом доставляет крестьянину-земледельцу за труды довольную награду плодородием». Кормилец отечества, по убеждениям крестьян, должен был быть защищен верховной властью от местных самочинств (там же, с. 265–266).

Организация крестьянского труда и отношение к работе

Известно, что дворяне восхищались *крестьянской сметливостью в хозяйственных делах*. Помещики и чиновники, обладавшие здравым смыслом, считались с крестьянским опытом, изучали его (там же, с. 6). Примечательно, что в инструкциях своим управляющим помещики приказывали: «Поступать во всем так, как крестьяне обычаем имеют свой хлеб возделывать» (там же, с. 12). Как отмечает в своем выступлении в Первой Государственной думе тамбовский крестьянин Рябов, «все ученые агрономы практике у нас учатся, а не мы у них» (там же).

В крестьянском хозяйстве произрастало множество разных культур, существовало большое разнообразие почв, природного ландшафта. Все это необходимо было учитывать при организации сельскохозяйственных работ. Сложность крестьянского труда, осуществляемого в суровых климатических условиях при отсутствии необходимой сельскохозяйственной техники, требовала от работника максимального напряжения сил и огромного объема знаний. Решение стоящих перед крестьянством задач предполагало опору на *богатый, длительно накапливаемый коллективный опыт*, приспособленный к конкретной местности, постоянно пополняемый и проверяемый непосредственно в процессе жизнедеятельности.

Ведение крестьянского хозяйства отличалось *гибкостью, приспособленностью* к сложным климатическим условиям России, *вниманием к тончайшим деталям* при обработке почвы, уходе за культурами, сборе урожая. Так, по характеру деревьев, трав и ку-

старников земледельцы XVIII в. умели определять качество почв. Только в Центральной России было выявлено до 10 видов почв, пригодных для земледелия (там же, с. 12).

Согласно описанию свидетелей-современников, крестьянские участки отличались от помещичьих угодий и по качеству земли, и по рельефу, и по месту расположения: крестьянское поле – «жалкое, изрезанное узкими полосками... все изрытое рвами и промоинами, жавшееся по буграм, смотрело бедно и убого. А рядом с ним [помещичье поле – Е. С.] – целое, разделенное на большие участки, свободное поле, точно обетованная земля» (Романов, 2009, с. 231).

Крестьянин должен был обрабатывать и помещичьи земли, и выделенные в пользование участки.

Как же осуществлялась трудовая деятельность крестьян и каково было их отношение к работе?

Приготовление к полевым работам крестьяне начинали с Великого поста, по приметам определяя, когда можно приступать к пахоте и посеву. Для каждого вида работы существовал особый, «счастливый день», являющийся, согласно народной мудрости, наиболее благоприятным и успешным для ее выполнения. Недели за две до начала полевых работ старики выходили в поле и обращали свои взоры в небо, молясь Богу и испрашивая его поддержку. Но, руководствуясь принципом «На Бога надейся, а сам не плошай», они также внимательно анализировали погодные условия, благоприятствующие или препятствующие началу сева. «Посмотрят, а потом, как по-писанному, всё знают, когда сеять, когда что сажать. И по понедельникам иногда прежде сев начинали: какой-то водой побрызгают, бывало, – и готово. „Сеи, не сумлевайся!“ А то опять тоже на небо поглядят» (там же, с. 232–234).

Вставали крестьяне очень рано – затемно, до рассвета, когда «солнце еще не поднималось, и в деревне было пасмурно и сыро» (там же, с. 231).

Примечательно, что, выходя в поле на первую запашку, все как один крестьяне надевали праздничную одежду: мужчины – белые рубахи, женщины – нарядные сарафаны ручной работы. Это, безусловно, свидетельствует об их *отношении к работе как к празднику*. Кроме того, на полевых работах девушки имели возможность показать себя: свою красоту, умения, силу, ловкость, старание, прилежание, а также богатство отделки и вышивки народного костюма (Громыко, 1991, с. 107–108; Волков, 2004, с. 25).

Выходили в поле пахать и сеять все: молодые и пожилые, мужчины и женщины. Пахота и посев воспринимались как *общее* для каждого селянина дело.

Без молитвы и благословения в поле не выезжали и не приступали к работе: «С тихою молитвой я вспашу, посею. Уроди мне, Боже, хлеб – мое богатство!» (Кольцов, 1987а, с. 293). Русский крестьянин верил, что «сколько спину не гни, а ежели благословения на тебе нет, и не будет ничего. Без благословения и человек не родится» (Романов, 2009, с. 233–237). В Тверской губернии, согласно Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелёвой, «массовые богослужения на полях чаще всего устраивались перед посевом, при первом выгоне скота, во время летней засухи, градобития, пожаров, падежа скота» (Анохина, Шмелёва, 1964, с. 239). Крестьянин села Усть-Ницынского Тюменского округа Ф. Зобнин так описывает обстановку в своей семье перед первой запашкой: «Рано утром после завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всякое дело надо начинать с молитвы. С этого же начинается и пахота. Когда лошади уже бывают запряжены, вся семья собирается в горницу, затворяют двери и перед иконами затепливают свечки. Перед началом молитвы, по обычаю, все должны присесть, а потом уже вставать и молиться. После молитвы в хороших семьях сыновья, отправляющиеся на пашню, кланяются родителям в ноги и просят благословения» (Зобнин, 1894, с. 45). По словам того же информатора, кроме православных норм, регулирующих поведение крестьян, русским земледельцам была присуща также *детерминация их поведения суеверными представлениями*. «Прежде чем выехать за ворота, часто высылают посмотреть, нет ли где бабы на улице. Дурною приметой считается, когда при таком важном выезде баба пересечет дорогу. После такой беды назад воротиться так в ту же пору. Так и делают, если еще не выехали со двора: снова идут в горницу обождать и уж потом выезжают. Бабы в это время боятся выходить, а если уж увидят отъезжающих, то стараются обождать. Не то другой мужик так отпоет, что три года будет помнить» (там же, с. 45).

Большое внимание уделялось *религиозной обрядности*: крошили просвирки и пасхальные яйца и бросали крошки на новую землю, ставили свечку на грядку, зажигали ее, совершали молитву перед иконой, стоящей на белом чистом рушнике в семенах (Романов, 2009, с. 235–237).

Пахоту каждый крестьянин считал делом *очень ответственным, требующим собранности, немногословия, благоговения*: на пашне никогда не звучало бранных слов, не было ругани.

Труд крестьянина на земле, безусловно, был очень тяжелым, требующим больших затрат сил и энергии. В страду каждый час был на счету, и поэтому, несмотря на непогоду (в холод, зной, проливной дождь) или собственное плохое самочувствие, крестьянин вынужден был выходить в поле.

Орудия труда были примитивными; основным средством производства выступала *физическая сила человека*, обрабатывающего землю практически вручную. Поэтому работали крестьяне, не щадя себя, на износ. Земля кормила человека, но вместе с тем тяжелый труд изнурял и часто губил здоровье работника. С весны до поздней осени крестьяне недосыпали и недоедали, много работали, зачастую не соизмеряя свои силы с собственными возможностями.

Вот как это описывается в стихах Ф. Никольской, в которых непосильный труд крестьян воспринимается глазами ребенка, переживавшего, что пока еще он ничем не может помочь своим родителям в силу своего младенческого возраста:

Погоди ты, солнышко, не спеши вставать!
Ох, устала маменька, дай ты ей поспать.
Папенька да братики лошадь распрягли,
Помолились Боженьке, только спать легли.
Мне не выйти в полюшко, маленькая я,
Тяжела ты долюшка, ох, крестьянская.
Вот капель на улице, вот бегут ручьи...
Только мне не радостно, плачу я в ночи.
Жаль мне моих родненьких: будут уставать –
До глубокой осени вдоволь не поспать.
Встану перед Боженькой на коленочки,
Помолюсь тихонечко на иконочки.
Дай в ненастье ведрышка, в засуху дождей,
Из небесной леечки урожай полей.
...Матушка-Заступница, не остави нас!
Дай нам, бедным, хлебушка и в голодный час –
Не по силам ношенька – Ты нас пожалей!
Помоги мне, Боженька, вырасти скорей!»

(Никольская, электронный ресурс).

Связь крестьянина с землей как основа его жизни

Жизнь крестьянина, все его помыслы, надежды и чаяния были неразрывно связаны с землей.

В русской культуре существовали *анимистические представления о земле*, проявляющиеся в ее оживотворении и одухотворении. По мнению крестьян, *земля – живой организм, подобный человеческому телу*: «Земля сотворена яко человек: каменеие яко тело имать, вместо костей корения имать, вместо жил – деревья и травы, вместо власов – былие» (цит. по: Святая Русь, 2007, с. 281). В воображении

людей земля представляла как существо женского рода и изображалась в образе пожилой женщины.

Считалось, что урожай зависит от ее воли: захочет – даст хлеб, не захочет – не даст. Существовало мнение, что земля «дышит», когда ее вскапывают, подготавливая для посева зерна. Отсюда делался вывод, что на землю нельзя выезжать «с бухты-барахты». С виду она покорная, обещающая, но «что-нибудь не потрафишь – вот и утрешься. Семена пропали» (Романов, 2009, с. 232–235).

Согласно бытовавшим в народе поверьям, люди виноваты перед землей, так как «рвут ее грудь сохой, царапают в кровь бороной» (Святая Русь, 2007, с. 281). Отсюда вытекал обычай устройства именин земли и предоставления ей отдыха. Например, в Вятской губернии именинами земли считался день Святой Троицы, в других местах – Духов день и день памяти св. Симона Зилота (Никифоров-Волгин, 2001).

Отношение к земле у русских крестьян было подобно отношению к родной матери. Землю русский пахарь называл почтительно и любовно «матушкой» и «кормилицей». «Самой страшной клятвой на Руси считалась клятва, при которой целовали или ели землю. Уезжая на чужбину, русский человек брал с собой горсть родной земли и держал ее на груди до конца своей жизни, унося ее вместе с собой в могилу. Возвращаясь на Родину, русские вставали на колени и целовали свою землю. Провожая в последний путь своих близких, русские брали с могилы горсть земли и растирали ее около сердца. Считалось, что таким образом можно преодолеть тоску по покойнику» (там же).

Пословицы отразили любовь и глубокое почтение русского народа к земле, его неразрывную связь с ней.

- «Добра мать для своих детей, а земля – для всех людей!».
- «Мать-Сыра-Земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим теплом пригревает».
- «Поклонись матушке-землице, наградит тебя сторицей!»
- «Как не добёр кто, а всё не добрее Матери-Сырой-Земли: всяк приючает землю до гробовой доски, а земля приютит и мертвого».
- «Всякому человеку – и доброму, и худому – земля даст приют».
- «Век живешь – маешься, бездомником скитаешься; умрешь – свой дом в земле найдешь».
- «Нужна рыбе вода, птице – вольная ширь поднебесная, а человеку нет ничего нужнее, как Мать-Сыра-Земля, – умрет, и то в нее уйдет».

- «Корми – как земля кормит, учи – как земля учит, люби – как земля любит» (цит. по: Коринфский, 1994, с. 7–8).

Родную землю матери зашивали в ладанки вместе со святыми образками, которые вешали на шею своим сыновьям при расставании с ними, провожая на фронт, защищать Родину, или вынужденно отправляя их в детский дом в голодное время (Пантелеев, 2013).

В русских сказках без горсти родимой землицы даже «живая вода» не имеет чудодейственной силы: «Дала она им склянку с живой водой и говорит: „Всыпьте в склянку горсть родимой земли – без того вода силы иметь не будет“» (цит. по: Лебедушка, 1985, с. 122). Самой страшной карой для преступников на Руси было изгнание их с родимой земли: «Схватили их люди, связали и привели в деревню. Тут собрался народ. И порешили наказать сестер-лиходеек карою страшною – прогнать их с родимой земли. Так и сделали» (там же, с. 123).

Работа крестьянина на земле была подчинена природному циклу: общение с землей, оседлое житье на ней развило в наших предках созерцательность, особый темп жизни. Сначала весна – посев, потом лето – забота об урожае, потом осень – сбор урожая. Зима – относительный отдых. И цикл повторяется снова. В этом много мудрости и гармонии.

Русские художники – А. Г. Венецианов, Б. Кустодиев, М. Шибапов, В. М. Васнецов, И. Я. Билибин и др. – уловили и точно отразили эту глубинную, сакральную связь русского человека с землей и природой. Фигуры крестьян на их картинах были как будто сотканы из окружающего воздуха.

В русских былинах в лице их героев – Микулы Селяниновича и Святогора – отражается два типа отношения к земле.

Святогор – былинный богатырь, наделенный природой столь огромной силой, что она становится для него тяжким бременем. Рвется эта сила на волю, но не может выйти из тела богатыря, которое, как в темнице, ее удерживает. Не с кем Святогору помериться своей мощью исполинской. И тогда богатырь заявляет, хвастаясь: «По моей бы да по силе богатырской кабы державу мне найти, всю землю поднял бы!». Поехал Святогор «державу» искать и увидел лежащую на земле сумку переметную. Решив, что в ней «тяга-держава земная» лежит, богатырь попытался ее поднять. «Диво дивное, чудо: не поднять богатырю малой сумки переметной. Как ни бился, так и не мог он оторвать сумку малую, – а и грузно же было богатырю от своей силушки. Да еще тяжелее от нее было самой земле: где стоял, там вместе с сумкой Святогор и в землю угряз. Насмеялась

судьба над его похвальбой смелою. И разошлась Святогорова мочь-силушка... по всей земле православной» (Коринфский, 1994, с. 10). Таким образом, сила земли победила мощь богатыря-исполина.

Второй былинный герой, Микула Селянинович, представляет собой обобщенный образ крестьянина-землепашца, олицетворение величия крестьянского труда и глубинной связи русского человека с землей. Спокойствием, уверенностью в своих силах веет от этого нарисованного эпическими красками образа. Идеальный пахарь, человек открытой души, он готов поделиться плодами своего труда с другими людьми, за что любим и уважаем ими:

А я ржи напашу, во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволоку,
Дома вымолочу, да и пива сварю,
Мужичков сзову; и начнут мужики тут покликивать:
«Гой, Микула-свет, ты, Микулушка,
Свет-Микулушка да Селянинович!» (Коринфский, 1994, с. 11).

То, что не под силу оказалось богатырю Святогору, легко делает пахарь, поднимая суму переметную, потому что всей своей жизнью он связан с землей, и она платит ему за это любовь. «Оседлая сила богатыря-земледельца оказалась куда могутнее кочевой-Святогоровой, хоть и не было от нее грузно ни самому Микуле, ни Матери его – Сырой-Земле... Недаром русский народ исстари веков слыл народом-пахарем – самым могущественным из созданных его вековыми сказаниями богатырей и является орадай Микула Селянинович...» (Коринфский, 1994, с. 10–11).

Комментируя эту притчу, Г. И. Успенский пишет: «„Тяга“ в этой самой натуральной земле – той самой, которая у нас в цветочных горшках и которую мы приносим с улицы на подошвах своих калош, – оказывается столь огромной, что с ней не в силах был совладать богатырь...» (Успенский, 1987б, с. 480).

По утверждению Успенского, сила земли имеет неограниченную, могущественную власть над народом: «...Огромнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива, и могуча в несчастиях, до тех пор молода душой, мужественно-сильна и детски кротка... до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит власть земли, покуда в самом корне ее существования лежит невозможность послушания ее повелений, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование. ... Он весь, с головы до ног и снаружи до самого нутра, проникнут и освещен теплом и светом, веющими на него от матери сырой земли» (курсив мой. – Е. С.) (Успенский, 1987б, с. 478–479).

Именно связь с землей, по мнению Успенского, выступает в качестве *глубинного основания*, определяющего *смысл жизни русского человека, его интересы, мировоззрение, психологические черты, нравственно возвышающего его, детерминирующего его действия и поступки*. Соответственно, разрыв этой связи, «*раскрестьянивание народа*», означает *утрату его лучших сущностных характеристик*, по сути, *исчезновение русского народа как такового* (говоря современным языком, – качественное изменение его менталитета): «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, – добейтесь, чтоб он забыл „крестьянство“, – и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идет от него. Остается один пустой аппарат пустого человеческого организма. Настает душевная пустота, „полная воля“... безграничная пустая ширь, страшное „иди, куда хошь“...» (Успенский, 1987б, с. 479). Развивая далее свою мысль, Успенский пишет, что, «возвращаясь вновь после легкой работы (в лакеях, дворниках, половых, в трактирах, на вокзале) к земледельческому труду, крестьянин начинал обретать образ и подобие человеческого, потому что терял необходимость выдумывать себе интересы и наполнять себя нравственно чем попало. Власть земли и труд, к которому она обязывала, наполняли все его существование содержанием невыдуманным, без его усилий и желаний, наполняли своей властью без его участия и воли. Владычествующая над ним земля объясняет ему необходимость и надобность каждого шага, каждого поступка, каждого помышления» (там же, с. 482). Крестьянин вновь обретал гармоничность жизни в подчиненности велениям земли и природы.

В «Письмах из деревни» («Письмо 7-е») публицист А. Н. Энгельгардт указывает на то, что крестьянин ничего не приобретает своим трудом для себя, получая лишь тот необходимый минимум средств, который позволяет ему прокормить себя, свою семью и скотину (Энгельгардт, 1987, с. 161–162). О том, что крестьянин непрерывно и неустанно трудился только для того, чтобы не умереть с голоду, пишет Г. И. Успенский в своем очерке «Крестьянин и крестьянский труд» (Успенский, 1987а, с. 391–392). Работа на земле не позволяла ему расслабиться, ставя перед ним одну задачу за другой: «Хозяин его, земля, не дожидается: нужно косить – сено нужно для скотины, скотина нужна для земли» (Успенский, 1987б, с. 482). Но крестьянин не бросал своей тяжелой работы. «И вот в этой-то ежеминутной зависимости, в этой-то массе тяготы, под которой человек сам по себе не может и пошевелиться, тут-то и лежит та необыкновенная легкость существования. Русский крестьянин *привязан к зем-*

ле с необычайной и непонятной другим слоям русского населения силой» (курсив мой. – Е. С.) (там же).

Очень точно, поэтическим языком неразрывность связи русского человека с родной землей выражает А. Коринфский: «Как траве-мураве не вырасти без горсти земли, как не красоваться цветку на камне, так и русскому народу не жить на белом свете без родимой Земли-Кормилицы. Как без пахаря-хозяина и добрая земля – горькая сирота, так и он без земли – что без живой души в своем богатырском теле. „Кормилицей“ зовет он Землю, сторицей возвращающую ему засеянное в добрый час зерно, „матушкой родимую“ величает. <...> Поклонись матушке-землице, наградит тебя сторицей!» (Коринфский, 1994, с. 1–2, 18).

В земледельческом труде были сосредоточены все основные жизненные интересы крестьян. На него были направлены их мысли, умственная активность; он приносил подлинную радость и удовлетворение. Крестьянин-земледелец трудился и жил интересами своего труда. «Он почти ничего не знает насчет своих „прав“, ничего не знает о происхождении и значении начальства, не знает, за что началась война, и где находится враждебная земля и т. д., потому что он заинтересован своим делом; ему некогда знать и интересоваться всем этим, точно так же как мне и вам, заинтересованным „всем этим“, – пишет Г. И. Успенский, – нет ни охоты, ни возможности три вечера кряду думать об утке или „грустить“ душевно, глядя на то, что овес вышел редок» (Успенский, 1987а, с. 405).

Таким образом, для русского крестьянина были характерны *целеустремленность и сосредоточенность на объекте своего труда*. В этом отношении он существенно отличался от представителей других сословий, например, от чиновников, которые, согласно Успенскому, работают в министерстве «до пяти часов поденщину, чтобы выработать средства к жизни», осуществляя работу совсем не нужную им лично. Жизнь для чиновника – «почести, политика, театр». Воспитывая детей, дабы их не испортить, он не приобщает их к своим служебным и общественным интересам, не знакомит с ними. «Словом, жизнь такого чиновника разбита на полосы, в которых нет связи. В департаменте он один, дома – другой, в театре – третий. Ему нужен кабинет – для себя, салон – для общества, классная – для детей. И везде все разное – и думается, и говорится, и делается. А крестьянин-земледелец везде один и тот же. Его жизнь, интересы и результат заключаются в земледелии. В этих же интересах сами собой воспитываются и его дети. <...> Для пахаря-мужика нужна одна изба, потому что все живут одним – землей, у всех один труд – земледельческий, все говорят и делают

одно – то, что повелит мать сыра земля!» (Успенский, 1987б, с. 483–484).

Крестьяне, имеющие в своем пользовании крохотные наделы, мечтали о справедливом перераспределении земли. *Тема земельных переделов занимала центральное место в сфере их интересов*. Г. И. Успенский описывает в своем очерке «Крестьянин и крестьянский труд» жизнь и быт одного знакомого ему крестьянина Ивана Ермолаевича. Автор неоднократно пытался заговорить с ним о новостях, но он зевал, не слушая барина (Успенский, 1987, с. 381–382). Только однажды Иван Ермолаевич сам спросил о том, что пишут в газетах. Это сильно удивило писателя. Оказывается, его очень заинтересовал слух о том, что якобы с неба на землю упала большая кобыла, у которой «все на спине-то прописано... какие бедствия, и как что будет, и насчет земли, будто будет раздача...» (там же, с. 389–390). Это, в его интерпретации, является предзнаменованием скорого передела земли в пользу крестьян.

Указания об увеличении земельных наделов и начале скорого передела земли крестьяне усматривали даже в Священном Писании, в частности в Откровении Иоанна Богослова, отыскивая в нем те или иные косвенные свидетельства об этом¹. Находя в богословских трудах слова «и соединиша», «и соединихом», «и соединих», крестьяне-толкователи делали однозначный вывод: речь идет о земле. Они утверждали, что сначала несправедливо разделили («разделихом») землю на наделы, а потом придет Царь-избавитель и вернет («соединит») крестьянам то, что им должно принадлежать по праву. Успенский писал: «Непонятный, запутанный текст „Апокалипсиса“, который с такой охотой читают деревенские грамотные люди, в толкованиях этих последних получает совершенно неожиданно самый ясный смысл, потому что все оказывается написанным насчет того, что земли будет вволю... „Как у нас теперь наша земля отошла, и буерак с прутняком отошел, то вот и пишется, что придет и присоединит все опять же к нам...“. Отыскиваются в „Откровении“ и указания, имеющие чисто местный характер. Например, в одной деревне крестьянскую землю раскидали в три разных места, а в другой она только в двух местах. И каждая деревня непременно найдет в „Апокалипсисе“ указания, касающиеся ее земельных особенностей. Одна отыщет, что трие воедино, а другая – воедино да будут двое, и все это с глубочайшей верой и благоговением...» (Успенский, 1987б, с. 492–493).

С землей и сельскохозяйственным трудом были связаны существовавшие в крестьянской среде многочисленные поверья и обряды.

¹ Естественно, в Священном Писании прямых указаний на это нет.

Так, во всех обрядовых песнях-величаниях больших русских православных праздников начиная с колядок во время Васильева вечера (новогодней ночи), продолжаясь в песенной традиции зазывания весны-матушки и красного солнышка на масленицу, сороки и благовещение и заканчивая проводами лета и празднованием уборки хлеба на осенины или спожинки (разные названия бытовали в разных местностях), содержатся призывание богатого урожая и пожелание успехов в труде его хозяевам на текущий или будущий год:

Коляда, коляда!
Отворяй ворота!
Мороз, мороз, не бей наш овес!
Лен да конопли,
Как хочешь колоти!
(цит. по: Селиванов, 1987, с. 129)

На непрерывную мысль русских крестьян о земле указывают и некоторые элементы народного костюма. Например, женский головной убор в виде рога (одного, двух или трех), являлся символом плодородия и силы (Монгуш, 2012).

Даже христианские церковные праздники и обряды приобрели для народа земледельческий смысл. Так, например, Успение Пресвятой Владычицы и Приснодевы Марии, посвященное переселению Богородицы в небесные обители, крестьянское сознание связывало с тем, что весь урожай уже поспел, и настало время уборки: «Успение – значит, все поспело». Эти два слова, несомненно, близки по звучанию, да и время празднования совпадает с периодом плодородия в русской деревне. Та же особенность восприятия православного праздника по-своему, со своим собственным личным смыслом, прослеживается при анализе отношения крестьянства к празднику Воздвижения. В Русской православной церкви этот день носил название: «Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня». А вот народный его смысл был несколько иным, связанным с природным циклом и земледельческими работами. «На Воздвиженье птица в отлет двинулась, медведь – в берлогу, змея – в нору»; «Пришло Здвиженье – кафтан с шубой сдвинулся, а шапка надвинулась»; «Воздвиженье кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет»; «Воздвиженье тепло сдвигает, а холод надвигает»; «Здвиженье – гад и змея не движутся, а хлеб с поля на гумно сдвигается»; «Воздвиженье – последняя копна и последний воз с поля сдвинулись» (Селиванов, 1987, с. 112). Одним словом, все непременно куда-то движется. Да и сам праздник Воздвижения в народе нередко именовался «Сдвижением».

Интересно также, что Покров назывался крестьянами «батюшкой», хотя и посвящался Пресвятой Богородице. Некоторые хозяева в этот день затыкали кое-где пазы стен мхом и приговаривали: «Батюшка Покров, покрой нашу избу теплом, а хозяина добром!». Святые же Косьма и Дамиан, память которых приходится на осеннее время, напротив, именовались «матушкой»: «Матушка, Кузьма-Демьян, зароди цыпляток к осени, курочку да петушка тебе зарежем!», – просили крестьянки перед посадкой наседки на яйца. «Но не по одному только этому случаю призываются в молитвах святые Козьма и Дамиан. Чуть ли не всякая баба, в какое бы то ни было время, что бы ни зачинала, за какую бы работу ни садилась, всегда перекрестится и промолвит: „Кузьма-Демьян, матушка, помоги мне работать!“» (Селиванов, 1987, с. 112). По-видимому, в этом обряде сказывался отголосок древнеславянского культа Мокоши – «богини плодородия, воды, покровительницы женских работ и девичьей судьбы...» (Рыбаков, 1994, с. 390). Любопытно, что на мужские имена христианских святых народная память накладывает женское начало богини, имя которой утрачено. Эти примеры свидетельствуют о живучести языческих представлений в сознании русских крестьян дореволюционного периода.

Почти каждый день крестьяне связывали с тем или иным видом сельскохозяйственных полевых работ. Любая народная примета имела значение и силу как предсказание будущего урожая, приплода скота и т. п. Для каждого дня календаря – обычного и праздничного – народ создал «свое, второе» название, согласно земледельческому календарю. «Святые и чудотворцы Русской православной церкви были переведены на крестьянское положение и переименованы» (Селиванов, 1987, с. 139). Так появились на Руси Акулина-«гречишница» и Герасим-«грачевник», Петр и Павел-«сенокосники» и Лукерья-«комарница», Леонтий-«огуречник» и Ирина-«рассадница», Кузьма-«свекольник» и Аграфена-«купальщица», Спиридон-«солнцеворот» и Тимофей-«весновей», Самсон-«сеногной» и Фалалей-«огородник», Лукьян-«ветреник» и Петр-«капустник», или «поворот». «Святой апостол Онисим был переименован в Онисима-„овчарника“, а Иов многострадальный – в Иова-„горошника“, св. Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, имя которого нераздельно связано с историей Христианской Церкви в IV в., так как он был одним из самых ревностных защитников благочестия против лжеучения Ария, становится просто Афанасием-„ломоносом“, потому что около дня его имени, 18 января, бывают самые страшные морозы, от которых кожа слезает с носа. Святая мученица Евдокия, отличавшаяся в молодости тем, что „пленила красотой юношей и жила во грехе“,

а потом по увещанию некоего Германа обратилась к истинному Богу, именуется Евдокея-,плющиha, подмочи порог“, так как 1 марта, в день ее памяти, „тает, плющит снег“. Таким образом, весь год – 365 дней – имеет бесчисленное множество примет, которые достаточно полно характеризуют земледельческую народную мысль» (цит. по: Успенский, 1987б, с. 490–491).

Земледельческий труд имел для крестьянина *свою поэзию, нравственное содержание, являлся творчеством и даже искусством*. Наиболее ярко эту сторону народной психологии, по мнению Успенского, выразил в русской литературе поэт А. В. Кольцов, как никто другой воспевавший труд земледельца и раскрывший *поэтические «струны»* народной души и мирозерцания. Большинство же русских деятелей культуры только скорбели о тяжелой участи пахущего поле мужика, о ярме, которое он несет, связывая с образом крестьянина, босиком бредущего за своей клячонкой, лишь состояние крайней усталости и беспросветной нужды. В отличие от этого, по словам Успенского, Кольцов увидел в образе землепашца другую его сторону – присущее ему *ощущение радости и творческого подъема*, порожденное умением прочувствовать красоту и ценность земледельческого труда (Успенский, 1987а, с. 406). Об этом свидетельствуют следующие строки, вложенные поэтом в уста крестьянина:

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,

Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка –
Вырастет и колос,
Станет степь рядиться
В золотые ткани (Кольцов, 1987а, с. 292–293).

Г. И. Успенский пишет: «Сколько тут разлито радости, любви, внимания, и к чему? К гумну, к колосу, к траве, к кляче, с которой человек разговаривает, как с понимающим существом, говоря „мы с сивкою“, „я сам-друг с тобою“ и т. д.» (Успенский, 1987а, с. 406).

А как весело, с задором работает косарь А. В. Кольцова:

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косою вострою;
Мне давно гулять
По траве степной,
Вдоль и поперек
С ней хотелось...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньей, коса,
Засверкай кругом!

Зашуми, трава,
Подкошбнная;
Поклонись, цветы,
Головой земле! (Кольцов, 1987б, с. 299–300).

Согласно Успенскому, «тут что ни слово, то тайна крестьянского мирозерцания: „раззудись, плечо, размахнись, рука“... „зажужжи, коса, засверкай кругом“ – все это прелести, ни для кого, кроме крестьянина-земледельца, непонятные и недоступные» (Успенский, 1987а, с. 407).

Гармоничные отношения и единство русского крестьянина с природным миром как фактор формирования его менталитета

Работа на земле определяла *необходимость познания* и учета крестьянином в его деятельности *природных условий, определяла особенности его мирозерцания*. Как отмечает Успенский, «с этой же нивой и думами о ней связано *совершенно объяснимое внимание к природе, внимание пристальное, жадное* („как туман густится в тучу, туча проливает дождем“) <...> Тут нет пустого места, нет прорехи в мирозерцании человека, *и само мирозерцание удивительно целостно*. <...> Творчество в земледельческом труде, поэзия его, его многосторонность составляют для громадного большинства нашего крестьянства *жизненный интерес, источник работы мысли, источник взглядов на все окружающее его, источник* едва ли даже не *всех его отношений частных и общественных*» (курсив мой. – Е. С.) (там же, с. 408–409). В. В. Розанов писал о «пронзительном чувстве природы», характерном для русского народа. Действительно, крестьянин с детства любил и чувствовал природу, относился к ней как к *живому существу*:

Я ребенком любил большие,
Медом пахнущие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.
Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой!
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»
Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру.

(Гумилёв, 2001, с. 168)

Крестьяне чутко улавливали *изменения, происходящие в природе, наступающие с приходом весны, символизирующие приближение времени посевной*: на улице «что-то происходило, слышалось движение и какой-то гомон... такое яркое солнце било в окна, что глазам было больно на него глядеть» (Работников, 2004, с. 119). В природе, по их мнению, *сокрыта великая и неведомая тайна, некий общий закон, которому подвластен и человек, и весь окружающий его мир, – закон жизни и смерти, конечности бытия и вечности существования*. И внимательно вглядываясь в природный мир, человек пытался найти в нем ответы на волнующие его вопросы, разгадать тайны бытия: «Сердце билось еще блаженной, / И я верил, что я умру. / Не один, – с моими друзьями, / С мать-и-мачехой, с лопухом, / И за дальними небесами / Догадаюсь вдруг обо всем. / Я за то и люблю затеи / Грозных военных забав, / Что людская кровь не святее / Изумрудного сока трав» (курсив наш. – Е. С.) (Гумилёв, 2001, с. 168–169).

Успенский ссылается на стихотворение А. Кольцова «Урожай», в котором «и природа, и мирозерцание человека, стоящего с ней лицом к лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты в одно поэтическое целое» (Успенский, 1987а, с. 407).

Протекая естественно, в тесной взаимосвязи с природой, жизнь русского крестьянства являлась по-настоящему *природосообразной*. Ложась спать, селянин думал о том, какой завтра будет день – солнечный или дождливый, и, вставая рано поутру, люди радовались ясной погоде. Режим сна, подъема, приема пищи у русского селянина соответствовал биологическим часам жизни природы. «У земледельца не было ни шага, ни поступка, ни мысли, которые не принадлежали бы земле. Какое счастье не выдумывать себе жизни, не разыскивать интересов и ощущений, когда они сами приходят к тебе каждый день, едва только ты открыл глаза!» – писал Успенский (1987б, с. 482–483).

Русский крестьянин имел *романтически настроенную натуру*. Он тонко чувствовал красоту в окружающем его природном мире, восхищался ею. Так, он мог «просто влюбиться» в большие круглые камни, которые валялись где-то около речки, и несколько дней соображать, сколько будет стоить «перевезть их к себе»; способен был «заглядеться на жеребенка», «наречь свинью забывчивой, а утку – остороумной», искренне радоваться хорошей погоде и тому, что «овсы взялись шибко» (там же, с. 404, 484). По мнению Н. О. Лосского, любовь к красоте и ее утонченное восприятие проявляются у русского народа в способности даже совершенно необразованных людей видеть красоту природы (Лосский, 1991, с. 309).

М. Е. Салтыков-Щедрин приводит следующие слова отставного солдата: «Надобно самому большую простоту в сердце иметь – тогда всякая вещь сама тебе объявится. Иной человек ума и преизбыточного, а идет, примерно, хоть по полю, и ничего не замечает. Потому как у него в глазах и ширина, и долина, и высь, и травка, и былье – все обыдень-дело... А иной человек, умом незлокозненным, сердцем бесхитростным действующий, кроме ширины и долины и выси слышит тут гласы архангельские, красы бестелесные зрит... Потому-то, смекаю я, простому человеку скрижаль Божья завсегда против злохитрого внятнее. <...> Идешь... по лесочкам прохладным, пташка Божья тебе песенку поет, ветерочки мягкие главу остужают, листочки звуками тихими в ушах шелестят... и столько становится для тебя радостно и незаботно, что даже плакать можно!» (Салтыков-Щедрин, 1988, с. 154, 161).

Русский крестьянин, как «дитя природы», выросший на свежем воздухе и с детства впитавший в себя запах полевых трав и синь бескрайнего русского неба, любящий окружающую его картину природы родного края, как собственную мать, любил бывать на природе, много гулял, ходил пешком по родной земле и странствовал по ней, чувствуя ее, как никто другой.

При этом крестьяне не любили стихи и поэзию, относились к ним как к явлению чуждому, не способному до конца выразить всей красоты и величия окружающего их «храма природы».

– «А я вот не люблю стихов, – тихо промолвила она. – Зачем стихи? Разве про это скажешь, как надо?» – Она указала рукой на запруду. Там ветер морщил слегка воду, мелькали низко-низко от воды стрижи, где-то неумолчно цокотали стрекозы. Небо без малейшего облачка трепетало в воде. – «Нет, не скажешь, и никто этого не скажет. Надо с этим быть, а что писать. Вот стрижи летают – и хорошо, вот берег листом пахнет, и вода с плотины бежит – и хорошо, и никому, никому не расскажешь, что хорошо. <...> – А в степи теперь... Там как сказать? Вся степь ведь поет. Вы любите жаворонков?» – «Да, – сказал я, – даже больше, чем соловьев, особенно поутру хорошо поют». – «Вот и я. И это хорошо, что их не видишь, как они поют. Вольная птичка и простая. А еще хорошо, когда колокола гудят на Пасхе – и из поля слушать. Плывет, плывет звон, и все дальше уходит, и словно на тебя льется, как водой чистой обливает. А сидишь в поле, слушаешь – и хочется уйти за ним. <...> В степи далеко слышно, и степь *всегда* зовучая. Когда я была маленькая, мы в селе на приходе жили возле большой дороги. И любила я со страницами беседовать. Вынесешь, бывало, хлеба с солью, с огурцами спросишь: „Ты куда, бабушка, идешь?“ – „А к Сергию, либо в Киев“, –

и начнешь расспрашивать про путь-дорогу. Она расскажет, отдохнет на лавочке перед домом, и пойдешь ее провожать за околицу. Раз я так далеко в степь зашла. Вышла, помню, с бабой – молодая была, мужа лишилась, пошла в Киев, по обещанию, вышла я ее проводить. Идешь во ржах, перепела тенькают, один перед другим плескают. Васильки синими глазками из гушины ржаной выглядывают, и рожь волнуется, куда ни посмотри, – волна волной. Идем мы. Молодуха мне про житьё-бытьё свое рассказывает. Верста за верстой меряем, и не хочется мне от нее уходить: все бы шла да шла. До глубокого лога дошла – опомнилась. «Прощай, – говорю, – я домой пойду». Попрощалась я с ней и побрела назад. Смотрю на столб верстовой: пять верст с ней прошла. Остановлюсь, погляжу: нет, уж и не видно ее – только ржи перегибаются, точно поклон отвешивают. И до слез мне жалко идти не с ней путь за путем. Дома меня сильно побранили, а я ничего, молчу, все степь вспоминаю: как ветер-то там гудит, и всякий звук вольно несется, и птицы поют, за песней песня, без угомону. Вслушаешься их – как далеко не уйти?! Сами ноги идут» (Дурьлин, 2015, с. 273–274).

Кроме богомольцев существовал на Руси и особый вид странников – калики перехожие, *вечно странствующие и бесконечно ищущие премудрости и утешения в природе:*

Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком –
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.
Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звенящей рожью борозде.
Рассвет рукой прохлады росной
Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.
Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
«Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.
Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога».

(Есенин, 2014а, с. 33–34)

Крестьянские поэты иногда сравнивали действия, происходящие в природном мире, с высшим божеством. Об этом читаем у русских поэтов: Сергея Есенина и Николая Клюева:

Чую радуницу Божью –
 Не напрасно я живу,
 Поклоняюсь придорожью,
 Припадаю на траву.
 Между сосен, между елок,
 Меж берез кудрявых бус,
 Под венком, в кольце иголок,
 Мне мерещится Исус.
 Он зовет меня в дубровы,
 Как во царствие небес,
 И горит в парче лиловой
 Облаками крытый лес.
 Голубиный дух от Бога,
 Словно огненный язык,
 Завладел моей дорогой,
 Заглушил мой слабый крик.
 Льется пламя в бездну зренья,
 В сердце радость детских снов,
 Я поверил от рожденья
 В Богородицын покров.

(Есенин, 2014б, с. 55–56)

...Позабыв людское горе,
 Сплю на вырублях сучья.
 Я молось на алы зори,
 Причащаюсь у ручья.

(Есенин, 2014в, с. 35)

В златотканые дни сентября
 Мнится папертью бора опушка.
 Сосны молятся, ладан куря,
 Над твоей опустелой избушкой.

(Клюев, 2001, с. 157)

О глубокой связи с природой свидетельствует *народная наблюдательность природных явлений и погодных условий*. Каждый день в году и почти каждый час в течение дня были «запримечены, объяснены и осмыслены сообразно земледельческим условиям жизни; запримечено и объяснено появление почти каждого облака, дождя, снега, их свойства, вид и цвет» (Успенский, 1987б, с. 492).

Для того чтобы продемонстрировать *народную наблюдательность* русского крестьянина, достаточно будет привести одну из примет праздника Крещения, о чем подробно пишет в своих очерках Г. И. Успенский: «Если на Крещение в полдень синие облака – к урожаю. <...> Сколько нужно внимательности, а следовательно, и траты собственной мысли, примечая цвет облаков в полдень в Крещение, находить в этом связь с урожаем, который может определиться в августе, то есть через семь месяцев!» (там же, с. 493). Для того чтобы создать эту примету, установить связь между августовским хлебом и цветом облаков в Крещение (когда на полях и повсюду вокруг еще лежал глубокий снежный покров), надо было много думать, и притом думать именно «земледельчески» (там же).

Один только этот пример показывает, сколь точными и тонкими были наблюдения крестьян за природой, землей и всем, что с ними связано. Об урожае или неурожае хлеба начинали думать сразу после посева, внимательно следя за всем, что позволяло сделать прогнозы по этому вопросу. Так, согласно октябрьским приметам, «если опадающий лист ложится вверх изнанкой, будет урожай»; ноябрьским, соответственно: «Снегу надует – хлеба прибудет»; «Коли лед на реке становится грудями, будут и хлеба груды». В декабре наблюдали за величиной инея и снега: «Большой иней, груды снега – и хлеба будет много» и т. д. Успенский замечает в связи с этим, что едва ли банкир и капиталист в такой степени скрупулезно анализируют все случайности, которым могут подвергнуться их ценные бумаги, как «тщательно изучает крестьянин мельчайшие подробности случайностей природы, обуславливающие успех его труда и всего благосостояния» (там же, с. 490–492).

Крестьяне – и взрослые, и дети – умели узнавать время дня по солнцу. «Заблудиться [в лесу. – Е. С.] они не боялись. Когда светит солнце, потерять ориентир невозможно. Надо только учитывать время. Когда входили в лес, солнце стояло на востоке и светило им прямо в лицо. Теперь прошло с час, и солнце сдвинулось к югу. Надо, чтобы оно било в правый глаз. Вот в пасмурную погоду дело другое, можно запросто заплутаться» (Работников, 2004, с. 50).

Длительные и систематические наблюдения за природными явлениями позволили крестьянам создать *свой собственный народный календарь*, которым русские люди руководствовались столетиями. Каждому дню года соответствовали *особые приметы, выраженные поэтически*. Для создания такого календаря нужно было обладать не только *наблюдательностью*, но и *особой чуткостью природы, поэтическим складом души*.

Анализ содержания примет народного календаря свидетельствует о наличии элементов мифологичности в сознании русского крестьянина. Приходила весна, и люди встречали ее с песнями и приветливыми зазываниями. Наступала осень, и ее тоже праздновали на празднике осенин после уборки хлеба и сбора нового урожая. При описании разных времен года проявлялся гиллозоизм – их оживотворение, наделение характеристиками, присущими человеку (например: «Май леса наряжает, лето в гости поджидает»).

Каждый святой, с которым был связан тот или иной день народного календаря, символизировал некую веху в трудовой деятельности и жизни человека в целом:

- «Пришел Пахом – запахло теплом» (28 мая).
- «На Кириллу солнышко отдает земле всю силу»; «Пришел Кирилла – самое время косить да сено сушить» (22 июня).
- «На Тихона птицы стихают. Солнце идет тише. У Земли за год самый тихий ход» (29 июня).
- «Петр – Павел день убавил, жары прибавил» (12 июля).
- С приходом Прокопия-жнеца было пора начинать жатву (21 июля).
- А коли Пресвятая Богородица Казанская пришла, «она черные грузди в леса принесла» (21 июля).
- Приход святого Лупы сопровождался вызреванием на местных лесных болотах брусники и наступлением первых заморозков, способных погубить неубранный урожай зрелого овса (5 сентября).
- Святая мученица Наталья «заботилась» о появлении в русских лесах осенних грибов (8 сентября).
- На Марию Приснодеву наступал конец лету (21 сентября).
- «Великомученик Никита-гусепролет зиму „несет“» (28 сентября).
- «С Трифона – Пелагеи все холоднее. Трифон „шубу чинит“, Пелагея „рукавицы шьет“» (21 октября).
- «С Федора Студита зима сердита»; «Со Студита станет холодно и сердито»; «Федоровы ветры голодным волком воют»; «Со Студита стужа – что ни день, то хуже»; «Федор – не Федора: знобит без разбора» (24 ноября).
- «Трещит Варюха – береги нос и ухо» (17 декабря).
- «Пришел Федул – тепляк подул» (18 апреля).
- «Юрий на порог весну приволок» (6 мая).
- «Пришел Евсей – овсы отсей» (7 мая) и т. д.

Для русского крестьянского сознания было характерно оптимистическое отношение даже к неблагоприятным природным явлениям. Русский религиозный философ В. В. Розанов видел основу русского характера «в светлом радостном и гармоничном православном жизнепрприятии».

В русских приметах нет отчаяния или скорби почти ни по какому поводу. Напротив, видна позитивная установка, положительный настрой на то, что любая временная неприятность предвещает лучшее в будущем. «Все, что Бог ни делает, к лучшему!», – говорит русский народ. В подтверждение этому можно привести следующие примеры.

- «Если в мае утром прошел дождь – быть хорошей погоде днем».
- «Если первые два дня июня льет дождь, то весь месяц будет сухой».
- «День после Петра и Павла убывает, жара прибывает».
- «Если гром гремит в постный день, будет хороший улов рыбы».
- «Комары летают роем, жуки проносятся с жужжанием – к ведру».
- «На Иону утром сильная роса и туман – к хорошей погоде».
- «Если на Лукьяна подул сильный северо-западный ветер – быть обилию дождей летом».
- «На Марию гроза – сена будет за глаза».
- «Туман утром стелется по воде и долго не расходится – будет солнечная погода».
- «Осенью серенько утро, так жди красного денька».
- «Паутина осенью стелется по растениям – быть теплу».
- «Куры начинают линять рано осенью – к теплой зиме».
- «Появление комаров поздней осенью – к мягкой зиме».
- «Бабье лето ненастно – осень сухая».
- «Февраль холодный и сухой – август жаркий».
- «Апрель дует да сипит – тепло бабам сулит» и т. д.

Таким образом, все то, что объективно в природных явлениях являлось отрицательным (ранние заморозки, ненастье, ветер, туман, грозы), народ умел воспринимать с надеждой на лучшее.

Заключение

Таким образом, в ходе анализа, используя разнообразные источники (свидетельства исследователей русского народа, высказывания самих крестьян, продукты устного народного творчества – былины, пословицы, приметы и т. д., произведения русской поэзии), удалось подтвердить существование глубокой и неразрывной связи крестьян

янства с землей и природой как важной характеристики его менталитета. Представляется, что эта связь сохраняется и в сознании современных россиян. Это приводит к выводу о необходимости очень осторожного и продуманного подхода к проведению реформ, касающихся земельной собственности. Вспомним, что во всех русских революциях вопрос о земле занимал центральное место.

Литература

- Анохина Л. А., Шмелёва М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964.
- Волков В. М. Русская деревня: Труд, быт и нравы наших предков. М., 2004.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
- Гумилёв Н. С. Детство // Деревенские рифмы. Стихи русских поэтов о деревне (От Жуковского до Рубцова). М., 2001. С. 168–170.
- Дурылин С. Н. Троицын день: Памяти Н. С. Лескова // Дурылин С. Н. Тихие яблони: Забытая русская проза. М., 2015. С. 256–279.
- Есенин С. А. «Пойду в скуфье смиренным иноком...» // Есенин С. Стихотворения. Поэмы. М., 2014а. С. 33–34.
- Есенин С. А. «Чую радуницу Божью...» // Есенин С. Стихотворения. Поэмы. М., 2014б. С. 55–56.
- Есенин С. А. «Я – пастух, мои палаты...» // Есенин С. Стихотворения. Поэмы. М., 2014 в. С. 35.
- Зобнин Ф. Из года в год: Описание круговорота крестьянской жизни в селе Усть-Ницынском Тюменского округа // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1894. С. 37–64.
- Клюев Н. А. «В златотканые дни сентября...» // Деревенские рифмы. Стихи русских поэтов о деревне (От Жуковского до Рубцова). М., 2001. С. 157–158.
- Кольцов А. В. Песня пахаря // Русская поэзия XIX–начала XX вв. М., 1987а. С. 292–293.
- Кольцов А. В. Косарь // Русская поэзия XIX–начала XX вв. М., 1987б. С. 297–300.
- Коринфский А. А. Народная Русь. М., 1994.
- Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.
- Монгуш Е. М. Русский народный костюм – часть национальной культуры, 2012. URL: <http://bezogr.ru/russkij-narodnij-kostyum-chaste-nacionalennoj-kuleturni.html> (дата обращения: 20.12.2016).
- Никифоров-Волгин В. А. Земля именинница // Никифоров-Волгин В. А. Заутреня святителей. М., 2001. С. 207–217.

- Николькая Ф. Маленькая. 2004. URL: http://saving-music.ru/track/6785412_74010430 (дата обращения: 27.08.2016).
- Пантелеев А. И. Я верую! // Пасхальные рассказы русских писателей. М., 2013. С. 248–405.
- Платонов А. А. Цветок на земле // Платонов А. А. Собр. соч. В 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 180–184.
- Работников С. Солнце играет. Повесть. М., 2004.
- Романов П. Обетованная земля // Обетованная земля: Рассказы русских писателей. М., 2009. С. 231–237.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1994.
- Салтыков-Щедрин М. Е. Отставной солдат Пименов. Губернские очерки // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 10 т. М., 1988. Т. 1. С. 154–161.
- Святая Русь: Русский образ жизни: Большая энциклопедия русского народа / Под ред. О. А. Платонова. М., 2007.
- Селиванов В. В. Год русского земледельца (Зарайский уезд, Рязанской губернии) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987. С. 24–146.
- Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке // Лебедушка: Русские волшебные сказки. М., 1985. С. 97–113.
- Успенский Г. И. Из цикла «Власть земли» // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987а. С. 381–464.
- Успенский Г. И. Крестьянин и крестьянский труд // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. М., 1987б. С. 464–494.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОМ НАРОДЕ П. А. КРОПОТКИНА И П. Ф. КАПТЕРЕВА

Е. В. Харитонова (Москва)

Постановка проблемы

Исторический период конца XIX–начала XX в. в России характеризуется глубокими преобразованиями во всех сферах общественной жизни. Стремительное развитие буржуазных отношений, модернизации страны, либерализации политического строя, разрушение традиционного уклада крестьянской общины приводили к глубоким изменениям в общественном сознании. Экономическое разви-

тие, сопровождающееся ростом рабочего класса, приводило к усилению революционного движения. В это же время наблюдалось развитие науки, литературы, искусства. Россия на рубеже веков представляла собой «бурлящий котел», который взорвался в 1917 г., когда была выдвинута задача построения новой России, сокрушив до основания все основы существовавшего общественного строя: «Мы наш, мы новый мир построим».

Судьба отечества не оставляла равнодушными русских ученых, в какой бы научной сфере ни были их интересы: о России, об ее общественном устройстве, о судьбах людей в конце XIX–начале XX столетия писали почти все выдающиеся умы страны. В данной статье мы обратились к взглядам двух современников – П. А. Кропоткина (1842–1921) и П. Ф. Каптерева (1849–1922). Их жизненные пути не пересекались, научные интересы были различны, но размышления о России, о русском народе во многом созвучны. Следует отметить актуальность этих представлений для современной науки и общественной практики.

П. А. Кропоткин и П. Ф. Каптерев о психологии русского народа

Петр Алексеевич Кропоткин – русский философ, социолог, географ, видный общественный деятель, представитель революционного движения, один из основоположников классического анархизма. Он происходил из княжеского рода Рюриковичей, получил блестящее образование, отказавшись от придворной карьеры, отправился на службу в Амурское казачье войско. Как географ Кропоткин совершил несколько экспедиций по неисследованным районам Восточной Сибири и Дальнего Востока. Глубокое знакомство с простыми людьми, жившими на необъятных просторах России, их нелегкой судьбой привело его к выводу, что «для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины» (Кропоткин, 2010, с. 136). В 1870 г. Кропоткин был избран секретарем Русского географического общества. Литературный талант, жизненный опыт, увлечение работами А. И. Герцена позволили ему написать блестящие работы и стать теоретиком русского анархизма, а впоследствии – и успешным революционным пропагандистом среди рабочих и студентов. В 1874 г. Кропоткин был арестован и почти два года содержался в Петропавловской крепости. Совершив побег из тюремного госпиталя, он вынужден был эмигрировать сначала в Швейцарию, затем в Англию. Его книги и статьи были широко известны в России, куда он вернулся только в июне 1917 г. Кропоткин

неоднократно встречался с В. И. Лениным, переписывался с ним, резко критиковал «красный террор». Последние годы жизни он провел в Дмитрове, где, пребывая в крайней бедности, продолжал работать над подготовкой своего основного труда «Этика», в котором описал будущее общество высокой нравственности.

Общественная нравственность, по его мнению, включает «такие черты, как общительность, справедливость, готовность к самопожертвованию в силу непреодолимого внутреннего побуждения» (Кропоткин, 1991, с. 275). Кропоткин убежден, что чувство взаимной поддержки (*солидарность*) даже в самые сложные исторические моменты никогда полностью не исчезает в обществе: «оно живет в мыслях большинства и, в конце концов, вызывает протест против худых, эгоистических учреждений – революцию. Оно и понятно: без этого общество должно было бы погибнуть» (Кропоткин, 1991, с. 299). И хотя Кропоткин не выделял солидарность как явление, присущее только русскому народу, но, учитывая, что его взгляды сформировались во время путешествий по Сибири и Дальнему Востоку, можно предположить, что, говоря о солидарности, он имел в виду соборность (коллективизм), являющуюся одной из ключевых ментальных характеристик русского народа. «У русского народа есть единомыслие, без которого невозможен ни один серьезный переворот в политической жизни страны, есть способность согласовывать свои действия, что также необходимо для успеха, поэтому настоящее движение должно без сомнения восторжествовать», – писал Кропоткин (1991, с. 412).

П. Ф. Каптерев солидарность и единомыслие у русского народа называет «общественными чувствованиями», считая, что «они крепче стягивают людей, выплетают новые нити для их объединения, все больше и больше вводят в сознание каждой отдельной личности интерес к жизни и положению других личностей» (Каптерев, 1914, с. 273).

Каптерев Петр Федорович – русский педагог, психолог, историк педагогики, основоположник отечественной педагогической психологии, видный общественный деятель. Каптерев родился в семье сельского священника, получил образование в духовной семинарии и Московской духовной академии. Активную преподавательскую работу он сочетал с общественно-педагогической деятельностью. Будучи членом Петербургского педагогического общества, Каптерев разработал оригинальную систему семейного воспитания. Лекции Каптерева для «Родительского кружка» были представлены на выставке в Льеже в 1906 г. и удостоены высшей премии. В 1877 г. он опубликовал «Педагогическую психологию», введя это понятие

в научный оборот. После революции 1917 г. П. Ф. Каптерев был вынужден переехать в Воронеж; он считал, что революционные преобразования в школьном образовании излишне разрушительны. Свое отношение к реформам советской школы ученый изложил в статье «Педагогика и политика» (1921). Он утверждал о невозможности превращения «учителей и учащихся в разменную монету в политической игре, а школу – в механизм осуществления идеологической диктатуры», считал, что «педагогический процесс должен быть автономным, т. е. свободным от каких бы то ни было влияний извне» (Каптерев, 1921, с. 47). Н. К. Крупская осудила взгляды Каптерева, поэтому после выхода указанной статьи его работы вплоть до 1980-х годов не переиздавались; считалось, что он выражал антинаучные буржуазные взгляды, чуждые советской педагогике.

Научное творчество Каптерева направлено на осмысление проблемы соотношения *общечеловеческого* и *национального* в теории, истории и практике образования. «Мы понимаем национальность как особый психический и физический тип, как особое самостоятельное мировоззрение, оригинальный взгляд на жизнь, на науку, на искусство, особые умственные и сердечные наклонности и порывы, которые различны, но не противоречивы, побуждают к гармонии, к взаимному восполнению, к дружной соединенной работе, а не к вражде. Национальность есть не что иное, как свой собственный способ, своя особая манера мыслить, чувствовать и действовать» (Каптерев, 1877, с. 12).

Проблема общечеловеческого и национального в России в конце XIX–начале XX в. была одной из острых и популярных. Объяснялось это несколькими причинами: с одной стороны, страна переходила на новый экономический, политический, культурный, научный уровень и вливалась в мировое цивилизационное пространство; с другой стороны, внутри страны наблюдались патриотический подъем, рост национального самосознания, стремление к опоре на собственные корни.

П. А. Кропоткин в статье «Национальный вопрос» также рассматривал проблему соотношения национального и общечеловеческого. Подчеркивая ценность народности, он писал: «Ни один народ не должен, конечно, пренебрегать своею народностью. Развивая свой язык, свою культуру, свои особенности творчества и мышления, всякая народность, как бы мала она ни была, вносит свой ценный элемент в общую сумму развития человечества» (Кропоткин, 2010, с. 456). Родину он определял как совокупность внешних и внутренних условий, сложившихся в жизни нации на протяжении ее длительного существования. «Совокупность национальных благ – естественных

(земля, берега, леса и т. д.), материальных (орудия производств и потребление) и культурных (развитие языка, национальной философии, поэзии, искусства и т. д.) – совокупность всего этого я называю родиной» (Кропоткин, 2010, с. 459).

Особое внимание как фактору сохранения и укрепления национальной самобытности Кропоткин и Каптерев уделяют *родному языку*, при этом подчеркивая уникальность и богатство русского языка. Согласно П. А. Кропоткину, «словесное богатство русского языка поразительно: тогда как в языках Западной Европы часто имеется одно только слово для выражения известного понятия, в русском языке имеются два, три или четыре слова для выражения различных оттенков того же понятия. Русский язык особенно богат в выражении различных оттенков чувств – нежности и любви, скорби и веселья, а также различных степеней того же самого действия» (Кропоткин, 2014, с. 8). По утверждению П. Ф. Каптерева, русский язык – это «сокровищница, в которую народ в течение веков складывает свои духовные богатства, свои духовные приобретения» (Каптерев, 1982, с. 106). Каптерев полагает, что язык является главным элементом народности, посредством которого происходит формирование ума и чувств детей по народному общему типу: «Усвоение народного языка есть усвоение народной души, духовное приобщение себя к тому великому целому, которое называется известным народом и говорит на известном языке; усвоить народный язык значит усвоить народную культуру, приобретенные народом знания, а вместе и народный способ мышления, намеченные в языке руководящие точки зрения на весь Божий мир» (там же, с. 107).

Одной из значимых характеристик русского народа, которые отмечают в своих работах ученые, является *нравственность* и *совесть* русских людей. Как пишет П. Ф. Каптерев, «нравственные чувствования служат выразителем общественно правильных отношений. Мы испытываем нравственное волнение лишь в том случае, если есть согласие или несогласие между нашей личной деятельностью и счастьем и благополучием других людей. Нравственные чувства всегда общественные. Вся нравственность, все уколы совести, все волнения справедливости и самопожертвования суть не что иное, как игра личных и общественных элементов, их разнообразного сочетания» (Каптерев, 1914, с. 281).

Сходные идеи высказывает П. А. Кропоткин: «Человек всегда принимал и всегда будет принимать в расчет интересы хоть нескольких других людей и будет принимать их все более и более тесные взаимные отношения, а также и по мере того, как эти другие сами будут

определенно заявлять свои желания и свои чувства, и настаивать на их удовлетворении» (Кропоткин, 2010, с. 355).

Созвучие взглядов Кропоткина и Каптерева во многом объясняется и сходством их жизненных позиций: прекрасно образованные люди, имеющие высокие нравственные принципы, многократно помогавшие нуждающимся в их помощи и защите, искренне служившие на благо общества.

Следует отметить, что сходство взглядов авторов касается не только констатации положительных качеств русского народа. Искренне любя свой народ, они в то же время отмечают его негативные характеристики, которые, по их мнению, мешают развитию и процветанию России.

П. Ф. Каптерев пишет, что «для развития каждого свойства нужны благоприятные условия», а «прошлая тысячелетняя история народа... создала в России неблагоприятную почву для развития сильных характеров» (Каптерев, 1982, с. 76).

П. А. Кропоткин указывает на недостаток воли русского народа, считая, что ее причина в бедности людей: «Русский народ недоедает. Хронический голод – язва России» (Кропоткин, 2010, с. 392). Кропоткин полагает, что, взяв революционным путем в свои руки землю, фабрики, заводы, русский народ обретет и «волю настоящую – народную, а не господскую. До чего довело нас вековое рабство, просто тяжело подумать» (Кропоткин, 2010, с. 392).

Консерватизм русского народа, по мнению Каптерева, – еще одна характеристика русского национального характера: «Всюду, во всех сферах жизни усматривается недостаток предприимчивости и настойчивости: наши торговые отношения с Азией и с Европой, говорят, много страдают от недостатка предприимчивости у нашего купечества, любящего проторенные пути и дорожки и крайне туго решающегося на какие-либо новшества... Между нашими теоретическими замыслами, обыкновенно очень широкими и даже грандиозными, и способностью их практического осуществления, по большей части очень ограниченной, оказывается слишком большая разница» (Каптерев, 1982, с. 75).

П. А. Кропоткин в своем анализе русской литературы, комментируя роман И. А. Гончарова «Обломов», описывает явление *обломовщина*, которое, по его мнению, присуще «всей русской истории». Он пишет, что «вся русская жизнь носит на себе следы этой болезни – той лени ума и сердца, возведенной в добродетель, того консерватизма и инерции, того презрения к энергичной деятельности, которые характеризуют Обломова и которые так усиленно культивировались во времена крепостного права даже среди лучших людей

России» (Кропоткин, 2014, с. 153–154). «Обломовщина» как «печальное следствие рабства», делает вывод Кропоткин, – это «отсутствие любви к борьбе – „моя хата с краю“ – в отношении к общественным вопросам; отсутствие „агрессивных“ добродетелей; непротивление и пассивное подчинение – все эти черты характера в значительной степени присущи русской расе» (там же, с. 154). Но в то же время Кропоткин полагает, что «обломовщина» существует «на обоих континентах и под всеми широтами... имеется помещицья „обломовщина“, чиновничья „обломовщина“ – откладывать в долгий ящик, научная „обломовщина“, которой все мы охотно платим щедрую дань» (там же, с. 156).

П. Ф. Каптерев выделяет в русском характере *неспособность к систематическому труду*: «У нас, русских, теория порывов и вдохновения находится в особенном почете, мы ее постоянно придерживаемся на практике, искренне веря, что одним взмахом, одним напряжением и порывом мы сразу сделаем чрезвычайно много и обгоним всех медленных, но систематических тружеников. Действительно, на короткое время мы одушевляемся, становимся чрезвычайно энергичными, но порыв скоро проходит, выдержки у нас нет, и мы вслед за моментом порыва опускаем руки, находя ежедневный будничны́й труд слишком мелким и ничтожным, несоответствующим нашей широкой и талантливой природе. Это крайне зловредная теория, благодаря которой мы отстаем во всех отношениях от всего образованного мира. Нужно создать в России новое поколение людей – людей систематического труда и борьбы, которые последовательно, шаг за шагом, двигались бы вперед, не особенно слышно, но неудержимо, настойчиво, и положение, раз нанятое, не уступали бы обратно ни под каким видом. Нужно научить не пренебрегать мелким, невидным трудом, как скоро он ведет к желанной цели – поднятию народа во всех отношениях, к нравственной и всякой другой свободе индивидуума и общества» (Каптерев, 1914, с. 355).

Эти слова Каптерева, безусловно, звучат современно и в наши дни, так как многочисленные исследования показывают, что современные россияне по-прежнему склонны к авральной работе. Модный «тайм-менеджмент» не получил широкого распространения, но подобные практики активно внедряются, и молодые люди в России в силу глобалистических тенденций, большого количества совместных предприятий с западной организацией труда усваивают новые стратегии в своей трудовой деятельности.

Требуют осмысления и взгляды П. А. Кропоткина о причинах миграции и в особенностях последующей адаптации к новым условиям людей из различных слоев общества – богатых и бедных: «У фран-

цузов изречение „у бедного нет родины“ не означает, что бедному безразлично, где бы ни жить и среди каких людей. Оно означает, что богатые лишили его родины, которую, однако, ему хочется иметь, может быть, даже больше, чем богатому. До того хочется, что в то время, как богатый везде, куда бы он ни поехал, находит международную свою среду: оперу богатых, их карточные столы и их „общество“ – бедняк несет с собою свою песню, свою культуру, свои обычаи и пытается сложить свою, любимую им родину, в Канаде, в Америке, в Южной Африке, в Сибири, – куда бы он ни переселился» (Кропоткин, 1991, с. 453). Кропоткин писал об этом в статье «Национальный вопрос» в конце XIX в., но высказанные им мысли находят подтверждение в современной действительности: беженцы, спасающиеся от нищеты и войн, переселяясь сегодня в Европу, также стремятся создавать свою «маленькую родину» в Германии, во Франции и в других странах. Многолетний опыт Германии показывает, что турецкие «немцы» в большинстве своем не знают немецкого языка, живут, сохраняя национальные традиции, обычаи и, самое главное, – свою веру. Что ожидает сейчас Европу, когда многотысячные нищие беженцы начнут создавать свою «маленькую Сирию» и другие ближневосточные и африканские «родины»? Сможет ли Евросоюз справиться с бедностью, превратятся ли мигранты в «добропорядочных буржуа»?

Как истинных патриотов Кропоткина и Каптерева интересовал вопрос о сохранении национальных традиций и ценностей русского народа. П. Ф. Каптерев еще в конце XIX в. ставил вопрос о необходимости преодоления космополитичности в образовании и организации школы, опирающейся на духовную самобытность народа: «Только то образование есть истинно народное образование, которое вытекло, определилось национальными особенностями, историей народа, которое создано его народным гением, которое помогает формироваться и определяться самостоятельному народному уму, а не подавляет его самостоятельность, не стремится сделать данный народ копией другого» (Каптерев, 1877, с. 16).

Образование и воспитание должны способствовать, по мнению Каптерева, трансляции народных идеалов, которые возникают и развиваются на основе общей исторической судьбы, обычаев, традиций, языка, религии, общественно-политического устройства и практического опыта. «Идеал есть хотя и духовное, но живое и образное целое, воплощающее в себе желаемое и ожидаемое известным народом от своих сограждан, есть совокупность привлекательных ценных черт, есть совершенно определенная путеводная для жизни звезда» (Каптерев, 1905, с. 67). Национальные идеалы

определяют мотивы деятельности, особенности поведения народа, для русского народа – это «добрый общественник», который обязательно показан во всех народных героях. «Русский народ признает святых подвижников, преданных высшим религиозно-нравственным стремлениям и посвятившим свою жизнь служению Богу и духовно-нравственному руководительству людьми – это идеалы высшего порядка. Во вторую очередь, герои – это лица, проявившие особую энергию и гражданское самопожертвование на служении отечеству, государству; особое место в народном сознании принадлежит героям, проявившим силу и выдержку в перенесении ударов судьбы, стойкость к несчастьям, терпеливость, сохранившим силу духа среди разного рода бедственных внешних обстоятельств» (там же, с. 72).

Кропоткин выделяет национальные идеалы, представленные в русских былинах: «Русские былины, по их стилю, поэтическим образам и, отчасти, по характеристике героев являются самостоятельными созданиями народного творчества. Их герои носят отличительные черты русского характера. Так, например, они не прибегают к кровавой мести... их действия, особенно у „старших богатырей“, не являются результатом преследования личных целей, но проникнуты общинным духом, представляющим характерную особенность русской народной жизни... В этих былинах Россия обладает драгоценным национальным наследием редкой поэтической красоты...» (Кропоткин, 2014, с. 15).

Обращение к народной литературе, к произведениям, написанным на русском языке, – важное воспитательное средство и высшая форма изучения родного языка. «Литература как целое есть после языка одно из рельефнейших и определеннейших выражений души народа. В языке она вырастает как душа коллективная, массовая, потому что язык есть результат всенародного творчества; в литературе она выражается как душа единичная, индивидуальная, как душа того или иного отдельного писателя. Но и та, и другая душа, и коллективная и индивидуальная, есть, в сущности, одна и та же душа – народная» (Каптерев, 1982, с. 467).

Значение русского языка и литературы в России и в наши дни является вопросом государственной значимости, так как языковая политика представляет ядро мировой политики. Вытеснение национальных языков в связи с современными тенденциями глобализации, всемирными информационными процессами опасно для народа утратой его национальной идентификации. Русский язык – это духовная основа русского народа, он связывает поколения, обеспечивает культурную преемственность; в современном российском

обществе русский язык выполняет также консолидирующую роль, объединяя множество этносов нашей страны, являясь языком межнационального общения, способствуя сближению народов, их взаимному духовному росту.

Заключение

В заключение можно отметить, что гуманистические идеи выдающихся ученых П. А. Кропоткина и П. Ф. Каптерева сохраняют актуальность в наши дни, способствуя выяснению сложной и противоречивой проблемы соотношения общечеловеческого и национального. Высказанные ими положения о солидарности людей, общественных чувствах, взаимной поддержке в обществе, которые способствуют развитию и активной деятельности всех и каждого, о высоких нравственных принципах русского народа и его готовности к служению на благо общества имеют огромный потенциал для современной психологической науки и практики.

Литература

- Каптерев П. Ф. Национальность и наука в организации народной школы // Народная школа. 1877. № 6–7. С. 3–33.
- Каптерев П. Ф. Педагогический процесс. СПб., 1905.
- Каптерев П. Ф. Педагогическая психология. СПб., 1914.
- Каптерев П. Ф. Педагогика и политика // Педагогическая мысль. 1921. № 9–12. С. 43–49.
- Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982.
- Кропоткин П. А. Этика // Кропоткин П. А. Избранные труды. М., 1991.
- Кропоткин П. А. Избранные труды. М., 2010.
- Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе. М., 2014.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНТАЛИТЕТОВ¹

А. В. Юревич (Москва)

Постановка проблемы

По мнению авторов, обращающихся к проблеме менталитета, «удовлетворительного определения понятия „менталитет“ пока не существует» (Лурье, 1997, с. 45), а «наше знание о психологической природе и механизмах формирования менталитета народов, субкультур, социальных групп и т. д. еще крайне ограничено» (Гостев, 2010, с. 22).

Тем не менее это понятие превращается в один из самых популярных терминов современной российской социогуманитарной науки. Отмечается, что «в конце XX в. в отечественной науке предметом широкого дискурса становится проблема менталитета» (Буянова, 2006, с. 168). Согласно В. Е. Семёнову, «в последние пятнадцать лет в отечественных социальных науках нарастало использование термина „менталитет“ в самой разнообразной трактовке» (Семёнов, 2007, с. 95). Как отмечает М. С. Гусельцева, «исследования российской ментальности, самосознания и самоосознания интеллигенции становятся одними из самых актуальных в последние десятилетия» (Гусельцева, 2012, с. 46). Достаточно выраженный интерес к проблеме менталитета обнаруживает и отечественная психологическая наука (Историческое и современное состояние ..., 2015; и др.).

В исследованиях, складывающихся вокруг понятия «менталитет», можно выделить следующие основные блоки: 1) характеристика самого этого понятия и соотнесение его с близкими категориями, такими как «национальный характер», «психический склад нации», «дух народа» и др.; 2) описания конкретных видов менталитета – в отечественной литературе, прежде всего, естественно, российского; 3) выявление исторических корней и других факторов формирования менталитета; 4) проявление его особенностей в поведении, культуре, образе жизни и т. п. его носителей; 5) исторические изменения менталитета под влиянием различных факторов и возможности целенаправленного воздействия на него.

Основные факторы формирования менталитета

Обычно констатируется, что менталитет складывается на основе общего исторического, культурного, социального и экономического развития той или иной общности.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 15-06-02137.

Авторы многотомника «Национальная идея России» пишут: «Среди причинных систем, способствующих как формированию менталитета, так и его эволюции, следует выделить: расово-этнические качества общности, естественно-географические условия ее существования, результаты взаимодействия данной общности и социокультурной среды ее проживания. Среди расово-этнических отличий социокультурной общности, воздействующих на менталитет, в первую очередь следует отметить ее численность, темперамент, уровень развития и т. п. Так, численность больших суперэтносов определяет в менталитете специфические черты, которых нет у малых наций: отсутствие ярко выраженных консолидирующих предпочтений, большая открытость и т. п. При анализе расово-этнических качеств и их воздействия на менталитет также важен учет этнической монолитности данной общности. Одна общность может быть монолитна в этническом плане (например, японцы или армяне), другая – представлять собой некий субстрат (например, американский народ, включающий в себя и автохтонные этносы, и переселенцев из Африки, Азии, Европы), третья – объединять различные этносы (например, россияне), что подразумевает необходимость общего знаменателя.

Другая система причин – это естественно-географические средовые условия проживания социокультурной общности, которые накладывают непосредственный отпечаток на менталитет, закрепляют на субъективном уровне оптимальные способы адаптации и выживания. Именно климатические условия и масштаб территории во многом определяют не только психологические особенности, но и специфику доминирующих социальных и политических институтов.

Третья система причин – это зависимость от результатов многовекового взаимодействия данной общности и социокультурных средовых условий ее проживания. Именно это обстоятельство способствует формированию устойчивых социально-экономических способов и типов жизнедеятельности: коллективно-общинный (Россия) или индивидуалистический, характерный для Запада, кочевой или оседлый образы жизни, что обуславливает наличие инвариантных ментальных констант» (Национальная идея России, 2012, с. 386–387).

По мнению Н. И. Боечко, «географическое положение (близость внешних врагов и обширность государства), религия, способ и уровень производства, политическое устройство, социальная структура обществ, система воспитания и образования – вот основные факторы, определившие корни общей [русской – А. Ю.] ментальности» (Боечко, 2005, с. 52).

В. К. Трофимов отмечает, что «формирование менталитета русского народа происходило под мощным влиянием четырех основных сил: природных условий, особенностей социальной жизни, православной религии, специфических особенностей национального воспитания» (Трофимов, 2015, с. 12). Систематизируя соответствующие исследования, он пишет, что роль природных факторов раскрывается в работах В. Г. Белинского, И. Г. Гердера, И. А. Ильина, В. О. Ключевского, Д. С. Лихачёва, Л. Милова, Р. Пайпса, О. А. Платонова, Л. Смирнягина, Н. С. Трубецкого, А. С. Хомякова. Влияние особенностей социальной жизни, связанное, прежде всего, с авторитарным устройством государственной власти и общинным образом жизни, показано Н. А. Бердяевым, А. О. Бороноевым, А. И. Герценом, А. А. Зиновьевым, И. А. Ильиным, К. Д. Кавелиным, И. В. Киреевским, В. О. Ключевским, Ф. Ф. Нестеровым, О. А. Платоновым, П. И. Смирновым. Воздействие православия на душу русского народа раскрыто в трудах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Б. Л. Вышеславцева, С. З. Гончарова, А. Ельчанинова, И. А. Ильина, митрополита Иоанна, А. В. Карташева, И. В. Киреевского, П. И. Новгородцева, Г. П. Федотова, П. А. Флоренского, Г. В. Флоровского, П. Я. Чаадаева, А. Шмемана, И. Экономцева, В. Ф. Эрнэ. Особенности российской национальной системы воспитания и образования нашли отражение в работах А. П. Ветошкина, И. А. Ильина, В. И. Копалова, И. Я. Лойфмана, А. И. Минакова, К. Д. Ушинского, Э. Эриксона (там же). По мнению В. К. Трофимова, «Работы указанных и других авторов дают целостную картину детерминант, под влиянием которых формируются специфические черты русского национального менталитета» (там же). Приведенный им список хотя и достаточно длинный, но далеко не полный, на что автор, впрочем, и не претендует.

Обозначенные четыре основных фактора формирования русского менталитета почти полностью дублируются при объяснении формирования менталитетов ряда других этносов. Например, объясняя формирование менталитета мордовского этноса, Т. А. Волгаева пишет, что оно «происходило под активным влиянием четырех основных факторов: природно-климатических условий, особенностей социальной жизни, языческой религии, специфических особенностей духовно-этического воспитания».

Та же схема воспроизводится при объяснении формирования этнического менталитета удмуртского этноса, которое, по мнению И. М. Вельма, «происходило под активным влиянием четырех основных факторов: природно-климатических условий, особенностей социальной жизни, языческой религии, специфических особенностей духовно-этического воспитания».

По поводу истоков тувинского менталитета И. Н. Карицкий пишет: «В Туве к традиционным истокам ментальности относятся шаманизм, ламаизм и образ жизни степной цивилизации. Более поздним источником социальных представлений [одна из составляющих менталитета – А. Ю.] является влияние русской культуры, в том числе православия и в том числе старообрядцев. Определенное влияние имели или имеют культуры уйгуров, китайцев, монголов» (Карицкий, 2012, с. 301).

Приведенная схема детерминации менталитета получает детализацию в объяснениях менталитета, прежде всего русского, где прослеживаются конкретные связи между соответствующими факторами и его ключевыми особенностями.

Природно-географические факторы

Одним из пионеров изучения зависимости национального характера от природно-географических условий – географического детерминизма – в XVIII в. выступил Ш. Монтескье, изложивший свои взгляды в работе «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734). В XIX в. многие историки выводили особенности древнегреческого языка и культуры из особенностей побережья и климата Древней Греции. В. О. Ключевский показал связь природных и климатических условий с чертами русского национального характера. Сходные идеи развивал Л. Н. Гумилев в своей известной книге «Этногенез и биосфера Земли». «Широта души» русского народа, порожденная необъятными пространствами, отмечается и современными исследователями (например, Сикевич, 1996). Е. Г. Синякина констатирует, что «народная психология формировалась под влиянием органической, неразрывной связи человека с землей» (Синякина, 2011, с. 98).

Различия в психологии жителей «открытых» и «закрытых», «степных» и «лесных» пространств были показаны во многих последующих работах (Чудинов, 2015; и др.). Иногда усматриваются существенные различия также в ментальности «островных» и «континентальных» народов, что легло в основу такого идеологического течения, как «атлантизм».

Можно выделить два основных вектора воздействия природной среды на менталитет: а) посредством ее влияния на образ жизни народа; б) через образы родной природы, запечатлеваемые в менталитете, посредством их интериоризации личностью.

Первый вектор раскрывается, например, в объяснении Н. М. Карамзина, который пишет: «Климат умеренный, не жаркий, даже хо-

лодный, способствуя долголетию, как замечают Медики, благоприятствует и крепости состава, и действию сил небесных. Обитатель южного Пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, – слабеет в неге и праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха, и терпением укрепляется. Таковы были древние Славяне по описанию современных Историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая невзгоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самую грубою, сырою пищею; удивляли Греков своею быстротою; с чрезвычайною легкостью всходили на крутизны, спускались в расщелины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки» (Карамзин, 1994, с. 55–56). По мнению авторов труда «Национальная идея России», «тяжелые климатические условия и необходимость совместного выживания... обусловили коллективизм, сплоченность и патриотизм русских, значимость для них общих целей развития» (Национальная идея России, 2012, с. 388).

Второй вектор акцентирует, например, П. Н. Савицкий, который видел специфику российского национального характера в «монгольском ощущении континента, противоположном европейскому ощущению моря» (Савицкий, 1993, с. 124), и особой «степной» психологии, характеризующейся ощущением отсутствия естественных границ, постоянной потребностью в перемещении и производных от этого недостатке трудолюбия, мечтательности, «стремлении вдаль» и др. Н. А. Бердяев писал, что «спиритуальная география соответствует физической географии» (Berdyayev, 1962, р. 2). А по мнению американских исследователей У. Гэвина и Т. Блэкли, «трудно найти другую нацию, которая в своем развитии испытала бы такое огромное влияние географических и геополитических факторов, как русские» (Gavin, Blakeley, 1976, р. 11).

Современные исследователи подчеркивают значимость подхода к менталитету «с точки зрения географического анализа этнокультурной и природной среды. Выделяются такие группы факторов, как географическое положение, обширность территории; климат (длинная зима, низкие температуры и др.); ландшафт. Первая группа факторов вызывает следующие черты характера [русского – А. Ю.]: широта души, воля, духовная свобода, подавленность, беспомощность, безынициативность, лень. Вторая – такие черты, как меланхоличность, медлительность, недооценка своего труда, гостеприимство, терпение, послушание, коллективизм, соборность, чувство локтя, противоречивость, безудержность. Третья – созерца-

тельность, мечтательность, наблюдательность, вдумчивость, слежение за природой, обсуждение пройденного пути».

Влияние религии на формирование менталитета народа

Н. М. Ракитянский пишет: «Мы исходим из того, что феномен менталитета объясняется культурно-историческим и, в конечном счете, – религиозным происхождением... Вера формирует смыслообразующие устремления человека, вектор мышления и воли, которые программируют его жизнь и деятельность, его воззрения, намерения и поступки... Вера определяет первичную систему знаний, структуру ментальной матрицы, наполняет ее содержание. Более того, вера обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, ее экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека». Подчеркивается, что и «в наше время, несмотря на секуляризацию цивилизованного мира, единобожие еще остается средоточием жизни и ценностей огромного количества людей. Четыре монотеистические системы религиозного исповедания: *иудаизм, восточное христианство, западное христианство и ислам* предопределили типы *менталитетов* значительной части человечества (Ракитянский, 2013, с. 60).

Автор прослеживает конкретное влияние религий на менталитет различных народов.

Например, по поводу воздействия иудаизма на менталитет евреев он отмечает: «Таким образом, догмат иудаизма о воплощении обуславливает монолитную *субъектность*, национально-корпоративное *родство*, общинную *автономность*, родовую *солидарность*, внутреннюю *сплоченность*, гибкую политическую *адаптивность* и *креативность*, историческую *преемственность* и *целостность* всех евреев как „собирающей“ личности Израиля в пространственном и временном аспекте» (там же, с. 65–66). Он отмечает, что «базовые установки *мышления*, как и *поведенческие* особенности евреев, определяются сущностью монотеистического *догмата* иудаизма, который они выражают независимо от географического места, исторического времени и политической системы. В иудаизме мышление по своей сути не только исключительно *догматично*, так как оно *утверждает* себя без каких-либо доказательств, но оно еще и *субъектно*. В его основании лежит откровение трансцендентного и абсолютного *личного Бога*» (там же, с. 76); «религиозные обязанности формировали не только все сферы жизни еврея, но и определяли его *субъектные* качества, *мышление* и *волю*, чуждые пассивности и со-

зерцательности (там же, с. 77). Н. М. Ракитянский подчеркивает, что «аргумент о том, что, например, в современном Израиле большинство евреев не являются религиозными людьми, ни о чем не говорит, ибо ментальная установка, которая зиждется на инвариантных *догматических* основаниях, действует независимо от того, считает себя еврей религиозным или нет. Даже в наше время среди евреев-атеистов, наверное, нет тех, кто отрицает концепцию *богоизбранности*» (там же, с. 78). Он добавляет: «В наши дни евреи разделены по вопросам теории и практики своей религии больше, чем когда-либо в истории, что в известной мере формирует в еврейской общине *ментальный диссонанс* и в перспективе создает угрозу ее ментальной идентичности. Тем не менее для евреев по-прежнему важное значение сохраняет *иудейский* менталитет с особенными, догматически детерминированными и закрепленными тысячелетиями национальной традиции установками веры, мышления и воли. Со своими социальными и политическими представлениями, ценностями, идентичностью, системой отношений и характерным типом поведения» (там же, с. 79).

Об исламском менталитете жителей Северного Кавказа Н. М. Ракитянский и М. С. Зинченко пишут: «Каждый местный этнос исповедует свою версию ислама, что в значительной мере определяет его менталитет. Эта совокупность этнических менталитетов сложилась в своеобразную *полиментальность* – множественность менталитетов» (Ракитянский, Зинченко, 2014, с. 55). Авторы добавляют и еще один – языковой – фактор: «Одним из важнейших следствий двух с лишним столетий истории Северного Кавказа в составе России стало то, что впервые на его многоязычной территории сложилось *двуязычие* – языком межнационального общения стал русский язык. Причем по масштабам применения и силе воздействия он превзошел все языки, когда-либо претендовавшие на эту роль, что в значительной мере предопределило то, что Северный Кавказ в ментальном плане стал уникальной частью России» (там же, с. 57).

В отношении польского менталитета Н. М. Ракитянский отмечает: «Феномен польского национального менталитета, как и любого другого, объясняется культурно-историческим и, в конечном счете, религиозным происхождением» (Ракитянский, 2010, с. 84).

Большое влияние религии часто констатируется и в отношении российского менталитета: «Во многом наши духовные традиции определяются православием» (Патриотизм..., 2015, с. 344).

Любопытны свидетельства воздействия религии на конкретные исторические личности. Например, по поводу Князя Владимира, крестившего Русь, Н. М. Карамзин писал: «Быв в язычестве мсти-

телем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и – что ужаснее всего – братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах Христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества» (Карамзин, 1994, с. 151). Чего, к сожалению, нельзя сказать о его последователях – русских князьях, которые, будучи православными, а часто – и очень набожными, при этом, по свидетельству того же Н. М. Карамзина, не стеснялись в изобилии проливать кровь своих единоверцев, постоянно использовали иноверцев – печенегов, половцев, татаро-монголов, поляков, венгров и др. – в качестве наемников в своей междоусобице, а православие не сплотило наших предков перед лицом страшной угрозы – татаро-монгольского нашествия.

Не отрицая большого влияния православия на менталитет русского народа, некоторые авторы считают, что его наиболее глубокие корни следует искать в более ранних, дохристианских, временах. Как пишет один из современных авторов, «мне почему-то кажется, что истоки русского менталитета спрятаны именно в нашем дохристианском прошлом... Потому как версия о том, что русские спустились с деревьев, построили Киев, Новгород и пригласили Рюрика на правление, меня лично не устраивает. И единственным объяснением нашей особой культуры, которое я нахожу, является отношение русских к своим богам».

Добавление к числу основных детерминант русского менталитета дохристианского прошлого нашей страны существенно в том плане, что если считать одним из главных факторов формирования менталитета православие, то его принятие, в свою очередь, нуждается в объяснении. По всей видимости, принятие православия состоялось на Руси *вследствие* того, что эта религия отвечала основным особенностям менталитета наших предков, а это сдвигает область объяснения в дохристианское прошлое нашей страны.

Аналогичным образом, например, Р. Мертон, рассматривая связь между формированием науки Нового времени и протестантизмом, писал о том, что не сама по себе протестантская религия породила науку, а протестантская *этика*, которая хотя и находилась в тесной связи с соответствующей религиозной доктриной, но в то же время обладала достаточной автономией от нее и не столько выражала религиозные догматы, сколько «лишь артикулировала базовые ценности того времени» (Merton, 1957, p. 577).

Вообще, в подобных случаях, видимо, можно говорить о *двусторонней* детерминации: исторического принятия тем или народом определенной религии особенностями его менталитета, и дальнейшего развития этого менталитета – особенностями соответству-

ющей религии. В большом количестве исследований выявлена корреляция между, с одной стороны, ментальными характеристиками народов, с другой, – характерными для них системами социальных институтов (Э. Гидденс, П. Штомпка, П. Бурдьё и др.). По мнению исследователей этой проблемы, за подобной корреляцией стоит *двусторонняя связь* менталитета и институтов, состоящая в том, что особенности менталитета получают институциональное выражение, а оно, в свою очередь, оказывает на них обратное воздействие.

Тем не менее в существующих объяснениях исторических корней менталитета эта двусторонняя связь обычно разрывается, и речь идет только о влиянии религии на менталитет.

Социально-исторические детерминанты менталитета

Социально-исторические факторы формирования менталитетов весьма многочисленны и разнообразны, поэтому, не претендуя на их сколь-либо полное и систематичное описание, лишь обозначим те из них, которые упоминаются наиболее часто.

Среди этих факторов в фокус внимания исследователей обычно попадает такой, как *смешение различных народов*, неизбежно порождающее *гибридные* менталитеты. Строго говоря, все менталитеты являются гибридными, поскольку в истории человечества вряд ли можно найти генетически и культурно «чистый» народ, который ни с кем не смешивался бы.

Так, Н. С. Трубецкой в качестве основных элементов в русском психотипе помимо собственно русского выделяет славянский¹ и ту-

1 В этой связи, в частности, представляется совершенно неадекватным термин «славянофильство», получивший широкое распространение. В действительности под ним, если не идет речь о панславизме, имеется в виду *русофильство*, не предполагающее перенос соответствующей установки на другие славянские народы. Славянский менталитет тоже достаточно многообразен, что проявляется и в современности, и в истории. Например, Н. М. Карамзин, характеризуя наших предков, пишет: «Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем, стыдливость украшала их жен, брак издревле считался святою обязанностью между ними, мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою, в расприх и ссорах убивали друг друга, не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. Северяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянам, также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных, но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест

ранский элемент, пишет о том, что русский национальный тип был порожден сопряжением восточного славянства с туранством, отмечая при этом, что роль туранских этнопсихологических черт в русском национальном облике в общем была положительной (Трубецкой, 1999).

Он связывает особенности русского национального характера с татаро-монгольским влиянием. По его мнению, с одной стороны, ханское господство породило такие отрицательные черты в народе, как склонность к разбою и мятежу, неразвитое правосознание, низкопочтение и заискивание, а также неуважение к частной собственности, с другой – воспитало такие позитивные свойства, как терпение и стойкость, пронзительность и способность мужественно выносить жизненные тяготы, умение самопожертвования и самоотдачи делу, гибкость и покладистость в процессе общения с другими (там же). На разнообразное влияние татаро-монгольского нашествия на русский национальный характер обращает внимание и Н. М. Карамзин, акцентирующий преимущественно негативные стороны этого влияния, в частности, то, что русские люди «загребели под игом варваров» и т. п. (Карамзин, 1993б).

Современные исследователи – И. Н. Карицкий и В. Ф. Петренко – пишут: «Хотя евразийство как идейное течение возникло только в 1920-е годы, несомненно, что в самой российской жизни с давних пор евразийство является непосредственным фактом жизни (взять хотя бы завоевание Руси монголами или, наоборот, вековое продвижение русских на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю и Центральную Азию). <...> Очевидно, что в России за несколько сотен лет уже произошло, с одной стороны, смешение европейских (славянских, угро-финских, северокавказских и др.) и азиатских (тюркских, сибирских, монгольских и др.) народов, с другой – их взаимная адаптация и ассимиляция в единую российскую культуру. Например, известно, что генотип русских, татар, марийцев гораздо ближе друг к другу (а это три разных этнических группы, принадлежащих разным языковым семьям, – славянская, тюркская и угро-финская), чем генотип, скажем, русских и западных украинцев,

и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе, многоженство было у них в обыкновении» (Карамзин, 1993а, с. 59–60). Н. С. Трубецкой в рамках русского ментального типа выделял целый ряд психотипов: северный великорус, южный великорус, помор, волгарь, сибиряк, казак, белорус, малорус-украинец и др. (Трубецкой, 1999), различие и даже противопоставление которых друг другу сыграли важную роль в последующих геополитических событиях, например, в произошедших на Украине.

принадлежащих к одной этической группе и семье. Тем самым евразийство – свершившийся факт и наша повседневная реальность» (Карицкий, Петренко, 2012, с. 36–37).

При этом справедливо отмечается, что «свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами, однако же действие часто бывает долговременнее причины: внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя живут и в других обстоятельствах. Может быть, самый нынешний характер Россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством Моголов» (Карамзин, 1993б, с. 194). Как подчеркивает Н. М. Карамзин, «древний характер Славян являл в себе нечто Азиатское, являет и доныне, ибо они, вероятно, после других Европейцев удалились от Востока, коренного отечества народов» (там же, с. 201).

Следует отметить и то, что на российский менталитет оказали влияние менталитеты не только восточных, но и западных народов, с которыми уже Древняя Русь находилась в теснейшем взаимодействии. В Новгороде «со времен Рюриковых поселились многие варяги» (Карамзин, 1994, с. 158): пленные поляки и представители других народов, обитавших к Западу от России, расселялись на ее территории и смешивались с русским населением; немцы, моравцы, венецианцы жили в Киеве; русские князья соединялись родственными связями с монархами многих европейских государств. Все это не могло не оставить отпечатка на российском менталитете, в котором, как и в российской культуре (влияние варягов, Византии и др.) запечатлелись не только восточные, но и западные корни. А «мнение, что до времен Иоанна III она [Москва. – А. Ю.] не имела никакого сношения с Западом Европы, есть ложное» (Карамзин, 1993б, с. 66). Отмечается и то, что «россияне вышли из-под ига [татаро-монгольского. – А. Ю.] более с Европейским, нежели Азиатским характером» (там же, с. 201).

В целом же можно выделить три основных механизма влияния взаимодействия между народами на их менталитеты: а) объединение генофондов; б) заимствование культурных практик; в) формирование черт национального характера, необходимых для противодействия иноземным нашествиям и адаптации к их результатам.

Довольно часто отмечается, что исторически русский, а потом и российский менталитет формировался в системе геополитической детерминации Запад – Восток, под влиянием как Запада (принятие христианства, прозападные реформы Петра I и др.), так и Востока (татаро-монгольское иго, затем – захват и освоение восточных территорий). Например, А. О. Бороноев (2004) и П. И. Смирнов (2004) считают, что в основе русского национального характера лежит слу-

жебная, альтруистическая деятельность (для-Другого-деятельность), причем в роли «Другого» может выступать и человек, и Бог, и природа, и страна (служение «Святой Руси» как Божьему замыслу). Этому способствовал целый ряд причин: пограничность положения России; необходимость обороняться против нашествий как с Запада, так и с Востока; нужда во взаимопомощи; необходимость в единоначалии, тоталитарном устройстве государства. Подобные обстоятельства тормозили развитие рыночных отношений, развили в сознании русского народа религиозность и аскетизм.

По поводу более позднего этапа развития российского менталитета отмечается, что «на общероссийский менталитет повлияли культура и система ценностей нерусских по национальному составу республик и регионов, входящих в Российскую Федерацию, а также менталитет приграничных стран и народов» (Петренко и др., 2012, с. 53). Данный вектор влияния на менталитет представляется тривиальным: было бы странным, если бы перемешивание народов в результате их завоевания друг другом и прочих подобных обстоятельств не оказывало воздействия и на их менталитеты.

В данном плане показателен феномен «сдвоенной идентичности». Так, более 40% русских, проживающих в Татарстане и Башкортостане, чувствуют себя в равной мере и россиянами, и, соответственно, татарстанцами и башкортостанцами, а более 30% татар и башкир – и теми и другими или даже в большей степени россиянами. «Сдвоенную идентичность» имеет и значительная часть русских, живущих в других республиках России (Якутии, Туве и др.). Аналогичная идентичность свойственна представителям многих национальных диаспор, исторически существующих в России. Показательны и такие выражения, как «русский татарин», «русский немец», «русский еврей» и т. п. (Национальная идея России, 2012).

Среди исторических факторов детерминации российского менталитета выделяется и такой, как формирование российского государства как *империи*. Некоторые авторы рассматривают этот менталитет как имперский (в чем нашу страну до сих пор обвиняют на Западе) с его специфическими особенностями. Так, историк В. Анисимов выделяет четыре группы причин, которые обусловили специфику «русской модели имперского сознания».

Во-первых, особенности внутреннего исторического развития России. По мнению автора, имперская политика всегда воспроизводит черты внутреннего политического и социального строя метрополии. В России – это деспотическая, репрессивная в своей основе власть московских самодержцев, рабский менталитет народа,

основанный на крепостном праве, иерархии не вассалов, а государевых рабов, длительное отсутствие в обществе сословного строя, самоуправляющихся городов, общий дух несвободы и подавления личности государством и во имя государства.

Во-вторых, особенности исторического пути России, специфика образования Московского государства, возникшего в тяжелой, в основном оборонительной борьбе с опасными иноверческими соседями с Востока, Юга и Запада, а также в жестокой и беспощадной борьбе с другими русскими княжествами.

В-третьих, традиции средневековой русской идеологии с характерными для нее представлениями об особой роли России и русских в мировой истории («Москва – третий Рим», исключительная религиозная чистота православия, претензии России на «наследие» Византии).

В-четвертых, особенности системы международных, геополитических координат, принятых в мире «правил имперской игры», которые волей-неволей не могла не учитывать имперская Россия (Истоки имперского менталитета..., 2015).

Естественно, характеристика российского менталитета как имперского может вызвать возражения, даже негодование, особенно если вкладывать в это слово современный – преимущественно негативный – смысл. Однако если рассматривать формирование российского менталитета не в идеологическом контексте, а в исторической ретроспективе, следует помнить, что слово «империя» имело в нашей истории позитивное и достаточно гордое звучание и заключало в себе, в первую очередь, смысл объединения разных народов. Это объединение происходило единственно возможным в прежние времена способом – путем завоевания¹, сначала ради защиты от этих народов, дабы они не совершали набегов на Русь, а затем – ради защиты завоеванных народов от других народов. Завоевания в защитных целях и построение государства путем завоеваний представлялись историкам совершенно естественными, вызванными исторической необходимостью. Например, Н. М. Карамзин писал: «Окруженный к Западу, Северу и Востоку народами Финскими, Рюриком мог ли оставить в покое своих ближних соседей, когда и самые отдаленные берега Оки должны были ему покориться?» (Карамзин, 1994, с. 91). Следует учитывать и то обстоятельство, что Россия соседствовала с народами, привыкшими жить грабежом и постоянно совершавшими разорительные набег на соседей. Европейские способы установления и сохранения границ в отношении таких на-

1 В частности, Н. М. Карамзин уже Древнюю Русь характеризует как «государство, основанное на завоеваниях» (Карамзин, 1994, с. 164).

родов были неэффективны, а единственным способом обеспечения безопасности от них было их полное покорение.

Завоевательные войны тоже рассматривались в древние времена как достаточно положительное явление – не только потому, что позволяли расширять границы государства и «отодвигать» опасных соседей, но и вследствие того, что увенчивались заключением взаимовыгодных договоров о военно-политическом, торговом и культурном сотрудничестве (как, например, войны с Византией). Так, по словам Н. М. Карамзина, «веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение торговлю или войну (курсив мой. – А. Ю.) с разными богатыми странами – с Греческим Херсоном, с Козарской Тавридою, с Болгариею, с Константинополем – пленили Олега, и сей Князь сказал: *да будет Киев матерью городов Российских!* <...> Олег, более всего думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли, мыслил ужасать соседей, а не бояться их» (там же, с. 93). Карамзин отмечает, что «война были в сии времена народным промыслом» (там же, с. 97), и «ни миролюбивые правила Христианства, ни торговля, роскошь, не усыпляли ратного духа наших предков, даже самые уставы церковные питали оный» (Карамзин, 1993а, с. 124). Показательно и то, что князь Владимир, который «вместе со многими Героями древних и новых времен, любя жен, любил и войну» (там же, с. 136), «вздумал, так сказать, *завоевать* Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя» (там же, с. 141), принял Крещение в Херсоне, предварительно завоевав этот принадлежавший Византии город.

З. В. Сикевич обращает внимание на особый стиль преподнесения истории в наших школах, «опорными точками которой являются, кроме „царей“, всевозможные битвы, сражения и войны» (Сикевич, 1996, с. 122). Эмпирически изучив восприятие истории нашими согражданами, она обнаружила, что именно эти события занимают в нем центральное место; проявляется «воинственный» крен нашего исторического сознания (там же). Причина, конечно же, коренится не в неких «воинственных» установках наших сограждан, а в объективном характере нашей истории и в способе ее преподнесения в учебниках. Отмечается и то, что «мощь российского оружия становится частью национального самосознания» (Патриотизм..., 2015, с. 343).

Еще одна важная характеристика Российской Империи – самодержавие – тоже была вполне естественным продуктом нашей истории. Альтернативой единовластия в ней выступали феодальная раздробленность и княжеские междоусобицы, оборачивавшиеся постоянным кровопролитием и дорого стоившие Древней Руси, сделав

ее неспособной противостоять внешним врагам и, в первую очередь, татаро-монгольскому нашествию: «Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвой внешних» (Карамзин, 1993а, с. 110). А впоследствии «самодержавие... устранило важные препятствия на пути России к независимости и таким образом возникло вместе с Единодержавием до времен Иоанна III, которому надлежало совершить то и другое» (Карамзин, 1993б, с. 196), «Если Рим спасался диктатором в случае великих опасностей, то Россия, обширный труп после нашествия Батыева, могла ли иным способом оживиться и воскреснуть в величии?» (там же, с. 196). «Державный» характер свойствен и современному этно-историческому сознанию русского народа (Сикевич, 1996).

Имперский характер формирования российского государства и его длительное существование в виде империи, естественно, не могли не отразиться на российском менталитете, который в подобных условиях не мог не быть *имперским*, что имело свои и отрицательные, и положительные (например, ответственность за судьбу народов, включенных в состав империи) стороны и никак не может рассматриваться как его исключительно негативная характеристика, которую под влиянием отношения к империям в современном мире или каких-либо других идеологических факторов надлежит отрицать.

Уделяется внимание и такому фактору формирования российского менталитета, как история крепостного права. Е. А. Жданова отмечает, что в течение почти тысячелетия в России существовали различные формы крепостничества, которое со временем изменялось только в сторону ужесточения. Жизнь крепостного крестьянина делилась на две неравные части: большую часть рабочего времени он трудился на помещика, остальное время работал на самого себя. Если крестьянин хорошо выкладывался, работая на хозяина, то ему не оставалось сил так же качественно работать и на себя. Поэтому в менталитете четко закрепилось разделение между «работой на себя» и «работой на хозяина», которое дало о себе знать и в последующее время (Жданова, 2015).

Отмечается и то, что «служилый характер российского государства, приоритет политических факторов закрепился на ментальном уровне, что воплотилось в такой характерной черте русской ментальности, как патернализм» (Национальная идея России, 2012, с. 393). Вместе с тем «замедление темпов исторического развития (по отношению к Западу) и, как следствие, необходимость догоняющей стратегии модернизации, состояние постоянной мобилизации и концентрации основных ресурсов общества обусловили такие чер-

ты русской ментальности, как актуализация образа внешнего врага, опора на собственные силы и готовность и стремление народа к свершениям» (там же, с. 394).

Р. А. Зобов и В. Н. Келасьев пишут: «Поскольку нестабильное состояние общества для России было характерно во все времена, эти качества закрепились на уровне черт национального характера... Следствие существования россиян в нестабильной социальной среде – неуважение к порядку, праву, государству, собственности и пр. Соответственно, для западного человека более характерны склонность к порядку, устойчивости, уважение к праву, государству и собственности» (Зобов, Келасьев, 2005, с. 38).

Что же касается такого фактора формирования менталитета, как система образования и воспитания, то на нем в данном контексте едва ли стоит останавливаться ввиду его достаточно очевидного характера. Отметим лишь, что в данном плане иногда предлагаются довольно экзотические объяснения. Например, зарубежные исследователи Г. Горер и Г. Рикман объясняют специфику российского национального характера традицией тугого пеленания младенцев, существующей в нашей стране (Goger, Rickman, 1949). Х. Дикс усмотрел основную особенность российского менталитета в доминировании *оральной* культуры, характеризующейся неумеренной склонностью к еде, питью и пению (Dicks, 1952).

Выводы

В целом приведенная в начале статьи схема формирования национального менталитета – его объяснение природно-географическими условиями, особенностями социальной жизни, религией, специфическими особенностями национального воспитания, а также более частными факторами, сводимыми к различным вариациям четырех основных, наполняется конкретными смыслом различными исследователями и, если не подтверждается (в данном случае, в длительной исторической ретроспективе, в отличие от экспериментальных исследований, вообще трудно говорить о «подтверждениях»), то, по крайней мере, иллюстрируется и конкретизируется ими. В то же время по ее поводу можно сделать ряд замечаний.

Во-первых, четыре основных фактора формирования национального менталитета (природно-географический, социально-исторический, религия и система образования) целесообразно разделить на базовые – природно-географический и социально-исторический (в терминах, принятых в психологии, независимые переменные) и производные – религия и система образования (зависимые пере-

менные), поскольку вторые во многом испытывают влияние первых. В то же время подобное разделение носит достаточно условный характер, а первые два фактора тоже не вполне «независимы». Так, например, природно-географические факторы существенно изменяются вследствие присоединения к стране новых территорий.

Во-вторых, проявляется необходимость в дальнейшей дифференциации основных факторов детерминации менталитета, в особенности такого, как «особенности социальной жизни», по существу, включающего всю историю той или иной нации, а также ее взаимоотношений с другими народами. Например, татаро-монгольское нашествие и крепостное право – это слишком разные вещи, чтобы их можно было трактовать в качестве единого фактора. Целесообразно различать как минимум «внешние» социальные факторы, коренящиеся, например, во взаимоотношениях россиян с окружающими их народами и т. п., и «внутренние», состоявшие в том, что происходило в нашей стране.

В-третьих, основные факторы детерминации менталитетов постоянно пересекаются друг с другом. Например, природно-географические условия – открытые пространства, отсутствие гор и морей, защищающих от внешних вторжений, делает народы более подверженными нападениям соседей и одновременно способствует нападению на них, что оказывает большое влияние на социальную организацию народов. Особо благоприятная для обитания территория может быть объектом для посягательств других народов, что, скажем, во многом предопределило судьбу американских индейцев. А татаро-монгольское нашествие обернулось для нашей страны *иглом, но не завоеванием*, поскольку наш климат был слишком суров, чтобы вызвать у этого народа намерение покинуть степь и осесть на Руси, сделав ее своей территорией. «Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмешиваясь в дела гражданские, требовали только серебра и повиновения от Князей» (Карамзин, 1993б, с. 193). Такие факторы, как религия и система воспитания, находятся в тесной связи друг с другом, а также с социальными и природно-географическими факторами. Соответственно, следует говорить о *системной* детерминации национальных менталитетов описанными факторами, а не об их раздельном влиянии на него.

В-четвертых, факторы формирования менталитетов одновременно служат и факторами их исторических изменений, а менталитеты различных народов, сохраняя свои базовые свойства, при этом постоянно изменяются под влиянием рассмотренных в этой статье обстоятельств.

В-пятых, наблюдается двусторонняя связь менталитетов и тех факторов, которые их детерминируют. Менталитеты, в свою очередь, оказывают на эти факторы обратное влияние, что проявляется в двусторонней связи менталитетов с религиями, социальными институтами и т. д.

В-шестых, в рамках и на фоне главных детерминант менталитета действуют и более частные, обуславливающие *полиментальность* любого народа, сосуществование разновидностей его базового менталитета (об этом см.: Семёнов, 2007; и др.).

Литература

- Боечко Н. И. Экономические реформы, ценности и российская полиментальность // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества. СПб., 2005. С. 48–68.
- Буянова Ю. В. История исследования понятия «менталитет» в зарубежной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М., 2006. С. 168–171.
- Вельм И. М. Этнический менталитет: истоки и сущность (На примере удмуртского этноса). URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/liter/126978.html> (дата обращения: 18.04.2015).
- Волгаева Т. А. Менталитет мордовского этноса: истоки и сущность. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/mentalitet-mordovskogo-jetnosa-istoki-i-uwpost.html> (дата обращения: 17.04.2015).
- Гостев А. А. Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М., 2010. С. 22–32.
- Гусельцева М. С., Кончаловская М. М., Марцинковская Т. Д., Уварина Е. Ю. Структура и содержание идентичности российской интеллигенции. М., 2012.
- Жданова Е. А. Три особенности российского менталитета. URL: http://www.elitarium.ru/2004/05/27/tri_osobennosti_rossijskogo_mentalitet.html (дата обращения: 25.04.2015).
- Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Самореализация, менталитет и социальная динамика // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества. СПб., 2005. С. 30–47.
- Истоки имперского менталитета в России – интервью с историком В. Анисимовым. URL: <http://asiarussia.ru/news/5718> (дата обращения: 12.04.2015).
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой, М., 2015.
- Карамзин Н. М. История государства российского. В 12 т. Т. 3–4. М., 1993а.
- Карамзин Н. М. История государства российского. В 12 т. Т. 5–6. М., 1993б.
- Карамзин Н. М. История государства российского. В 12 т. Т. 1–2. М., 1994.
- Карицкий И. Н. Картины мира в тувинском шаманизме // Евразийская ментальность / Под ред. В. Ф. Петренко, И. Н. Карицкого. М., 2012. С. 301–316.
- Карицкий И. Н., Петренко В. Ф. Евразийство и национальная идентичность // Евразийская ментальность / Под ред. В. Ф. Петренко, И. Н. Карицкого. М., 2012. С. 21–48.
- Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994.
- Менеджмент: ориентация на менталитет? URL: <http://www.relga.ru/viron/webobjects/tgu-ww.woa/wa/main?textid=1938&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 21.04.2015).
- Национальная идея России. М., 2012. Т. 1.
- Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / Под ред. И. В. Бочарникова. М., 2015.
- Петренко В. Ф., Митина О. В., Менчук Т. И., Каменев И. А., Кучеренко В. В., Россохин А. В. К ментальности евразийского мира // Евразийская ментальность / Под ред. В. Ф. Петренко, И. Н. Карицкого. М., 2012. С. 51–88.
- Проблемы сибирской ментальности / Под ред. А. О. Бороноева. СПб., 2004.
- Ракитянский Н. М. Сарматизм – ментальная основа шляхетской республики Речи Посполитой // Информационные войны. 2010. №3 (15). С. 80–87.
- Ракитянский Н. М. Иудейский менталитет: Политико-психологическое эссе // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. №4. С. 55–81.
- Ракитянский Н. М., Зинченко М. С. Политико-психологическая динамика реисламизации Северного Кавказа // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. №2. С. 53–70.
- Ракитянский Н. М. Догматические основания англо-американской ментальной экспансии. URL: http://identityworld.ru/load/kategorii/stati/rakitjanskij_n_m_dogmaticheskie_osnovanija_anglo_amerikanskoj_mentalnoj_ehkspansii/2-1-0-117 (дата обращения: 15.04.2015).
- Русский менталитет: проклятие или благословение? URL: <http://www.odnako.org/blogs/russkiy-mentalitet-proklyatie-ili-blagoslovenie> (дата обращения: 22.04.2015).

- Савицкий П. Н. Два мира // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
- Семёнов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2007.
- Сикевич З. В. Национальное самосознание русских. М., 1996.
- Синякина Е. Г. Психологические характеристики русского крестьянства до революции 1917 года // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 96–104.
- Смирнов П. И. Слово о России: Беседы о русской цивилизации. СПб., 2004.
- Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект). URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/577/1/urgu0060s.pdf> (дата обращения: 16.04.2015).
- Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 1999.
- Чудинов В. А. Ментальность, обусловленная средой. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111079.htm> (дата обращения: 20.04.2015).
- Berdyayev N. The Russian idea. Boston, 1962.
- Dicks H. Observations on contemporary Russian behaviour. L., 1952.
- Gavin W. J., Blakeley T. J. Russia and America: A philosophical comparison. Boston, 1976.
- Gorer G., Rickman G. The people of great Russia. L., 1949.
- Merton R. K. Social theory and social structure. Toronto, 1957.

Глава вторая

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕНТАЛИТЕТ И ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОЙ ЛИЧНОСТИ

К. А. Абульханова, А. Н. Славская (Москва)

Постановка проблемы

Понятием *менталитета* обычно обозначается исторически сложившийся комплекс национальных, культурных, социальных, религиозных и др. особенностей *сознания* того или иного народа/народности, который включает в себя также традиции, обряды, имеющие символический смысл. Это понятие отличается от популярного в историческом материализме советских времен понятия общественного сознания и от житейского понятия обыденного сознания.

Общественное сознание связывается с социальной структурой общества, социально-экономическими отношениями и определяется как производное от общественного бытия. *Обыденное сознание* рассматривается как отличающееся от научного и отражающее особенности образа жизни определенного народа, сообщества, общности, группы.

Менталитет интегрирует часто неосознаваемые особенности восприятия и понимания мира, глубоко укоренившиеся в действительности, культурные особенности и уровень мышления, национальные чувства и т. д. Он связан корнями со своей страной (ее природой, историей), обособленной или открытой для иных народов и культур, дружественной по отношению к соседям либо враждующей с ними. Эти особенности проявляются в национальном характере людей, носителей данного менталитета.

Менталитет издавна являлся предметом изучения и осмысления философами, историками, этнографами, социологами, культурологами. Известный спор славянофилов и западников в дореволюционной России был, по существу, дискуссией именно об особенностях русского менталитета, о его противоречиях, задаваемых той евразийской основой, на которой слились воедино Запад и Восток, Европа и Азия. Лучшие русские умы – и ученые, и писатели – с глубоким чувством печали отмечали противоречия своей родины («Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, Матушка Русь»), которые воплотились в российском менталитете.

Российский менталитет объединяет ментальные миры множества народов и народностей, проживающих на территории нашей страны, имеющих свои традиции, язык, культуру и национальное самосознание. Сама способность объединять необъятное свидетельствует о его исторической и психосоциальной мощи.

Правосознание народа как составляющая его менталитета

Правосознание является составляющей менталитета любого общества, выражая специфику его исторических традиций – смену различных типов власти с особенностями ее законодательства, способности борьбы народов за свои права против господствующей власти и традиционный характер народа, характеризующийся правовым нигилизмом или законопослушностью и т. д.

Существующие законы охватывают разные уровни и сферы бытия человека и человечества в целом, характеризуют различные типы государственности и менталитетов. Права человека и человечества в целом регулируются религией, принципами международного права; права и обязанности граждан – собственным государством, властью, управляющей обществом на данном уровне развития, теми или иными историческими традициями и менталитетом. Законодательством в целом обеспечивается организованность, упорядоченность, цивилизованность жизнедеятельности общества и определенность, соответствие нормам взаимоотношений людей.

Государство утверждает законы в зависимости от той или иной степени авторитарности или демократичности общества, обеспечивает их исполнение и карает нарушение. Но это скорее функциональная, юридическая сторона дела. Реализация законов в жизни зависит и от *отношения власти к народу*, и от *отношения народа к власти*, и от их *взаимодействия*. Реально различно складываются соотношения власти и народа в условиях стабильных, развивающихся или кризисных условиях жизни общества.

Представляется, что законы содержат нормативные предписания для народа, однако и власть, упорядочивающая и регулирующая функционирование государства, также должна подчиняться законам. Аппарат чиновников, социальные службы, военные и др., составляющие государственную систему, также действуют правило- и законосообразно. Но исполнение и нарушение законов ими оказывается менее контролируемо.

Как и кем обеспечивается *ответственность государственной власти*? В идеале она несет ответственность перед народом, реально же – зависит от самого высшего эшелона власти. В свою очередь, отношение к власти определяется степенью соответствия функционирования и деятельности государства интересам народа. Однако в истории и автократических, и демократических государств такого соответствия не достигалось.

Особенности правосознания народа на разных этапах развития России: социально-исторический анализ

Основным вектором российского менталитета, определяющим правосознание личности, всегда являлся *вектор власти*. Исторически в России в течение многих веков не изменялся характер верховной власти по отношению к ее подданным – государь, царь, император, самодержец. «Разорваны были власть и народ, – писал Н. А. Бердяев, – народ и интеллигенция, разорваны были народности, объединенные в российскую империю» (Бердяев, 1990, с. 14). Сама эта стабильность характера власти породила сознание естественного и безусловного подчинения ей (даже на уровне власти помещиков, дворян: «Вот приедет барин – барин нас рассудит»).

Именно поэтому столь восприимчиво оказалось правосознание граждан СССР к авторитарной власти периода культа личности. Правосознание народа после революции *не стало гражданским*: период Октябрьской революции был коротким (хотя ему предшествовали народные волнения, бунты, восстания, 1905 г. и февральская революция 1917 г.) и слишком террористическим по своему характеру, чтобы сформировалось понятие законности. Террор против кулаков и помещиков плавно перерос в террор против «врагов народа», а затем и против самого народа. В силу этого от новой власти законности не ожидалось. Для российского менталитета стала привычной психология *подчинения власти*.

В период Великой Отечественной войны произошло *уникальное совмещение* подчинения власти «Великого кормчего», генералиссимуса и его полководцев, необходимой для консолидации всех сил

и ресурсов страны, обеспечения организованности и боеспособности армии, с высочайшей ответственностью, активностью и самоотверженностью народных масс в борьбе за освобождение родины. Народ стал подлинным субъектом в борьбе *не против власти, а против врага*. Здесь непостижимым образом соединились свойственные русскому человеку общинность, чувство единства, соборность (преобразовавшаяся в годы советской власти в коллективизм) и, казалось бы, несовместимые с ними чувство личного долга, мобилизация для борьбы сил каждого человека. Объединялись самые глубинные основания бытия человека – жизнь каждого и жизнь всех, народа, страны, отечества. Естественный страх смерти превратился в готовность отдать свою жизнь ради жизни своих близких, своего народа, своей родины. Это ознаменовало *переворот в сознании* всех и каждого, вызвавший невиданные силы. Одновременно ушел и страх власти, наказания (он восстановился вновь уже в связи с послевоенными репрессиями).

Подъем народного духа не закончился с окончанием войны, не сменился усталостью общества. Радость победы, смешанная с горечью потерь, как исстари бывало, придала людям новые силы для восстановления страны из пепелища. И в этом деле возрождения наш народ пережил сознание своей силы и власти как хозяина, восстанавливающего свой разрушенный дом.

Период «застоя», или «стагнации», на наш взгляд, характеризовал не столько состояние всего общества, сколько его сменяющихся, но не движущихся вперед властей. Разоблачение культа личности не привело к рождению новых форм государственной власти: власть была занята борьбой за власть.

Коллективные формы труда, сложившиеся в разных сферах хозяйственной жизни советского государства, обеспечивали минимальный уровень жизни населения. А всегда существовавшая *дистанция* народа от *власти* углублялась постепенным переходом граждан к самообеспечению своей жизни¹.

Каждый трудоспособный человек отдавал все силы труду, чтобы обеспечить свою семью, а государству – «перевыполнить норму». Это была по-своему уникальная форма добровольного принуждения к труду: каждый работал не для того, чтобы жить, а жил для того, чтобы работать. Однако при этой добровольной самоэксплуатации личность имела свою работу, определенное место в организации,

1 Наряду с предоставлением гражданам квартир государством расширялась практика приобретения ими самими кооперативных квартир; на садовых участках люди выращивали свой урожай; правдами-неправдами приобретались дефицитные товары и т. д.

гарантированную зарплату. Эта обыденная жизнь рождала у людей чувство стабильности, поскольку относительная самостоятельность личности сохранялась и реализовывалась в ее *праве на труд*. И исторически укорененные в индивидуальном сознании коллективистические нормы жизни, и еще не исчезнувшее со времен войны чувство единства народа не позволяли уничтожить понимание государства как своего Отечества, перейти личности от осознания своих *обязанностей* к осознанию своих *прав*.

Поглощенное заботой о выживании сознание личности, подпитываемое лозунгами о грядущем коммунистическом обществе, нормами «Морального кодекса строителя коммунизма», не имело представлений о функциях, обязанностях государственной власти, не говоря уже о фактическом знании ее реальной деятельности.

Правовое сознание было разбужено той социальной силой, которая, по существующей советской «тарификации», именовалась как «прослойка», – высокообразованной носительницей национального самосознания, интеллигенцией¹.

В середине XX в. появляются самиздатовские и другие нелегальные формы публикаций, которые положили начало «оттепели», «бархатной революции», а также открытому протестному движению в лице А. Д. Сахарова, А. И. Солженицына и др.

Однако в данном движении выделяются два принципиально различных направления – *социально ориентированное*, представляющее протест против власти в защиту народа, родины, и *индивидуалистическое* движение диссидентов ради личного благополучия. Соответственно, и в философском понятии «свобода» различаются два смысла – свобода «для» и свобода «от». Применительно к ситуации 1950–1960-х годов одно было движением свободы «для» – за национальные интересы, защиту прав народа России, другое – «от», если не космополитическое, то индивидуалистическое. Создатели прекрасных кинофильмов питали души людей, развивали их национальное самосознание. Запреты на театральные постановки, кинофильмы, выставки временами преодолевались нонконформистскими действиями творческой интеллигенции. Говорить о них как об образцах мужественного противостояния власти важно потому, что именно они поддерживали в народе чувство единства и причастности к национальным ценностям, культуре своей страны.

1 В истории России она выступала против единоличной власти (в творчестве В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и др.). Как писал Н. А. Бердяев, «русская интеллигенция всегда говорила про себя „мы“, про власть и государство – „они“» (Бердяев, 1990).

Интеллигенция сыграла большую роль в развитии науки и культуры, духовной жизни своего народа. Именно благодаря ее усилиям догматическое советское сознание преобразовывалось в *гражданское самосознание*. Творчество В. Высоцкого и Б. Окуджавы, отечественные фильмы, ставшие впоследствии мировыми шедеврами, театр на Таганке и т. д. воплощали в себе волеизъявление народа.

В философии и социологии началась *мировоззренческая борьба* против догматически понимаемого марксизма-ленинизма. Философы, культурологи, социологи (М. К. Мамардашвили, Э. В. Ильенков, А. Ф. Лосев, С. С. Аверинцев, А. Д. Гвишиани, В. А. Ядов и др.), объединившиеся на страницах журнала «Вопросы философии», выражали новые идеи наступившей «оттепели» свободы, диалектики, гуманизма. Важна была не только роль идей, легализация свободы мышления, но и реальная борьба (особенно в Институте философии) против по-прежнему занимавших властные посты советских идеологов марксизма¹. Консолидировал это движение Б. М. Кедров, пришедший в Институт в шинели прямо из лагеря. Сектор института, который так и именовался «Критика буржуазной философии», стал для молодых философов плацдармом, открывшим возможность не критики, а глубокого познания и развития лучших гуманистических образцов западноевропейской мысли. Однако эта «революция» в мировоззрении не имела влияния на все еще господствовавшую в годы застоя идеологию власти.

Разразившийся в 1990-е годы кризис, охвативший все жизненные «артерии», выступил как *кризис власти*, ее беспомощности в управлении государством. Падение Советского Союза привело к ликвидации социализма и переходу к принципиально новому типу государства и общества. Это произошло не по инициативе, а практически *без участия народа*. Если был разоблачен культ личности Сталина, то ни в бытии, ни в сознании народа фактически не был преодолен культ власти (была ли она представлена Л. И. Брежневым, Б. Н. Ельциным или М. С. Горбачевым).

Десятки лет идеологического внушения народному сознанию догматических лозунгов и призывов *отучали* большинство людей думать о судьбе государства. Общественное сознание не было подготовлено ни к осмыслению, ни даже к простому пониманию происходящего. Сознание в этот период, с одной стороны, было возбуждено всем происходящим в стране как исключительными событиями,

¹ Особую роль в этой борьбе сыграл тогда совсем еще молодой философ В. А. Лекторский, который, опираясь на свободомыслящий коллектив сектора диалектического материализма Института философии, добился смещения с должности его заведующего – идеолога от философии.

с другой – находилось в своеобразном летаргическом, гипнотическом, в каком-то смысле коматозном состоянии. В нем вступили в противоречие советские традиционные понятия с представлениями и вносимыми с каждым переворотом власти новыми впечатлениями, которые не упорядочивались ни идеологически, ни прессой, ни информацией. Этот период был, несомненно, глубоким потрясением, как бытия, так и российского сознания.

Непродолжительность «перестройки» в жизни общества явилась препятствием для возможности *осознания личностью своих прав*, поэтому двойственность в системе организации общества – сосуществование негосударственных и государственных структур – первоначально воспринималась как нечто данное.

В стране произошло *раздвоение власти* – на власть капитала, собственности и власть государственную. Лидирующей оказалась власть капитала, ставшая, по сути, авторитарной, поскольку именно она определяла экономическое положение страны в целом. Государственная власть сохранила свою законодательную управленческую позицию, определяя ее как демократическую, поскольку наделила народ и личность *демократическими правами* – свободой выбора (при многопартийной системе); свободой слова; возможностью защиты своих прав путем обращения к исполнительной власти и судебной системе; правом определения своего места жительства и т. д.

Однако в результате раздела национального достояния между крупными собственниками и государством уровень экономического благосостояния страны в целом (и до того недостаточно высокий) упал, поскольку основные экономические ресурсы оказались в руках капитала, а доставшийся правительству экономический фонд не позволил ему оказывать такую поддержку всему населению, чтобы оно не оказалось на грани выживания¹.

¹ По мнению А. Г. Здравомыслова, «последствия незаконной приватизации себя не исчерпали. К этому не нужно добавлять, что приватизация национального достояния была осуществлена не только в ущерб экономическому развитию страны, но и в ущерб экономическому благополучию населения. Она была в высшей степени противозаконным актом, выражена пренебрежением интересами населения России» (Здравомыслов, 1999, с. 3). Опираясь на данные многочисленных опросов, Здравомыслов утверждает, что, «по мнению большинства населения, наша экономическая элита возникла: во-первых, из людей, нечестным образом наживших состояние; во-вторых, из партийной номенклатуры; третий по значимости источник – криминальные группировки; четвертый – госструктуры советского периода и, наконец, пятый – госчиновники ельцинского периода» (там же, с. 9). Таким образом,

На первый взгляд, реформы имели демократический характер в том смысле, что предоставили населению и личности право *самообеспечения*: самостоятельного нахождения оплачиваемой работы, включения в систему торгово-рыночных отношений, предпринимательства и т. д. Но для практической реализации этих прав в стране еще не было создано необходимых условий.

Этот краткий обзор социально-экономических событий (как будто в насмешку названных «перестройкой», хотя реально ни о каких организационных, тем более связанных со строительством нового общества действиях не было и речи) необходим не только для понимания правового состояния и смысла произошедшего для общества в целом, но и для рассмотрения проблемы на уровне личности, что является предметом данного исследования.

Правовой статус личности складывается из следующих составляющих:

- 1) получения ею законодательно зафиксированных Конституцией РФ *гражданских прав*, обеспечивающих ее участие в жизни общества, государства¹;
- 2) экономически обеспечиваемого государством *уровня жизни* (обеспечение занятости трудящихся, социальное обеспечение – пенсионное и др.);
- 3) права на медицинское обеспечение *здоровья*;
- 4) права на обеспечение *безопасности жизни*;
- 5) права на поддержку материнства – детства;
- 6) права на получение образования (общего, среднего, частично высшего).

Эта группа прав включает выделенные в Конституции РФ *гражданские права* человека, которые (в отличие от законоуложений других стран) *отделены от его прав как личности*. Но в состав перечисленных прав входят не только собственно гражданские, но *соци-*

экономическая элита, рассматривавшая деньги как властный ресурс, пренебрегала государственными нормами, принципами управления и разрушала правосознание практическими криминальными действиями. «Общечеловеческая мораль и соответствующие принципы нравственного поведения... почти исчезли из массового сознания» (там же, с. 7). Новое экономическое, правовое, и нравственное сознание разрушило опору государства на науку и культуру и в целом стали препятствием функционирования правового государства и управления.

- 1 Заметим, что реализация личностью своего гражданского права, например участия в голосовании, будучи фактическим демократическим правовым волеизъявлением, не столь важна для жизни личности, как своевременная медицинская помощь или работа.

ально-политические права (пункты 2–6), которые отличаются тем, что их реализация зависит от социально-экономического уровня и соответствующего функционирования государства, и в случаях непредоставления им этих прав предполагают необходимость самой личности добиваться реализации своих прав от государственных инстанций или решать эти правовые проблемы своими силами в судебном порядке. Социально-экономические права характеризуются своим жизненно необходимым характером, непосредственной связью с *жизненным благополучием* личности. Они представляют собой такие права, без реализации которых жизнь личности превращается в нищенское существование (пункт 2) или подвергается угрозе уничтожения (медицинское обслуживание или нарушение безопасности жизни). Задача защиты права на обеспечение *безопасности* жизни вышла за пределы функций отдельного государства и переведена в статус Международного права в качестве борьбы с терроризмом.

Следующий раздел составляют *права личности*, которые связаны с ее *взаимоотношениями* с другими людьми, поведением, т. е. *этическими* отношениями и *нравственностью личности*.

Еще в дискуссии со своим учителем Г. Когеном С. Л. Рубинштейн настаивал на том, что право в целом и права личности – это не чисто юридические нормы, но, прежде всего, этические чувства – совести, долга, вины и стыда, любви и уважения к близким и дальним. В своем последнем труде «Человек и мир» Рубинштейн назвал их *мировоззренческими чувствами личности* (Рубинштейн, 1976). Они определяют характер человеческих отношений и этичность самой жизни личности.

Но поскольку сознание личности – это, в первую очередь, ее духовные и душевные ценности, воплощающие как ее желания, так и их реализацию, постольку в этом смысле любой человек осуществляет свои *права* в своей жизни *сам*, реализуя собственные ценности в том их соотношении, которое сам устанавливает и сам защищает. Каждый взрослый человек *сам* зарабатывает на жизнь (свою и своих близких), *сам* вкладывает в свой труд свои профессиональные умения и способности (в той мере, в какой считает необходимым или достойным), *сам* строит свою семью, воспитывая (или нет) детей, строит те или иные отношения с людьми. Он свободен в своем праве доверять им, опираться на них и помогать им. Иными словами, человек изначально обладает не установленным законом *правом* самому строить свою жизнь и реализовывать в ней собственные личные и общечеловеческие ценности. И мера осознания им этого своего права – свидетельство его *личностной зрелости*.

Но там и тогда, когда жизненные ценности выражают отношение личности к родине, обществу, в котором она живет, к другим людям, в силу вступают общечеловеческие и исторически традиционные для данного менталитета законы, а также законы данного государства, обеспечивающие условия ее жизни, деятельности, общения. Разные люди в разной мере разделяют и осознают эти ценности, реализуя их «само собой разумеющимся образом» – соблюдая правопорядок, проявляя право послушность или в силу своей нравственности, сознания причастности к своей стране, своему народу, его лучшим традициям, т. е. глубоко осознанно. Это либо убеждения личности, либо социальные стереотипы ее сознания и поведения.

Однако ценностные ориентации (предпочтения) оказались в XX в. связаны не только с ее сознанием, духовностью личности, ее зрелостью, но и с ее жизненной позицией. Жизненная же позиция личности оказалась и объективно, и субъективно глубоко *противоречивой*. С одной стороны, определенный отрыв от способа обобществления жизни, обезличивающего человека социальными стандартами и нормами, открывал, казалось бы, возможность для развития индивидуальных способностей, особенностей личности, ее более осмысленного построения своей жизни, расширения сознания, развития мышления, собственного мнения о происходящем. С другой стороны, это, несомненно, произошло бы, если бы кризис страны не отнял у личности свободное время и более или менее свободные деньги, обусловив ориентацию всех ее жизненных и интеллектуальных сил на добывание средств существования.

Новый образ жизни общества, новые потребительские ценности, преобладающая ориентация на «зарубеж» привели к обесцениванию национального достояния, отрыву от своих духовных и культурных корней, падению общего уровня науки и культуры.

Однако главной утратой личности нового российского общества оказалось обесценивание главной ценности жизни личности – ее *труда*. Веками именно труд был источником ее существования и потому *веры в свои силы и возможности*. Труд оказался обесценен не потому, что народ перестал трудиться. Парадокс заключается в том, что ставшее всеобщим в 1990-е годы умножение мест заработка (совместительств), необходимое для выживания семьи, изменило *отношение* личности к труду, лишило его не только творческого характера, но ценности как способа самовыражения личности, ее жизненного призвания. Труд одновременно был и ее *социальной* самореализацией и ранее оценивался социально.

Разрушился стереотип, существовавший в сознании личности, что она всегда имеет возможность получить работу, т. е. было *уни-*

чтожено право на труд. И конкуренция в ее российском варианте проявилась прежде всего в том, что рынок труда оказался представленным спросом на профессии, не включавшие основные профессиональные кадры России¹. Государство сняло с себя обязанность, состоявшую в обеспечении *востребованности трудящихся*.

Одновременно с этим, в том же социальном времени и пространстве, преуспевали в достижении все более комфортной и ирреально для вчерашнего (да и сегодняшнего) сознания богатой жизни отдельные персоны и ниже лежащие (по уровню капитала) их «слои», которые – и это было нокаутом для сознания трудящихся – имели «все блага» без всякого труда. Здесь также произошел *отрыв труда от капитала* как факт обладания последним без труда. Рухнул не только идеологически извращенный марксизм, но сама марксова концепция капитализма.

Было бы ошибкой называть отчуждение от государства личности, за которой сохранилось «право» выживать самостоятельно, индивидуализмом, так же как не соответствует (даже при всем их разнообразии) определению сущности индивидуализма положение лиц, причастных к элите капиталистов. Индивидуализм западного образца предполагает целую поддерживающую его систему организации общества и, соответственно, индивидуалистическое сознание. Основу последнего, по мнению известного французского социального психолога С. Московичи, представляет *чувство собственного достоинства* (Московичи, 1995). И это не имеет ничего общего с алчным стремлением ко все большему обогащению и публичности, рекламирующей это богатство, которыми отличается российская олигархия.

По многим социологическим опросам и исследованиям российских ценностей Н. И. Лапиным (1991), в результате перемен, произошедших в России в конце XX–начале XXI в., в сознании личности изменилось соотношение того, что ранее именовалось индивидуальным и общественным сознанием (*privat* и *public conschesness*) и что проявлялось в *возрастании роли личного* – личных ценностей, личной жизни. Это, как ясно из вышесказанного, было вызвано преимущественно экономическими изменениями. Но это же повлекло возрастание роли семьи, друзей в жизни личности, можно думать – как выражение потребности в психологической поддержке вследствие

1 В любых средствах массовой печати появилась информация о потребностях в таких «профессиях», в число которых не входили ни рабочие-профессионалы, ни инженеры, ни специалисты гуманитарного профиля. Требовались менеджеры, служащие банков и офисов, грузчики, повара и т. д. А одновременно с этим в большинстве учреждений происходило сокращение штатов (по государственной разрядке).

вие трудности борьбы за существование в одиночку. Происходило *обособление* личности не только от государства, но и от культурной жизни общества как в силу ограниченности средств, так и в связи с размыванием ценностей российской культуры наступлением массовой культуры. Последнее часто оправдывалось тезисом «осовременивание».

Вышесказанное является характеристикой личности, принадлежащей к населению (при наличии в нем разных социальных слоев). В силу этого соотношение «власть–личность» является только одним из направлений, притом абстрактным, в числе других, раскрывающих правовые отношения в современном обществе. Поэтому необходимо хотя бы обозначить другие соотношения, которые образовались между властью государства и «субъектами» экономической власти – стратами современного общества. Они иногда опосредуют, иногда сосуществуют параллельно с вектором «власть–личность», но так или иначе влияют на него.

В обществе возникли *новые социальные страты*, которые по-разному соотносятся с государственной властью, находятся в разной степени зависимости/независимости и от нее, и от власти капитала. Необходим глубочайший социально-экономический анализ всех этих соотношений, выходящий за пределы данного исследования. Однако некоторые моменты, характеризующие сложные социально-экономические отношения в современном обществе, необходимо учитывать для понимания особенностей правосознания личности, определяемого системой правовых отношений.

Первое, что необходимо иметь в виду, – это разные формы существования того, что выше было обозначено как *власть капитала*. Для этого мы предлагаем краткий описательный обзор основных страт нашего общества, обладающих капиталом или работающих в сфере бизнеса.

Первая из них – *страта предпринимателей* – существовала еще в дореволюционной России и оценивалась прямо противоположным образом: отрицательно (вышестоящей элитой, имеющей преимущественно наследственный капитал или социальный статус дворянства) – как невежественных, алчных и склонных к обману лиц; положительно (институционально не оформленным, но реально существовавшим общественным мнением) – как инициативных, побуждающих и реализующих социально-экономическое развитие России людей, поддерживающих своей благотворительностью русскую культуру и т. д. (см. Конкурентность..., 2004).

Вопрос о наличии у предпринимателей первоначального капитала не имеет однозначного ответа, так как в разных случаях это

было по-разному. Но главным отличием этой страты в современном российском обществе является как раз критерий обязательного наличия у последней крупного капитала, существующего в двух формах – функционирующего, т. е. вкладываемого в те или иные сферы экономики для дальнейшего роста, и капитала типа «чулка», лежащего неподвижно (под проценты) преимущественно в иностранных банках. Основная характеристика страты предпринимателей – ее персонифицированная деятельность, целью которой является обогащение (деньги). Эта деятельность в редких случаях является трудом, поскольку не производит общественного продукта, а если реализуется по типу производства, то труд осуществляется не предпринимателем, а наемными работниками, служащими и т. д. Однако поскольку деятельность российских предпринимателей осуществляется на российском рынке и на российской территории, то другой (или косвенной) целью является одновременно обеспечение определенных потребностей населения и общества в целом (предоставление услуг, финансов, различного рода и масштаба товаров), что дифференцирует предпринимателей на крупных и мелких)¹. Ими осуществляется и товарооборот, и производство товаров, что на фоне угасания российского государственного промышленного производства является несомненным вкладом в жизнедеятельность общества.

В силу самой сущности конкуренции как стихийно складывающихся отношений деятельность предпринимателей осуществляется в зоне высокой степени риска и часто в форме нецивилизованных отношений. Последнее действительно всегда имело место в России как ее «родовое проклятие» – обман в сфере деятельности и торговли, ложь в сфере политики и личных взаимоотношений.

Это, на наш взгляд, не только национальная черта характера, а следствие того, что действовать *по правде* существенно труднее. Это важно сознавать в силу того, что вся сфера этой деятельности потенциально является областью возможных правонарушений. Ее стихийность не предполагает законодательной регламентации, а потому выявление нарушений и отстаивание прав потребителей продуктов этой сферы является их личным делом. А так как осуществление предпринимательской деятельности по-настоящему, «по правде» (выращивание лучших продуктов, создание высокопроизводительных предприятий и т. д.) гораздо труднее, чем подделка товаров, их перепродажа по завышенным ценам и т. д., то в целом

1 Мы не детализируем данный обзор, поскольку не рассматриваем специфику предпринимательской деятельности в области торговли между странами или в других странах.

конкуренция в ее сегодняшних формах не служит повышению уровня качества производства в стране и благосостояния народа.

Обобщая, можно сказать, что каждый представитель этой страты не властен в судьбе своего дела и деятельности, не защищен законом государства и в этом смысле может рассчитывать только на свою сообразительность, образованность и личную выносливость. В целом страта предпринимателей обладает реальной властью по отношению к потребителям: властью нанесения им ущерба (обмана) и властью над их платежеспособностью (путем повышения цен). Но личностная цена этой власти у каждого предпринимателя в отдельности превышает усилия личности низшей страты зарабатывать на жизнь; часто ценой этой деятельности оказывается жизнь, так как рынок – всегда почва для криминала.

Деятельность предпринимателя является, во-первых, *многопрофильной*, чем она отличается от традиционного профессионального труда, имеющего свою специфику, определенность и содержащего возможность по мере ее осуществления приобретать опыт и повышать профессиональный уровень. Многопрофильность деятельности предпринимателя предполагает, кроме конкретного знания данной сферы, постоянное отслеживание финансовых ситуаций на рынке, поставок товаров, их качества, рекламы для потребителя, информации о непосредственных конкурентах и т. д. Во-вторых, если предприниматель является руководителем, то, соответственно, он должен обладать искусством *управления кадрами и организацией* (владелец организации). При нерегламентированности законодательно (государственно) всех этих позиций он должен быть и юристом, чтобы по возможности грамотно оформлять договорные и товарно-денежные отношения. Одним словом, он должен быть субъектом многопрофильной, универсальной деятельности, а потому обладать незаурядными личностными качествами – «оборотистостью», т. е. способностью быстро перестраиваться, дивергентным нестандартным мышлением, способностью к комбинаторике и быстрому принятию решений, стрессоустойчивостью, высоким уровнем притязаний и продуцирования инициатив, психической и физической выносливостью. Все это необходимо учитывать представителям следующего поколения, которые должны понимать, что их стремление к сфере бизнеса предполагает участие в сфере не регламентированных правом отношений.

Таким образом, страта предпринимателей *имеет власть* над населением страны в форме ухудшения уровня благосостояния (рост цен) и снижения качества товаров потребления (в случаях обмана), и это та власть, против которой население в целом бессильно.

Стихийность рынка, возможность обогащения создают иллюзию свободы, рекрутируя наиболее инициативных предприимчивых людей, но одновременно отсутствие у предпринимательства (в основном) ориентации на национальные интересы не превращает эту страту в опору государства.

Особую *страту* составляет сам *государственный аппарат*. Государство обеспечивает безопасность страны, развитие производства, торговое сотрудничество с другими странами, создает условия для жизнедеятельности населения, регулирует уровень благосостояния общества и пропорциональность распределения бюджета. Этим оно отвечает *правам* населения на упорядоченную и безопасную жизнь. В настоящее время функционирование государственного аппарата сращено с выборными демократическими структурами и партиями.

Страта госчиновников и функционеров в еще по-советски слитой хозяйственно-управленческой и политической (партийной) деятельности находится в *зоне противоречий свободы и несвободы*. Переживание свободы как власти определяется здесь местом в должностной иерархии, а не-свобода является следствием аппаратно-бюрократических отношений. Реальное отсутствие гласности – *закрытость* сферы деятельности этой страты – не позволяет достоверно судить о ее правах и обязанностях. Представляется, что она подвластна, подчинена вышестоящим уровням власти. Ее ответственность за осуществление прав населения еще по-советски бюрократически защищена, ограничена (примеры «ответов» на протестные обращения трудящихся). Компенсацией несвободы и ограниченности власти являются высокий уровень жизни государственной бюрократии (собственность всех видов – зарплата в повышенных размерах, недвижимость и накопления в банках). И то, что законодательство мало распространяется на эту страту, доказывается явлением масштабной коррупции, которое оказывается в сфере власти и властью непобедима. Это не только финансовый урон национальному капиталу, но и показатель отсутствия способности государственной власти бороться с правонарушениями, беззаконием в сфере, обязанной обеспечивать соблюдение прав в жизни общества. Эта страта на сегодняшний день неконструктивно использует свою власть в интересах народа.

Страта, точнее говоря, *элита олигархов*, обладающая прежней национальной собственностью и капиталом, неоднородна в своих позициях по отношению к государству, но в целом неприкасаема, поскольку на нее фактически не распространяется власть государства. Социологам и экономистам, по-видимому, известен процент участия

капитала в государственной экономике, который является делом добровольных соглашений. Частным правом олигархов является вывоз капитала из страны и его размещение в иностранных предприятиях. Вопрос права государства на дифференцированное налогообложение не подлежит демократическому обсуждению. Во всяком случае соотношение двух высших форм власти – государства и элиты олигархов – находится в зоне, недоступной ожиданиям или требованиям народа, хотя оно по своим последствиям касается его непосредственно. В этом смысле каждой личности как гражданину страны предоставляется право по-своему интерпретировать это положение, по-своему его оценивать и по-своему к нему относиться.

Без специального исследования трудно сказать, что больше порождает у народа сознание *несправедливости*: или уже оставшийся в прошлом факт незаконной приватизации национального фонда страны, или неизменность, непоправимость данного состояния общества, поделившегося на богатых и бедных, или систематически происходящее незаконное присвоение финансов коррупционерами. Не являются ли хищения в высших эшелонах власти ярким примером для подражания? Почему нет?

В международных политэкономических представлениях считается, что определенную устойчивость и интегрированность общества создает наличие развитого *среднего класса*, который нивелирует, сглаживает противоречия между богатыми и бедными. Однако в России этот слой, который был представлен гуманитарной и технической интеллигенцией и создавал духовно-нравственный климат в стране, истончился до минимума, поскольку часть его поднялась до уровня элиты, а часть – опустилась до уровня служащих, малообеспеченных граждан. Средний класс интеллигенции перестал сегодня быть движущей силой прогресса общества, какой он был в советское время, и в силу закрытого характера общества, и в силу его роли в обществе как созидателя национальных ценностей.

В целом правовое сознание российских граждан выражает неудовлетворенность стихийно возникшим складом общества не только в экономическом отношении, но и в отношении *перспектив и ресурсов его дальнейшего развития*. Неуверенность, отсутствие перспектив лишает народ того духа терпения, мужества преодоления жизненных трудностей, который всегда был присущ российскому менталитету.

Оценка политического, финансового и т. д. состояния нашего общества на рубеже веков стала связываться с понятием *изменения*. Объяснимо, как было показано выше, его значение применительно к стратегии предпринимателей, действующей в сфере изменчивости

рыночных отношений как ее сущностной характеристики. Но возникает вопрос, насколько посильны народу изменения, которыми в истории России богато XX столетие: 1905 г., Первая мировая война, февральская и октябрьская революции 1917 г., переход власти народа в руки единоличного властителя, Великая Отечественная война, «бархатная революция», перестройка, приватизация. Способно ли осознание двух–трех поколений века передать как наследство эти «изменения» последующим без потери сущности изменяющегося и изменяемого? Каков диагноз настоящего и прогноз будущего? Остановимся ли мы перевести дух, отдохнуть от изменений и узнать, останутся ли как стабильные двоевластие государства и капитала и его следствие – разделение общества на абсолютно богатых и абсолютно бедных при неравномерности их численности: минимума богатых при абсолютном большинстве бедных (см. Тихонова, 2004, 2004а; Хахулина, 2004).

Способна ли та или другая «половины» на осуществление социального прогресса при достижении предела в гуманистическом регрессе (называемого народом беспределом)? Не наступило ли время узнать программу построения действительно демократического общества, опирающегося на принцип социальной справедливости? И имеет ли право государство ценой ускорения ухода старшего, изнуренности среднего и грозящей духовной деградации молодого поколений страны продолжать эксперимент со страной огромных ресурсов и возможностей, богатой историей, уникальным менталитетом и творческим потенциалом? И когда же непрерывные изменения превратятся наконец в развитие?

И исходящая из этого задача социально-экономического масштаба – рациональная, конструктивная расстановка сил различных страт общества – должна опираться на его *духовно-нравственное* обновление. Естественно, что собственно социальное преобразование общества силами государства при истощенном до предела экономическом фундаменте более чем сложно и в настоящее время вряд ли возможно. Требуется время или какие-то крупные масштабные реформы для перехода общества от упадка к подъему. Поэтому необходимо актуализировать культурный интеллектуальный потенциал российской интеллигенции, поддержать личностей (и старшего, и младшего поколений) и народных объединений, которые уже имеют позитивный опыт в восстановлении дееспособности в разных сферах жизнедеятельности (промышленном, сельскохозяйственном производстве и т. д.) и создании рациональных форм организации жизни. Реальный потенциал прогресса, заявляющий сегодня о себе локально в разных городах и регионах страны, в различных сферах

жизнедеятельности и стратах населения, свидетельствует о *сохранности национального духовного богатства* России, менталитета ее народа. И именно он – а не бездумное копирование западных моделей, давно отработанных в других культурных и социальных контекстах, является неисчерпаемым ресурсом развития России, залогом ее будущего.

Обращение к ресурсам российского менталитета в разных формах и масштабах его функционирования является обращением к его социально-психологическим и личностным возможностям, но именно не как к абстракциям, а как к реальным экзистенциальным психосоциальным формам духовно-душевной жизни.

Методолого-теоретические основания исследования проблемы правового сознания личности

Проведенный обзор реальных социально-экономически-правовых позиций и отношений в современном российском обществе является необходимым отправным пунктом для собственно психологического исследования правового сознания российской личности на рубеже веков, его изменений и современного состояния. Фундаментальное исследование потребовало бы лонгитюда, охватывающего не одно десятилетие. Поэтому дальнейшее изложение является итогом методолого-теоретического исследования проблемы, использующего психосоциальный и системный подходы, метод исторической реконструкции (В. А. Кольцова и др.), опирающегося на теорию сознания личности С. Л. Рубинштейна и ее развитие его учениками и последователями, а также на концепцию российского менталитета, разрабатываемую в Институте психологии РАН.

В советское время психология в известном смысле *противостояла деградации* высшего уровня власти и управления страной и одновременно интенсивно выявляла и научно презентовала по существу глубоко патриотическую деятельность отечественной научно-технической и управленческой элиты. В середине XX в. психология вышла за стены абстрактной науки и включилась исследованиями и практическими рекомендациями в оптимизацию тогда еще функционировавшего производства и других сфер общественной жизни. Как наука психология приобрела новый государственный статус благодаря созданию в 1972 г. Института психологии в системе Академии наук, осуществленному усилиями Б. Ф. Ломова. Институт стал ведущим в СССР центром, в котором интенсивно, наряду с общей психологией, разрабатывались социально-ориентированные отрасли психологической науки – психология управления, со-

циальная и инженерная психология, опирающиеся на конкретные исследования, передовой управленческий опыт и научно-технические достижения в разных областях общественной практики. Эти исследования при всем их конкретном характере поддерживались и обобщались методологическими принципами психологии, новой методологией системного подхода, развивавшейся в разных областях знания (В. Г. Афанасьев, Д. М. Гвишиани, Б. Ф. Ломов, Э. Г. Юдин и др.).

Вновь созданный Институт включал в свою исследовательскую программу не только актуальные направления психологии, соответствовавшие современным задачам общества, но интегрировал ее основные направления, опираясь на все историческое наследие психологии, сохранял и поддерживал ее исторически сложившуюся связь с философией. Так, фундаментальной философско-методологической основой Института стала новая философская парадигма С. Л. Рубинштейна, представленная в его труде «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973, 1976, 1997, 2003). Она позволила расширить категориальный и проблемный состав психологии, включив в ее предмет не только определение психического, сознания, но и личность, являющуюся субъектом жизненного пути, включенного, в свою очередь, в современное ему общество. Соответственно, преобразовалось и определение ее сознания (не только как регулятора деятельности, субъективного и идеального), но и как включенного во взаимодействие личности с миром, воплощающего ее жизненные и духовные, мировоззренческие ценности, реализуемые и отстаиваемые ей. Это определение сознания развивалось в направлении от гносеологического к онтологическому и от социально-философского к психосоциальному.

Впоследствии учениками С. Л. Рубинштейна и Б. Ф. Ломова были проведены социально-психологические и личностно-ориентированные исследования сознания, и на их основе в систему психологии было введено социально-историческое и психосоциальное понятие *российского менталитета* и социального мышления личности (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, В. А. Кольцова, А. Л. Журавлев и др.).

Наиболее фундаментальной явилась проблема специфики российского менталитета.

Предметом исследования явилось выявление *специфики* российского менталитета во всей его исторической сложности, многообразии и единстве. Предполагалось также выяснить, изменилась ли российская ментальность общества и личности в период резких социальных изменений. Эта проблема продолжает активно разрабатываться и сегодня (Историогенез..., 2015).

В 1980–1990-е годы российский менталитет рассматривался на двух уровнях: общественного сознания и его национальных, нравственных ценностей и индивидуального сознания личности.

Общественное сознание, в свою очередь, включает в себя следующие составляющие: экономическое, политическое, правовое, нравственное сознание и т. д. Опираясь на данные социологических исследований и опросов (В. Ядов, Ю. Замошкин, Н. Лапин и др.), удалось установить, что в российском сознании преобладают нравственное и политическое сознание, которые у одной части людей (44%) изолированы, у другой (43%) синкретически связаны в некотором «синдроме без вины виноватых»; у незначительного числа опрошенных (10%) политическое и правовое сознание находились в противоречии. Правовая и экономическая составляющие сознания имели незначительный удельный вес, а последняя была представлена на уровне обыденного, житейского сознания в качестве непонимания людьми экономического состояния общества.

Индивидуальное сознание личности включало в себя те же составляющие, а также представления об ответственности, интеллекте, нравственности, деятельности, о других людях, а также о своем «Я», которые мы назвали личностно-ориентированными.

Однако такая модель индивидуального сознания еще не раскрывала сущности каждого из перечисленных представлений, не выявляла различий, например, представлений о нравственности у разных типов личностей, которые могут быть весьма разнообразны, и не обнаруживала характера самого мышления личности, следствием чего были те или иные представления. Соответственно, не ограничивалась общей схемой совокупности различных представлений (экономических, правовых, политических и т. д.), каждый сотрудник лаборатории исследовал особенности и сущность одного из перечисленных представлений в отдельности (представления об интеллекте – Н. Л. Смирнова; представления о нравственности – М. И. Воловикова; представления об ответственности – Л. И. Дементий; правовые представления и их интерпретации – А. Н. Славская; представления об отношении к личности других людей – Е. В. Гордиенко; представления личности о себе, о своем «Я» соотносительно с обществом – Г. Э. Белицкая). По каждому из исследуемых представлений были получены типологии, которые позволили раскрыть существенные различия социального мышления разных типов личностей. Эмпирически исследовались отдельные составляющие социального мышления личности, представления, интерпретации, способность мышления к постановке и решению проблем.

Для того чтобы теоретические определения сознания не оставались абстрактными (как в прежней психологии) и понятие сознание не связывалось только с более конкретными психическими процессами, необходимо было в эмпирическом исследовании сознания выявлять его личностные особенности, обеспечивающие функционирование личности в жизни. Важно было, чтобы сама проблема личности обрела статус центральной проблемы психологии, заняла в психологической науке такое место, которое советским строем в реальной жизни за ней фактически не признавалось. Эта простая и в течение ряда лет решавшаяся то положительно, то отрицательно на разных уровнях задача, по сути, была «гражданской войной» в науке за восстановление справедливости в жизни, поскольку дальнейшие исследования были обращены не только к определению и концептуальному осмыслению проблемы, но и к реальной личности. Также существенно было обращение к изучению реального и в этом смысле *социального мышления* личности.

Эти исследования осуществлялись в контексте нового для отечественной психологии *психосоциального подхода* к изучению российского менталитета.

Как было показано выше, российский менталитет преобразуется при разных типах государства и его власти. Последняя представляет собой реально изменяющиеся типы организации общества. В связи с этим его менталитет проявляется либо подспудно, не совпадая по своей роли ни с типом государства в целом, ни с характером власти, либо выступает явно реально как национально-исторический способ интеграции духовных, нравственных, религиозных сил, способ *народного волеизъявления*. Соответственно, вектор «власть–народ–личность» многократно опосредуется в своем соотношении сложившимися при каждом типе государственности стратами, слоями. Сознание личности определяется и ее принадлежностью к той или иной страте, и той общей расстановкой социальных сил, которая создает определенную, но вместе с тем трудно определяемую атмосферу общества.

Но сознание как способность личности определяется и ее собственным бытием, жизненным путем, жизненной позицией. Каждая личность мысленно соотносит себя с обществом, в котором реально складывается ее жизненный путь, и в зависимости от его противоречивости, трагичности или, как принято сегодня выражаться, успешности она обобщает свою жизненную позицию в *представлении о себе соотносительно с обществом*.

Основные четыре типа личности определяли свое «Я» (self) соотносительно с обществом следующим образом:

Я = объект – Общество = субъект (Я = 0; Об = С);
 Я = субъект – Общество = объект (Я = С; Об = 0)
 Я = субъект – Общество = субъект (Я = С; Об = С)
 Я = объект – Общество – объект (Я = 0; Об = 0)

Вышеуказанные типы раскрыли различные способы связи общественного и индивидуального сознания личностей. Эти исследования, кроме получения данных о соотношении индивидуального и общественного в сознании личности, подтвердили теоретически и эмпирически методологическую роль принципа субъекта, разработанного С. Л. Рубинштейном, который развивали и реализовывали далее в своих исследованиях его ученики.

Из этого принципа исходил ряд важных определений личности как субъекта деятельности, субъекта жизненного пути.

Однако всегда ли личность, реально являясь субъектом деятельности, одновременно осознает себя субъектом по отношению к обществу? Ответ на этот вопрос служит важным основанием для определения *правового сознания* личности. Очевидно, что осознание себя объектом уже свидетельствует об *установке на подчинение* власти, закону, т. е. *законопослушности*. Осознание своего «Я» субъектом обозначает направленность своей свободы и права на *инициативу*.

Сейчас, по прошествии времени после проведенного Г. Э. Белицкой исследования, можно допустить, что тип личности (Я + С – Общество = Об) свидетельствует о более чем сложном взаимоотношении «личность – власть» (и одновременно – более реалистическом). Раньше мы интерпретировали это отношение как присущее диссидентам, ставящим своей целью преобразование общества (или просто отрицание существующей власти). Сегодня можно допустить, что этот тип личности просто игнорирует роль государства и власти. Только впоследствии путем исследования социально различных выборок мы установили, какому социальному слою (или страте) свойственен тот или иной тип сознания. В изменившемся обществе нуждаются в другой интерпретации и другие типы сознания: так, формула (Я = С – Об = С) может означать, что личность считает себя правомочной и дееспособной для участия в активной преобразовательной деятельности государства, партий, в законотворчестве.

На том этапе исследований (1980–1990-е годы) с целью выявления самоопределения личностью себя как субъекта или объекта соотносительно с обществом выявлялись комплексные характеристики сознания личности и осознания себя как активного или пассивного, инициативного или зависимого человека, чтобы на этом основании осуществлять интерпретацию отношений «личность–общество» (власть) как правовых.

Значительный результат был получен в исследовании М. И. Воловиковой о связи правовой и нравственной составляющих сознания личности. Она показала, что у большинства произвольно составленной выборки личностей разных возрастов сознание побуждает к поступку (либо блокирует его) правовым сознанием – страхом наказания, т. е. страхом перед властью. Выявилось, что в правовом сознании личности доминирует не столько сознание своего права, сколько нравственное внутреннее доминирование совестью, ответственностью, т. е. социальная *законопослушность*. В конечном итоге, это означает подавленность осознания себя личностью, субъектом доминированием объектного подхода.

Теоретический вывод проведенных исследований заключается в понимании того, что правовое сознание – это не только отношение к власти и законам, которые она принимает и обеспечивает их выполнение, но и особенности сознания личности, ее собственное представление о себе как субъекте или объекте.

Правовое сознание личности складывается из сознания своего права (инициативы, свободы) и своей *ответственности, долга*¹. Однако при отсутствии нравственного воспитания, которым закладываются чувства совести, долга, вины, стыда, любви и уважения к ближним и дальним, заботы и сострадания, а также оптимального развития личности в первый период жизни; при негативных условиях развития (подверженность насилию, приводящему к ломке характера, влияние девиантного окружения и т. д.) складывается ее подражательность или негативизм, цинизм, склонность к нарушению общепринятых норм поведения и т. д. Отсутствие позитивной нравственной основы одновременно превращает личность в *ненадежную* в правовом отношении и *несознательную* в своем *случайном* поведении (или заведомо девиантную). Очевидно, что в зрелом возрасте при определенных разрушительных обстоятельствах жизни

1 Как показали наши исследования (1985–1989), проведенные на студентах Гуманитарного университета, Института молодежи и в МГПУ им. Ленина, в этом возрасте уже сложилось соотношение инициативы и ответственности, имеющее разный психологический характер. У одного типа преобладают инициативы, но нет сознания своей ответственности за их реализацию; у двух других преобладает ответственность (у первого – исполнительного характера, у второго – характера личностного долженствования), внешне или внутренне детерминированная, но не связанная с инициативами. У двух типов, обладающих и инициативой, и ответственностью, они связаны либо гармоничным, либо противоречивым образом (Абульханова, 1990). Это личностные особенности, составляющие основу нравственности, а также, одновременно, правового сознания личности и ее поведения.

или социальных ситуациях, вызывающих стресс, потрясениях, формажорных обстоятельствах сложившаяся в ранние годы нравственная основа может не выдержать испытания на «прочность». Эти, на первый взгляд, очевидные соображения на самом деле обнаруживают сложность в *соотношении* нравственного и правового сознания личности. Детерминанта, связанная с соотношением личности и права, как и детерминанта, связанная со становлением личности субъектом своей жизни, жизненного пути, приобретают противоречивый характер и при определенных обстоятельствах на личностном уровне, и при определенных правовых деформациях в эшелоне самой власти.

Постоянные явления коррупции, с которой безуспешно борется эта элита, которая ее допускает, свидетельствуют о несовершенстве обеспечения правосудия в самой государственной системе и, соответственно, о появлении у людей недоверия, негативизма в адрес власти в целом (Кертман, 2006).

Интерпретация результатов эмпирического исследования правового сознания личности

Кроме исследования правового сознания в нашей стране в период ее резких социальных изменений мы предприняли попытку взглянуть на него «со стороны», сравнительно с другими государствами и менталитетами: было осуществлено кросс-культурное исследование в рамках международного проекта «Демократическое сознание в Западной и Восточной Европе»¹.

С. Московичи – известный социальный психолог, автор теории социальных представлений, из которых, по его мнению, складывается общественное сознание. Сходство его подхода с разработанной нами концепцией социального мышления заключается в том, что в число процедур последнего также входят социальные представления, однако в нашей концепции последние, как и само социальное мышление, присущи сознанию личности, тогда как в концепции Московичи они являются атрибутами общественного сознания. Кроме того, различие заключается в том, что, согласно Московичи, общественное сознание сводится только к социальным представлениям, тогда как мы рассматриваем социальное мышление личности шире, включая в него и другие процедуры – проблематизацию, интерпретацию, категоризацию.

Однако в той части своей концепции, которая касается проблемы историчности индивидуального сознания, поднятой С. Московичи

в его полемике с концепцией дологического мышления Л. Леви-Брюля, он фактически рассматривает разрешающие возможности индивидуального сознания первобытного человека как функциональный уровень развития его мышления, пропорциональный простым задачам его жизни. Иными словами, он не ограничивается определением и исследованием общественного сознания, но его интересуют и возможности (разрешающие способности) индивидуального сознания, которые явились предметом нашего теоретического и эмпирического исследования, но не в историческом, а в современном ключе. Если, отвлекаясь от различий концепций в деталях, выделить сходство позиций, то нельзя не согласиться с идеей С. Московичи, что мышление личности каждой эпохи по своим возможностям соответствует тем задачам, которые ставит перед ней ее жизнь в том или ином конкретно-историческом обществе.

Поскольку мы более детально исследовали именно уровень индивидуального сознания, нам удалось выявить разный уровень развития социального мышления у разных типов личности, принадлежащих к различным социальным стратам (поскольку в современном обществе социальные условия жизни далеко не одинаковы для всех слоев общества). Далее мы выявили, что в зависимости от личностных качеств, позиции в жизни и в обществе, в сознании человека представлено разное «позиционирование» себя по отношению к обществу, выражаемое в субъект-объектных категориях. Это позволяет судить о том, ставит ли себя личность в подчинение обществу, равноправное с ним положение или даже считает себя приоритетной фигурой.

Сотрудники лаборатории психологии личности и истории психологии приняли участие в другом международном проекте «Представления о правах Человека», выполненном под руководством президента Женевского центра по правам человека В. Дуаза, объединившем исследователей 36 стран мира.

А. Н. Славская исследовала правовые представления и интерпретации личностью своих прав в СССР по единому пакету женевских методик (Славская, 1997, 1997а, 2004).

Целью кросс-культурного исследования Женевского центра по Правам Человека было выявление:

- отношения народов разных стран мира к Декларации прав человека (принятой 10 декабря 1948 г.);
- отношения к ценностям, защищаемым Декларацией, и комплексу ценностей, особо актуальных для конкретной страны;
- субъектов, способных к защите этих ценностей (правительства; законодательных и исполнительных структур; разного ро-

¹ Руководители – С. Московичи (Франция), К. А. Абульханова (Россия).

да партий; общественных движений в защиту прав человека), а также готовности и эффективности защиты ценностей этими субъектами; роли негативного личного опыта – переживания несправедливости, нарушения своих прав; понимания смысла и личной поддержки разных статей Декларации; желаний/нежеланий присоединиться к субъектам защиты прав человека.

В соответствии с нормами кросс-культурного исследования российским респондентам предлагался пакет методик, выявлявших: 1) основные ценности, которые защищаются личностью как свои права в нашей стране; 2) основные субъекты защиты прав человека; 3) особенности правовых представлений личности, в чьей жизни реально имело место ее притеснение.

В рамках данного проекта мы ограничивались исследованием только правовых представлений, руководствуясь в анализе и интерпретации конкретных результатов теоретической концепцией «анкеронок» В. Дуаза (1993), раскрывающей метод выявления принадлежности тех или иных представлений определенной социальной группе, стране.

Несомненно, что правовое сознание предполагает осознание и потребность в реализации *ценностей* (человеческой жизни, здоровья, семьи, безопасности, определенного благосостояния, добра, справедливости, правды), а также *гражданских прав* (ненасилия, достоинства личности, права на труд, на участие в социальной жизни, свободы слова и т. д.).

Не приводя подробных результатов этого международного исследовательского проекта (об этом см.: Славская, 2004), сделаем дополнительные комментарии.

В конце XX в. практически у каждой российской личности преобладали представления об *обязанностях* («надо») над представлениями о своих *правах* («хочу», «можно»), тем более возможности их защищать самой.

Проведенное исследование показало наличие, можно сказать, пропасти между восприятием «Декларации прав человека», предъявляемой российским респондентам, согласно процедуре кросс-культурного исследования, «Конституции СССР», и реалиями советской действительности, а также личной жизни. «Декларация» воспринималась как абстрактный документ, «Конституция», положения которой декларировались только политически, была большинству граждан мало знакома, т. е. воспринималась тоже как некая абстракция. Законы реальной жизни складывались соответственно конкретным жизненным обстоятельствам и особен-

ностям существовавшей в стране социальной системы, по отношению к которой почти каждый мог чувствовать себя только объектом (Г. Э. Белицкая).

Специфика российского менталитета того периода выявилась в ответах российских респондентов о *предпочитаемых ценностях* и образованных ими комплексах (паттернах).

В *первом* комплексе объединились еще не изжитые советские универсальные ценностные представления: о всеобщности счастья как улучшении жизни каждого, о свободе слова, доступности обучения и образования¹; во *втором* комплексе ведущим явилось «спокойное счастье», которое оказалось связано с личной жизнью, безопасностью, удовольствиями, социальным признанием; в *третьем* комплексе – отвечающее уже новому духу времени «счастье достижения» (удовлетворенность результатом личных усилий), а также не спокойная, а «волнующая жизнь»² и безопасность семьи³; в *четвертом* комплексе представлены идеалы, желательные ценности: мир во всем мире, свобода от страхов, самоуважение, достоинство людей, мудрость; в *пятом* – ценности малой группы: дружба, зрелая любовь, гармония с окружающими, безопасность семьи.

Не проводя дополнительного исследования с использованием метода анкеронок В. Дуаза, сегодня можно с уверенностью сказать, что комплексы ценностей, выделенные российскими респондентами, характеризуют сознание нескольких типов: а) присущее людям с традиционно советским мировосприятием; б) сознание, принадлежащее беспроблемной элите, достигшей всех благ жизни; в) сознание страсти, которая своими силами, ценой беспокойной (трудной) жизни достигает всего и оберегает свои ценности; г) сознание лиц, выражающих желательные ценности (идеалы); д) сознание людей, ориентированных на ценности малой группы (гармония с окружающими, семья, верная дружба и т. д.). Мудрость и достоинство, согласно программе исследования, характеризуют и личность, и межличностные отношения. У российских респондентов сознание далеко от достижения мудрости в межличностных отношениях.

- 1 Обращает на себя внимание то, что прямо названные равенство и свобода вообще не вошли в число ценностей, значимых для российских граждан.
- 2 Если бы текст методики писали отечественные психологи, то употребили бы понятие «тревожная» или даже «трудная жизнь».
- 3 Третий фактор, по данным Женевского исследования, имеет не личностную, а общественную ориентацию и назван «традиционализмом». Он включает: сопротивление угнетению, традиции, национальную безопасность и социальное признание.

Выявленные комплексы ценностей (типов) *ортогональны*. Два из них воплощают жизненные ценности двух страт: страты, имеющей капитал, а также страты, стремящейся к сохранению ценностей жизни. 1-й комплекс ценностей выражает советские идеалы, т. е. внеличные ценности; 4-й тип – идеалы, желания личности; 5-й – ценностную ориентацию на малую группу¹.

Существенным явился факт отсутствия значимых корреляций с кем-либо из защитников этих ценностей. Частично это может объясняться тем, что из 2 типов личностей, выделяющих ценности жизни, первый не нуждается в их защите, так как явно принадлежит элите, имеющей капитал как гарант беспредельного права; второй же защищает их сам, своими силами, своей трудной («волнующей» – на грани риска, опасностей) жизнью. Остальные 3 типа имеют в виду ценности как идеалы (идеологические или личностные), что по определению не нуждается в защите.

Проводя сравнительный анализ с комплексами ценностей респондентов других стран, можно заключить, что в ценностном сознании личности того периода еще сосуществовали контексты, связанные с сознанием борьбы за мир, всеобщностью счастья, и уже более современные контексты, связанные с задачами и достижениями в личной жизни.

Важно отметить, что никто из респондентов не добавил к отсутствующим в опроснике ценностям *труд* как условие благополучной жизни. Но одновременно просматривается, что в самосознании личности в связи с переживанием ею своей непризнанности обществом возникает представление о себе как о *субъекте усилий и достижений*, о необходимости обеспечивать благополучие личной жизни *собственными силами*. Это свидетельствует не о появлении индивидуализма, подобного западному, а об ослаблении ориентации на патерналистскую роль государства, о которой так много говорилось, как о некоем косном стереотипе российского индивидуального сознания в трактовке соотношения «государство – личность» и как о якобы препятствии в развитии рыночных отношений, предпринимательства и т. д.

Фактически в ответах российских респондентов отсутствует (внесено дополнительно только одним человеком) указание на цен-

ность *денег, богатства*. Это позволяет предположить, что на рубеже веков, когда в России только еще складывались капиталистические рыночные отношения, большинство людей еще не были готовы к вступлению в них как активные «игроки», не осознавали ценность богатства как важного ресурса своей жизнедеятельности.

Обращение к ответам респондентов других стран показывает, что в них отсутствуют такие ценности, как безопасность жизни, свобода от страхов, свобода слова и т. д., присутствующие в ответах россиян. На первый взгляд, это вызывает удивление, но вместе с тем проливает свет на природу ценностей вообще и их дифференциацию. По-видимому, эти ценности, которые являются актуальными для российского сознания, в других обществах уже стали реальностью, «само собой разумеющимся». В большинстве стран эти ценности (такие как обучение и образование) уже защищены государством и потому не входят в индивидуальное сознание. Существуют ценности как цели и идеалы. От них отличаются те, которые стали реальностью жизни, но нуждаются в правовой защите.

Благодаря кросс-культурному сравнению мы получили возможность выявить, какие основные ценности и в какой композиции представлены в сознании российской личности. Это *общие* для всех людей в мире ценности – безопасности жизни, здоровья, благополучия (но имелся в виду не жизненный уровень, поскольку у одной страты он уже был обеспечен, а у другой – подразумевался) как в целом позитивного совладания с жизнью, личное счастье, а также ценности-идеалы. В сознании российской личности все еще присутствуют его укорененные «родовые» особенности, выражающие особый склад менталитета (доверие, непритязательность, страдательность, подчинение, чисто российский идеализм). Поэтому в целом ему еще не свойственен западноевропейский рационализм: расчетливость, меркантилизм, индивидуализм.

Представляется, на первый взгляд, странным, что среди комплекса российских ценностей не оказалось *традиционализма*. В данных, полученных на выборках других стран, его составили: сопротивление угнетению, традиции, национальная безопасность и социальное признание. Для российского сознания традиционализм – это базовые характеристики менталитета, обусловленные историческими, национальными, культурными, религиозными основами жизни народа и составляющие корни российского сознания. Они регулируют индивидуальное сознание и поведение личности, но представлены в самых глубинах сознания (не уточняя здесь определение его уровней, что является особой задачей). Кроме того, нужно учитывать, что ценности общественного сознания пред-

1 Существенно, что в данных, полученных в кросс-культурном исследовании по другим странам, отсутствуют ценности безопасности жизни, достоинства всех, свободы от страхов, свободы слова, дружбы между нациями, улучшения условий жизни для каждого, а также социального прогресса, обучения и образования, способствующих развитию прав человека.

ставлены в сознании личности как соотношение индивидуального и личностно переработанного, интерпретированного общественного сознания. Поэтому ценности общества частично совпадают, частично не совпадают с ценностями личности.

Задачей кросс-культурного исследования было выявление *субъектов защиты* прав человека, а также готовности личности присоединиться к ним. По параметру оценки субъектов защиты прав человека не было получено значимых результатов. Небольшое количество данных позволяет заключить, что наибольший удельный вес в сознании российских личностей, по-разному оценивающих субъектов защиты прав человека, занимает ценность *удовольствия*. Однако она не актуализирует ни веру в правительство, ни готовность защищать права человека своими силами или вместе с другими, т. е. не связана с сознанием своих прав и потребностью их отстаивать. Представляется, что ценность удовольствий в тот период означала некий идеал, мечту личности, по крайней мере, то, что в реальной жизни отсутствует. Объяснение этого обстоятельства дано выше: обработка, направленная на выявление связи комплекса ценностей со стратами российского общества, выявила, какая страта защищает свои ценности сама, какая – не нуждается в их защите людьми, так как ее ценности застрахованы капиталом. В западноевропейских странах со сложившимся демократическим укладом в сознании личности уже присутствует реальный опыт защиты прав человека теми или иными социальными субъектами, практика оценок их большей/меньшей успешности, а также *собственного гражданского участия* в этой защите. Для сознания же российской личности в условиях резких социальных изменений и только наметившихся демократических преобразований, носящих по-прежнему авторитарный характер (захват и раздел национальной собственности) вопрос о защите кем-либо прав человека был в определенной мере пустым, лишенным смысла (хотя сама идея была понятна). Более того, у российских респондентов *отсутствовали не только опыт, но и знание* своих прав.

Как выяснилось дополнительно, российские респонденты не знали содержания «Декларации прав человека», которая им предлагалась в ходе исследования. Большинство опрошенных оказалось незнакомо и с положениями Конституции своей страны. Последнее неудивительно: как отмечает известный российский правовед Е. А. Лукашева, не все эти положения известны даже правоведом, юристам, поскольку относятся к разным уровням правоведения и требуют изучения и интерпретации при осуществлении правосудия. Она пишет: «Низкая правовая культура должностных лиц,

усугубляемая отсутствием реальной ответственности за отступление от права, ярче всего проявляется в неуважении права и пренебрежении им. Права человека – категория, чуждая правосознанию большинства тех, кто согласно Конституции призван обеспечить их *незыблемость*» (Лукашева, 1996, с. 81).

В сознании российской личности периода перестройки пережитки периода тоталитаризма не только присутствовали; происходящие на ее глазах события борьбы за власть подтверждали присущую российскому менталитету идею авторитарности государства. Могла ли она связать абстрактную идею прав человека с защищенностью своей личной жизни? Сознание людей отошло от *абстракций*, содержащихся в советских идеологических лозунгах, поскольку оно оказалось заземленным на конкретике личной жизни, но не смогло быстро присвоить демократические абстракции. В этот период многие люди лишились работы, заработка, продуктов питания, т. е. испытывали угрозу благополучию семьи, детей, личной жизни. Можно еще удивляться тому, что они, как показывают результаты исследования, не только сохранили свое ценностное сознание, но и проявили обеспокоенность о ценностях благополучия *в мире*.

Результаты исследования приводят к выводу, что в принципе неправомерно кросс-культурное сравнение правового сознания личности, принадлежащей к *стабильному* демократическому обществу, с сознанием личности общества, переживающего глобальные *изменения*, нестабильного, еще не ставшего подлинно демократическим. Однако при этом все же удалось установить, что пусть даже в качестве идеала, к которому склонна российская ментальность, но в сознании российской личности присутствует идея защиты прав человека.

Однако общий вывод о неправомерности кросс-культурного сравнения западноевропейского и российского правосознания¹ не означает, что проведенное исследование не дало никаких результатов. Например, представляют интерес данные, касающиеся отношения личности к нелицеприятным высказываниям «у нее за спиной», т. е. фактически об определенном способе ее обмана («в лицо говорится одно, за глаза – другое»²). К сожалению, они не были включены в обработку общих данных.

- 1 В этом плане примечательны следующие слова Н. А. Бердяева: «На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации – и строение земли и строение души» (Бердяев, 1990).
- 2 Российские респонденты негативно отнеслись к такому ущемлению достоинства личности. Важно то, что, раз этот вопрос вносится в такой

В целом можно сказать, что сравнение позволило выявить те особенности российского правосознания, которые отсутствуют в Западном мире.

Так, в Конституции России различаются права личности как *человека* и ее права как *гражданина* общества. Оказалось, что респонденты не знают этого различия, представленного в положениях Конституции. Но для личности и советского, и постсоветского периодов особенно значима *первая* позиция, связанная с ценностями и защитой здоровья, семьи, ее благополучия, самой жизни. Простому русскому человеку осталась не чуждой готовность прийти на помощь, посочувствовать, пожалеть. За близких (а не за себя) она реально переживала ответственность, тревогу, готовность оказать поддержку.

Но свое *гражданское* состояние личность осознавала не как *свои права*, а как сохранившуюся от прежних времен *отчужденность* от власти, непризнанность обществом. Связь с властью сохранилась в привычке получать зарплату (хотя и не всегда соответствующую ценам на продукты питания и оплату коммунальных услуг), иметь работу, скромное жилье, медицинское обслуживание.

Сохранила свою актуальность много десятилетий назад высказанная Н. Я. Данилевским идея о несопряженности в России двух составляющих права – *отношений личности с государством* и *взаимоотношений людей друг с другом*. Если в период революции существовала иллюзия, что личности, объединившиеся друг с другом в союз рабочих и трудового крестьянства, строят *свое* государство, т. е. эти два отношения выступали в единстве, то об этом никак нельзя было сказать в 70–90-е годы XX столетия.

В России основную область практического права составляют деловые отношения в межличностной сфере «личность – другие», в которой и возникают различного рода противоречия. Между тем сегодня человеку необходима уверенность в успешности деловых, профессиональных отношений, в их надежности, взаимной ответственности. Но в этой сфере до сих пор преобладали не нормативно-правовые, а морально-психологические регуляторы – такие, как совесть, доверие/недоверие, ложь и т. д. Если нарушается договоренность, проявляется предательство (оговор), несправедливая критика «за спиной» и т. д., то это вступает в противоречие с ожи-

формулировке в международном исследовании, это означает: явление фактического обмана, лжи – не только российская болезнь. Из этого можно сделать вывод, что данная особенность имеет общечеловеческий характер (или же она связана с отношениями в сфере бизнеса, где результат может быть получен любой ценой – в том числе не только обмана, но и криминала). Этот результат снимает остроту нашего вывода.

даниями личности по поводу того, как к ней должны были бы относиться другие. Нарушаются доверие, экспектации, основывающиеся на позитивном отношении личности к другому (другим). Когда человек обнаруживает неблаговидность подобных фактов, у него не возникает вопрос о том, как урегулировать их правовым способом, а разворачивается их разнообразная *интерпретация*. Основным механизмом, который интересовал нас в этих интерпретациях, является *наличие или отсутствие взаимности* при осознании прав и обязанностей партнеров по отношению друг к другу. Их взаимность означает ожидание синтеза обязательств и прав, т. е. *соединение в сознании личности своих обязательств перед другим и права требовать выполнения аналогичных обязательств по отношению к себе от партнера*. Здесь личность уже не только осознает себя обязанной всем – обществу, другим людям, но, по крайней мере, психологически начинает переживать свое право требовать выполнения обязательств от других.

Отношение к другому в рассматриваемый период конца XX в. еще *не* превратилось в чувство *зависти*, основанное на сравнении («кто богаче», «кому лучше»), но утратило доверие (связанное с верой в честность другого). Это последнее было одним из важнейших достояний межличностных отношений наших людей, оставшимся еще со времен войны (вопреки навязываемым советской идеологией идеям подозрительности, бдительности, поиска врага).

Для выявления особенностей правового сознания в области межличностных отношений выделялись корреляционные связи между некоторыми из шкал – параметрами доверия/недоверия к субъектам (правительство, партии, сама личность), их способности реализовать положения Декларации в жизни и методикой, выявляющей непризнание достоинства, ответственности и надежности личности в межличностных отношениях. Этот способ обработки данных обнаружил, что существуют особенности связи личностных правовых представлений и представлений об обязанностях в межличностных отношениях, точнее, их парадоксы и противоречия. Оскорбления и притеснения, которым человек подвергался в жизни, как оказалось, порождают недоверие к государственным чиновникам, партиям. Очень значительны корреляции с такими акциями против личности, как «несправедливая критика», «высмеивание», «несправедливое обвинение», «незаслуженное наказание» и т. д.

Обращает на себя внимание тот факт, что незаслуженное наказание, несправедливое обвинение, кража имущества, непризнание усилий и несправедливый суд не побуждают личность присоединиться к сторонникам защиты прав человека. Иными словами,

уровень межличностных отношений не связывается с цивилизационной позицией – совместностью усилий в борьбе за поправную справедливость, права человека.

На личностном и межличностном (т. е. самом конкретном) уровне индивидуального сознания моральные, социально-психологические и обыденно-правовые аспекты взаимоотношений связаны особенно тесно. С одной стороны, произошедшая атомизация общества и отчуждение от него личности приводят к осознанию ценности личной жизни, представлению, что благополучие достигается ценой собственных усилий. С другой стороны, несмотря на это отчуждение, личность еще сохраняет свою связь с обществом в виде неудовлетворенной потребности в *социальном одобрении*, поскольку сознание своей социальной полезности, причастности к общей жизни макросоциума еще недавно господствовало в общественном сознании народа.

Анализ полученных данных выявил огромные показатели отрицания ценности самой личности, т. е. *непризнания обществом ее усилий*. Личность осознает и переживает свою непризнанность как неудовлетворенную потребность самореализации. Это подтверждается тем, что наибольшее количество корреляций дала шкала, содержащая вопрос о допущенной по отношению к человеку несправедливости как со стороны властных структур, так и со стороны окружающих и близких людей. Современный российский противоречивый конструкт сознания, не являясь индивидуализмом, имеет своим психологическим выражением не западноевропейское чувство собственного достоинства, а чувство *ненужности, непризнанности и одиночества*. Поэтому-то личность утверждает несоответствие статей Декларации своим правам, не считает себя способной их защищать и не желает присоединиться к сторонникам их защиты. У российской личности нет позитивной психологической основы для борьбы за свои права; ее непризнанность и ущемленность обществом и субъектами власти порождает ее неверие и недоверие как личностный негативизм.

Существенны результаты, раскрывающие разные контексты правовых представлений: самый широкий – весь мир, человечество и его благо (для русских к этому абстрактному контексту принадлежат сторонники защиты прав человека); более конкретный – соотношение личности с государством и партиями (т. е. собственно гражданский); еще более конкретный – межличностные отношения; наконец, – личностные ценности и личностный жизненный путь.

Важными результатами исследования было выявление состава и конструктов российских ценностных представлений, их осо-

бой иерархии и отличия от комплексов ценностей граждан всех стран мира. Как ни парадоксально, но в ценностных приоритетах российских граждан представлены общечеловеческие ценности (достоинство и счастье всех, дружба между нациями, мир во всем мире и т. д.), которые отсутствуют в сознании людей других стран мира. И одновременно у наших респондентов не выявлены такие гуманистические ценности, как красота, равенство, свобода, внутренняя гармония, а также ценность сохранения традиций (она бессознательно сохраняется, но на сознательном уровне не фиксируется).

Сходство в характере ценностей между российской выборкой и респондентами других стран касается сфер межличностных отношений (дружба и любовь, гармония с другими) и личной жизни. Факторизация ценностей показала возросшую значимость личной жизни: она подтверждена двумя факторами, которые выражают ценность счастья. Но интерпретация счастья в каждом из них образуются разными составляющими: для одних это – «спокойное счастье», удовольствия, размеренная жизнь и социальное признание. Другими счастье интерпретируется как результат *личных усилий и достижений*, что подтверждается ценностью достижений, «волнующего» (деятельного) характера жизни. Этот комплекс ценностей свидетельствует о характере сознания личностей как субъектов жизни. И в сложных неопределенных условиях они оказываются способны сами упорядочить свою жизнь. Таким образом, выявлены разные типы интерпретаций личной жизни – гедонистический и основанный на личных усилиях, достижениях.

Можно констатировать, что, несмотря на реальную отчужденность личности от общества, в ее подсознании еще сохраняются некоторые традиционные ориентации, что не противоречит ее переориентации на личную жизнь, которая до сих пор не имела самоценности. Но при возросшей ценности приватной жизни личности еще не хватает умения в новых условиях строить межличностные отношения и, главное, – уверенности в себе. Потребность организовать личную жизнь противоречит ее уязвимости.

Главным выводом данного исследования является то, что в сознании российской личности по-прежнему осознание обязанности, ответственности преобладает над осознанием прав.

Из этого вытекают две взаимосвязанные задачи: 1) личностная, состоящая в движении к правовой зрелости и защищенности как альтернативе покорного подчинения власти (или ожидания от нее поддержки); 2) государственно-правовая – в движении к правовому гражданскому обществу.

Соединение этих задач произойдет на основе развития способности социального мышления, сознания и соответствующей практики как в социально-правовой, так и в личной сферах жизни, что восстановит единство реального, должного и желаемого.

Необходимо отметить, что в реальной жизни на протяжении последних десятилетий проявилась новая форма социальной активности – правозащитное поведение людей. Речь идет о протестном поведении, выражающем требовательное правовое отношение групп людей к тем или иным нововведениям или законам государства. Не ставя целью и даже не имея возможности обзора подобных «акций», нужно отметить, что в них проявилась настойчивость в защите тех или иных своих прав или явный протест против их ущемления (это вносит поправку в лабораторный способ исследования отношения личности, страт и т. д. к государству, чиновникам и др. как защитникам прав народа). Отрицательно отвечая на вопрос анкеты о своей готовности присоединиться к защитникам прав человека, люди легко и активно присоединяются к группам, осуществляющим протестные акции.

Так, «начало реализации закона о монетизации льгот [замене фиксированных в документах льгот на проезд на транспорте и на лекарства денежными компенсациями. – К. А., А. С.] мобилизовало раздражение против этой реформы и вывело из „пассивного“ состояния накопившийся потенциал протеста. <...> Участники опросов, большинство из которых было резко против реформы, не были уверены, что это их мнение будет действенно. В связи с этим начались акции протестов, охватившие едва ли не половину российских регионов. <...> Коллективное действие как таковое становилось субъектом партнерских отношений в силу солидарного настроения участников, единства места и большой продолжительности акции. <...> Сетевые формы общественных объединений, осуществлявших мобилизацию и объединение людей, осуществляли оформление формы протестных настроений в систему социальных требований к власти» (Климов, 2006, с. 33–34).

Проследивая динамику протестного движения в России в начале XX в., К. Климов отмечает, что к выступлениям льготников присоединились и другие социальные группы, отличающиеся организованностью, включенностью в социальные сети, образованием, опытом по отстаиванию своих прав и т. д. Они имели сравнительно высокие доходы, среднее и специальное образование. Это был важный опыт солидарности – ответственной поддержки «не своих интересов», организованного, подготовленного, а не стихийного протеста.

Осенью того же года (2005) в общественном пространстве появилась новая взрывоопасная тема – введение стопроцентной оплаты за услуги ЖКХ. От 42% до 48% россиян определенно высказались за участие в протестных акциях, но большинство склонялось к не протестным формам адаптации, принимают это как данность, выражают смирение и упование на власти. В первый срок руководства В. В. Путина правительством протестная активность значительно снизилась вместе со снижением социальной напряженности. Однако, по мнению К. Климова, необходимо развитие диалоговых, переговорных способов урегулирования протестных акций, к которым должны быть хорошо подготовлены властные структуры. Правовые отношения должны регулироваться не только по «горизонтали» (объединения людей, организационные способы выражения протестов и т. д.), но и по «вертикали» – с властями разного уровня и разного качества, с судебной и арбитражной системами.

Согласно Климову, протестное движение представляет собой «вызов» сегодняшнему политическому устройству, «так как здесь проверяется организованная способность власти как системного социального института воспринимать воздействия и отзываться на них оптимальным образом» (там же).

Не анализируя деталей современного протестного движения (связанного с налогом на капремонт жилища), вызванного авторитарным способом принятия этого закона, можно только высказать пожелание большей степени демократичности со стороны власти в принятии подобных решений. Тогда опросы населения о его мнении смогут осуществляться с опережением опросов по поводу уже происходящих протестов. Принцип гласности заключается не только в осуществлении дискуссионных передач по TV, но и в выработке конструктивных способов диалога с народом. Последний готов к перенесению трудностей, но при условии единства (а не иерархии) власти и народа.

Из состояния статистики и застоя Россия снова вступает в период стремительных социальных изменений и связанной с ними неустойчивости и неопределенности. Справляются ли члены общества с маргинальностью своего положения? Адаптированы ли они к такому способу жизни? Являются ли некоторые слои, страты субъектами этих изменений?

Более чем пятнадцатилетнее исследование нашего научного коллектива было посвящено изучению состояния и изменений *индивидуального сознания*. Изучение сознания на уровне личности определялось не только спецификой психологи как науки, но и произошедшей «атомизацией» общества и соответственно возросшей

ролью психологии личности в жизни. Его результаты позволили сделать и некоторые выводы о состоянии российского менталитета – психологии современного общества в целом и его конкретных «слоев» в частности.

Маргинальное состояние российского общества не позволяет говорить о едином менталитете: в нем сосуществуют консервативные и новые представления, а также велика дифференциация представлений различных слоев. Поэтому специфику российского менталитета и его изменения репрезентирует *индивидуальное сознание*. В индивидуальном сознании, в свою очередь, существует сложное соотношение индивидуального и общественного, которое является уравнением, зависящим и от личности, и от общества.

В ходе исследования важно было выяснить, насколько индивидуальное сознание способствует оптимизации реального положения личности (ее адаптированности, дееспособности, свободе). Это, в свою очередь, зависит от того, лидирует ли в индивидуальном сознании общественное, вступают ли в нем индивидуальное и общественное в противоречие, осознает ли личность свое несоответствие обществу, собственную индивидуальность и т. д.

Особенно синкретично индивидуальное и общественное связано в *социальных представлениях* личности, которые частично транслируются ей обществом, частично являются сугубо индивидуальными. Именно поэтому они были особым предметом исследования (представления о правах, нравственности, интеллектуальности, ответственности, счастье, а также политические, экономические и другие представления).

Сознание личности – не только совокупность знаний, идей и представлений, но и способность, обеспечивающая ее жизнедеятельность. Функциональная способность сознания проявляется в социальном мышлении личности.

Уровень социального мышления личности зависит от *меры использования* ею своих интеллектуальных ресурсов в реальной жизни, постоянства интеллектуальных занятий, потребности мыслить. Он также обусловлен зрелостью отношения личности к социальной действительности, ее жизненной позицией, установками, ценностями. Сознание не только отражает действительность, но и *выражает* отношение к ней человека, а потому характеризуется не только гносеологически, как знания, но и аксиологически – как ценности, значимости, личностные смыслы. Поэтому *предметом* нашего изучения, осуществленного после рассмотренного выше кросс-культурного исследования, выступали *ценностные* характеристики сознания. Ценности рассматривались не только по общепринятому иерархичес-

кому принципу и составу, но и в соответствии с задачей выявления *изменений* сознания. Необходимо было выявить, какие ценности доминируют в сознании каждого типа – старые или новые, а если в нем представлены и те и другие, то противоречат ли они друг другу. Соответственно, предполагалось, что личности со старой системой ценностей обладают иными социальными возможностями в обществе с *новыми* ценностями в сравнении с лицами, *новые* ценности которых *соответствуют* изменениям общества. Мы стремились выявить типы сознания, чтобы затем ответить на вопрос, какие из них делегируют изменения общества, а какие консервативны.

Характеристикой всякого мышления, а особенно социального, является способность личности формулировать и решать *проблемы*. В социальном мышлении это проблемы различных отношений людей, проблемы жизни личности – внешние и внутренние. Гипотеза заключалась в предположении, что социальное мышление личности, будучи функциональной особенностью ее сознания, в свою очередь, может зависеть от других его особенностей, прежде всего конструктивных или деструктивных противоречий сознания. Предполагалось, что наличие противоречий в сознании может как содействовать, так и препятствовать способности личности ставить и решать проблемы. При исследовании проводилась своеобразная диагностика проблемности, или способности к *проблематизации* социального мышления личности.

Российской ментальности всегда была присуща *вера*, на которую и опирались все имманентные ей или искусственно, насильственно привитые идеологии. Мы предположили, что вера – это своеобразная оптимистическая направленность личности.

Итак, цель исследования – выявление *трех параметров*, которые, по нашему предположению, могли бы быть типобразующими: проблемности социального мышления, ценности сознания личности и ее оптимизма/пессимизма. При этом основной упор был сделан на методику и данные польских психологов Ленца и Залески, которые максимально сблизили оптимизм/пессимизм со способностью/неспособностью личности решать социальные проблемы.

В ходе лабораторного исследования соотношения ценностей, проблемности мышления и оптимизма/пессимизма личности выявились *пять* разных комплексов этих составляющих.

Первому типу были свойственны *новые* ценности, высокий уровень проблемности мышления и оптимизм личности; *второму* – *противоречие старых и новых* ценностей, высокий и средний уровень проблемности мышления, пессимизм/оптимизм; *третьему* – *старые* или *противоречащие друг другу ценности*, низкий уро-

вень проблемности, пессимизм; *четвертому* – *сосуществование старых и новых* ценностей, беспроblemность мышления, нейтральность (ни пессимизм, ни оптимизм); *пятому* – *новые* ценности, средний и низкий уровень социального мышления и оптимизм.

Системообразующим и ключевым в связи с вышеуказанными параметрами оказалось выявленное в исследовании представление личности о соотношении своего «Я» с обществом. Это базовый показатель российского самосознания, поскольку в недавнем прошлом каждый человек напрямую (как бы «на ты») соотносил и объединял себя с такими общностями, как «народ», «партия», «государство». В западноевропейском сознании отсутствует прямая связь общественных (public) и личностных (privat) представлений, поскольку соотношение личности с обществом многократно социально, институционально опосредовано.

Но каждым типом это отношение реконструируется по-разному. Выявлено *пять* типов соотношения «Я» и общества в индивидуальном сознании.

Первый тип представляет себя в качестве субъекта, а общество – объектом (S–O): «Я требую от общества, или я делаю для общества, или я его изменяю».

В сознании *второго* типа «Я» и общество представляются в качестве субъектов (S–S): «Я получаю от общества, а оно требует от меня; я делаю для общества, а оно делает для меня».

Третий тип представляет себя в качестве объекта, от которого ничего не зависит, а общество – субъектом (O–S): «Общество требует от меня; общество дает мне».

В *четвертом* типе сознания «Я» и общество представляются в качестве объектов (O–O): «Все реализуется необходимостью, за которую не отвечает ни общество, ни тем более „Я“».

Пятый тип разделяется на два подтипа: у первого сознание имеет формулу «S–O», у второго – «O–O».

У этих пяти типов проявляется понимание своей активной или пассивной роли по отношению к обществу, которое *одновременно* рассматривается в активной или пассивной функции по отношению к своему «Я».

Результаты проведенного факторного, кластерного и качественного анализа показали, что каждое *субъект-объектное* или *субъект-субъектное* и т. д. отношение обеспечивается (или фактически опосредствуется) разным комплексом ценностей, проблемности мышления и оптимизма/пессимизма.

Тип «S–O» обеспечивает свою *субъектность* новыми ценностями, высоким уровнем проблемности и оптимизмом.

Тип «S–S» в своей субъектности противостоит обществу как субъекту, но не доминирует в силу противоречивости ценностей, несмотря на высокий и средний уровень проблемности и пессимизма/оптимизма.

Тип «O–S» «подавлен» своими старыми ценностями, отсутствием проблемности мышления и пессимизмом.

Тип «O–O» индифферентен со своими непротиворечащими, но и не актуальными ценностями, низким уровнем проблемности и нейтральностью (не выражен ни оптимизм, ни пессимизм).

В сознании первого типа доминируют только новые ценности, в сознании третьего – старые, но ключевым моментом является то, что при наличии в сознании второго и третьего типов тех и других ценностей, только у второго типа их противоречие *способствует* проблемности социального мышления.

Каковы же разрешающие способности сознания, учитывая его ценностность и проблемность? Если ценности являются *новыми*, социальное мышление оптимально решает проблемы, то сознание личности *конструктивно обеспечивает* ее социальную позицию. В свою очередь, если личность с таким сознанием настроена оптимистически, то эти составляющие *умножают* друг друга и усиливают позицию субъекта, а значит, повышают его адаптированность к изменениям. Если же *старые и новые* ценности противоречивы, то это становится конструктивным основанием проблемности социального мышления, а способность к решению проблем усиливает субъектную позицию данного типа. В свою очередь, субъектная позиция содействует проблемности социального мышления. Вместе с тем пессимизм личности противоречит активности и конструктивности ее сознания, что порождает неопределенность ее соотношения с обществом, поскольку она трактует его как субъекта. Кроме того, пессимизм личности делает ее *вдвойне* неадаптированной к социальным изменениям.

Заключение

В заключение подчеркнем перспективность исследования правового сознания современной личности как важной характеристики современного российского менталитета. Обоснованным представляется выделение отношения «личность – общество» как системообразующего фактора, определяющего систему правовых представлений человека. Подтверждена научная конструктивность типологического подхода в разработке данной проблемы.

В качестве важного направления дальнейших исследований выступает планируемое нами проведение сопоставления типов созна-

ния с различными стратами современного российского общества. Комплексная характеристика сознания каждого типа (включая пессимизм/оптимизм) личности позволит раскрыть социальную позицию представителей разных слоев населения, их адаптированность к происходящим в обществе изменениям.

Но понятие «адаптированность» мы употребляем условно. Так, в силу возможностей сознания личностей предпринимателей они сами являются *субъектами изменений* общества (а не адаптируются к ним). Их дееспособность усиливается и ценностью капитала, и их интегрированностью финансово-экономическими или финансово-производственными отношениями. Представители властных структур, имеющие новые и старые ценности, но не противоречащие друг другу, даже при среднем уровне социального мышления в силу своего оптимизма и связанности институциональными отношениями также активно реализуют свою субъектность, опираясь на ценность и реальность власти. Вместе с тем в отношении позиции в обществе типа «О–S» и в известной степени типа «О–О», к которым принадлежит *большая часть* общества, вопрос об адаптированности/неадаптированности стоит остро. Консервативное сознание и низкий уровень социального мышления в сочетании с личностным пессимизмом не позволяют им занять в обществе сколько-нибудь активную позицию. Парадокс заключается в том, что при сохранении в сознании связи с обществом (и восприятии его именно как субъекта) реально большинство людей выпало из того, что называлось «общественные отношения», превратилось в «народ», состоящий из разрозненных, предоставленных самим себе людей. У рабочих это отчуждение выражено меньше в силу сохранности объединяющего их профессионального, производственного начала. Индивидуализм этих типов является *вынужденным* и не защищенным ни правовыми, ни экономическими механизмами. В определенной степени можно говорить об индивидуализме субъектов, обладающих или капиталом, или властью, поскольку они объединены финансовыми, экономическими, административными отношениями, но не как личности, а как функционеры. Их «индивидуализм» – это также не личностно-определенная, а вызванная конкурентными отношениями позиция.

Выводы являются не столько обобщением результатов исследования, сколько некоторыми прогнозами относительно социальных изменений *будущего* России. Какая страта сможет не только выйти на лидирующие позиции, но придать развитию общества оптимальный характер? Могут ли личности, доминирующие в финансовой и властной стратах, решить задачу организации российского об-

щества, направленной на развитие и благополучие *человека*? Такую задачу решали в прошлом лучшие представители российской культуры – ученые, изобретатели, квалифицированные рабочие; в настоящем ее решают личности, обладающие высоким уровнем профессионализма, социального мышления и ориентацией на гуманистические ценности (родина, семья, труд, образование и т. д.). Позиция этой части общества (в которую входят разные страты) одновременно конструктивна с точки зрения возможностей их сознания и как социальная позиция содержит противоречие личности и общества. Как продуктивно противоречие сознания этих личностей, так же конструктивно может быть разрешено объективное противоречие их с обществом. Однако условием такого конструктивного решения является не только восприятие этим типом людей общества как субъекта, но и реальность становления общества субъектом *гражданского общества*. Кроме экономических, правовых и других условий этого прогресса, есть условия, которые играют огромную роль, направленную против современного отчуждения личности. Это объединение образования и науки, развитие социального мышления на уровне среднего и высшего образования, воспитание гуманистических ценностей.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия человеческой жизни. М., 1991.
- Абульханова-Славская К. А. Социальное мышление личности: Проблемы стратегии исследования // Психологический журнал. 1994. №4. С. 39–55.
- Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997а. С. 56–75.
- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М. 1997б. С. 7–37.
- Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М. – Воронеж, 1999.
- Абульханова К. А. Способности сознания личности как субъекта жизни // Мир психологии. 2006. №2. С. 80–94.
- Анцыферова Л. И. Человек перед лицом жизни и смерти // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 44–56.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Бердяев Н. А. Истина и откровение: Прологомены к критике откровения. СПб., 1996.

- Бердяев Н. А. Самопознание. Харьков, 1998.
- Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
- Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
- Брушлинский А. В. Субъект ментальности и ментальность субъекта // Российский менталитет (психология личности, сознание, социальные представления). М., 1996. С. 28–34.
- Брушлинский А. В. Ментальность российская и региональная (провинциальная) // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 38–43.
- Бубнова С. С. Принципы и методы исследования ценностных ориентаций личности как системы с нелинейной структурой // Психологическое обозрение. 1997. № 1. С. 12–14.
- Воловикова М. И., Гренкова Л. Л. Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 93–111.
- Григорьев С. В. «Игры сознания» и биографические исследования в этнопсихологии // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 260–280.
- Джидарьян И. А. Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 187–223.
- Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М., 2013.
- Дуаз В. Явление анкетровки в исследовании социальных представлений // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 19–26.
- Ильин И. А. О лжи и предательстве // Ильин И. А. Аксиомы религиозно-го опыта. М., 1993. Т. 2.
- Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе (К 100-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна). М., 1999.
- Историогенез и состояние современного российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015.
- Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. М., 1999.
- Знаков В. В. Кросс-культурные различия в понимании лжи // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 73–85.
- Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 7–24.
- Климов К. Деньги вместо льгот: история и значение протеста // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 25–45.
- Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 5–19.
- Конкурентноспособность и модернизация экономики. В 2 кн. / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М., 2004.
- Лапин Н. И. Ценности в кризисном социуме. М., 1991.
- Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
- Лукашева Е. А. Общая теория прав человека. М., 1996.
- Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России). М., 1997.
- Маркова И. Социальные репрезентации демократии в обыденном и рефлексивном мышлении // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 5. С. 56–69.
- Московичи С. Социальное представление. Исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.
- Славская А. Н. Некоторые особенности генезиса и структуры индивидуального сознания // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997а. С. 49–57.
- Славская А. Н. Правовые представления российского общества. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997б. С. 75–92.
- Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. М., 2002.
- Славская А. Н. Личностная интерпретация правовых отношений в контексте российского менталитета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 12–20.
- Смирнова Н. Л. Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 112–144.
- Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995.
- Соснина Л. М. Формирование представлений о справедливости: западная и восточная культурная парадигма // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4: «Методологические проблемы историко-психологического исследования». М., 2002. С. 244–255.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. Ч. II «Человек и мир». М., 1973.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. Ч. II «Человек и мир». М., 1976.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М.–СПб., 2003.
- Тихонова Н. Е. Российская бедность: масштабы, причины, перспективы // Конкурентноспособность и модернизация экономики. М., 2004а. С. 19–30.
- Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004б. № 4. С. 24–35.

- Хахулина Л. А. Легитимность неравенства: динамика представления о бедности и богатстве // Конкурентноспособность и модернизация экономики. М., 2004. С. 9–18.
- Филиппова Г. П. Проблемы и методы социальной защиты населения // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 144–155.
- Ценностное сознание личности в период преобразования общества. М., 1997.
- Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1997.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

И. А. Аполлонов, О. Р. Тучина (Краснодар)

Постановка проблемы

В современной социокультурной ситуации, характеризующейся активным взаимодействием и взаимопроникновением культур, проблема исследования ментальности обладает как научной, так и социальной значимостью. В настоящее время наметилась тенденция акцентировать системность ментальности, выделить в ней ценности, социальные установки, способы мышления и программы поведения. В качестве основы ментальности современные исследователи рассматривают согласованность доминирующих, нормативно закрепленных систем значений, смыслов и ценностей образа мира поколения, проявляющихся в его жизненном мире (Пищик, 2010, с. 68).

Вместе с тем не только сам концепт «ментальность», но также его составляющие нуждаются как в теоретическом осмыслении, так и эмпирическом изучении. Одним из важных, но малоизученных аспектов ментальности является исторический опыт группы, существенно влияющий на особенности групповой идентичности.

Как известно, прошлое – это то, чего фактически уже нет. Но что же заставляет и человека, и общество так настойчиво бороться с забвением исторического прошлого, особенно с забвением «его минут роковых», искать правду истории и противостоять попыткам ее фальсификации? Почему и в профессиональной историографии, и в массовом сознании происходит острая идейная борьба по по-

воду ключевых исторических событий? Почему прошлое, которого как бы нет, опрокидывает настоящее, в котором вдруг вспыхивает давно минувшая борьба Мазепы против Петра I, Шамиля против Ермолова, Петлюры против Ленина, Бандеры и Шухевича против Ковпака, Ватутина и Жукова? Эти вопросы указывают на неразрывную связь осмысления прошлого с переживанием причастности к исторической судьбе и менталитету своего народа.

Национальная принадлежность является коллективной формой идентичности, при которой доминирующим акцентом является чувство личностной причастности к народному «МЫ». Причем подобное чувство двояко: в эмпирическом плане в осознании субъектом собственной перцептивной данности «Я» возникает восприятие себя в качестве части «МЫ» как единицы в определенном множестве, и в естественной очевидности самосознания такая единица отдельна и атомарна. Вместе с тем чувство причастности к «МЫ» столь же естественным образом выводит человека за пределы его эмпирической монадности, поскольку в этом чувстве он охватывает и себя, и Других, причем Других, выходящих за рамки реального множества ныне существующих людей, а объединяющих также и давно усопших предков, и еще не родившихся потомков. Такой охват создает органическую целостность народного «МЫ», в котором каждая частица неотделима от единства этой целостности. На этом уровне, который можно рассматривать как уровень трансцендентальный, т. е. лежащий под уровнем эмпирической данности «меня» перцептивного, наоборот, соответствующее «МЫ» является имманентной частью моего «Я».

Осознание человеком своей национальной принадлежности акцентирует именно «вчера» как онтологически родовое (и в кровно-генетическом, и в социально-культурном аспектах), выступающее в качестве того лона, в котором рождается и личностное «Я», и народное «МЫ». В данном контексте историческое прошлое – не то, чего нет, а, наоборот, то, что было, из чего сбылось «сегодня» и из чего сбывается «завтра». *Сакральность прошлого* поэтому связана с фундаментом, основанием, корнями нынешней жизни, тем, что определило и продолжает определять бытийную устойчивость настоящего как того, что сбылось, свершилось, а не просто есть как случайно случившееся. Соответственно, национальное прошлое не сводится лишь к совокупности фактов или даже к сцепляющим их закономерным объективным связям. В нем, прежде всего, имеется определенный замысел, аккумулирующий человеческие чаяния и мечты, веру, надежду и любовь. И факты истории есть экспликация и утверждение этого замысла, его конкретное воплощение.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-13-23009а (р).

При таком взгляде на прошлое особой значимостью обладают переломные моменты в истории народа, его «минуты роковые». Те события, которые делят историю на «до» и «после». Именно в них с предельной ясностью открывается порыв к утверждению вечных ценностей человеческого бытия; в них заключено средоточие того сакрального, что санкционирует истину профанного течения обыденной жизни и, подобно камертону, определяет правильность звучания настоящего.

Следует подчеркнуть, что человек в качестве субъекта исторической традиции своего народа не сводится лишь к воспроизводителю социокультурного кода, но представляет собой, прежде всего, носителя чувств и переживаний того сакрального, что «оживляет» этот код и определяет его именно как код культуры своего народа. Ведь сакральное как таковое укоренено в трансцендентном мире и апофатически ускользает от окончательного своего воплощения. При этом прошлое предстает как тот ориентир, в котором присутствует конкретная схваченность священного, его имманентное присутствие в онтологическом факте «было», которое и определяет нынешнее «есть». Тем самым традиция разворачивает воспроизводство прошлого как некоей идейной заданности того, что было (т. е. отчасти сбылось, а отчасти не сбылось), в идеалопроизводство, обращенное к вневременному «всегда». Историческое сознание поэтому – не просто фиксатор знаний о прошлом, но, прежде всего, личностное отношение к нему, стремление увидеть за объективной данностью воплощение определенной идейной заданности. При таком отношении человек воспринимается не как социальный актер, а в качестве субъекта исторического процесса. Именно такая субъектность прошлого позволяет открыть человеку свою современность и тем самым развернуть диалог времен.

Историческое сознание непосредственно связано с *исторической памятью*. Причем подобная связь диалектична. С одной стороны, память – это продукт сознания. Поэтому историческая память зависит от сфокусированности сознания, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Исторической памяти поэтому свойственна избирательность: она делает акценты на одни исторические события, игнорируя другие (Тощенко, 2000). Причем подобная избирательность всякий раз возобновляется в соответствии с потребностями сегодняшнего дня. Поэтому историческая память, аналогично памяти культурной, носит синусоидальный характер, представляющий собой череду исторического «как бы забывания» и «припоминания» (Касавина, 2013, с. 68). В такой синусоиде проявляется

подчеркиваемая Ю. М. Лотманом креативность памяти, при которой обращение к прошлому неразрывно связано с порождением новых явлений. Память при этом выступает «не складом, а генератором»: осмысленность прошлого в ней не хранится, а прорастает будущим (Лотман, 1992, с. 202).

С другой стороны, историческая память обладает определенной метавременной устойчивостью, которая не связана непосредственно с сиюминутными запросами сегодняшнего дня. В ней сосредоточено знание о том существенно важном национальном прошлом, которое обладает сакральной значимостью и определяет преемственность исторической традиции народа. Тем самым историческая память выступает своеобразным стабилизатором в переходные периоды развития общества, во время «раскачивания лодки современности». В данном контексте, наоборот, историческая память является тем пространством, в котором формируется историческое сознание человека. При этом правда истории определяет адекватность такого сознания.

Священный характер прошлого, определяющий вневременную подлинность народного «Мы», воспроизводится в определенных пространственно-временных локусах меморизации, аккумулирующих историческую память народа. Такие локусы французский исследователь П. Нора определяет как «места памяти». К ним он относит музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, монументы – все то, что является свидетелем другой эпохи или призвано напоминать о ней (Нора, 1999). Места памяти являются своеобразными точками опоры, которые удерживают переживание священного характера народного «Мы» посредством воспроизводства сакральности прошлого. Тем самым формируется традиция исторической памяти народа, которая, как писал Г. Г. Гадамер, фундирует историчность личностного сознания: «Самосознание индивида есть лишь вспышка в замкнутой цепи исторической жизни» (Гадамер, 1988, с. 329).

Локусы меморизации являются необходимым условием функционирования исторической памяти народа. Однако подобное условие не является достаточным. С одной стороны, повторяющаяся цикличность памятных дат и мероприятий, привычность монументов и музейных экспонатов превращают события прошлого в нечто обыденное, привычное, очевидное. Такая «самопонятность» скрадывает значимость исторического события, заслоняет подступ к его исходным источникам (Хайдеггер, 1997). По афористичному замечанию П. Нора, сакральное инвестирует себя в след, который является его отрицанием (Нора, 1999). С другой стороны, формирование общест-

венно значимого контента мест памяти неразрывно связано с определенными идеологемами. Однако чрезмерная идеологизация может привести к упрощениям и искажениям исторического прошлого в угоду сиюминутным потребностям «политических временщиков» (поскольку подлинная элита общества заинтересована в подлинности исторической памяти). Уровень сакральности прошлого при этом усиливается, поскольку прошлое в данном контексте подчинено мобилизации общества для достижения идеологических целей. Сакрализация, по мифологическому закону «вечного возвращения», стирает границу между прошлым и настоящим, выпуская в сегодняшний день «демонов» и «призраков» минувших лет, которые подменяют собой правду истории. Правду, которая порождает самоотжественность человеческого «Я», принадлежащего к народному «МЫ».

Поэтому попытка человека прикоснуться к правде истории не может быть ограничена соучастием в социальных практиках меморизации прошлого. Историческая память в своем стремлении открыть правду истории требует непосредственного переживания подлинности прошлого, которое открывается в феномене *исторического опыта*. Подобный опыт представляет собой *присутствие прошлого в настоящем*, его обнаружение, явленность. При этом важнейшей стороной исторического опыта является его внутренняя целостность, способная собрать в уникальное единство ширящееся многообразие отдельных фактов, событий и артефактов из самых разнообразных сфер человеческой жизни. Основанием подобной целостности является постижение определенной цели, идеи, идеала в реальной исторической конкретности, т. е. того, что реально было (или не было) реализовано. Поэтому целостность исторического опыта энтелехийна: в нем соединены то, что было, и имманентная ему идейная заданность того, что было, которая обладает вневременной актуальностью.

Исторический опыт связан с личностным переживанием сопричастности человека к истории народа и страны. Он обращен к феномену историчности сознания человека, тому, что его задевает и заставляет осознавать прошлое. В данном контексте исторический опыт представляется необходимым элементом человекообразования субъекта и играет ключевую роль в процессах формирования национальной грани личностной идентичности.

Подобный опыт, в свою очередь, является гранью экзистенциального опыта человека, в котором он схватывает целостность собственного присутствия в мире и в котором открываются бытийные основания такого присутствия и понимание собственного пути из прошлого в настоящее (Касавина, 2013). В данном контексте целостность исторического опыта состоит в том, что прошлое

открывается как особый мир «тогда» (например, «сороковые роковые» или «лихие девяностые») в противоположность миру настоящего «теперь». Соответственно, в таком опыте присутствует не только прикосновение к прошлому, но и переживание дистанции с этим прошлым, зазора между «тогда» и «теперь» (Анкерсмит, 2007). Вхождение в такой зазор порождает чувства, эмоции, переживания – такие, как ностальгия, гордость или травма, боль, стыд. В этих чувствах происходит непосредственное соприкосновение человека с Логосом истории, с реальностью, зримостью, конкретной наглядностью идеи, фундирующей истину личностного бытия человека, что делает его более современным, чем до обращения к прошлому (Соловьёв, 1991). Соответственно, исторический опыт соединяет линейность истории как движение от прошлого к будущему, при котором прошлое – это то, чего уже нет, и вместе с тем ее цикличность как вечное возвращение культурообразующих ценностей: того, что определяет человеческое в человеке и обществе. Тем самым в историческом опыте человек преодолевает свою субъективную сингулярность и обращается к поискам социокультурных оснований личностной самоотжественности.

Исторический опыт, в котором происходит эмоциональное переживание генетической связи настоящего с прошлым в неразрывной связи с дистанцией между ними, раскрывает национальную идентичность как определенную личностно значимую и общественно ориентированную точку зрения, в которой человеку открывается священное таинство связи времен. В этом контексте человек становится не только «актером» повседневных практик или звеном в цепи традиции, но обретает авторскую позицию, позволяющую в соавторстве с другими людьми осмыслить и связать воедино прошлое и настоящее перед лицом непредсказуемого будущего.

Особое место здесь занимают знаковые события истории, после которых ничто уже не может быть прежним. К таким событиям, безусловно, относится Великая Отечественная война 1941–1945 гг., трагические и героические события которой коснулись каждой семьи, что определяет ее значимое место в формировании представлений о национальной идентичности молодежи.

Эмпирическое исследование

Целью проведенного в рамках проекта РГНФ эмпирического исследования было выявление репрезентации исторического опыта Великой Отечественной войны в сознании студенческой молодежи вузов Кубани.

Выборка исследования включала 273 респондентов 18–24 лет (средний возраст 20,8 лет); из них – 148 девушек и 125 юношей.

В качестве исследовательского инструментария выступили метод интервью с использованием авторского опросника и метод контент-анализа.

Результаты исследования

Прежде всего, мы постарались выявить, какие события в истории своей страны респонденты считают наиболее значимыми. Результаты проведенного исследования показали, что 91,8% опрошенных относят Великую Отечественную войну к наиболее значимым событиям в истории страны. При этом 61,4% респондентов считают Великую Отечественную войну главным событием отечественной истории. Такая высокая оценка этого исторического события показывает устойчивость традиции исторической памяти нашего народа: по данным ВЦИОМ в 1989 г. самым выдающимся событием XX в. Великую Отечественную войну (вторую мировую войну) назвали 77%, в 1994 г. – 73% опрошенных. В других, в том числе и региональных исследованиях, феномен Великой Отечественной войны также высоко оценивается исторической памятью (Тощенко, 2000). Таким образом, можно утверждать, что именно события Великой Отечественной войны определяют историческое измерение национальной идентичности молодежи.

Следующим шагом стало выявление личностной значимости Великой Отечественной войны для исследуемой группы респондентов. Контент-анализ ответов респондентов на вопрос: «Что лично для меня значит Великая Отечественная война?» позволил выделить две основные категории ответов. Первая категория, составившая 85,2% ответов опрошенных, представлена смысловыми единицами, характеризующими личностное, участное отношение к этому событию, непосредственное переживание как войны, так и исторической дистанции с ней.

В данной категории ответов можно выделить ряд смысловых единиц.

Во-первых, это эмоциональная реакция от ощущения собственной причастности к народу, пережившему войну. Она выражается в чувствах гордости за наших людей и нашу державу (27,6% ответов); переживание ощущения мощи и величия страны (3,7%); чувство ненависти к врагам и предателям Родины (1,5%); переживание радости победы (2,8%); скорбь о павших во время Великой Отечественной войны (11,3%): «Я чувствую скорбь о погибших во время вой-

ны людей и в то же время – гордость за совершенные ими подвиги, за великую победу!»; «Я горжусь тем, что мы победили, что в других странах мы считаемся сильными, волевыми людьми, которые будут до конца сражаться и побеждать».

Во-вторых, подобная эмоциональная реакция имеет не только общенациональный, но и конкретно человеческий масштаб: сопереживание страданиям конкретных людей (9,4%). Причем такой масштаб обычно «примеряется» к судьбе своей семьи и, как следствие, – к собственной судьбе: переживание, того, что конкретного человека и его семьи могло и не быть (2,8%); отношение к войне через историю семьи (3,7%): «В этой войне участвовали мои прадедушки и прабабушка, они сражались за мое будущее, за будущее моей страны и моих детей». С этим масштабом исторического опыта связано проецирование событий войны на свою жизнь и свое будущее. Сюда можно отнести страх, что война может повториться (5%).

В-третьих, можно отметить тенденцию к рассмотрению событий войны в контексте ее последствий для страны и мира, ее исторического значения: осмысление Великой Отечественной войны как причины свободы и независимости страны, народа и себя (6,3%); осмысление этой войны как причины рождения сверхдержавы и народа с великим будущим (3,7%): «После Великой Отечественной войны Россию начали уважать»; «Благодаря победе наших солдат мы сейчас живем в свободном государстве»; «Это было сражение за свободу и лучшую жизнь России».

В-четвертых, в ответах респондентов присутствует не только эмоциональная, но и деятельностная составляющая исторического опыта. Сюда можно отнести уважение к участникам войны (2,2%); благодарность ветеранам (6,6%); признание необходимости сохранения памяти о войне (1,8%); чувство стыда за то, что мало знаем об этом (0,3%); вызванное впечатлением о событиях Великой Отечественной войны, подвигах ее героев желание быть патриотами Родины (4%): «Наши мужчины должны быть такими же сильными духом, как наши отцы и деды».

Вторая категория ответов, составившая 14,8% ответов, представлена смысловыми единицами, характеризующими внеличностное, объектное отношение к Великой Отечественной войне как историческому событию в ряду других событий. В этой категории ответов респонденты пытаются занять позицию невключенного наблюдателя, сохранить дистанцию от участников тех событий и с этой точки зрения оценивать сущность и значение Великой Отечественной войны. В таких ответах война рассматривается как раздел истории (1,2%), грандиозное историческое событие (0,3%). Сюда можно от-

нести и оценку войны с точки зрения геополитики: как причины мирного сосуществования в послевоенном мире (0,9%). Вместе с тем к данной категории мы отнесли и ответы, характеризующие отношение к Великой Отечественной войне с точки зрения общечеловеческих ценностей: война как великая трагедия (2,8%); как пример человеческой жестокости (2,5%); как пример отваги и силы духа (5,3%); осуждение сил, спровоцировавших войну (1,8%): «Лично для меня война – это бессмыслица. Всегда можно любые вопросы уладить миром. От того, что политики что-то не поделили, страдают люди».

Таким образом, на основании полученных результатов исследования можно утверждать, что Великая Отечественная война для современной молодежи является не только объектом исторической памяти, но и значимым фактором позитивного личностного и национального самоопределения. Осмысление студентами трагических и героических событий Великой Отечественной войны связано с переживанием сопричастности истории своей Родины и чувством ответственности за ее дальнейшую судьбу.

Следующей задачей стало выявление места исторического опыта в структуре национальной идентичности молодежи Кубани. Исследование особенностей личностно-смыслового аспекта самопонимания национальной идентичности проводилось при помощи модифицированной методики Кайгородова. Респондентов просили ответить на вопрос «Что для вас значит быть россиянином?». Обработка ответов респондентов проведена методом контент-анализа.

В результате анализа ответов респондентов были выявлены следующие типы *личностно-смыслового аспекта национальной идентичности*.

Отрицание значимости российской идентичности (14,1% респондентов) является как следствием принципиальной позиции (национальная принадлежность менее важна по сравнению с другими видами идентичности: религиозной, европейской, принадлежности к человечеству в целом и т. д.), так и проявлением отсутствия рефлексивной позиции («не знаю», «не задумывался об этом»). Первую группу составляют 3,1% респондентов, вторую – 11%.

Формальная составляющая российской идентичности (8,7% респондентов) включает следующие смысловые единицы: наличие гражданства РФ (50% ответов); соблюдение законов РФ (25% ответов); проживание в России, на земле предков (12%); быть русским по национальности (9%); знание государственных праздников (4%).

Эмоциональная составляющая российской идентичности (33%) включает следующие смысловые единицы: чувство гордости (31%

ответов); чувство принадлежности к великой державе (25%); чувство принадлежности к великому и сильному народу (16%); любовь к стране (8%); быть счастливым (5%); считать страну лучшей, несмотря ни на что (4%); чувство принадлежности к стране с традиционными ценностями (4%); чувство принадлежности к демократической стране со свободой выбора и вероисповедания (2%); чувство защищенности (1%); чувство стыда и недовольства государством (5%).

Деятельностная составляющая российской идентичности (49,3%) включает следующие смысловые единицы: верность стране (8%); сохранение и передача памяти (6%); знание истории (5%); патриотизм (23%); готовность к защите страны (5%); стремление работать для будущего страны (5%); уважение к другим гражданам РФ (2%); толерантность (3%); соблюдение традиций (21%); знание языка (4%); готовность переживать вместе со страной трудные времена (2%); готовность к реализации своих возможностей в стране (2%); вера в страну (2%); активная гражданская позиция (2%); исполнение гражданского долга (2%); соблюдение нравственных норм (16%).

Цивилизационный аспект российской идентичности, представленный всего одним ответом, – рассмотрение российской идентичности как цивилизационного фактора, охватывающего весь «русский мир».

Выявленные аспекты российской идентичности не являются взаимоисключающими; была обнаружена следующая закономерность: (1) в группе респондентов с формальной составляющей российской идентичности наблюдается только данный аспект понимания идентичности; (2) в группе респондентов с эмоциональной составляющей российской идентичности наблюдается также и формальный аспект понимания идентичности; (3) в группе респондентов с деятельностной составляющей российской идентичности имеются формальные и эмоциональные аспекты понимания идентичности; (4) у респондента с цивилизационным пониманием российской идентичности наблюдаются все вышеперечисленные аспекты идентичности. Таким образом, можно говорить не только о разных личностно-смысловых аспектах понимания российской идентичности, но и о разных уровнях этого явления, предполагающих усложнение результата понимания национальной идентичности.

Следующей задачей было выявление связи типов личностно-смыслового аспекта национальной идентичности и особенностей исторического опыта Великой Отечественной войны в самосознании респондентов. Для этого был проведен сравнительный анализ

особенностей исторического опыта в группах респондентов с каждым типом российской идентичности.

В результате исследования выявлено, что преимущественно личностное отношение к событиям Великой Отечественной войны характерно даже для тех, кто отрицает личностную значимость российской идентичности. Это еще раз свидетельствует о фундаментальной роли исторического опыта Великой Отечественной войны в формировании национального самосознания российской молодежи. Вместе с тем наблюдается устойчивое возрастание степени личностного отношения к событиям Великой Отечественной войны по мере углубления уровня самопонимания респондентами своей национальной идентичности: 77,2% – в группе с отрицанием значимости гражданской идентичности; 75,2% – в группе с формальной составляющей гражданской идентичности; 96,7% – с эмоциональной, 97,5% – с деятельностной (Аполлонов, Тучина, 2015). Подобная корреляция подтверждает гипотезу о том, что исторический опыт является имманентной частью национальной идентичности человека.

Результаты исследования показывают нетривиальную взаимосвязь исторического опыта и уровня осмысления национальной идентичности. Так, эмоциональная реакция от ощущения собственной причастности к народу, пережившему войну, в целом увеличивается по мере усложнения самопонимания национальной идентичности. Такая линейная взаимосвязь позволяет рассматривать исторический опыт не только в качестве составной части национальной идентичности, но и как один из важных факторов ее формирования. Однако уровень подобной реакции довольно высок и у группы респондентов, отрицающих личную значимость российской идентичности. Подобная особенность связана с основной причиной такого отрицания: респонденты данной группы, поясняя свою позицию, рассматривают национальность главным образом как человекообразующий барьер и выражают личностное неприятие подобного барьера, подчеркивая тем самым приоритетную значимость отдельного человека, которого нельзя свести лишь к его групповой принадлежности. Таким образом, отрицание значимости национальной идентичности в определенной мере свидетельствует о важности для человека личностной идентичности, которую данные респонденты противопоставляют групповой идентичности человека.

Полученные результаты свидетельствуют о двух разнонаправленных векторах исторического опыта. Первый представляет собой рассмотрение событий истории как объективной данности, в которой исторический опыт эксплицирует смысловое содержание этой данности, превращая ее в опыт или урок истории. В данном аспекте

опыт теряет свою уникальность, привязку к конкретному времени, истории данного народа или страны и, обретая черты общезначимости, превращается в «урок истории», который играет определенную роль в идейно-политической, нравственной и воспитательной сферах общественной жизни, раскрывая меру реальных возможностей социальных субъектов в полном и эффективном его использовании. Однако при этом он теряет свою конкретную уникальность, а как следствие – свою историческую сущность и сакрально-родовую этноидентификационный потенциал.

В этноидентифицирующем аспекте исторического опыта, наоборот, решающую роль играет конкретное и уникальное содержание прошлого, поскольку историческая реальность есть, прежде всего, реальность конкретная, а не абстрактная. Ее непосредственную ткань составляют события – то, что сбылось, во всей их жизненной полноте и неповторимости. Тем самым данный аспект обратно пропорционален историческому опыту как социально значимому уроку, из которого удалены несущественные элементы и посторонние привнесения. В нем важна именно конкретность переживания людьми исторических событий.

Драматизм Великой Отечественной войны, ее трагические и героические события представляют собой мощный источник для обоих обозначенных выше векторов исторического опыта: в первом случае респонденты рассматривают его как урок-предостережение, предел жестокости и антигуманизма, то, что никогда не должно повториться. Во втором случае – это значимый фактор глубоко личностного и национального самоопределения, связанного с переживанием сопричастности истории своей Родины и чувством ответственности за ее дальнейшую судьбу.

Вывод

Таким образом, на основании полученных результатов исследования можно утверждать, что Великая Отечественная война для современной молодежи является не только объектом исторической памяти, но и значимым фактором позитивного личностного и национального самоопределения.

Литература

- Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
Аполлонов И. А., Тучина О. Р. Исторический опыт и личностно-смысловые особенности самопонимания российской идентичности (на ма-

- териале исследования представлений молодежи Кубани о Великой Отечественной войне) // Научные труды КубГТУ. 2015. № 11. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/693> (дата обращения: 01.02.2016).
- Гадамер Г. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988.
- Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт: переживание пути и становления структуры // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 63–72.
- Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 200–202.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.
- Соловьёв Э. Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991.
- Тоценко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОМПОНЕНТАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ У НАШИХ СОВРЕМЕННОКОВ¹

Н. Г. Артемцева, Т. В. Галкина (Москва)

Теоретическое исследование проблемы психологического здоровья

Социально-экономические особенности развития России в начале XXI столетия повлекли за собой серьезные изменения во всех областях жизнедеятельности людей. В условиях периодически возникающих кризисов в разных сферах социальной действительности, возросшего числа техногенных и природных катастроф, обострившейся в последнее время информационной войны с рядом зарубежных стран проблемы психологического здоровья и психологической безопасности становятся особенно актуальными. Представления людей о своем здоровье как базовой ценности и его компонентах, отношение к нему неразрывно связаны с менталитетом нации – социокультурным феноменом, вобравшим в себя особенности язы-

ка и национального характера, коллективную память и чувства, всю совокупность умонастроений, традиций, знаний, представлений, принятых норм и ценностных предпочтений, основных национальных и этнических характеристик народов, населяющих страну (Воловикова, 2012; Кольцова, 2015; Юревич, 2013). В условиях тотального мировоззренческого кризиса, в том числе кризиса русской духовности, когда самобытность русской ментальности, русской нации и культуры ставятся под сомнение, изучение особенностей национального менталитета и его составляющих у наших современников приобретает особую актуальность и способствует возрождению патриотизма россиян и России в целом. Таким образом, теоретическая и практическая значимость исследования этих проблем приобретает государственное значение. Данные проблемы являются одними из приоритетных научных тем в рамках психологической науки.

Во многих исследованиях показано, что психологическое здоровье теснейшим образом связано с духовно-нравственной составляющей (Б. С. Братусь, М. И. Воловикова, И. В. Дубровина, А. Л. Журавлев, Г. С. Никифоров, В. И. Слободчиков, А. В. Шувалов, А. В. Юревич и др.). Термин *психологическое здоровье* (в отличие от «психического здоровья») имеет отношение ко всей личности в целом и находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа (Воловикова, 2014; Воловикова, Галкина, 2014; Галкина, 2014; Дубровина, 2009; Шувалов, 2012; и др.). Такое понимание психологического здоровья делает изучение этого феномена особо актуальным в период идеологического и мировоззренческого кризиса, который сейчас переживает Россия. В условиях активного поиска новых жизненных приоритетов, социальных и духовно-нравственных ориентиров потребность в научной разработке проблемы психологического здоровья не вызывает сомнения. Обзор существующих публикаций свидетельствует о неудовлетворительном состоянии разработки данной проблемы как в области методов исследования, так и ее концептуально-терминологических оснований (Артемцева, Галкина, 2014; Галкина, Артемцева, 2014, 2016). Остаются нерешенными вопросы о личностных представлениях наших современников о психологическом здоровье, его критериях и нормах, а также возможных угрозах.

В связи с этим закономерно возникает также проблема *психологической безопасности* как одной из составляющих психологического здоровья. Актуальность исследования проблемы психологической безопасности личности очевидна, поскольку определяется условиями современной жизни и потребностями науки в создании общей

1 Работа выполнена в соответствии с Государственными заданиями ФАНО № 0159-2016-0002 и № 0159-2016-0004.

теоретической модели безопасности (см., например: Проблемы психологической безопасности, 2012; Харламенкова, 2012; и др.). Полноценное психологическое здоровье невозможно представить себе без состояния психологической безопасности. Проблема психологической безопасности, имея, безусловно, междисциплинарный характер, относится к новой для отечественной психологии научной области – «психологии безопасности». Обзор психологической литературы по проблемам безопасности в целом и психологической безопасности в частности позволяет констатировать, что к настоящему времени в разных культурах сформировались примерно одинаковые представления о безопасности, в которых акцент делается на чувствах и переживаниях человека, связанных с его положением в настоящем и перспективами на будущее. Понятие «безопасность» в психологической литературе определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз (см, например: Вербина, 2013). Было сформулировано определение психологической безопасности как состояния общественного сознания, при котором общество в целом и каждая отдельная личность воспринимают существующее качество жизни как адекватное и надежное, поскольку оно создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей граждан в настоящем и дает им основания для уверенности в будущем. Психологическую безопасность личности часто рассматривают как состояние защищенности ее психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной ориентировочной основы социального поведения человека (и в целом жизнедеятельности в обществе), а также адекватной системы его субъектных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе. Логично предположить, что без подобного состояния защищенности весьма затруднительно говорить и о наличии психологического здоровья в целом. Об этом, в частности, свидетельствуют и результаты проведенного нами исследования, направленного на выявление компонентов психологического здоровья посредством изучения личностных представлений наших современников о данной психической реальности. Так, оказалось, что представление о психологическом здоровье в целом подразумевает включение в это понятие также и таких понятий, как «психологическое здоровье личности», «психологическое здоровье семьи», «психологическое здоровье нации» и «психологическая безопасность», которые можно рассматривать, как его компоненты. Рассмотрению общего и особенного в лич-

ностных представлениях наших современников о психологическом здоровье личности, семьи, нации и психологической безопасности и посвящена данная статья.

Проблема психологического здоровья связана с более широкой проблемой *здоровья человека* в целом. Дать исчерпывающее определение понятию «здоровье» вообще и в рамках психологической науки в частности представляется до сих пор проблематичным. Однако в отношении здоровья можно выделить ряд общих положений, с которыми трудно не согласиться: здоровье является одной из базовых ценностей в жизни людей; здоровье – это сложный, многомерный феномен, отражающий модусы человеческой реальности: телесное существование, душевную жизнь и духовное бытие (в соответствии с этим возможна оценка соматического, иначе – физического, психического и личностного, иначе – психологического, здоровья человека). Важнейшим положением является утверждение о том, что «на сегодняшний день безусловно признается эффект взаимовлияния „духа“, „души“ и „тела“ на общее состояние здоровья человека» (Шувалов, 2012, с. 77–78).

Нам представляется продуктивным и перспективным подход к пониманию здоровья как системного феномена, что, в частности, хорошо отражено в учебном пособии «Психология здоровья» под редакцией Г. С. Никифорова (Психология здоровья, 2006). Такой подход позволяет затронуть чрезвычайно широкий спектр вопросов, связанных с определением таких понятий, как «физическое здоровье», «психическое здоровье», «социальное здоровье», «душевное здоровье», «духовное здоровье» и другие его виды, а также выделить их критерии. Интересно отметить, что, выделяя критерии и давая определения тем или иным видам здоровья, в частности психическому и душевному (под последним в книге подразумевается фактически психологическое здоровье), авторы демонстрируют существующую в целом в исследованиях проблем психического и психологического здоровья тенденцию смешивать и четко не определять границы этих понятий. Так, например, среди критериев психического здоровья называются и критерии психологического здоровья, и наоборот, говоря о психологическом здоровье, дается, с нашей точки зрения, характеристика психического здоровья – например, адекватность поведения. Указывается, что для психически здоровой личности характерны гармоничность, консолидированность, уравновешенность, а также такие составляющие ее направленности, как духовность, ориентация на саморазвитие, обогащение своей личности. Мы полагаем, что именно душевность и саморазвитие относятся скорее к *психологическому* здоровью личности. «Душев-

ное здоровье» («психологическое здоровье») рассматривается авторами учебника «Психология здоровья» (2006) как характеристика человека, определяющая его способность справляться со сложными (главным образом неблагоприятными) обстоятельствами своей жизни, сохраняя оптимальный эмоциональный фон и адекватность поведения. Но ведь способность к адаптации и адекватности поведения можно отнести не только к душевному, но и к психическому здоровью (Галкина, Артемцева, 2014). Это, в частности, видно из структурно-уровневой концепции психического здоровья Б. С. Братуся, согласно которой средний уровень этого образования характеризуется способностью человека строить и использовать адекватные способы реализации своих смысловых устремлений (Братусь, 1988). С его точки зрения, на высшем уровне *психического здоровья* происходит поиск и обретение индивидуально-личностных предельных смыслов, что придает завершенность личности, делаая ее зрелой, устойчивой и продуктивной. При этом Б. С. Братусь полагает, что задача последнего уровня состоит в строительстве системы смысловой ориентировки в мире, стержнем которой является общий смысл жизни. Анализ концепции Г. С. Никифорова также свидетельствует о нечеткости границ между понятиями психического и психологического здоровья личности, а также о смешении их содержания. В соответствии с его точкой зрения, душевное здоровье – это, прежде всего, гармония человека с самим собой. В книге также подчеркивается, что именно согласованность мотивов, целей и ценностей человека с его внутренними возможностями и требованиями окружающей среды можно рассматривать как условие душевного (психологического) здоровья (Психология здоровья, 2006).

Находясь на позициях системного подхода и анализируя определения психического и психологического здоровья, их выделенные критерии и характеристики, мы приходим к выводу о том, что психологическое здоровье следует рассматривать не как однородное образование, а как образование, имеющее сложное уровневое строение и пересекающееся в определенной своей части с таким феноменом, как психическое здоровье.

Подчеркнем, что сложность исследования проблемы психологического здоровья личности заключается в том, что, несмотря на существование определений различных видов здоровья, ученые и практики часто употребляют в своих работах в качестве синонимов психологического здоровья такие термины, как «душевное здоровье», «духовное здоровье», «личностное здоровье», «нравственное здоровье», не давая при этом им определений. Сам термин «психо-

логическое здоровье» до настоящего времени вызывает дискуссии, в которых сталкиваются разные мнения – от необходимости и продуктивности его использования до полного отрицания его правомерности и целесообразности введения в психологическую науку наряду с термином «психическое здоровье». Мы полагаем целесообразным и перспективным использование в исследованиях именно термина «психологическое здоровье», о чем, в частности, свидетельствуют результаты проведенной работы, направленной на изучение личностных представлений наших современников об этой психической реальности и некоторых ее компонентах.

Эмпирическое исследование личностных представлений о компонентах психологического здоровья

Задачей нашего эмпирического исследования является выделение общего и особенного в понимании основных компонентов структуры психологического здоровья нашими современниками посредством анализа их ассоциаций.

Гипотеза исследования: существуют общие и особенные смыслы личностных представлений, связанных с психологическим здоровьем в целом.

Методика исследования

В эмпирическом исследовании использована разработанная нами методика на основе принципов ассоциативного эксперимента и специального анализа полученных вербализаций. Проведенное исследование было необходимо для уточнения концептуально-терминологического аспекта проблемы психологического здоровья, разработки новых методических средств и планирования общей стратегии дальнейших исследований по данной проблеме.

Такая психическая реальность, как психологическое здоровье, может быть исследована как с помощью эксплицитных концепций, так и имплицитных. В настоящей статье отражены результаты обоих способов изучения этой психической реальности. Анализ эксплицитных теорий психологического здоровья позволяет констатировать наличие целого ряда нерешенных вопросов, о которых, в частности, говорилось выше. Одним из продуктивных способов решения этих вопросов может быть изучение имплицитной концепции психологического здоровья через исследование личностных представлений наших современников о психологическом здоровье в целом (Галкина, Артемцева, 2016).

В системе представлений каждого индивида есть специфические, присущие только ему составляющие, обусловленные его индивидуальным опытом: мировоззренческие позиции, этические нормы, духовность, нравственные эталоны, жизненные ценности, самосознание, характер отношений с другими людьми, осознание себя как личности и индивидуальности. Выделение таких категориальных структур, опосредствующих восприятие и осознание субъектом содержательных сфер жизнедеятельности, – структур обыденного сознания, реализуется в психосемантических исследованиях в реконструкции систем индивидуальных значений, через призму которых происходит восприятие мира субъектом. Этот процесс вызревания индивидуальных значений, форм обобщения, предшествующих понятийной, блестяще показан в работах Ж. Пиаже, Дж. Брунера, Л. С. Выготского, В. В. Давыдова.

В нашем исследовании мы постарались максимально приблизить ситуацию эксперимента к реально существующим ситуациям и дать испытуемым большую свободу в создании ассоциативных рядов, ограничивая их только заданными темами. Широкий спектр повторяющихся ассоциаций, с нашей точки зрения, отражает индивидуально-личностные особенности субъекта в данный момент бытия. Известно, что проективность психосемантических методов используется не только для исследования личности самого испытуемого, но и для реконструкции понимания им своего внутреннего мира.

Исследуемую выборку составили 173 человека, мужчины и женщины в возрасте 19–45 лет, студенты вузов Москвы и лица с высшим образованием.

Ход проведения исследования

Испытуемым давалась устная инструкция: «Напишите свои ассоциации (3–5), характеризующие понятия: 1) «психологическое здоровье личности»; 2) «психологическое здоровье семьи»; 3) «психологическое здоровье нации»; 4) «психологическая безопасность». Предлагался стандартный протокол в свободной форме. Подобный перечень понятий связан с наиболее стабильными, на наш взгляд, компонентами такого многоуровневого явления, как психологическое здоровье.

Обработка и обсуждение результатов исследования

Было получено 692 протокола, которые были разделены на четыре группы в соответствии с анализируемыми нами компонентами

психологического здоровья, содержащие в целом 2400 ассоциаций. Все ассоциации анализировались с помощью контент-анализа с целью выявления общего и особенного в понимании основных компонентов структуры психологического здоровья. Поскольку в полученном спектре характеристик представлены самые разнообразные формы похожих и разных (как по значению, так и по грамматике) слов, то за единицу контент-анализа были взяты лексемы. «Лексема – одна из системных единиц плана содержания языка... совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях. В значениях словоформ лексема выражает то, что остается неизменным при всех грамматических видоизменениях, и отражает идею тождества слова самому себе» (Русский язык: Энциклопедия, 1979). Надо отметить, что среди ассоциаций, полученных в нашем исследовании, довольно много испытуемых выделили такие характеристики, как доброта, нравственность, духовность, развитие, гармония, доверие и другие. Эти ассоциации встречались во всех четырех группах протоколов, т. е. эти характеристики крайне важны для человека, не только когда он представляет себе свое собственное психологическое здоровье, но и когда речь идет о психологическом здоровье семьи, нации и даже о психологической безопасности.

Далее методом количественных сопоставлений были получены наиболее часто встречаемые ассоциации по поводу понятий: 1) «психологическое здоровье личности»; 2) «психологическое здоровье семьи»; 3) «психологическое здоровье нации» и 4) «психологическая безопасность». Полученные результаты отражены на рисунках 1, 2, 3, 4.

На рисунке 1 представлены наиболее часто встречающиеся ассоциации испытуемых, связанные с понятием «психологическое

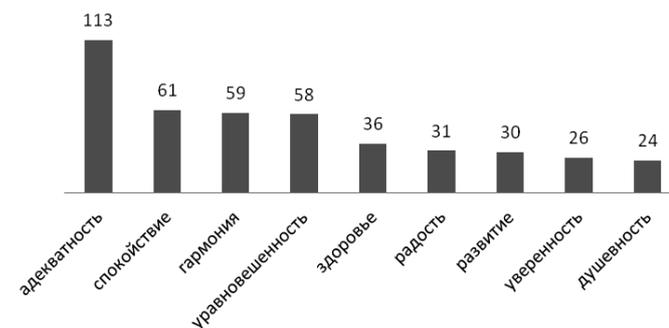

Рис. 1. Наиболее часто встречающиеся ассоциации испытуемых, связанные с понятием «психологическое здоровье личности», и их количество

здоровье личности», а также их количество. Проведенное исследование показало, что, говоря о психологическом здоровье личности, наши испытуемые наиболее часто использовали следующие характеристики: адекватность, спокойствие, гармония, уравновешенность, здоровье, радость, развитие, уверенность, душевность и некоторые другие. С помощью семантического анализа были выявлены ассоциации, которые употребляются *большинством* наших испытуемых; мы отнесли их к категории *общее*. Ассоциации, которые встречались крайне *редко* (1–2 раза), были отнесены к категории *особенное* (например: успех, душа, смех, юмор, умение ориентироваться, спорт, семья, безопасность, нация и другие).

Полученные в исследовании ассоциации по поводу понятия «психологическое здоровье личности», относящиеся к обеим категориям (общее и особенное), в определенной степени согласуются с критериями психического и душевного (= психологического) здоровья, выделенными Г.С. Никифоровым. Это подтверждает наше положение о том, что содержание понятия *психологическое здоровье* может включать те же характеристики, что и понятие *психическое здоровье*.

Рассмотрим ассоциации испытуемых, связанные с понятием «психологическое здоровье семьи». Именно семья является важной составляющей жизни любого человека. Однако представления о психологически здоровой семье у разных субъектов имеют общие и различные составляющие. Наши исследования показали (рисунок 2), что представления о психологическом здоровье семьи связаны, в том числе с такими переменными, как забота и уважение, доверие и взаимопонимание, гармония и любовь.

Таким образом, мы видим, что существуют, во-первых, *общие* представления о психологическом здоровье семьи (например, вза-

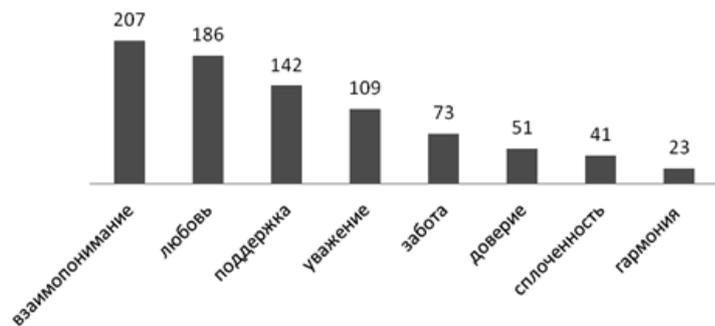

Рис. 2. Наиболее часто встречающиеся ассоциации испытуемых, связанные с понятием «психологическое здоровье семьи», и их количество

имопонимание, любовь, поддержка, уважение), которые присутствуют практически у всех испытуемых, а во-вторых, крайне субъективные личностные представления, которые были отнесены к категории *особенное* (например: традиция, спор, совместная деятельность, равноправие, смех, поступок).

Беседы с испытуемыми в процессе эмпирического исследования показали, что в их представлениях благополучие и психологическое здоровье личности и семьи неразрывно связаны с благополучием нации в целом (семья является ячейкой общества), и поэтому ни у кого из испытуемых не вызвало удивления, что следующим компонентом психологического здоровья в целом является психологическое здоровье нации.

Исследование личностных представлений о психологическом здоровье нации (рисунок 3) показало, что наиболее часто испытуемые использовали следующие характеристики: уважение, единство, уверенность, развитие, патриотизм, толерантность, сплоченность и некоторые другие. С помощью семантического анализа были выявлены ассоциации, которые употребляются большинством наших испытуемых; мы отнесли их к категории «общее». Ассоциации, которые встречались крайне редко (1–2 раза), были отнесены к категории «особенное» (например: население, воспитанность, уступчивость, толпа, спорт, семья, безопасность, нация).

Изучая личностные представления наших современников о психологическом здоровье в целом, мы пришли к выводу, что такое понятие, как «психологическая безопасность» теснейшим образом связано с понятием «психологическое здоровье» (Проблемы психологической безопасности, 2012). Поскольку понятие «психологическая безопасность» в литературе достаточно часто раскрывается через использование, в том числе, и понятия «психическое здоро-

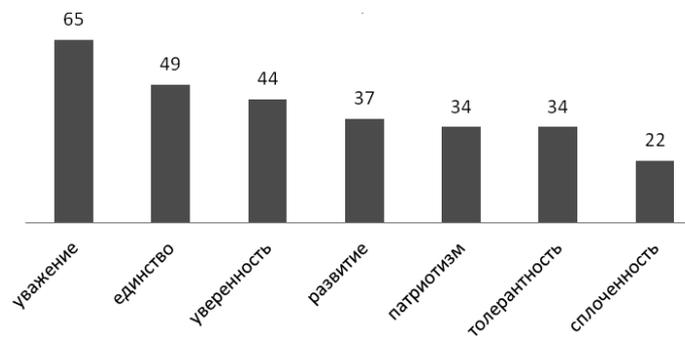

Рис. 3. Наиболее часто встречающиеся ассоциации испытуемых, связанные с понятием «психологическое здоровье нации», и их количество

вье» (которое, как показано выше, определенным образом совпадает и пересекается с понятием «психологическое здоровье»), анализ личностных представлений о *психологической безопасности* представляется необходимым этапом нашего исследования.

Как показано на рисунке 4, здесь наши современники наиболее часто использовали такие понятия, как «уверенность», «защита», «спокойствие», «граница», «свобода», «поддержка», «доверие». Мы отнесли их к категории «общее». Кроме общих характеристик были и особенные: эмпатия, экономика, финансы, стресс, страх, стойкость.

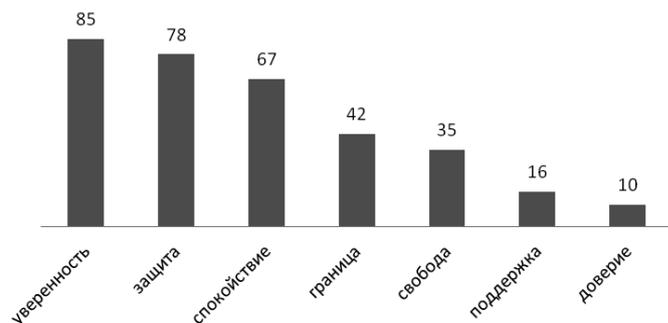

Рис. 4. Наиболее часто встречающиеся ассоциации испытуемых, связанные с понятием «психологическая безопасность», и их количество

В нашем исследовании сделаны акценты на выделении общих и индивидуальных смыслов ассоциативных образов сознания и глубинного бессознательного в восприятии некоторых компонентов многоуровневого понятия «психологическое здоровье».

Таким образом, проанализировав результаты проведенного нами теоретико-аналитического изучения проблемы психологического здоровья и результаты эмпирического исследования личностных представлений наших современников о некоторых компонентах психологического здоровья, можно сделать следующие *выводы*.

1. Существует большое количество определений понятия «психологическое здоровье». Происходит смешение содержания понятий «психическое здоровье» и «психологическое здоровье», а также замена понятия «психологическое здоровье» такими близкими ему по смыслу понятиями, как «душевное здоровье», «духовное здоровье», «личностное здоровье», «нравственное здоровье».
2. Психологическое здоровье следует рассматривать не как однородное образование, а как имеющее сложное уровневое строение и пересекающееся в определенной своей части с таким

феноменом, как психическое здоровье: содержание понятия «психологическое здоровье» может включать те же характеристики, что и понятие «психическое здоровье».

3. Существуют общие и особенные смыслы различных компонентов понятия «психологическое здоровье». Исследование содержания ассоциаций по поводу основных компонентов понятия «психологическое здоровье», относящихся к категориям «общее» и «особенное», показывает многокомпонентность этой психической реальности.

Вопрос о соотношении различных компонентов психологического здоровья, являющегося сложным структурно-уровневым образованием, может быть решен в результате дальнейших комплексных исследований в рамках системного подхода.

Литература

- Артемова Н. Г., Галкина Т. В. Созависимость как возможная угроза психологическому здоровью субъекта // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 213–220.
- Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988.
- Вербина Г. Г. Психологическая безопасность личности // Вестник ЧГУ. 2013. № 4. С. 196–202.
- Воловикова М. И. Житейские представления о порядочном человеке: Научно-популярное издание. М., 2012.
- Воловикова М. И. Психологическое здоровье личности и ее духовно-нравственное состояние // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной. М., 2014. С. 79–95.
- Воловикова М. И., Галкина Т. В. Психологическое здоровье личности и нравственные проблемы общества (вместо предисловия) // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной. М., 2014. С. 5–15.
- Галкина Т. В. Осознание как путь к психологическому и физическому здоровью субъекта // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной. М., 2014. С. 35–61.
- Галкина Т. В., Артемова Н. Г. Общее и особенное в представлении о психологическом здоровье личности // Естественно-научный подход в современной психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М., 2014. С. 805–811.

- Галкина Т. В., Артемцева Н. Г. Личностные представления о психологическом здоровье у созависимых и несозависимых субъектов // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Под ред. М. И. Володиной, А. Л. Журавлева, Н. Е. Харламенковой. М., 2016. С. 352–381.
- Дубровина И. В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3. С. 17–21.
- Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования (введение) // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2016. С. 5–18.
- Проблемы психологической безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной. М., 2012.
- Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2006.
- Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979.
- Харламенкова Н. Е. Представления о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: психологические исследования / Под ред. М. И. Володиной, Н. Е. Харламенковой. М., 2012. С. 141–160.
- Шувалов А. В. Здоровье личности: методологический и мировоззренческий аспекты // Современная личность: Психологические исследования / Под ред. М. И. Володиной, Н. Е. Харламенковой. М., 2012. С. 76–99.
- Юревич А. В. Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29. URL: <http://psys-tudu.ru/index.php> (дата обращения: 16.07.2016).

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ИДЕЙ В РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

Н. В. Борисова (Москва)

Постановка проблемы

В науке сложилось понимание менталитета как психического склада народа, совокупности его психологических характеристик, свойств, определенных представлений о мире (Кольцова, 2015, с. 11). Исследователи отмечают, что имплицитные структуры пси-

хологического склада народа, живущего в конкретной культуре, генетически и социально укоренены в сознании и сфере бессознательного многих поколений людей (Еромасова, 2006, с. 24). В связи с тем, что ментальные установки осознаются частично, представляет интерес творческое самораскрытие человека как носителя ментальных особенностей народа, к которому он принадлежит. Смыслоразнообразные ориентиры находят особенно глубокое отражение в творческой деятельности. В свою очередь, связанные с культурной и религиозной жизнью народа, они оказывают формирующее воздействие на восприятие действительности, отношение к разным аспектам бытия.

Обращение к творческому наследию крупнейших отечественных деятелей науки и искусства разных поколений позволяет проследить преемственность смысложизненных идей в российском менталитете. Психология, философия, поэзия и искусство – уникальные сферы, раскрывающие «вечные» темы: *родина, смысл жизни, совесть*. Рассмотрим, как решают эти экзистенциальные вопросы отечественные мыслители.

- И. А. Ильин (1883–1954) – выдающийся отечественный ученый, философ, публицист и общественный деятель. В 1922 г. мыслитель за расхождение с курсом власти большевиков вместе с большой группой философов, ученых и литераторов был выслан из России в Германию. Первоначально он приобрел известность как исследователь философии Гегеля. Впоследствии разработал учение, в котором продолжил традиции русской философии.
- А. А. Тарковский (1932–1986) – крупнейший отечественный кинорежиссер XX в., творчество которого оказало значительное влияние на развитие мирового кинематографа.
- В. Н. Дружинин (1955–2001) – психолог и поэт. В его творчестве мы находим опыт осмысления вопросов бытия через искусство. Поэт Григорий Поженян писал о В. Н. Дружинине: «Стихи – это его первая любовь и, смею надеяться, последняя. Он истинный поэт и настоящий мастер» (цит. по: Дружинин, 2005б, с. 3).
- В. А. Пономаренко (родился в 1933 г.) – специалист в области авиационной психологии, в исследованиях которого особое место занимает изучение личности профессионалов-летчиков, работающих в экстремальных ситуациях. Ученого интересует мировосприятие людей летно-космических профессий, те качественные изменения в личности, которые происходят благодаря профессиональной деятельности.

Раскрытие темы «родина»

Оказавшись в изгнании в начале XX в., И. А. Ильин писал: «Как тяжело утратить родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда... Для меня навсегда, ибо я, может быть, умру в изгнании... От этой мысли все становится беспросветным: как если бы навсегда зашло солнце, навсегда угас дневной свет, навсегда исчезли краски дня... Как если бы я ослеп...» (Ильин, 1999, с. 255). Мыслитель называл русскую революцию величайшей катастрофой не только в истории России, но и в истории всего человечества, величайшим государственно-политическим и национально-духовным крушением. В его работах мы находим пророческие мысли относительно духовного кризиса человечества и нашей страны.

Поиск духовных корней, тоска по ним остро звучат в поэтических произведениях В. Н. Дружинина – человека другого поколения, не покидавшего родину, но тоже жившего в сложнейшие, переломные для нашего отечества периоды, периоды масштабной и мучительной ломки политических, общественных, культурных реалий. Творчество Дружинина-поэта передает боль и чувство невосполнимой утраты: он всматривается, вслушивается в нечто потерянное, как будто пытается обрести самого себя, надышаться теплом родного дома.

Дружинин-поэт:

В чиновники сонной эпохи
Продавший себя человек,
Я плюну на охи и вздохи.
Отправлюсь в последний побег.
Туда, где в дождливой неволе
Кудесит шальной ветерок,
Где родина гибнущим полем
Лежит у обочин дорог.

(Дружинин, 2005б, с. 23).

Осмысливая сущность национального единения людей, И. А. Ильин приходит к выводу, что самое глубокое единение возникает из созвучного духовного уклада. Духовный уклад вырабатывается исторически из «эмпирической данности»: внутренней (раса, темперамент, душевные способности и т. д.) и внешней (природа, соседи и т. д.). Благодаря творческой обращенности к сфере божественного внутренняя и внешняя «эмпирическая данность» одухотворяются. В результате возникает единый национально-духовный акт, основанный на единой судьбе, едином языке и единой вере.

Дружинин-поэт:

Но я веду экскурсию
Наперекор вранью
Туда, где гибнут русские
Деревни – на корню.
В бревенчатые храмы,
Дощатые дворцы,
Где нашей русской драмы
Начала и концы.

(Дружинин, 2005б, с. 35).

Обретение человеком возможности летать, быть физически оторванным от земли дало толчок к осмыслению любви к родине и Земле в целом как общем доме для всего человечества. В. А. Пономаренко уверен, что авиация и космонавтика позволили по-новому взглянуть на феномен *родной земли*. Родная земля ждет покинувшего ее «небожителя», манит родным домом, живым дыханием. «Помимо Космоса, была Земля, стоило только взглянуть в иллюминатор, чтобы понять, как она прекрасна. А вот и она, едва осязаемый толчок. Мягко, по-матерински бережно Земля приняла мой аппарат. И только тут я почувствовал, как сжалось на какой-то миг мое сердце, а в душе внезапно водворилась волна радости: Земля!» (Пономаренко, 2013а, с. 106). Интересен отмеченный В. А. Пономаренко факт, что оторвавшийся от земли человек осознает Землю как часть своего «Я».

В этой связи актуально вспомнить легендарный художественный фильм А. А. Тарковского «Солярис», снятый по одноименному роману С. Лема. Автор фильма поясняет в интервью, что финал «Соляриса» – возвращение главного героя в родной дом – символизирует феномен «становления Человека». Финальная сцена встречи Кельвина с отцом, в которой отчетливо читается аналогия с библейским сюжетом возвращения блудного сына, сопровождается насыщенными и яркими в смысле силы воздействия на зрителя образами природы. Не случайно интуиция художника соединяет в образах и тему физического возвращения в родной дом, и тему обретения личностью себя. А. А. Тарковский показал, насколько глубоко личность связана с тем, что называют «родная земля», как на макро-уровне – планетой Земля, так и на микро-уровне – тем местом, где человек родился, провел детство. Эту «Землю мы обязаны нести в себе и сохранить во что бы то ни стало», считает режиссер (Тарковский, 1973).

Тема смысла жизни

Дружинин-психолог так описывает жизнь обычного человека: «Настоящее должно миновать как можно быстрее. И события, этапы жизни мелькают, как километровые столбы в окне экспресса. Достижение конца каждого этапа не приводит к снятию напряжения, ибо за ним еще один этап, и кажется, что дорога уходит в бесконечность...» (Дружинин, 2005а, с. 49).

Дружинин-поэт:

Жизнь с изнанки –
Забота о хлебном куске.
Все воздушные замки
Строятся на песке...

(Дружинин, 2005б, с. 38)

Человек, погруженный в повседневность, считает В. Н. Дружинин, защищен от страха смерти. Это самый надежный механизм защиты – возможность погрузиться в заботы и обязанности, не думая о смысле жизни. А когда впереди уже чернеет пропасть, человек останавливается в растерянности: время прошло. Он готовился к настоящему, подлинному существованию, но дорога уже пройдена, а обратного пути нет.

Дружинин-поэт:

Нам всем пора сойти с ума
От человеческого дерьма,
Поднять в подъездах мертвый вой
И биться в стенку головой.
Меняем совесть на рубли
И поцелуи на плевки...

(Дружинин, 2005б, с. 85)

Об этой жизненной опасности писал И. А. Ильин. Мир чувственных явлений держит человека в зависимости и подчинении. Постоянно воздействуя через телесные потребности, этот мир проникает в него, порождая чувственные влечения, прихоти, ведущие к постоянной неудовлетворенности и зависимости, делая его жизнь ничтожной и низменной. Но в душе человека есть сила, всегда восстающая против низведения духовной природы, уверен И. А. Ильин. Душа человека способна чувствовать, что этот мир не его родина и что «никакие дары этого мира не могут удовлетворить ее». Душа томится среди преходящего, в служении тщетному и пустому.

Дружинин-поэт:

Блуждаю по пустыне –
Живу в первопрестольной.
Глотаю воздух синий,
На выхлопах настоящий.
Скитаюсь по поэтам,
По юбилейным датам,
Но, кажется, когда-то Уже видал все это:
Осоловевший город –
Врата земного рая,
Где сумасшедший голубь
Метался вдоль трамвая...

(Дружинин, 2005б, с. 37)

Долг человека, утверждает И. А. Ильин, в том, чтобы жить и действовать согласно духовному зову. Его голос указывает на возможность и обязательность иного, независимого от чувственности, самоопределения, на необходимость иной жизни – такой, которая не увлекает человека в пассивную и слепую чувственную растерянность, но «прикрепляет» все его силы к единому, внутреннему, духовному средоточию. Следование этому голосу дает человеку свободу абсолютного духовного самоопределения. Следуя постулатам христианской антропологии, мыслитель выделяет в человеке три ипостаси: «дух», «душу» и «тело». Душа – это вся совокупность того, что происходит в сознании и бессознательном на протяжении всей жизни: чувства, болевые ощущения, состояния, воспоминания, впечатления и т. д. К области духа он относит лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание истины, созерцание красоты, совершение добра. Дух – это то, что значительно в душе. Но «значительное» часто не совпадает с тем, чем человек предпочитает наполнять свою частную жизнь. И. А. Ильин подчеркивает, что люди нередко интересуются пустяками, приковываются к второстепенному, ориентируются на то, что «приятно», дорожат тем, что не заслуживает ни любви, ни признания.

Дружинин-поэт:

Полусонных вздох.
Потаенный шаг.
От стены к стене.
Перестук часов
От страны к стране,

От тюрьмы к тюрьме.
Из равнодушных тел
Время ушло, как кровь.

(Дружинин, 2005б, с. 79)

Внутренне неустроенная в своих стремлениях душа ищет спасения в господстве над внешним миром, но тщетно. «Человека действия», «самоактуализирующуюся личность», «человека, сделавшего себя», В. Н. Дружинин характеризует как субъекта, выбравшего путь «внешней жизни». Человек, стремящийся к достижениям, навязывает себя окружающему миру: ведь любая цель лежит вне его. Цель как предполагаемый и желаемый результат действия требует постоянного напряжения сил. Достижение цели обесценивает ее, и на горизонте маячит новая, еще более привлекательная цель. Жизнь становится погоней за горизонтом. Вся психология, по мнению В. Н. Дружинина, построена на фундаменте функционализма: психика служит для регуляции поведения, которое направлено на достижение результата. Человек приходит в мир, чтобы решать в нем свои задачи. Пафос активности, преобразования – «Все выше, выше и выше!» – порождает слепоту.

Дружинин-поэт:

Отвечая за дело и слово,
Пусть душа наша будет чиста:
Выбор прост меж веревкой пеньковой
И кровавою мукой креста.
Выбор есть – оправдаются люди
Философией зла и добра.
Выбор сделай – найдутся Иуды,
Если слышится звон серебра...

(Дружинин, 2001, с. 26)

Стержнем, базовой характеристикой человеческой жизни И. А. Ильин считает *веру*. Каждый человек в своей жизнедеятельности детерминирован стремлением найти предмет любви и посвятить ему свою жизнь. Вера является целостным жизненным опытом, мирозерцанием и системой действий. Она вовлекает в свой процесс человека целиком, так как исходит из последней глубины человеческого существа. «О вере можно говорить только тогда, когда истина воспринимается глубиной души, когда на нее отзываются могучие и творческие источники духа, где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека» (Ильин, 2004б, с. 69). Вера указывает человеку его жизненный путь, определяет его отношение к себе, к людям, к природе и ко всему священному в жизни.

И. А. Ильин отмечает, что люди верят очень часто в слепоте и беспомощности, не зная и не догадываясь, что человеку надлежит строить свою веру. Единственно достойным предметом веры, считает мыслитель, является совершенство. Человек духовен постольку, поскольку он добровольно обращен к объективному совершенству, нуждаясь в нем, отыскивая и любя его.

О феномене веры и его глубочайшем значении в жизни человека повествует фильм А. А. Тарковского «Жертвоприношение». Александр – известный журналист, писатель, бывший актер – находится в состоянии душевного кризиса, уединенно живет с семьей на острове Готланд в Швеции. На героев фильма обрушиваются новости о начале атомной войны, которая может обернуться уничтожением человечества. Воцаряются ужас, отчаяние и страх. Потрясенный надвигающейся катастрофой в момент предельного отчаяния Александр обращается в молитве к Богу с просьбой остановить этот апокалиптический процесс, обещая отказаться от всего, что у него есть: семьи, дома, способности говорить, и исполняет обещанное. Его поступок помогает понять тотальный характер веры. Вера как психологический феномен предполагает выбор. В случае с героем выбор был сделан: доверие Богу и отречение от своего социального «Я». Хотя слово «жертвенность», размышляет А. А. Тарковский, несет в себе как бы негативный, разрушительный смысл, обращенный на личность, приносящую себя в жертву, существо этого акта – всегда любовь (Тарковский, 2014, с. 141). Фильм начинается с показа картины Леонардо да Винчи «Поклонение волхвов», которая является ключевым образом фильма и иллюстрирует евангельское событие: волхвы пришли поклониться родившемуся Младенцу, принесли Ему дары – золото, ладан и смирну. А. А. Тарковский языком искусства показал: вера, любовь и жертвенность на глубочайшем уровне связаны между собой.

В. А. Пономаренко утверждает, что психологическая разработка нравственной проблемы смысла жизни должна осуществляться через раскрытие и присвоение идеала: необходимо не личности приспособляться к жизни, а жизнь личности приспособить и поднять к идеалу. Исследования В. А. Пономаренко показывают, что в личности летающих профессионалов происходят изменения относительно отношения к людям и к себе. Антуан де Сент-Экзюпери, подаривший миру свой опыт общения с небом, назвал самолет орудием познания, которое, прокладывая воздушные пути, приобщает человека к вечным вопросам. Самолет, как поэтично выразился летчик-писатель, открыл нам не только истинное лицо Земли, но и лик летчика (Де Сент-Экзюпери, 2015). «Летная жизнь», свидетельствует В. А. По-

номаренко, требует преодоления себя, самосовершенствования, противостояния соблазнам. Возникает потребность самоочищения, изменения своего внутреннего состояния путем преодоления эгоистических, недостойных неба побуждений и обретения смирения, гармонии со всем окружающим. Люди летно-космических профессий под воздействием красоты испытывают религиозные чувства: рождается ощущение, что их жизнь в небесном мироздании поддерживается извне. «В спящих нейронах мозга просыпается религиозное сознание о Времени без начала и конца, о вечности Творца» (Пономаренко, 2013а, с. 99–100). «Наблюдая в разных состояниях Землю, Небо и Светила, становишься эстетически богаче и тоньше, чувствуешь Божий мир» (Пономаренко, 2013а, с. 42).

Человеку стоит жить на свете только тем, что осмысливает и освящает не только его жизнь, но и его смерть. Именно смерть является безошибочным индикатором подлинности смысла жизни. Смерть для И. А. Ильина – особый и величественный «акт личной жизни». Когда тень смерти осеняет человека, то все содержания и ценности жизни переоцениваются. Все то, что в тусклой повседневности, во время безопасного прозябания казалось стершимся, безразличным, обесценившимся, вдруг раскрывает свое подлинное качество, истинный ранг.

Дружинин-поэт:

И придет тишина,
Недоступная разуму,
Между тем, что услышано,
И тем, что сказано.
И кровотока
Замрет движение,
Остановится в стеклах
Мое отражение.
Но, последнюю муку
В звукоряде храня,
Продолжится музыка
За пределы меня.

(Дружинин, 2005б, с. 21)

Тема совести

Профессионалы, летающие в экстремальных ситуациях, сталкиваются в своей деятельности с условиями, несхожими с наземной жизнью: большие скорости, высоты, дефицит времени и т. д. Очень высока вероятность попадания в ситуации, в которых нет готовых

решений и инструкций действий. Такие моменты рожают другое видение и понимание происходящего; находится неожиданное, но правильное решение. «Меняется отношение к своим возможностям восприятия действительности, которые, оказывается, могут быть намного шире привычных горизонтов. Мир, получается, может быть другим» (Пономаренко, 2013а, с. 38).

А. А. Тарковский высказывает важную для нашего анализа и глубокую мысль: столкновение с неизвестным дает возможность критически взглянуть на способы нашего познания посредством борьбы со стереотипами мышления. Ситуации, в которых оказываются герои фильмов режиссера, и опыт нахождения в критических ситуациях летающих людей схожи: предельное напряжение, отбрасывание круга привычных мыслей, которые сопровождают человека в обычной жизни, концентрация всех сил души на подлинно важном. Здесь берет корень то чувство ответственности летчиков, которое приводит к решению ценой своей жизни спасти людей; об этом же состоянии идет речь в фильме «Солярис», когда главный герой соприкасается с Океаном, испытывая шок, потрясение и перерождение. Это чувство достигает кульминации у героя фильма «Жертвоприношение», побуждая его отказаться от самого дорогого ради спасения человечества. Во всех этих случаях *совесть* подсказывала пути выхода из сложнейших ситуаций. Сам режиссер охарактеризовал фильм «Жертвоприношение» как историю о человеке, который ощущает свою личную ответственность за то, что совершается в мире. «Концепция такова: <...> о личной ответственности, о нежелании прятаться за общественное мнение, за других, за деятельность каких-то организаций, общества, человеческих институтов, которые заменяют <...> совесть в наше время (Тарковский, 2014, с. 163).

М. И. Воловикова отмечает, что без обращения к проблеме совести невозможна никакая серьезная работа в области нравственной психологии. В отечественной ментальности совести принадлежит особое место: пониманию ее, обращению к ней, ожиданию «пробуждения совести», опасению о «сгоревшей совести». Автор считает, что воззрения И. А. Ильина на проблему совести – одни из лучших строк, написанных в области нравственной психологии (Воловикова, 2005). Для И. А. Ильина совесть – одно из самых духовно сильных, значительных и безошибочных побуждений человека. Человек живет на земле в состоянии внутреннего раскола, от которого страдает и который не умеет преодолеть: это расхождение между эгоистическими побуждениями и божественным призванием, которое человек переживает как духовную жажду. Только обретение совестной цельности души, обращение к высшим духовным смыслам

может дать человеку подлинный покой и радость. Совесть – голос целостной духовности человека, в которой инстинкт принял закон Божий как свой собственный, а дух приобрел силу инстинктивного влечения. Совесть – одновременно и инстинктивная потребность в нравственном совершенстве, и предметно обоснованная воля к нему, а потому совесть предполагает *творческое искание нравственного в каждом жизненном положении*. Именно поэтому человек совершает совестный поступок с уверенностью в своей правоте, с интуитивной быстротой и инстинктивной страстной цельностью.

Жизнь в согласии с собственной совестью преодолевает ту разделенность психической жизни на «жизнь внешнюю» и «жизнь внутреннюю», о которой писал В. Н. Дружинин, преодолевает необходимость постоянно координировать два потока событий, происходящих внутри и вовне. Данное осуществление подлинности своего бытия сущностно отличается от западного понимания того, что значит «быть». «Быть», с точки зрения западного человека, считает В. Н. Дружинин, значит максимально раскрыть свои внутренние возможности во внешнем мире путем деяний. За этим стоит стремление к внешнему успеху и достижению. Такова «основа основ современной цивилизации», заключает психолог. В. А. Пономаренко также отмечает, что XXI в. на Руси искажил смыслы ценностей, сдвинул нравственные пласты религиозных слоев сознания, смешав цели и средства, регулируемые духом, совестью, волей, подменил вероотеческие, нравственные скрепы государственности прагматичностью «космополитического разлива», индивидуализмом.

Для И. А. Ильина человек с чуткой совестью остро переживает каждый вред, наносимый им другому, и испытывает эту трагедию бытия на каждом шагу. Тихий голос шепчет ему, что он сыт потому, что есть другие голодные; что его богатству соответствует бедность многих; что он, возможно, наслаждается только потому, что у других людей жизнь слишком безрадостна. По мнению философа, в невозможности отдельного человека любить всех людей заключена «духовная трагедия» человечества. Человеку не дано отменить ее, но он может принять трагедию человеческого разделения и «радеть о ее преодолении в духе».

Дружинин-поэт:

Время приборки в дому –
Время седин...
Хочется жить потому,
Что не один.
Жить, надышаться теплом
Строчек ночных!

Жить при стихах, а потом
Жить и без них.
Рукопись в пыльную тьму
Примет архив...
Хочется жить потому,
Что для других.

(Дружинин, 2005б, с. 50)

Заключение

Экзистенциальные вопросы в творческих поисках отечественных деятелей науки и искусства разных поколений занимают особое место. Важным является преобладание смысловых идей в российском менталитете. Отечественные мыслители рассматривают проблему смысла жизни через отношение личности к совершенству (идеалу). Личность, жизнь которой обращена к совершенству, обладает способностью преодолевать силы материально-телесной детерминации и руководствоваться в своей жизнедеятельности духовно-нравственными ценностями, что, в свою очередь, порождает качественные изменения в самой личности. Проблема смысла жизни неразрывно связана с проблемой совести. Совесть выступает интегральным образованием личности. Именно совесть позволяет личности находить духовно верные ориентиры в жизни, поступать в соответствии с ними. Следование голосу совести – путь к обретению личностью своего подлинного «Я». Но если о смысле жизни и совести в психологической науке еще говорят, то тема родины представлена мало. Между тем анализ показывает, что феномен «родины», «родной земли» выходит за рамки культурной и этнической преобладанности и является фундаментальной категорией психологии личности.

Литература

- Борисова Н. В. Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М., 2005.
- Гостев А. А., Борисова Н. В. Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М., 2012.
- Дружинин В. Н. Разговор с эхом: Сборник стихов. СПб., 2001.
- Дружинин В. Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М., 2005а.

- Дружинин В. Н. Законы отражения. М., 2005б.
- Еромасова А. А. Ментальность россиян в контексте этнокультурных особенностей. СПб., 2006.
- Ильин И. А. Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. I. М., 1993а.
- Ильин И. А. Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Кн. II. М., 1993б.
- Ильин И. А. Родина и мы // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 9–10. М., 1999.
- Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М., 2003.
- Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2004а.
- Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб., 2004б.
- Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С 5–19.
- Пономаренко В. А. Духовно-нравственные основы в системе управления безопасностью, жизнестойкостью, человеколюбием. Т. I. М., 2013а.
- Пономаренко В. А. Духовно-нравственные основы в системе управления безопасностью, жизнестойкостью, человеколюбием. Т. II. М., 2013б.
- Сент Экзюпери Антуан де. Собр. соч. В 1 кн. М., 2015.
- Страсти по Андрею: о Боге, о вере и искусстве. Тюмень, 2014.
- Тарковский А. А. Пояснения к фильму «Солярис» (выступление перед зрителями. Восточный Берлин, март 1973 г.). URL: <http://www.tarkovskiy.su/texty/tarkovskiy/solaris02.html> (дата обращения: 21.08.2016).

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ¹

А. А. Гостев (Москва)

Постановка проблемы

Менталитет социальной общности является той психологической средой, которая определяет формирование представлений людей о происходящем в мире и стране. В частности, он задает специфи-

1 Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Психология российского менталитета: традиционные и современные характеристики», № 13-06-00651а.

ку образов политической реальности, обуславливает особенности информационно-психологических влияний на человека. Таким образом, менталитет выступает регулятором социального поведения людей.

Российский менталитет является системным, сложно устроенным «продуктом» многовекового существования нашего народа в евразийском полиэтническом и многоцивилизационном пространстве. Неслучайно он уже несколько веков по-разному оценивается «прозападниками» и «почвенниками-державниками».

Состояние современного российского общества является следствием сосуществования и взаимовлияния в нем различных социально-культурных пластов: а) советского прошлого, перечеркнутого перестройкой/реформами, но не уничтоженного ими; б) следов в исторической памяти дореволюционной России (до 1917 г.) с монархическими и прозападно-буржуазно-республиканскими элементами; в) либеральных норм и ценностей, утверждающихся в общественном сознании с 1991 г. Опираясь на концепцию полиментальности В. Е. Семёнова, выделим следующие виды ментальностей: 1) постсоветская – ностальгирующая и отвергаемая; 2) прозападная (светская и конфессиональная, например, прокатолическая); 3) «секулярно-державная»; 4) традиционная для исторической России, базирующаяся на православном мировосприятии¹ (Гостев, 2015).

Укажем на некоторые важные вопросы при изучении современного политического сознания россиян.

Один из них – это поиск и осмысление глубинных слоев исторической памяти, связанной с многовековым *монархическим сознанием* граждан Российской Империи. Требуется более глубокое понимание того, почему оно не воспрепятствовало «восстанию» против самодержавной России, сыграло роль в формировании квази-монархической тоталитарности советского политического сознания, является ценностью для отдельных групп граждан современной России.

Л. Тихомиров определяет сущность монархии как «верховную власть нравственного идеала», форма которой зависит от духовно-нравственного состояния народа. Народы России чувствуют свою целостность лишь в единстве верховной власти в стране. Все национально-культурное разнообразие России покрывается таким единством.

1 Изучение представлений людей о социально-политической жизни страны, равно как и о геополитике в целом, предполагает учет отношения человека к духовно-нравственным ценностям, вытекающим из православного мировосприятия.

Следует отметить, что русский человек «сущностно этичен» в своем желании истинного чувства. Он отвергает подделки, демонстрирует неспособность искренне подчиниться верховной власти, основанной не на нравственном начале. С этой точки зрения отношение к монархии объясняется ее признанием как формы власти, имеющей свое начало в Боге. Но, утратив веру в монархию, русский человек легко становится анархистом или безразличным к политике. Иными словами, русский человек потенциально и на глубинном уровне своей ментальности *монархичен* потому, что не способен искренне и охотно подчиняться никакой иной власти, кроме единой, имеющей духовно-нравственное основание. Конечно, идея о целенаправленном возрождении в России монархии представляется на сегодняшний день утопической. Однако вызывает доверие мысль о приемлемости для русского народа сильного государства и власти, основывающейся на принципах нравственности, справедливости.

Следующая важная тема – представление о *возможности верховной власти обеспечить реальную независимость внутренней и внешней политики страны*. Понятие «национальный суверенитет» становится все более относительным в мире. В глобальном масштабе видно, что чем сильнее лояльность национальных правительств «главному центру» влияния в мире, тем выше их легитимность в глазах «обобщенного Запада», тем сильнее использование двойных стандартов в оценке их действий во внешней и внутренней политике. Поэтому важно исследовать ориентацию человека, социальных групп, народов, общества в целом на глобальную идентичность и на национальный суверенитет, на защиту национально-культурной идентичности. Известный специалист в области национальной безопасности Т. В. Грачева (2011) подчеркивает, что русский народ в глубинах своей ментальности представляет собой сообщество государственно-ориентированных личностей, рассматривающих защищающую его власть как основу личного выживания и благополучия. Российские власти в 1990-х годах фактически осуществляли борьбу против государства, ибо «свободный рынок» не допускает защиту национальных интересов, предполагает отказ от государственных границ и принятие «международного управления».

Для разработки основ государственной идеологии полезно обратиться к истории национальной политической мысли, к отечественной духовно-нравственной традиции. Они позволяют понять, что Россия – это особый тип цивилизации, которая не должна заимствовать западные и иные идеологии. Славянофилы указывали, что Россия отличается от Запада своей духовностью, этнопсихоло-

гичностью, принципами государственного устройства. Это должно быть осмыслено с позиций сегодняшнего дня. Следует учитывать тенденцию «искушения Западом», приводящую к особому виду социальной болезни российского общества – «европейничанью» (Данилевский, 1991).

Отметим устойчивость национального менталитета во времени, независимо от реализации его в конкретных социально-политических условиях. Но при отсутствии общенациональной идеи, например в «смутные времена», поверхностные слои менталитета подвержены изменениям. Глубинные же, метафизические основания менталитета не колеблются в смутах, войнах, социальных переворотах. Это делает понятным, почему ценности общества потребления не являются серьезным стимулом в социально-политической и экономической жизни русского народа. Латентность же глубинных оснований нашего национального менталитета правомерно сравнить с его пребыванием в дремлющем состоянии, в котором подвигнуть народ на кардинальные изменения в сознании/коллективном бессознательном трудно.

Актуальной при изучении современного политического сознания россиян является тема *социальной справедливости*. Данная проблема является яркой иллюстрацией связи духовно-нравственного и политического аспектов в российском менталитете. Ф. М. Достоевский указывал, что высшая и самая характерная черта нашего народа – это чувство справедливости и ее жажда. Стремление к справедливости, понимаемой как воплощение идеала «высшей правды», «должного порядка вещей», – один из главных мотивов в русском менталитете, движущая сила исторического развития народа России. Менталитет русского народа предопределяет поиск социальной справедливости в идеологическом, социально-политическом, экономическом устройстве общества. Социальная несправедливость делает нелегитимной государственную власть в глазах народа, ведет к социальным протестам и дезинтеграции общества. При этом справедливость не исчерпывается «правильным» перераспределением национального продукта в обществе, равенством граждан перед законом и прочим «земным» содержанием. Она включает метафизический аспект, представленный в философско-религиозных системах всех времен и культур. Оценка справедливости невозможна вне опоры на поиск человеком «божественного Я» в самом себе, без обретения понимания, что относительно этого «истинного Я» всегда осуществляется вселенская справедливость. Содержание понятия справедливости для атеистического и религиозного сознания – разное.

Православное миропонимание говорит о справедливости как о реализации правды, любви, милосердия. Если в западном понимании справедливо то, что законно, то на Руси справедливость считалась выше любого закона. Рыночная экономика породила в западных странах растущую несправедливость. Провозглашение «священности» частной собственности не отвечает сущностным критериям справедливости, ибо капитал производится обществом как целым. Россия же занимает одно из первых мест в мире (среди крупных стран) по неравенству распределения национального достояния. Субъективная картина несправедливости и бедности у современных россиян еще более мрачная. И это является важной проблемой для психологического изучения, ибо проблема социальной справедливости становится фактором национальной безопасности.

Одним из ключевых вопросов в изучении политического сознания является *патриотизм*. Это качество личности и коллективного субъекта (социальных групп/общностей, народа в целом) выражается в любви к своей родине, глубинной связи с ее культурными традициями, причастности к истории своего народа, готовности защищать свободу и независимость своего отечества от любых посягательств извне. Изучение патриотизма следует соотносить с проблематикой духовно-нравственной сферы личности и общества. Истинный патриотизм – сущностно духовен (Гостев, Борисова, 2012; Лутовинов, Гостев, Шувалов, 2015).

Важно выяснить, насколько представлен патриотизм в сознании современных россиян, как люди воспринимают и оценивают поддержку этого неотъемлемого чувства со стороны «властной вертикали». Актуальность изучения этого вопроса обусловлена, в частности, наличием в информационном поле страны идей о необходимости радикальной трансформации российской ментальности из-за неразрешимого конфликта требований настоящего времени и верности традиционной отечественной культуре. Сторонники разрушения традиционной российской ментальности утверждают, что должна быть разорвана экзистенциальная связь с многовековой духовно-нравственной традицией, прервана социокультурная преемственность смыслов, содержаний коллективного бессознательного, воспроизводства нравственных ценностей.

Эмпирическое исследование

Целью нашего исследования в рамках общелабораторного проекта, направленного на выявление ментальных характеристик современ-

ных россиян, являлось изучение отношения современных россиян к различным аспектам социально-политической жизни.

Выборку исследования составили 500 респондентов из четырех российских городов и регионов: Арзамаса (101 чел., 22%), Иркутска (201 чел., 43%), Москвы (83 чел., 18%), Астраханской области (82 чел., 17%). Она включала представителей разного пола: мужчин/юношей – 116 чел. (25%) и женщин/девушек – 348 чел. (75%); возраста – от 20 до 90 лет; профессиональной и этнической принадлежности; различного материального достатка; имеющих собственную семью и неженатых/незамужних.

Методика исследования рассматриваемой проблемы состояла в выявлении оценок респондентами сформулированных утверждений, содержащихся в специально разработанной исследовательским коллективом лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН анкете. Люди выражали свое согласие/несогласие с утверждениями по 5-балльной шкале. Отвечая на вопросы, респонденты проецировали собственные социальные представления по рассматриваемым темам.

Результаты исследования

Ряд позиций анкеты был ориентирован на выявление *патриотических* чувств современных россиян. В целом доминировало признание патриотизма как традиционной черты нашей национальной психологии. Показана его связь с духовно-нравственной традицией народа. При этом среди жителей крупных городов согласны с утверждением о патриотичности россиян 78,2% опрошенных; среди жителей провинциальных городов и жителей села – соответственно, 84,3% и 92,3%. Эти данные могут объясняться тем, что жизнь в малом городе и в селе менее подвержена «иноземным» влияниям, и потому здесь в большей мере сохраняются традиционные черты менталитета.

На выявление патриотических чувств россиян был направлен также вопрос о желании/нежелании уехать из своей страны. Можно предположить, что проявлением патриотической установки личности является привязанность к своей стране, желание жить и работать там, где человек родился, где жили его предки, стремление своим трудом укреплять родину. Особенно ярко подобные мотивы выявляются в трудные для страны времена, когда жизнь ставит человека перед выбором: остаться на родине, оказавшись в трудной жизненной ситуации, или стараться обрести благополучие на чужбине. Согласие с утверждением о том, что *россиянам свойственно*

желание уехать из страны, высказали менее трети респондентов. Половина опрошенных выразили несогласие с этим утверждением. И это при том, что эмиграционные установки в современной России могут быть связаны с экономическими трудностями и кризисными явлениями в социально-политической жизни общества. Молодежь оказалась более согласной с утверждением (46,0%) по сравнению со взрослыми (13,1%). Фактор национальности оказался незначимым. У семейных респондентов желание покинуть страну было более выражено. Видимо, здесь проявляется тревога за будущее детей в современной России. Стремление к смене страны проживания более характерно для городских жителей. Среди жителей крупных городов согласны с утверждением 33,9%; среди жителей провинциальных городов – 43,1%. По-видимому, более сильное желание уехать из маленького города объясняется меньшими возможностями у его жителей для личностной и профессиональной самореализации. Жители села значительно меньше хотят менять место жительства (17,9%). Сказывается традиционная для русского менталитета привязанность к своей земле-кормилице.

При аргументировании предпочтения жить в России или уехать (в открытом вопросе) типичными для желающих остаться в стране были комментарии типа: «*Потому что это Родина*»; «*Люблю Родину*»; «*Я патриот России*»; «*Я гражданин своей страны*». Были формулировки в духе пословицы: «*Где родился, там и пригодился*». Высказывалась мысль о трудности жизни в другой стране. Желание остаться аргументировалось тем, что в России знакомы обычаи, нравы, а также объяснялось «силой привычки».

С темой патриотизма также было связано утверждение о том, что у россиян *существует особое трепетное отношение к родной земле и природе*. Показано явное общее согласие респондентов с данным утверждением – 74% выборки. Молодежь согласна с этим утверждением в половине случаев. Среди взрослых согласие доминирует (84,8%). Согласие семейных респондентов составило 84,3%; холостых/незамужних – 60,2%. То, что наличие семьи коррелирует с трепетным отношением к родной земле, объясняется осознанием ценности общения с родной природой как фактора сохранения здоровья и воспитания детей.

Оценка патриотизма как национальной черты россиян прояснялась также ответами на утверждение о том, что «*влияние западных ценностей на традиционные ценности российского общества имеет отрицательные для него последствия*». Можно говорить лишь о тенденции согласия с утверждением. 24,2% считают это влияние сильно отрицательным. В то же время около трети выборки составили

либо не определившиеся, либо высказавшие несогласие с утверждением; явно несогласных было всего 5,6%. Можно говорить о незначительном увеличении доли согласных у взрослых респондентов. Среди молодежи согласие с утверждением обнаружили 52,2%, среди взрослых респондентов – 67,4%. По показателю несогласия обе возрастные группы равны. Национальность, семейное положение, место жительства, финансовое положение не дали значимых различий. Таким образом, традиционное для русского менталитета представление об отрицательном влиянии западных ценностей в определенной мере подтвердилось.

Политика российского государства (и в Российской империи, и в СССР) строилась на принципе уважения ко всем народам, на признании их права на развитие собственной культуры. Именно это стало причиной того, что Россия выступила центром притяжения многих народов, видевших в ней защиту их культурной самобытности. Национальная политика в СССР была направлена на выравнивание социально-экономического уровня развития республик, входивших в его состав.

В оценке респондентами утверждения о том, что «*для россиян характерно уважение ко всем народам*», доминировало согласие с данной позицией (64%). Отрицающие данное утверждение вместе с затрудняющимися с ответом оказались в меньшинстве (категорически несогласных было лишь 4%). Иными словами, результаты подтверждают наличие «архетипа всечеловечности» в российском менталитете.

Среди молодежи согласие с этим утверждением выразили – 52,2% опрошенных, в выборке взрослых респондентов – 88,3%. Показательно соотношение процентов несогласных с утверждением: 7,6% – молодые; 1,3% – взрослые. По сравнению с этническими русскими представители других национальностей показали большее согласие с утверждением (89,2%). Эти данные показывают, что этнические русские недооценивают уважение россиян к другим народам и культурам. В этом, на мой взгляд, проявился долгий период навязывания русскому народу комплекса вины за якобы «русскую агрессивность», «русский империализм» и т. п. С уважением по отношению к другим народам коррелирует фактор семейного положения. 81,7% женатых/замужних респондентов показали согласие с утверждением против 60,2% респондентов, не имеющих собственной семьи. Данные результаты можно объяснить не только ростом у семейного человека личностной зрелости и ответственности, но и наличием в России большого числа полиэтничных семей. Место жительства также оказалось фактором влияния. Среди жителей

крупных городов более половины согласны с утверждением. Жители малых городов согласны с ним еще больше (59,4%). Практически единодушными в согласии с этим утверждением оказались жители села – 91,7%. Это показывает, что чем дальше от городов с их унифицирующим внутренним мир личности влиянием, тем сильнее проявление «почвенных элементов» в российском менталитете.

Близким по смыслу было утверждение о том, что «современные россияне очень восприимчивы к чужой культуре, открыты для ее восприятия и понимания». Ответы свидетельствуют о небольшом преобладании согласия респондентов с утверждением (54,6%). 1/5 выборки выступила оппонентами. Более четверти респондентов не определились либо не ответили. В целом полученные данные соответствуют традиционной картине, ибо, с одной стороны, для русского человека идея «всечеловечества» близка. С другой стороны, «призмой» восприятия инокультурных ценностей выступало православие (католицизм и протестантизм считались духовным заблуждением). Противоречивость в оценке обсуждаемого параметра менталитета должна рассматриваться и с точки зрения всего того негативного, аморального, псевдодуховного и пр., что атаковало российский менталитет с конца 80-х годов XX столетия.

Социодемография детализировала полученные данные следующим образом. Молодежь менее согласна с утверждением, что объясняется тем, что взрослые лучше понимают тот негатив, который общественное сознание россиян впитало за годы перестройки-реформ. Современная молодежь же видит некий консерватизм взрослых, не признавая его в качестве психологической защиты от деструктивных инокультурных влияний. Этнические русские также в меньшей степени приписывают себе восприимчивость к другой культуре (55,9%). Представители иных национальностей показали 69,9% согласия с утверждением. Таким образом, русские недооценивают свою открытость к восприятию иных культур. Фактор места жительства проявился в том, что жители села более согласны с утверждением, что соответствует данным по предыдущему утверждению об уважении россиян к другим культурам.

Одной из основ социально-политической консолидированности общества является признание отдельным человеком и народом в целом ценности целей, задач и интересов макросоциума, а также готовность подчинить им свои собственные цели и интересы. Приоритет общественного, коллективного, над личным для русского народа всегда был очевиден. Это подтверждается историческими примерами готовности людей жертвовать собственной жизнью во имя защиты отечества. Эта черта национальной психологии.

Респондентам задавался вопрос, что, на их взгляд, является приоритетным в соотношении интересов личности и общества. Предлагались варианты ответов: а) приоритет общественных интересов над личными; б) приоритет личных интересов над общественными; а также позиция «не знаю». Показано, что приоритетность общественных и личных интересов оказалась равной – по 1/3 выборки при 1/3 не определившихся и не ответивших людей. Это свидетельствует о деформации данной важной черты традиционного русского менталитета под влиянием укрепления индивидуалистической морали в последние десятилетия.

Любое общество объединяется единой культурой, идеологией, реализацией принципа справедливости в социальной жизни. В Российской империи в качестве такой идеологии выступало православие, объединяющее людей разных сословий, вероисповеданий, этнической принадлежности. Сегодня отсутствует и идеология, и справедливость в распределении общественных доходов. Однако, несмотря на объективное состояние, в душе русского народа-идеалиста всегда жила и, по-видимому, сохраняется идея мощного, монолитного государства и единого, сплоченного народа.

Ответы на утверждение, что у россиян *сильно развито чувство справедливости*, показали доминирование этого традиционного для нашего народа чувства, что подтвердили ответы 2/3 респондентов. Оппоненты этой точки зрения представлены в меньшинстве.

Интересные данные получены при ответах на утверждение о том, что «*российское общество на протяжении всей истории страны было разобщено, в нем не было единства*». Отрицающие такое единство оказались в сильном меньшинстве (14,0%). Это подтверждает, что, несмотря на все исторические перипетии, разрушающие чувство единства народа (революции, гражданская война, перестройка/реформы, принесшие в общество вопиющую несправедливость), в глубинных слоях российского менталитета сохраняется идея единства народа.

Интересным оказалось выявление отношения респондентов к форме политического правления, в частности, *необходимости существования в России «сильной властной руки»*, способной навести в стране порядок. Этот вопрос, являясь предметом постоянных обсуждений в различных политологических дискурсах, имеет серьезные исторические основания. До 1917 г. Россия была абсолютной монархией. И в советский период страна явила пример тоталитарной формы правления. Возникает справедливый вопрос: заложена ли приверженность к сильной власти в менталитете русского народа?

Ответы на утверждение о том, что в «*российском обществе невозможно навести порядок, если народ не будет чувствовать страха перед властью; нужна „сильная рука“*», показали, что признание ее необходимости как важного инварианта образа власти в российском менталитете разделилось практически поровну. Незначительный перевес получили скептики в оценке возможности порядка в России. Среди сторонников «сильной руки» согласных оказалось 43,4%. Иными словами, сегодня нельзя говорить о стремлении к «сильной руке» как инварианте образа власти в российском менталитете.

Интересным было и то, что в политической традиции России элементы народовластия респондентами признавались. Эти данные следует учитывать при изучении представления россиян о демократии – сложной темы, требующей специального анализа. Важным результатом в этой связи является найденная тенденция несогласия респондентов с образом безинициативности граждан РФ.

В то же время с утверждением о том, что «*свободолюбие является отличительной чертой россиян*», согласны только около трети респондентов при несогласии 40,0% опрошенных. Однако эти данные, по моему мнению, не должны рассматриваться в плане навязывания российскому менталитету черт «рабскости» и т. п. Вероятно, определяя свое отношение к данному утверждению, респонденты апеллировали (быть может, и неосознанно) к 1990-м годам, когда без какого-либо активного сопротивления со стороны народа была разрушена великая страна. Россия практически добровольно лишилась части своего суверенитета, попав, по сути, под внешнее управление. «Молчала» и историческая память о героической борьбе русского народа с посягавшими на независимость отечества.

Эффективность политической власти базируется на учете мнения народа, его интересов и жизненных потребностей. В России власть и народ испокон веков были отделены друг от друга. Голос народа не учитывался властью предержащими. Народ, в свою очередь, не способен был к предъявлению власти своих требований.

Ответы на утверждение о том, что в «*российском обществе мнение народа никогда не учитывалось/ется*» показали следующее распределение мнений: согласные с этим утверждением (52,4%) значительно опередили несогласных с ним (40,2%). Эти данные также следует иметь в виду при изучении представления россиян о демократии, учитывая использование «демократической ширмы» в манипуляциях политическим сознанием. Социодемография внесла пояснения только по фактору финансового благополучия. Половина респондентов с низким достатком согласилась с данным утверждением. Среди респондентов среднего достатка число согласных

с утверждением составило 31,7%, среди опрошенных с достатком выше среднего – 27,3%. Результаты понятны: чем ниже достаток, тем больше обиды, что мнение, а стало быть, и интересы, потребности/нужды «простых людей» не учитываются.

Важным в исследовании является вопрос о *характере национально-государственной идентификации человека*. От этого во многом зависит уровень и направленность его политической активности, а в итоге – консолидированность российского общества. Были предложены следующие позиции для идентификации: «гражданин мира», «человек объединенной Европы», «человек Востока», «представитель СНГ», «русский», «россиянин», «представитель своего региона», «представитель своей этнической группы».

Основными стали идентификации со своей этнической группой, представительством в СНГ, «человеком Востока», которые происходили одновременно с глобальными формами национальной идентификации – с «объединенной Европой» и «гражданством мира». Общероссийская идентификация и идентификация с «русскостью» составила, соответственно, 29,9% и 34,4% выборки. Это тревожный симптом, говорящий о значительной социально-психологической дезинтеграции в современном российском обществе.

Заключение: перспективы исследования проблемы

Эмпирические данные о рассматриваемых аспектах представления о политической жизни российского общества свидетельствуют, с одной стороны, о сохранении инвариантности в российском менталитете, с другой – о влиянии на него современного политического сознания, социальных, экономических и иных установок. Общая «прозападность» общественного сознания оказалось достаточно высокой, в том числе и среди взрослого населения. Дальнейшее прояснение влияния социальных установок на традиционные пласты российского менталитета предполагает исследование его духовно-нравственной составляющей, религиозного компонента (Гостев, 2014). Предметом научного осмысления в социальной, исторической и политической психологии должно стать влияние религиозной веры на социальные установки, ценностные ориентации человека, на групповое сознание и «коллективное неосознаваемое» социальных общностей. Знания об обусловленности социального поведения людей религиозной верой углубляет научное понимание детерминации политических событий в мире, облегчает изучение их осмысления человеком. Следует изучать религиозную окраску, которую несут представления людей о правовых и этических нор-

мах, о собственности и финансах, о семье, трудовой деятельности, рассматривать влияние содержания веры на поведение, мышление, на сознательные и неосознаваемые установки людей, на их мироощущение, представления о «добре – зле», справедливости и пр.

Особый интерес для нас имеет изучение отношения россиян к процессу глобализации. Традиционное для исторической России мировосприятие несет в себе неприятие лежащей в основе процессов глобализации идеологии «мондиализма», имеющей оккультную основу и предполагающей коренное преобразование мира: уничтожение расово-этнических, религиозных, национально-культурных границ; слияние стран во всемирное государство под властью некоего единого управляющего центра. Проявления глобализации неприемлемы и с нравственной точки: идея «золотого миллиарда», предполагающая меры по сокращению населения планеты; социалдарвинизм; тотальный контроль над личностью; новые «садомо-гоморские» этические нормы и культурные стандарты и др.

Заявленный круг перспективных проблем исследования российского менталитета вместе с уже полученными в этой связи данными будут рассмотрены в отдельных статьях.

Литература

- Гостев А. А. Психология и метафизика образной сферы человека. М., 2008.
- Гостев А. А. Психологическое и духовно-нравственное здоровье личности: о некоторых современных симптомах «болезни» // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной. М., 2014. С. 132–153.
- Гостев А. А. Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015.
- Гостев А. А., Борисова Н. В. Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М., 2012.
- Лутовинов В. И., Гостев А. А., Шувалов А. В. Духовно-религиозная концепция патриотизма Ивана Александровича Ильина и вызовы современности // Берегиня-777-Сова. 2015. № 2 (25). С. 368–385.
- Грачева Т. В. Память русской души. Рязань, 2011.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
- Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ГРУПП РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Т. П. Емельянова (Москва)

Постановка проблемы

Коллективная память включает в себя разделяемые людьми воспоминания, представления о событиях прошлого, которые имеют свойства оживать, актуализироваться (Хальбвакс, 2005) и конструироваться заново в межличностном дискурсе (Емельянова, 2009). Являясь социально-психологическим феноменом, коллективная память, не перекрывается исторической наукой и не поглощается исторической институциональной памятью. Она имеет специфические черты, выполняет важные социально-психологические функции в сознании групп, несет в быденном сознании эмоциональный и нравственный заряд (Baumeister, Hastings, 1997). Ее связи с исторической (институциональной) памятью сложны и неоднозначны.

Эмпирическое исследование коллективной памяти о советском прошлом

Апелляция к советскому прошлому постоянно встречается в политическом, экономическом, культурологическом дискурсе. Какова же коллективная память о нем в разных группах граждан? Ответу на этот вопрос посвящены представляемые здесь наши исследования.

Целью данной работы является анализ результатов трех наших исследований коллективных воспоминаний о советском периоде российской истории.

Объектом исследований были представители больших групп современного российского общества.

Совокупная выборка составляет 600 респондентов.

Первое из этих исследований (пилотажное) имело целью выявление коллективных воспоминаний об СССР в целом и о разных периодах советской истории.

Выборка составила 105 чел. (представители пяти социальных групп – пенсионеры, рабочие, студенты, интеллигенция и безработные: по 21 испытуемому в каждой группе) в возрасте от 20 до 77 лет.

1 Статья подготовлена в рамках государственного задания Федерального Агентства научных организаций РФ 0159-2016-0001.

Методы исследования

С помощью метода ассоциаций и последующего контент-анализа был получен рейтинг слов и словосочетаний, ассоциирующихся с СССР вообще и основными периодами советской истории.

Результаты исследования

Были получены следующие ассоциации (по убыванию их частоты) на совокупной выборке: СССР – «страна», «свободный», «хороший», «коммунизм», «бесплатный», «работа», «серп и молот», «жизнь», «уверенность», «объединение», «сила», «армия», «рождение», «завтрашний», «мощь», «гимн», «веселье», «радость», «счастье». Испытуемые отмечали также «безопасность» и «уверенность в завтрашнем дне», возможность получать бесплатное медицинское обслуживание и образование, низкие цены, подчеркивая при этом, что «сейчас бесплатно только сыр в мышеловке». Таким образом, советское время оценивается преимущественно положительно. Однако по отдельным периодам советской истории наборы ассоциаций существенно различаются.

Период 1917–1922 гг. У испытуемых он связан прежде всего с личностью В. И. Ленина. Ассоциации с залпом крейсера «Аврора», ставшим символом начала революционных действий, составляют значительную долю. Но эмоциональная окраска ассоциаций скорее негативная: «разруха», «кровь», «убийство», «страх», «хаос», «беззаконие», «смерть» и «голод». При этом у небольшой части испытуемых звучат «необходимость перемен», «надежда» и «борьба за светлое будущее».

Период 1923–1940 гг. На передний план выходит политика Сталина («коллективизация», «раскулачивание», «НЭП», «репрессии», «продразверстка», «Беломорканал»). Отмечается парадоксальное соседство слов «тирания» и «геноцид», «арест» и «гонения» со словами «подъем» и «свобода», «возрождение» и «процветание». Некоторые испытуемые отмечают «энтузиазм», «строительство», «электрификацию», «перелет Чкалова».

Период 1941–1945 гг. Высокий процент встречаемости слова «все» говорит об этом периоде как о времени единения всего народа для совместной борьбы с врагом. Наиболее часто встречаются в ответах слова «победа», «мы сильнее» как ощущение собственной причастности к этой победе, «героизм», «патриотизм», «подвиг», «вера» и «надежда». Значительная доля ассоциаций содержит упоминания о тяготах войны: «голод», «смерть», «страх», «похоронки», «бомбежки», «блокада Ленинграда», все основные битвы – под Москвой,

под Сталинградом, Курская дуга. «Фронт» и «тыл», «пленные» и «тяжелый труд» отмечаются у респондентов всех возрастов.

Период 1946–1952 гг. Основными были такие ассоциации, как «строительство», «надежда», «начало», «новая жизнь», «радость», «возрождение», «оптимизм», «ликование», «счастье», «прогресс». Однако в ответах остаются «лагеря», «репрессии», «страх», «неурожай», «бандитизм», «нищета».

Период 1953–1964 гг. Велика доля ассоциаций с полетом в космос Ю. А. Гагарина, а также всем, что связано с космонавтикой, развитием военной промышленности, науки. Вместе с тем значительна и частота словосочетания «холодная война». Воспоминания испытуемых содержат указание на «реформы», проводимые в этот период. Часто упоминаются «запрет на личные подсобные хозяйства», «освоение целины», «подъем промышленности». Общий эмоциональный фон высказываний можно назвать положительным. Опрашиваемые используют такие слова, как «развитие», «защищенность», «улучшение», «подъем» и обобщающее – «оттепель».

Период 1965–1982 гг. Его называют «застоем», при этом считая временем «безмятежности», «благоухания», «романтики», «веселья» и даже «расцвета». Колоритная фигура Л. И. Брежнева отмечается высказываниями «любил целоваться», «коллекционировал машины», орденами и наградами, «присуждаемыми самому себе», и скептическим отношением – «маразм», «смех», «анекдот». При этом некоторые выделяют такие приметы того времени, как «распущенность», «блат», «страх», «скука», «бюрократизм» и «чинопочитание». Между тем позитивные ассоциации все же преобладают.

Период 1983–1984 гг. Он наиболее короткий, а потому вызывающий минимум ассоциаций у испытуемых. Даже взрослые люди затруднились назвать 5 слов-ассоциаций; молодежь же вообще отказывалась описывать это время («нет ассоциаций», «не помню»). Политика называется испытуемыми «бессмысленной», отмечаются «тревога», «ожидание неизвестно чего», «криминализация», «начало хаоса». В целом респонденты определяют этот период как переходный («конец стабильности»).

Период 1985–1991 гг. Для него, разумеется, характерно слово «перестройка», а вместе с тем «развал», «распад СССР», «раскол» и «отделение республик». Общий эмоциональный фон этого периода скорее негативный: «разочарование», «недовольство», «крайне отрицательное отношение», «ухудшение» и даже «отвратительный». Есть редкие упоминания о «свободе слова», «гласности», «окончании войны в Афганистане», «Нобелевской премии», «падении железного занавеса».

Итак, намечается любопытная тенденция: из восьми выделенных периодов советской истории преимущественно негативные чувства вызывают шесть, а позитивные – только два. В то же время общая оценка советской истории (первое задание) позитивна. Возможно, общую оценку определил брежневский период. Это предположение мы проверили с помощью анализа данных по группам дополнив его результатами методики социальной фрустрированности Вассермана.

Студенты

У них отмечается много символических и стереотипных ассоциаций («Ленин на броневике», «Анка-пулеметчица», «прожектор перестройки» и т. д.). Выделяется эта группа и большей долей негативных чувств в целом к истории СССР. Как наиболее позитивный студенты оценивают брежневский период («стремление к образованию», «дружба», «спокойная жизнь», «развитие науки», «подъем»). В настоящее время фрустрированной у студентов оказалась потребность в устройстве на работу; в СССР при этом ими особо отмечается гарантированность работы.

Неработающие пенсионеры

Они отличаются большим количеством личных воспоминаний: «рождение ребенка», «свадьба», «смена работы», «служба в армии», «выход на пенсию». Пенсионеры, как группа, неудовлетворенная в наибольшей степени качеством медицинского обслуживания, ассоциирует СССР с «бесплатным лечением», «молодостью» и «защищенностью». Перестройка оценивается в основном негативно. Как наиболее позитивный период отмечают «брежневский период» (1964–1985 гг.). Здесь большая доля ассоциаций «веселье», «вольная жизнь», «кассы взаимопомощи», «достаток». Наиболее негативно оценивают довоенный период как время репрессий, арестов, раскулачивания.

Интеллигенция

Группа интеллигенции, максимально фрустрированная состоянием социальной сферы в настоящий момент, в отношении этапа перестройки обнаруживает усиление позитивных чувств и снижение негативных. С приходом М. С. Горбачева интеллигенция связывала большие надежды. При этом «брежневское время» оценивается как наиболее позитивное (ассоциации: «безмятежность», «романтика», «мечты», «стабильность»); в качестве самых негативных оцениваются довоенный и военный периоды («концлагерь», «боль», «страдание», «потери»).

Рабочие

Эта группа показала наибольшую степень фрустрированности в отношении сферы медицинского обслуживания; респонденты ассоциируют СССР с «бесплатной медициной», «социальными гарантиями». В воспоминаниях о перестройке преобладает апатия. Как самый позитивный рабочие отметили период правления Брежнева («гарантии», «расцвет», «стабильность», «спокойствие»), как самый негативный – революционный («смерть», «безграмотность», «неизвестность»).

Безработные

Чаще по сравнению с другими группами отмечается та или иная ситуация с продовольствием и ценами в стране в разные периоды ее истории. Группа безработных, испытывающая наибольшую фрустрированность в настоящий момент, позитивно оценивает советское прошлое только на момент правления Брежнева (ассоциации на этот период – «дешевый», «продукты», «поездки», «любить», «стабильность»).

Вероятно, при конструировании этих воспоминаний работает механизм коллективного коупинга. Потребности, удовлетворение которых затруднено в настоящий момент, оказывают влияние на характер воспоминаний о прошлом. Время, когда потребность удовлетворялась лучше, соответственно, и оценивается как наиболее позитивное. При этом на самом деле в прошлом оценки тех же респондентов могли быть другими. Большую роль, по нашему мнению, здесь играет то, что представители психоаналитической школы назвали наложением исторической памяти на память индивидуальную или память семьи, в результате чего происходят различного рода трансформации содержания. Особенно ярко эта тенденция выражена у пенсионеров как людей более старшего возраста по сравнению, например, со студентами. Личное у них переплетено и неразрывно связано с политическим, а потому они более склонны к ностальгии по прошлому. С СССР у старшего поколения связаны воспоминания о молодых годах, друзьях, работе и т. д. У студентов память «индивидуальная», личная ограничена рассказами старших и сведениями из литературных, исторических источников. Именно поэтому они более склонны оперировать устоявшимися выражениями; их воспоминания и представления о советском прошлом во многом символичны, обезличены, неэмоциональны.

Респонденты старшего возраста при оценивании прошлого стараются оправдать и сгладить острые углы, которые обнажились в истории СССР с течением времени. Когнитивный диссонанс личных и исторических воспоминаний о прошлом приводит к внутрен-

ней необходимости согласования противоречивой информации. Исключение составляют представители интеллигенции, которые на когнитивном уровне проблемно подходят к прошлому и стараются оценить исторический путь СССР с различных точек зрения. Мысль Г. С. Дилигенского о том, что за персонифицированными названиями этапов советской истории всегда лежит целый ряд обобщенных представлений не только о личности вождя, но и об особенностях его политической, экономической и культурной деятельности, в полной мере проявилась в нашем исследовании (Дилигенский, 1994). Преломляясь сквозь призму настоящего, эта деятельность своеобразно интерпретируется и приобретает соответствующую эмоциональную окраску. В целом же обращает на себя внимание то, что в коллективных воспоминаниях наших респондентов сохраняется представление о преимуществах Советского Союза по сравнению с современной ситуацией в сознании большинства людей.

Место советского периода в коллективной памяти и воспоминания о событиях отечественной истории

Второе исследование, проведенное совместно с А. В. Мишариной, имело целью выявление места воспоминаний о советском прошлом в коллективной памяти о событиях отечественной истории в целом. Важность советского периода истории в коллективной памяти подтверждается в нашем исследовании.

Выборку исследования составили 345 чел., из них: 121 студент (от 18 до 23 лет), 115 работающих взрослых (от 25 до 55 лет) и 109 неработающих пенсионеров (от 60 до 86 лет).

Методика исследования

Респондентам было предложено перечислить события в истории России, которые, с их точки зрения, можно было бы назвать эпохальными. Полученные данные обрабатывались методом контент-анализа.

Результаты исследования

В результате контент-анализа высказываний были выделены наиболее часто упоминаемые события. Примечательно, что первые пять мест заняли события советской истории: «победа в Великой Отечественной войне» (55% респондентов), «революция 1917 г.» (38%), «распад СССР» (22%), «перестройка» (15%), «полет человека в космос»

(8%). Такие события, как «крещение Руси», «война 1912 года», «отмена крепостного права», отмечались респондентами значительно реже.

При сравнении ответов респондентов различных возрастных когорт было обнаружено следующее. Ответы респондентов средней возрастной группы во многом схожи с ответами студентов, лишь с изменениями в частоте упоминания событий. Так, перестройка вспоминается ими чаще (23%), чем студентами (11%). Ответы респондентов пенсионного возраста, в отличие от других возрастных групп, содержат упоминания событий сталинской эпохи (включая репрессии, восстановление народного хозяйства после войны и эпоху правления Сталина в целом) – 7%, а также события советского периода (первые пятилетки, ударный труд, экономический подъем после войны) – 5%.

Для выявления характеристик процесса конструирования памяти респондентам был задан вопрос: «Какие из исторических событий вы хотели бы, чтобы ваши дети помнили?». Оказалось, что более половины респондентов (53% от общей выборки) назвали Великую Отечественную войну. Это событие остается центральным в конструировании коллективной памяти для будущих поколений во всех возрастных когортах. Также респонденты отвечали, что хотели бы, чтобы их дети помнили всю историю, причем, правдивую и настоящую (13% от общей выборки). На третьем месте оказалась революция 1917 г. (6%), за ней – полет человека в космос (5%). Это снова события советской истории. Можно предположить, что образ коллективной памяти конструируется, прежде всего, посредством механизма увековечивания великих достижений страны (Великая Отечественная война и полет человека в космос). Но при этом фиксируется и событие, надолго и неоднозначно изменившее политический облик страны: революция 1917 г. (молодежь, кстати, реже представителей других возрастных когорт называет это событие в контексте «памяти для будущего»).

Поскольку Великую Отечественную войну наши респонденты с большим перевесом назвали наиболее значительным событием российской истории, что подтверждается результатами исследований других авторов (Балабанов, Саралиева, 2011), мы с А. В. Мишариной предприняли специальное исследование, целью которого было изучение коллективной памяти о войне. Оно было проведено в преддверии 70-летия победы.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 300 жителей Москвы в возрасте от 19 до 86 лет; из них 132 мужчины и 168 женщин, представителей

четырёх возрастных групп: «дети войны» (1929–1944 гг. рождения); «поколение первых послевоенных лет» (1945–1959 гг. рождения); их «дети и внуки» (1960–1978 гг. рождения) и молодежь (1979–1995 гг. рождения) – по 75 человек из каждой возрастной группы.

Методики исследования

Респондентам предлагался блок методик, состоявший из нескольких заданий. В их числе поисковое интервью; основанные на его данных 5-балльные шкалы для оценки 40 утверждений, связанных с войной (среди них были утверждения, получившие наиболее высокие баллы); психологический рисунок на тему «Ветеран войны»; интервью; ассоциативный метод; сведения респондента о себе. Массив оценок по шкалам был подвергнут процедуре кластерного анализа, позволившей выделить пять эмпирических типов респондентов, различных по своим представлениям о победе в войне.

Результаты исследования

Рассмотрим выделенные эмпирические типы респондентов.

Тип 1 – «гуманист»

Первый тип респондентов представлен преимущественно респондентами среднего возраста (37–55 лет). С одной стороны, они высоко ценят победу («Победа в Великой Отечественной войне закрепила статус супердержавы нашей страны на мировой арене»). Но у них еще более высоки значения по утверждениям «Наш народ заплатил слишком высокую цену за победу в войне»; «И. В. Сталин – тиран, державший в страхе всю страну». Они недовольны и сегодняшними решениями Правительства РФ относительно чествования ветеранов войны: «На местах часто не исполняются указания правительства по помощи ветеранам войны». Рисунки представителей типа «гуманист» отражают позитивное восприятие героев войны: они исполнены в светлых ярких красках, не содержат агрессивных и трагических сюжетов. Эмоциональный тон – радость либо тихая грусть. Другая часть рисунков содержит сожаления о жертвах войны: на них часто изображен ветеран в инвалидном кресле или солдат, возлагающий цветы на могилу павших. Большинство рисунков гармоничны по оформлению: фигуры достаточно крупные, занимают большую часть листа, размещены в центре, что свидетельствует о внимательном и сочувственном отношении представителей этого типа респондентов к ветеранам.

Тип 2 – «сталинист»

Этот тип характеризуется смешанным поколенческим составом – в нем почти в равной пропорции есть «дети войны» 71 год – 86 лет (24%), более молодые пенсионеры 56–70 лет (30%) и молодежь 19–35 лет (35%). Они дают высокие оценки утверждениям «Репрессии и строгая политика в отношении дезертиров и отступающих были необходимыми условиями победы»; «Все жертвы Великой Отечественной войны оправданы победой в ней». Отмечается удовлетворенность сложившимся порядком поддержки ветеранов: «Правительство сделало все возможное, чтобы помочь ветеранам войны» (в то время как респонденты других четырех типов практически не соглашались с ним). Большинство их рисунков имеют сдержанную эмоциональную окраску: персонаж на них чаще всего представлен в виде бойца на поле боя. Часть рисунков демонстрирует пожилого ветерана; на них он одинок, с явными признаками преклонного возраста, в большинстве случаев он в форменной одежде.

Тип 3 – «соглашатель»

Этот тип представлен преимущественно группой пенсионеров 56–70 лет (45%). 67% из них – женщины, имеющие преимущественно среднее специальное образование. Респонденты этого типа высказали согласие практически со всеми предложенными утверждениями, в том числе и с противоречащими друг другу. С одной стороны, эти респонденты чаще любого другого типа соглашались с утверждением «С учетом масштаба потерь и последствий войны не вижу повода гордиться победой». С другой стороны, они же чаще всего соглашались с утверждением «Все жертвы войны оправданы победой в ней». Противоречия наблюдаются и в оценке роли И. В. Сталина – высокие оценки утверждения «И. В. Сталин – мудрый стратег и идейный вдохновитель победы» и одновременно «Великая Отечественная война сопровождалась тиранией правительства во главе с И. В. Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы». Рисунки респондентов этого типа содержат много клише и штампов; многие из них воспроизводят отрывочные сюжеты – салют, виды парада, солдат с букетом цветов, иногда просто медали и знаки отличия. Лица самих героев часто схематичны, отчего рисунки оказываются эмоционально нейтральными, что также отражает противоречивую, неопределенную позицию этого типа респондентов.

Тип 4 – «государственник»

Представители этого типа – в основном самая старшая группа, «дети войны» 71 года – 86 лет (58%). Респонденты этого типа главным

образом мужчины (58%), имеющие среднее и среднее специальное образование; их уровень дохода – ниже среднего. Они безусловно одобряют политику руководства страны во время войны и гордятся ее итогами. Самые высокие по сравнению с другими типами, оценки они дали утверждениям *«И. В. Сталин – мудрый стратег и идейный вдохновитель победы; «Важно, что в результате победы в Великой Отечественной войне были расширены территории нашей страны».* Респонденты этого типа в минимальной степени сожалеют о потерях в войне. Их рисунки нейтральны по своему эмоциональному тону. В предметном отношении они различны, но по содержанию традиционны и порой шаблонны: сцены парада, ветеран, окруженный внуками.

Тип 5 – «скептик»

Пятый тип преимущественно объединяет представителей самой молодой группы (54%), и на две трети – это девушки. Практически все респонденты этого типа имеют высшее образование. Их оценки наиболее критические. Только респонденты этого типа чаще всего соглашались с такими утверждениями, как *«Война сопровождалась тиранией Правительства во главе со И. В. Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы»; «Нам не хватает понимания и осознанности в праздновании победы».* Респонденты этого типа осмысливают победу через масштаб потерь и трагичность последствий: *«Прежде всего, Великая Отечественная война – это трагедия, связанная с потерей близких, затронувшая каждую семью»; «Наш народ заплатил слишком высокую цену за Победу в войне».* Однако они же высоко оценивают утверждения *«Только самоотверженность и сила духа народа помогли выиграть войну»; «Победа в Великой Отечественной войне оказалась возможной благодаря патриотизму солдат и их любви к Родине».* Рисунки «скептиков» также значительно отличаются от остальных. Их эмоциональный фон преимущественно негативен: линии резкие, много черных, красных красок. Сюжет рисунков – убожество жилища ветерана; страшные картины поля боя. Ветеран предстает на этих рисунках изможденным, печальным, а иногда и в гробу.

Несмотря на существование различий в репрезентациях, в целом все наши респонденты единодушны в главном: в своих чувствах гордости за народ, победивший германский нацизм, в стратегии патриотического воспитания младших поколений, в уважении ветеранов и необходимости большей заботы о них (Емельянова, 2002; Емельянова, Мишарина, 2015).

Продолжая изучение коллективной памяти о самых выдающихся, по мнению респондентов, событиях отечественной истории, мы

совместно с А. В. Мишариной и И. Е. Вопиловой обратились к первому полету человека в космос.

Задачей исследования являлось выявление представлений, которыми оперируют респонденты, рассуждая о первом полете человека в космос.

Выборку исследования составили 49 чел. (76% женщин, средний возраст которых – 35,5 лет; 24% мужчин, средний возраст которых – 29,5 лет).

Для решения поставленной задачи использовалась *совокупность методик*: авторский опросник, включающий свободные ассоциации к фразе «Первый полет человека в космос»; серия незаконченных предложений и блок социально-демографических вопросов. Опрос проводился в электронной форме.

Всего было получено 228 ассоциаций. Для дальнейшей их обработки применялась методика П. Вержеса (Vergès, 1994), позволяющая описать структуру социального представления и выделить его ядро (наиболее частотные ассоциации с наименьшим рангом), первую периферию (категории, которые встречаются часто, но не в первую очередь, либо наоборот) и собственно периферическую часть представления. В анализ были включены только те категории, которые были упомянуты не менее чем 5% респондентов.

Результаты исследования

В ядре представления оказались такие ассоциации: «Гагарин», «СССР», «ракета», «Поехали!», «восторг», «восхищение», «ликование», «прорыв», «достижение», «успех», «гордость», «величие», «луна», «удивление», «необыкновенно», «фантастика», «космос», «человек может все», «победа человека», «уважение к человеческим возможностям», «радость». Помимо насыщенной позитивной эмоциональной окраски представлений о первом полете человека в космос, обращает на себя внимание значимость личности Юрия Гагарина, который является безусловным символом как самого полета, так и, вероятно, в целом достижений в космической сфере. Также часто упоминаемой является категория «СССР», что подтверждает значимость этого исторического периода нашей страны для респондентов.

Заключение

Таким образом, результаты наших исследований показали, что события советской истории преобладают в представлениях об истории России. Одна из вероятных причин этого – относительная

близость во времени с настоящим. Другая – в успехах советской пропаганды («советское – значит лучшее»), отголоски которой не ушли из коллективного сознания и отчасти передались молодежи. Третья причина – в особенностях массового школьного преподавания истории, следствием чего является недостаточное знание отечественной истории.

Было обнаружено, что коллективные воспоминания о разных периодах советской истории эмоционально окрашены. Чаще в памяти сохраняются позитивно окрашенные события.

Можно говорить о коллективных чувствах, обращенных в прошлое. «Брежневский период» вызывает позитивные чувства, так как фрустрации настоящего проецируются на то время. Из событий советской истории наибольшая доля упоминаний касается событий, которыми можно гордиться и которые укрепляют позитивный образ нации. Та же тенденция обнаруживается при конструировании коллективной памяти (что должны помнить дети).

Многозначность памяти о советском периоде истории нашей страны, различные смыслы, порождаемые им, вызывают необходимость дальнейших социально-психологических исследований.

Литература

- Балабанов С. С., Саралиева З. Х. Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / Под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург, 2011. С. 42–48.
- Дилигенский Г. С. Социально-политическая психология. М., 1994.
- Емельянова Т. П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.
- Емельянова Т. П. Коллективная память с позиций конструкционизма // Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М., 2009. С. 17–32.
- Емельянова Т. П., Мишарина А. В. Спектр представлений о победе в Великой Отечественной войне у четырех поколений россиян // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 108–119.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
- Baumeister F., Hastings S. Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves // Collective memory of political events:

Social psychological perspectives. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 277–294.

Vergès P. Noyau central, sailance et propriétés stucturales // Textes sur les représentations sociales. 1994. № 3 (1). P. 3–12.

ОТНОШЕНИЕ К ЭКОНОМИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ¹

Н. А. Журавлева (Москва)

Постановка проблемы

Экономическое сознание и экономическое поведение личности в значительной степени обусловлены культурными, экономическими, социальными, политическими факторами. Переход российской экономики к системе рыночных отношений характеризовался возрастанием социальной роли денег, а также возникновением разнообразия видов социально-экономической деятельности людей. Расширилось пространство потребительского поведения, изменились структура и формы сбережения денег, стал активно реализовываться предпринимательский тип социально-экономического поведения (Национальная программа..., 1997; Позняков, Журавлев, 2002; Позняков, 2001, 2013; Культура..., 2008; Журавлева, 2009, 2014б; Вавакина, 2011; Климанова, Трифонова, 2013; Никуло, 2014). Особого внимания заслуживает изучение экономического сознания личности, различные компоненты которого в последние два десятилетия интенсивно трансформировались у подавляющего большинства российского населения. Значительные изменения коснулись экономических представлений личности о таких экономических объектах, как деньги, богатство, благосостояние, собственность (Журавлев, 1998; Динамика..., 1996; Абульханова, Воловикова, 2007; Хащенко, 2007; Кольцова, 2008, 2011; Юревич, 2008, 2009; Психология..., 2009; Шемятихина, 2011; Воловикова, 2012; Журавлева, 2012, 2015).

Личность в своем развитии включается во многие малые и большие общности людей. Личностные свойства формируются и развиваются в зависимости от принадлежности к определенному соци-

1 Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-02137а.

альному слою, нации, этнической группе, профессиональной страте, семье и т. д. (Ломов, 1981; Абульханова, 1997, 2013; Журавлева, 2006, 2007, 2014а; Зубова, Иващенко, 2010). Представления о мире, нравственные взгляды и убеждения, образ мыслей и мировоззрение, интересы, стремления и ценности обуславливаются особенностями группового сознания, в котором формируется личность и протекает повседневная жизнедеятельность человека (Хашенко, 1988; Габдулина, 1999; Дроздов, Логвинов, 2006; Елизаров, 2006, 2008; Чернышев, 2006; Чернышев, Сарычев, 2008; Гамова, Сарычев, 2010; Кольцова, Олейник, 2013). Принадлежность личности к определенной социальной группе способствует формированию у нее соответствующих ценностных ориентиров, во многом определяет ее нравственное сознание и поведение (Воловикова, 2009; Нравственность..., 2012; Юревич, Журавлев, 2012, 2013; Журавлева, 2013; Психологические исследования..., 2013).

Эмпирическое исследование экономического сознания современных россиян

Цель данного исследования заключается в том, чтобы проанализировать сложившееся в российском менталитете отношение представителей различных социальных групп к экономическим ценностям.

Основным объектом исследования выступили жители Московского региона.

Выборка примерно в равных долях распределялась по следующим социальным группам: работники государственных предприятий, предприятий без образования юридического лица, открытых и закрытых акционерных обществ, военнослужащие (по ведомству МО РФ), предприниматели сферы малого бизнеса, безработные, студенты и старше школьники. Они были уравнены по демографическим критериям – полу и возрастным категориям: 18–25, 36–45 и 46–55 лет. Выбор исследуемых групп производился по следующим критериям: по основному роду занятий (работающие, учащиеся и безработные), по форме экономической деятельности (наемные работники и предприниматели различных сфер малого бизнеса), по форме собственности предприятий, на которых работали респонденты (работники государственных и частных предприятий, открытых и закрытых акционерных обществ).

В выполненном исследовании ценностные ориентации понимаются как относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысловое значение, и на определенные способы их достижения,

выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов (способов) поведения и являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций. Образуя высший уровень диспозиционной иерархии в структуре личности, ценностные ориентации являются основаниями для оценок окружающей действительности и детерминируют предрасположенность личности к той или иной социальной активности.

В качестве *метода исследования* использовалось предложенное М. Рокичем группирование ценностей на терминальные и инструментальные. Терминальные ценности (ценности-цели) определяются как такие значимые объекты социальной действительности, на которые распространяются убеждения личности в том, что с личной, групповой или общественной точек зрения, они стоят того, чтобы к ним стремиться, добиваться их. Инструментальные ценности (ценности-средства) – это такие качества и способы действий, на которые распространяются убеждения личности в том, что с личной, групповой или общественной точек зрения, они являются более предпочтительными для личности в большинстве социальных ситуаций.

Для изучения ценностных ориентаций личности применялся адаптированный вариант методики М. Рокича «Ценностные ориентации», в списки терминальных и инструментальных ценностей которого были включены *богатство* и *собственность*. Таким образом, к группе экономических ценностей были отнесены терминальные ценности *материальная обеспеченность*, *богатство* и *собственность*, а также *богатство* и *собственность* как инструментальные ценности.

Результаты исследования

Возрастные особенности в ориентации личности на экономические ценности заключаются в следующем. С возрастом изменения происходят в структуре экономических ценностей-целей (терминальных ценностей) респондентов: более значимыми становятся материальная обеспеченность и собственность, но снижается значимость богатства.

Ценность материальной обеспеченности, будучи на 5-м, относительно низком ранговом месте в иерархии ценностных ориентаций молодежи в возрасте 15–25 лет, для респондентов 26–35 лет, у которых ценность общения с друзьями перемещается на 5-ю ранговую позицию, она становится более значимой – 4-й (вслед за ценностями здоровья, семьи и любви). В возрастной группе 36–45 лет значи-

мость материального благополучия возрастает, и оно уже является 3-м в структуре ценностных ориентаций, уступая только ценностям здоровья и семьи. Респондентами 46–55 лет оно ранжируется 4-м после ценностей здоровья, семьи и работы, становясь вновь несколько менее значимым в сравнении с ориентацией на профессиональную самореализацию.

В возрастной группе до 35 лет собственность как жизненная цель является низко значимой, занимая последнюю, 18-ю, ранговую позицию в структуре терминальных ценностей молодежи 15–17 лет и 17-ю – в иерархии ценностных ориентаций личности в возрасте 18–35 лет. Респондентами старше 35 лет, для которых менее значимыми являются ценности развлечений и красоты, собственность ранжируется значительно выше – 14-я в иерархии их терминальных ценностей.

Как уже отмечалось, обратная тенденция характерна для значимости терминальной ценности богатства. Наиболее значимым богатство является в старшем школьном возрасте, когда оно ранжируется 9–10-м в иерархии ценностей-целей. Его значимость снижается в возрастной группе 18–45 лет (12–13-е места), когда более значимыми по сравнению с целью достижения богатства являются ориентации на активную жизнь, мудрость, творчество и познание. Респондентами более старшего возраста (46–55 лет) богатство ранжируется еще ниже – 14–16-м по значимости, так как важнее становится ценность счастья других. Итак, половозрастные особенности в ориентациях личности на экономические ценности касаются, прежде всего, экономических ценностей-целей.

Сравнительно высокая/низкая значимость тех или иных экономических ценностей для каждой из девяти социальных групп выявлялась следующим образом. К данной категории были отнесены те ценности, значимость которых достоверно отличается от их значимости как минимум в двух других социальных группах. Исследование показало, что ориентации различных социальных групп на экономические ценности выражены в разной степени. В наименьшей степени выраженной ориентацией на экономические ценности отличаются две социальные группы: работники государственных предприятий и открытых акционерных обществ (т. е. бывших крупных госпредприятий). В структуре ценностных ориентаций данных социальных групп максимальное количество экономических ценностей (2–3) характеризуется сравнительно низкой значимостью. При этом ни одна экономическая ценность в структуре ценностных ориентаций работников государственных предприятий не является сравнительно высоко значимой, и лишь одна экономическая цен-

ность (материальная обеспеченность), занимая 4-е место в иерархии ценностных ориентаций работников открытых акционерных обществ, относится к категории сравнительно высоко значимых.

Следует отметить, что в иерархии ценностных ориентаций работников государственных предприятий сравнительно низкую значимость обнаруживают такие ценности-цели, как материальная обеспеченность (5-е место) и богатство (14-е место), а в структуре ценностных ориентаций работников открытых акционерных обществ – терминальная ценность собственности (18-е место) и богатство в списках терминальных и инструментальных ценностей (соответственно, 13-е и 17-е места). Из вышесказанного видно, что ценностное сознание обеих социальных групп характеризуется низкой значимостью такой жизненной цели, как достижение высокого материального благосостояния (терминальной ценности богатства).

Низко выраженными ориентациями на экономические ценности (такие, как материальная обеспеченность, – 5-е место и собственность – 18-е место) характеризуются и старшие школьники. Однако представители данной социальной группы отличает выраженный приоритет богатства и как жизненной цели, и как средства достижения целей (соответственно, 9-е и 11-е места), что указывает на явную поляризованность ориентаций старших школьников на экономические ценности. Так, с одной стороны, ряд экономических ценностей для старших школьников не является актуальным, с другой стороны, важной жизненной целью для них является достижение богатства. Данный факт можно объяснить идеализированными социальными представлениями респондентов данной социальной группы.

Далее следует сказать о социальных группах, характеризующихся наиболее выраженными ориентациями на экономические ценности. К данной категории мы относим те из них, в структуре ценностных ориентаций которых максимальное количество экономических ценностей (2) отличаются сравнительно высокой значимостью. По результатам исследования ими являются военнослужащие, работники индивидуальных частных предприятий и владельцы данных предприятий – предприниматели. Однако представители данных социальных групп чаще характеризуются разными типами направленности на экономические ценности в зависимости от приоритета одной из двух ценностей-целей – материальной обеспеченности или богатства.

Так, для военнослужащих, как правило, высоко значимыми являются материальная обеспеченность (3-е место) и собственность как инструментальная ценность (13-е место), что определяется, прежде всего, низким экономическим статусом данной социальной

группы. При этом богатство как жизненная цель выступает сравнительно низко значимым (13-е место). Вывод об определяющем факторе был сделан на основе следующих данных. В ранее выполненном исследовании было показано, что значимость материальной обеспеченности и собственности как средства достижения целей личности, как правило, сопровождается низким субъективно-экономическим статусом, неудовлетворенностью уровнем своего материального благосостояния и низкой степенью удовлетворенности экономических потребностей. Также выявлено, что среди представителей 9 исследованных социальных групп самый низкий субъективно-экономический статус имеют именно военнослужащие (Динамика социально-психологических..., 1996).

Для предпринимателей, наоборот, терминальные ценности богатства (10-е место) и собственности (15-е место) представляют высокую значимость, а ценность материального благополучия сравнительно низко значима (5-е место). Как было показано в ранее выполненном исследовании, определяющим фактором значимости богатства и собственности как жизненных целей выступают, прежде всего, личностные особенности респондентов. Сравнительно низкое положение материальной обеспеченности в структуре ценностных ориентаций связано, в первую очередь, с высоким субъективно-экономическим статусом представителей данной социальной группы, которые имеют наиболее высокие значения по данному показателю (там же).

В иерархии ценностных ориентаций работников индивидуальных частных предприятий сравнительно высокую значимость представляет богатство и как жизненная цель, и как средство достижения целей (соответственно, 9-е и 6-е места), что свидетельствует о высоких экономических притязаниях представителей данной социальной группы. Формирование вышеупомянутых ценностных приоритетов во многом определяется отношением ближайшего социального окружения к экономическим ценностям.

Промежуточное положение на «оси» по выраженности ориентаций на экономические ценности занимают социальные группы работников закрытых акционерных обществ, безработных и студентов. Так, в структуре ценностей-целей работников закрытых акционерных обществ сравнительно высоко значима материальная обеспеченность (3-е место) и низко значимо богатство (14-е место). А в социальной группе студентов обнаруживается обратная картина: сравнительно низкая значимость материальной обеспеченности (6-е место) и выраженная ориентация на достижение богатства (10-е место). В свою очередь, для безработных важной является собствен-

ность как жизненная цель (14-е место), т. е. не финансовый критерий благосостояния, чем может отчасти объясняться низкий уровень деловой активности представителей данной социальной группы.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологические подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 7–37.
- Абульханова К. А. Личность во времени человеческой культуры // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 3. С. 40–53.
- Абульханова К. А., Воловикова М. И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. № 5. С. 5–14.
- Вавакина Т. С. Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
- Воловикова М. И. Нравственность в современной России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 95–97.
- Воловикова М. И. История и современное состояние исследований в лаборатории психологии личности Института психологии РАН // Современная личность: Психологические исследования / Под ред. М. И. Воловиковой, Н. Е. Харламенковой. М., 2012. С. 59–76.
- Габдулина Л. И. Стиль педагогического общения и его ценностно-смысловые и когнитивные детерминанты: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 1999.
- Гамова Е. И., Сарычев С. В. Социально-психологические аспекты мироощущения российских подростков и старшеклассников // Психолого-педагогический поиск. 2010. № 15. С. 144–156.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Под ред. А. Л. Журавлева. М., 1996.
- Дроздов С. В., Логвинов И. Н. Мотивация студенческих лидеров как фактор повышения эффективности информационной образовательной среды в вузе // Вестник Московского городского педагогического университета. 2006. № 7. С. 66–67.
- Елизаров С. Г. Влияние включенности учебных групп в социальную систему на структуру и содержание личностных ценностных ориентаций // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2006. № 1. С. 95–101.
- Елизаров С. Г. Теоретические аспекты изучения мотивационно-ценностной включенности малой группы в социальную систему. Курск, 2008.

- Журавлев А. Л. Коммуникативные качества личности руководителя и эффективность руководства коллективом // Психологический журнал. 1983. № 1. С. 57–67.
- Журавлев А. Л. Взаимодействие социально-психологических и социально-экономических феноменов в изменяющемся обществе // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. В. Шороховой. М., 1998. С. 11–37.
- Журавлев А. Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1999.
- Журавлева Н. А. Психологические детерминанты ценностных ориентаций личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. Т. 12. № 3. С. 115–123.
- Журавлева Н. А. Влияние личностных характеристик на ценностные ориентации руководителей // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. № 5. С. 65–67.
- Журавлева Н. А. Экономическое сознание предпринимателей в современном российском обществе // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Иркутск, 2009. С. 278–283.
- Журавлева Н. А. Ценностные ориентации личности в современном российском обществе // Современная личность: Психологические исследования / Под ред. М. И. Воловиковой, Н. Е. Харламенковой. М., 2012. С. 200–229.
- Журавлева Н. А. Гуманизация ценностных ориентаций молодежи как актуальная научная проблема в современном российском обществе // Духовно-нравственные потенциалы молодежного коллектива / Под общ. ред. А. С. Чернышева. Курск, 2013. С. 22–31.
- Журавлева Н. А. Влияние индивидуально-психологических характеристик на ценностные ориентации личности // Наука и Мир. 2014а. № 8. С. 180–182.
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций предпринимателей в изменяющейся России // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы / Под ред. А. В. Коричко. Нижневартовск, 2014б. С. 7–8.
- Журавлева Н. А. Ценностные приоритеты российской молодежи в условиях социально-экономических преобразований // Научный обозреватель. 2015. № 6. С. 54–57.
- Зубова Л. В., Иващенко А. В. Психологические особенности ценностных ориентаций подростков с различной направленностью личности. Оренбург, 2010.
- Климанова Н. Г., Трифонова Т. А. Ценностные ориентации современных предпринимателей // Карельский научный журнал. 2013. № 4. С. 76–79.
- Кольцова В. А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 85–95.
- Кольцова В. А. Особенности предметной области исторической психологии // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. № 1. С. 7–20.
- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Историческое сознание личности как компонент ментальности поколения // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2013. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/6/koltsova-oleinik_historical-consciousness (дата обращения: 6.03.2016).
- Культура и поведение в организации: российский опыт / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2008.
- Ломов Б. Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–17.
- Национальная программа «Российская деловая культура». М., 1997.
- Никуло Е. А. Взаимосвязь ценностных ориентаций и ответственного отношения предпринимателей к участникам делового взаимодействия // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 28–32.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2012.
- Позняков В. П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. М., 2001.
- Позняков В. П. Социально-психологические характеристики российских предпринимателей с разным уровнем деловой активности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 212–220.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л. Программа социально-психологического исследования российских предпринимателей // Современная психология: состояние и перспективы исследований / Под ред. А. Л. Журавлева. М., 2002. С. 90–110.
- Психологические исследования нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2013.
- Психология человека в современном мире. Т. 5: «Личность и группа в условиях социальных изменений» / Под ред. А. Л. Журавлева. М., 2009.
- Щапенко В. А. Исследование коллективного субъекта управления // Совместная деятельность: методология, теория, практика. М., 1988. С. 88–98.
- Щапенко В. А. Типология субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 58–69.
- Чернышев А. С. Организованность и лидерство в молодежных группах: теория эксперимент, практика. Курск, 2006.

- Чернышев А. С., Сарычев С. В. Изучение динамики мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России (на рубеже XX–XXI вв.) (основы теоретического и экспериментального подходов) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 3. С. 85–93.
- Шемятихина Л. Ю. Экономическая Я-концепция как предмет междисциплинарных исследований // Образование и наука. 2011. № 1. С. 85–91.
- Юревич А. В. Психология в современном обществе // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 5–14.
- Юревич А. В. Динамика психологического состояния современного российского общества // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 2. С. 112–120.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. Захарова (Чебоксары)

Актуальность исследуемой проблемы

Актуальность изучения научной категории «менталитет» связана с тем, что данное понятие в настоящее время стало чрезвычайно широко использоваться в различных отраслях социогуманитарного знания. Особый интерес исследователей (культурологов, историков, экономистов, философов, политологов, социологов, психологов и др.) к феномену менталитета обусловлен признанием того факта, что объяснение целого ряда явлений современной жизни только с рациональных позиций невозможно. При всех революционных изменениях, происходящих в современном мире, остаются некие фундаментальные системообразующие образования, несущие в себе глубинно-психологические архетипические детерминанты.

Мировая наука приходит к выводу, что политика, государственная идеология, экономика, а значит, и стратегия, и тактика экономического реформирования должны соответствовать психологическим особенностям населения, некой глубинной психологии этноса, менталитету народа.

Определение понятия «менталитет»

Первоначально понятие «менталитет» трактовалось как обобщенное понятие, обозначающее своеобразие разнообразных психических свойств и качеств, их особенностей и проявлений, и использовалось для обозначения особого, присущего данному народу способа мышления, склада ума, умонастроения (Ольшанский, 2001).

Происхождение понятия «менталитет» в современной научной литературе иногда связывают с латинским словом «mens» (ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) и, соответственно, – с прилагательным от него «mentalis» («mens», «mentis» – ум – и «alis» – другие) (Ануфриев, Лесная, 2007). Ряд ученых полагает, что менталитет происходит от французского слова «mentalite» – «мировидение» (Гуревич, 1989). Обычно авторство термина «менталитет» приписывают Р. Эмерсону, и его введение в научный оборот датируют 1856 годом.

В словаре «Современная западная философия» понятие «менталитет» предлагается рассматривать как глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное, как совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Указывается, что ментальность формируется в зависимости от традиций, культуры, социальных структур и всей среды обитания человека и сама, в свою очередь, их формирует, выступая как порождающее сознание, трудноопределимый исток культурно-исторической динамики (Современная..., 1998).

Следует отметить, что в западной литературе термин «менталитет» обозначает настолько разнородные явления, что некоторые отечественные исследователи даже считают нецелесообразным опираться на иностранную литературу по этому вопросу (Ментальность..., 1997).

Анализ научных источников показал, что и в отечественной литературе категория «менталитет» также распространяется на самые разнообразные проявления человеческой жизнедеятельности. Понятие «менталитет» в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой раскрывается как «мировосприятие, умонастроение» (Ожегов, Шведова, 2006).

Философское, публицистическое осмысление и отражение национального (русского) характера мы находим уже в трудах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, В. В. Розанова, Л. Н. Гумилева, П. Я. Чаадаева, Г. П. Федотова и др.

В современной России проблема российского менталитета стала широко обсуждаться философами, социологами, психологами, представителями других отраслей социогуманитарного знания в начале 1990-х годов в связи с кардинальными преобразованиями во всех сферах общественной жизни.

О резко возрастающем интересе современных ученых к данной проблеме свидетельствует расширение поля ее исследования. Проведенный анализ диссертационных исследований последних лет показал, что в них предлагается рассматривать менталитет «русский», «российский», «национальный», «этнический», «региональный», «провинциальный». Встречаются упоминания о менталитете социальной группы, слоя, класса – «демократический» «мелкобуржуазный», «маргинальный» и др. Предлагается изучение менталитета:

- различных возрастных групп («менталитет старшеклассников», «менталитет современной молодежи»);
- профессиональных групп («предпринимательский менталитет», «профессиональный менталитет педагогов», «профессиональный менталитет инженеров», «профессиональный менталитет госслужащих», «менталитет медицинских работников», «менталитет российских военнослужащих» и т. д.);
- по областям научного знания – «политического менталитета», «экологического менталитета», «правового менталитета» и т. д.

Понятие менталитета распространяется и на психологию больших общностей людей – «менталитет населения малого провинциального города», «менталитет русского дворянства», «менталитет крестьянства», «кавказский горский менталитет», «менталитет социокультурных общностей Забайкалья», «менталитет населения прединдустриального города», «менталитет населения закрытых городов Урала» и т. д.

Следует отметить, что использование понятия «менталитет» сейчас более широко представлено в работах культурологов, философов, политологов, социологов, чем представителей психологического знания.

Исследователи полагают, что менталитет – это нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т. е. глубинный и потому труднофиксируемый источник мышления, идеологии и веры (Введение..., 1997).

Иногда менталитет представляется как совокупность представлений, воззрений, «чувствований» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы (Манекин, 1991).

Чаще всего определение понятия менталитета дается через категорию сознания. Менталитет при этом рассматривается как «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное, совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида и социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом» (Российский..., 1997).

И. В. Кондаков рассматривает менталитет как глубинные национально-культурные структуры, обладающие этническим и историческим своеобразием. Специфические черты, которые определяют особенность национальной ментальности, в отличие от ряда факторов, обладают особой стабильностью и не подвержены различного рода изменениям. Национальная ментальность, даже претерпевая некоторые изменения в ходе истории, по своей сути остается постоянной, что позволяет определить менталитет в процессе исторического развития (Кондаков, 1997).

Рассмотрение научных публикаций показывает, что исследовательские подходы к определению понятия «менталитет» различаются уровнем анализа, трактовкой его содержательных характеристик, соотношением осознанных и неосознанных представлений, символических образов и ценностей, сферы сознательного и бессознательного (коллективного), архетипического.

Такая многозначность понятия «менталитет» в настоящее время свидетельствует как о существовании различных интерпретаций и методологических подходов к рассмотрению данного феномена, так и о его недостаточном исследовании, что обусловлено чрезвычайной сложностью менталитета как социокультурного явления.

Как справедливо отмечает И. Г. Дубов, являясь психологическим по своему содержанию, менталитет не получил пока должной разработки в отечественной психологии. Отечественных экспериментальных исследований менталитета пока очень мало, и они касаются лишь отдельных аспектов этой проблемы. Одна из основных причин – высокая стоимость психологических исследований, проводимых на больших выборках (Дубов, 1993).

По мнению автора, менталитет можно определить, как особый жизненный уклад, обусловленный психологическими особенностями общности, жизнедеятельность которой детерминирована эко-

номическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте (там же). Менталитет выступает как интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, заключающаяся в своеобразии видения этими людьми окружающего мира и специфике реагирования на него.

В психологической науке изучение менталитета, в первую очередь, шло в русле этнопсихологии, где исследование народов имеет давнюю традицию. Хотя в процессе своего развития это психологическое направление неоднократно изменяло свое название, оно сохраняло при этом концептуальную преемственность. Следует отметить, что в последнее время и в этнопсихологии на смену понятию «национальный характер» для обозначения психологических особенностей этнических общностей также все чаще приходят понятия «менталитет» и «ментальность».

Заметным явлением в изучении менталитета стала работа А. О. Боронаева и П. И. Смирнова, которые предложили свое видение истоков формирования основных свойств и качеств русского народа (Боронаев, Смирнов, 2001).

Хотя большинство представителей гуманитарной науки склонны употреблять дефиниции «менталитет» и «ментальность» как синонимичные, некоторые исследователи разделяют данные понятия (Акопов, Иванова, 2002; Харитонова, 2015). Отмечается, что ментальность более изменчива, а менталитет более устойчив. Соотношение ментальности и менталитета предлагается рассматривать как разные уровни группового сознания: более «поверхностный» (осознаваемый) может быть назван ментальностью, а более «глубинный» (неосознаваемый, подсознательный) – менталитетом.

Из психологических исследований, посвященных данной проблеме, необходимо отметить сборники научных трудов, выпущенных Институтом психологии РАН, в которых авторитетные ученые – К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, В. В. Знаков и др. – изложили свое видение отдельных черт русского менталитета (Российский..., 1996; Российский..., 1997). Особый интерес, на наш взгляд, представляют работы, посвященные особенностям русского менталитета, обнаруживаемым благодаря кросс-культурным сравнениям (К. А. Абульханова, Н. Л. Смирнова, А. Н. Славская); специфике российской и региональной ментальности (А. В. Брушлинский); исследованию духовно-нравственной доминанты счастья в русском менталитете (И. А. Джидарьян), представлений русских о нравственном идеале (М. И. Воловикова).

Видным отечественным психологом К. А. Абульхановой предлагается рассматривать «своеобразный „гештальт“ русского

менталитета» в виде условной окружности, имеющей две полушеры. В верхней полусфере в основном отражены результаты исследований социально-ориентированных представлений, которые изучались изолированно друг от друга разными исследователями. Таким образом, верхняя полусфера – это психология, сознание российского общества, или ментальность в виде совокупности различных представлений – политических, правовых, моральных и т. д. Нижняя полусфера отражает попытку (в основном пока теоретическую) показать мысль в действии, т. е., согласно концепции С. Московичи, – функциональные, жизненные, социальные, разрешающие возможности сознания и мышления. В целом можно сказать, что в нижней полусфере представлены некоторые из регуляторных механизмов русского менталитета. К. А. Абульханова подчеркивает, что в верхней полусфере остались неисследованными экономические представления, которые, несомненно, могут сильно изменить всю трактовку гештальта российской ментальности (Абульханова, 1997).

В качестве значимого направления психологического исследования менталитета следует отметить изучение провинциальной ментальности в аспекте исторической психологии русского сознания, проводимые под руководством Г. В. Акопова (Акопов, Рулина, Привалова, 2006).

Значительным вкладом в современное прочтение менталитета стало появление книги «Историогенез и современное состояние русского менталитета» (Историогенез..., 2015).

Несмотря на наличие целого ряда исследований отечественных и зарубежных ученых, проблема менталитета остается недостаточно раскрытой и разработанной в силу многонационального и поликонфессионального состава нашего государства, происходящих в настоящее время политических и социально-экономических трансформационных процессов.

Необходимость изучения целого комплекса различных аспектов и направлений исследования менталитета обусловлена многонациональностью России, сложившимся на протяжении веков широчайшим спектром культурных, исторических, социальных и экономических традиций; религиозных, нравственных норм. На наш взгляд, в качестве комплексной обобщенной характеристики, определяющей эти качественные различия русского менталитета в общей системной целостности, целесообразно использовать предложенный видным отечественным психологом В. Е. Семёновым термин «полиментальность», обозначающий тесную взаимосвязь проявлений различных менталитетов (Семёнов, 2008).

Исходя из выделенных Л. Н. Пушкаревым этапов, менталитет народов России в историческом плане прошел несколько переломных этапов:

- 1) конец X в. – Крещение Руси, православно-христианское воспитание, взаимодействие церкви и светской власти по распространению и утверждению православия, борьба с язычничеством;
- 2) татаро-монгольское иго, в течение которого русский народ сумел сохранить свою веру, собственный облик, одержал победу над завоевателем и создал из разрозненных княжеств единую Россию;
- 3) конец XV в. – образование Московского государства, формирование национальных черт великорусской народности;
- 4) «петровские реформы» – смещение старых домостроевских привычек с новомодными западными элементами культуры;
- 5) начало XX в. – Октябрьская революция, формирование советского народа, его менталитета;
- 6) конец XX в. – время резких изменений в представлениях, чувствах, настроениях, оценках, попытка построения рыночного менталитета (Пушкарев, 2008).

Экономический менталитет как актуальная проблема исследования

Мы находимся на очередном переходном этапе, связанном с кардинальной перестройкой как социально-политической системы общества, так и менталитета российского народа, проявляющихся в резких изменениях в представлениях, чувствах, настроениях, трансформации экономического сознания и поведения различных социальных слоев населения.

В связи с этим, на наш взгляд, особую научную новизну в настоящее время представляет изучение проявлений менталитета в сфере экономической жизнедеятельности человека. Данные особенности менталитета оказывают решающее влияние на проводимую государством экономическую политику, развитие и формирование отечественного бизнес-слоя, эффективность реализации экономической стратегии правительства.

Взаимосвязь менталитета с экономическим поведением населения, т. е. его проявления в сфере экономической жизнедеятельности человека, автором предлагается обозначить условным термином «экономический менталитет» и рассматривать его как «структурный компонент российской полиментальности». Предложенная тер-

минология обосновывается автором в ряде публикаций (Захарова, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015).

Понятие «экономический менталитет» используется в публикации В. Марьяновского, в которой он, не давая его точного определения, отмечает, что его сущность составляет специфика отношения к труду как главной обязанности и потребности человека (Марьяновский, 1996). В работе Е. С. Балабановой в качестве синонима понятия «экономический менталитет» используется понятие «экономическая ментальность», определяемая как исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство осознанных и неосознанных ценностей, норм и установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении (Балабанова, 2001). Российский экономический менталитет исследуется с социально-философских позиций (Новозженко, 2007), рассматривается как фактор развития корпоративных инноваций (Хизриев, 2011).

Проведенный анализ научных источников позволил установить, что экономический менталитет как структурный компонент российской полиментальности еще не являлся предметом углубленного социально-психологического исследования.

К числу проявлений экономического менталитета нами были отнесены:

- психологические особенности, аспекты, детерминанты экономического поведения всех социальных групп населения, в том числе и бизнес-слоя;
- система экономических, духовных и моральных ценностей различных слоев населения, соотношение в общей ценностной структуре экономических и духовных ценностей;
- трудовой менталитет; поведение человека в организации, его психологические возможности и ограничения, детерминированные менталитетом;
- степень экономической активности, готовности проявлять экономическую инициативу, предприимчивость;
- особенности восприятия денег, богатства, благополучия, богатых людей, бедности, собственности, бизнес-слоя, предпринимательства, присущие различным социальным, профессиональным, возрастным группам населения, отражение их в структуре общественного сознания;
- экономические стереотипы и установки;
- особенности экономической социализации (Захарова, 2012).

В исследованиях данные явления рассматриваются в тесной взаимосвязи с российским и региональным менталитетом, с целым

рядом социокультурных характеристик и глубинных психологических детерминант.

В условиях Чувашской республики было проведено несколько исследовательских срезов социально-психологических проявлений экономического менталитета у разных социальных групп населения региона, различающихся по степени экономической активности (предприниматели, менеджеры, наемные работники, безработные, студенческая молодежь, учащиеся) (Захарова, 2011, 2013).

Исследования такого типа продолжают и конкретизируют результаты, полученные при изучении общероссийской ментальности с позиций кросс-культурного подхода (К. А. Абульханова-Славская, М. И. Воловикова, В. В. Знаков, В. Ф. Петренко); реализации ценностного подхода к социальным изменениям в российском обществе (Н. А. Журавлева) и социокультурного подхода в экономической психологии (И. В. Андреева); выявленные в социально-психологических исследованиях групповой ментальности (А. Л. Журавлев, В. П. Позняков) и в русле разработки проблем экономической этнопсихологии (А. Д. Карнышев, М. А. Винокуров, Е. Л. Трофимова); при рассмотрении культуры как фактора, определяющего социально-экономическое развитие общества (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, Е. Г. Ясин); при изучении психологии трансформации ментальности поколений (В. И. Пищик); при проведении сравнительного анализа жизненных ценностей российского населения (В. С. Магун, М. Г. Руднев).

По своему содержанию феномен экономического менталитета носит междисциплинарный характер, находится на пересечении проблем социальной, культурно-исторической и экономической психологии, экономической науки, экономической географии, ряда других наук. Но изучение социально-психологического дискурса экономического менталитета в структуре российской полиментальности как целостного образования, сложного по структуре, в котором во взаимодействии и взаимовлиянии представлены черты российского, советского и постсоветского менталитетов народов, пока остается явно недостаточным.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. С 90-х годов XX в. в нашей стране в различных областях научного знания стало широко использоваться понятие «менталитет». В настоящее время в научной литературе часто применяется

такая категория, как «российский менталитет», реже – «региональный» или «провинциальный» менталитет. Термин «полиментальность» отражает тесную взаимосвязь проявлений различных менталитетов и выступает комплексной характеристикой, включающей качественные различия российского менталитета в общей системной целостности.

2. Существуют различные представления о том, какие сферы жизнедеятельности людей охватывает данное понятие, о его осознанном или неосознанном характере; выявлена многозначность и, соответственно, расплывчатость трактовки данного понятия. Преобладающее большинство исследований носит умозрительный характер, не основывающийся на эмпирических исследованиях.
3. Несмотря на то, что отдельные аспекты российского менталитета в той или иной мере затрагивались в работах, посвященных русскому национальному характеру, следует отметить, что взаимосвязь российского и регионального менталитета с экономическим поведением населения еще не стала предметом углубленного психологического исследования. Научную новизну представляет изучение взаимосвязи различных видов менталитета с экономическим поведением населения, психологические проявления менталитета в сфере экономической жизнедеятельности человека, для обозначения которых предлагается термин «экономический менталитет в структуре российской полиментальности».
4. В свете изучения экономического менталитета следует отметить, что в настоящее время не определены его содержательные характеристики, не разработаны многомерные модели на основе системного подхода, недостаточно изучена его российская и региональная специфика.

В связи с этим возникает необходимость теоретического и эмпирического изучения сущности и проявлений экономического менталитета в современных трансформирующихся социально-экономических условиях с учетом российской и региональной специфики.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М., 1997. С. 7–37.

- Акопов Г. В., Иванова Т. В. Понятие и междисциплинарное значение ментальности в современной психологии // Психология и ее приложения: Ежегодник РПО. Т. 9. М., 2002. С. 40–41.
- Акопов Г. В., Рулина Т. К., Привалова В. М. Менталистика как историко-психологическое направление науки // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника. М., 2006. С. 453–455.
- Ануфриев Е. А., Лесная Л. В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 25.
- Балабанова Е. С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. 2001. № 3. С. 67.
- Боронов А. О., Смирнов П. И. Россия и русские: характер народа и судьбы страны. СПб., 2001.
- Брушлинский А. В. Ментальность российская и региональная (провинциальная) // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М., 1997. С. 38–43.
- Введение в историю русской культуры: Учебное пособие для вузов. М., 1997. С. 43.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М., 2005.
- Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. С. 79–80.
- Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб., 2001.
- Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 27.
- Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002.
- Захарова А. Н. Экономический менталитет в структуре российской полиментальности. Чебоксары, 2011.
- Захарова А. Н. Экономический менталитет в структуре российской полиментальности: анализ научной категории // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. Сер. Гуманитарные и педагогические науки. 2012. № 3 (75). С. 74–81.
- Захарова А. Н. Проблема экономической активности женщин Чувашии: социокультурный контекст // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Сер. Гуманитарные и педагогические науки. 2013. № 1 (77). С. 49–54.

- Захарова А. Н. Экономико-психологические аспекты этноменталитета населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. Сер. Гуманитарные и педагогические науки. 2013а. № 1. С. 85–92.
- Захарова А. Н. Экономический этноменталитет населения Чувашии в структуре российской полиментальности // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее: Материалы II международной научно-практической конференции / Под ред. А. Н. Неверова. 2014. С. 116–121.
- Захарова А. Н. Экономический менталитет в структуре российской полиментальности: теоретико-методологические основы исследования // Наука и образование: современные тренды. Сер. Научно-методическая библиотека. Вып. VII. Чебоксары, 2015.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015.
- Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 43.
- Лубский Р. А. Политический менталитет: методологические проблемы исследования. Ростов н/Д., 2001.
- Манекин Р. В. Контент-анализ как метод исследования истории мысли. Опыт количественного исследования итальянских текстов эпохи Возрождения (Поджо Браччолини) // Клио. 1991. № 1. С. 28–33.
- Марьяновский В. Российский экономический менталитет: истоки и противоречия // Вопросы экономики. 1996. № 9. С. 158–160.
- Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). М., 1997.
- Новозженко К. А. Российский экономический менталитет: социально-философский анализ: Дис. ... канд. философ. наук. Ростов-н/Д., 2007.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 358.
- Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург, 2001.
- Пушкарев Л. Н. Менталитет и политическая история России: переломные этапы // Менталитет и политическое развитие России: Тезисы докладов научной конференции. Москва, 29–31 октября 1996 г. М., 1996.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М., 1997.
- Российский менталитет: психология личности, сознание, социальные представления. М., 1996.
- Семёнов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избранные научные работы (1971–2007 гг.). СПб., 2008.

Современная западная философия: Словарь / Сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. М., 1998.

Харитонова Е. В. Соотношение понятий «менталитет» и «ментальность» // *Историогенез и современное состояние российского менталитета* / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 226–240.

Хизриев В. Х. Экономический менталитет как фактор развития корпоративных инноваций: Дис. ... канд. эконом. наук. М., 2011.

Влияние российской ментальности на возникновение кризисов в карьере женщины

А. Ю. Какичева, И. А. Панкратова (Ростов-на-Дону)

Проблема менталитета в современной науке

Российское общество отличается удивительным многообразием. С одной стороны, в России проживает множество народов и этносов, отличающихся друг от друга кардинально, с другой стороны, их культуры настолько проникли друг в друга, что порой невозможно разделить традиции тех или иных народов. Говоря об этнических особенностях, национальной идентификации, психологическом и поведенческом проявлениях народа или этноса, мы прежде всего обращаемся к таким понятиям, как «менталитет» и «ментальность».

Понятия «менталитет» и «ментальность» лексически очень схожи между собой, однако они не синонимичны. В научной литературе ученые пытаются развести понятия «менталитет» и «ментальность». Е. А. Ануфриев и А. В. Лесная считают, что главное отличие ментальности от менталитета заключается в ее деятельностной сущности. Ментальность вытекает из менталитета, является его аспектным проявлением, а не только умонастроением субъекта. Под менталитетом понимается система ценностей, целей и убеждений, зависящая от этнических, социальных, культурных, географических, языковых и т. п. факторов, а ментальность – проявление этих факторов в поведении человека или социальной группы (Шпилькин, 2013). Однако исследователи часто сближают понятия ментальность и менталитет, иногда отмечая, что в одном случае индивид обладает менталитетом, а в другом – ментальностью.

Вслед за Л. Н. Пушкаревым, Е. А. Ануфриевой и Л. В. Лесной мы рассматриваем понятие «менталитет» как более общее, а «менталь-

ность» – как более частное, относящееся к различным социальным деятельности и проявлению личности в обществе. Далее мы будем использовать понятие «менталитет», несмотря на то, что карьера, профессия – феномены, относящиеся к деятельности личности и тем самым к феномену ментальности, так как менталитет является более широким понятием; он влияет на ментальность (Панкратова, 2015).

В русском языке нет точного значения понятий «ментальность» и «менталитет» (от лат. «mens», «mentis» – разум, ум, интеллект). Существуют различные подходы к пониманию менталитета с философской, политической, социологической и психологической точек зрения.

Философское понимание ментальности и менталитета связывают с именами таких ученых, как Л. Леви-Брюль, Э. Фромм, К. Леви-Стросс. Они считали, что менталитет формируется под воздействием культуры, традиций, социальной среды, т. е. определяли его как национальный характер, духовный мир, предустановленная гармония и фонд знаний. С позиции социологического подхода, менталитет – это аналог и синоним понятий «социальный дух» и «национальный характер». Менталитет включает в себя всю духовную оснащенность человека и общества, традиции, обряды и т. д. При этом, как правило, менталитет проявляется в речи людей, в их отношениях с другими людьми и деятельности (Шимица, 2007).

На наш взгляд, наиболее полно феномен менталитета изучается в психологии. В психологической науке данное понятие трактуется как социальное мышление, система норм поведения, коллективные и социальные представления, ценностные ориентации и социальные установки, мотивы и предпочтения (Штрикова, 2013).

Таким образом, менталитет включает в себя совокупность осознаваемых и неосознаваемых установок, которые являются отражением духовного настроения, образа мышления, мировосприятия людей, проживающих в конкретной культурной среде, и проявляется в деятельности и отношении к окружающему миру. Большинство ученых, изучающих менталитет, утверждают, что он константен и мало подвержен изменениям. Менталитет во многом влияет на жизнь человека, в том числе на профессиональную.

Профессиональный менталитет женщин

В современном обществе в связи с задачами модернизации его экономической структуры особую актуальность приобретает изучение профессионального менталитета (Б. С. Гершунский, Н. Н. Нечаев,

В. А. Сонин и др.). Д. Б. Штрикова раскрывает профессиональный менталитет через систему социально-психологических установок, сформированных под влиянием национального менталитета, полученных от ближнего социального окружения и усвоенных личностью, влияющих на выбор профессии, выполнение профессиональной деятельности. Подчеркивается, что профессиональный менталитет лежит в основе представлений о себе и своем месте в профессии.

Выделяются следующие особенности профессионального менталитета:

1. Изменения в профессиональном менталитете происходят медленно; для адекватной реакции на резкие изменения внешней среды необходим определенный ментальный потенциал.
2. Профессиональный менталитет является целеориентирующим, т. е. он задает путь профессионального движения и определяет развитие личности в профессии.
3. Профессиональный менталитет определяет положение человека в профессиональном сообществе и взаимоотношения личности с ним.

Профессиональный менталитет женщин имеет отличительные особенности. Одной из наиболее важных тем женской профессиональной ментальности является *женская карьера* (Штрикова, 2013). Базой для построения женской карьеры является профессиональная ментальность.

К числу основных составляющих женской карьеры, характеризующих ее специфику, относятся: а) профессиональные интересы; б) диапазон возможных карьерных выборов; в) карьерные стремления и ожидания; г) предсказание профессиональных достижений на протяжении жизни; д) раннее включение в профессиональную карьеру; е) действия по преодолению ситуации потери работы; ж) понимание важности карьеры в работающих семейных парах; з) ролевой конфликт «семья–профессия»; и) ответственность за заботу о детях и домашние хлопоты; к) стрессогенные факторы в работающих семейных парах (Шевелева, 2013). Рассмотрим некоторые из них.

В российском обществе традиционно считается, что женщина ограничена в выборе своего профессионального пути, профессиональной самореализации и карьерного роста. Женщина не обладает тем набором качеств, которые позволили бы ей осуществить успешную карьеру. Особенно ярко данный факт иллюстрируют российские пословицы:

- «Бабе дорога – от печи до порога»,
- «Где баба, там рынок; где две, там базар»,
- «Бабы-то промыслы, что неправые помыслы»,
- «Волос долог, да ум короток»,
- «Женские умы – что татарские сумы (переметные)»,
- «Добрая кума живет и без ума»,
- «Курица – не птица, а баба – не человек»,
- «От нашего ребра нам не ждать добра»,
- «Курице не быть петухом, а бабе – мужиком».

В российском обществе традиционно выделяют «женские» и «мужские» профессии. «Женские» профессии – швея, медицинская сестра, модель, воспитатель и т. д. Для «женских» профессий характерны деятельность, связанная с заботой или обслуживанием, и эстетическая составляющая. Ни в одном из списков профессий нет категорических ограничений, накладываемых полом человека, другими словами, физически выполнять профессиональную деятельность может человек любого пола. Большинство из ограничений достаточно условно; они накладываются стереотипами, существующими в обществе, и традициями, т. е. носят гендерный характер.

Среди профессий, считающихся «женскими», некоторые традиционно не воспринимаются как достойные мужчин, так как в них представлено чисто статистическое женское доминирование (преобладание женщин) и по своему содержанию они не соответствуют истинно мужским делам (включают заботу о маленьких детях, эстетическую деятельность, обслуживающий труд, а не войну, защиту, охоту и строительство). Такое деление на «женские» и «мужские» профессии зачастую мешает женщине реализовать себя в профессиональной жизни. Еще не начав строить свою карьеру, женщина ограничивает себя в выборе профессии. Чтобы профессиональное намерение девушки выбрать профессию, например, водителя, воплотилось, оно должно изначально основываться на прочных профессиональных интересах, выросших из незаурядных способностей. Интересы и способности, в свою очередь, должны поддерживаться мощной мотивацией, дающей силы и решимость преодолеть давление социальных стереотипов, сделать выбор в пользу реализации собственного «Я» в профессии без опасения не получить одобрения в обществе. Лишь спустя время, при достижении значительных профессиональных результатов такая женщина доказывает, что она успешна в профессии, чем заслуживает социальное признание даже со стороны тех, кто ее ранее не порицал. Главные детерминанты такого признания – способности и высокая профессиональная

мотивация, позволяющие преодолеть давление общества и социальные стереотипы.

В современном обществе карьера понимается как образ жизни, гармоничное сочетание различных жизненных сфер, условий жизни, видов жизнедеятельности, которые во многом формируются под влиянием менталитета.

В своем исследовании Ф. О. Семенова пишет о дискриминационных условиях, сложившихся, как в России, так и за рубежом, в которых оказываются женщины на рынке труда. В частности, «на рынке труда действует система факторов, препятствующих успешному построению их личной карьеры. Эти факторы в определяющей степени носят психологический характер и проявляются на индивидуальном уровне в виде барьеров, блокирующих карьерную активность и социальную мобильность женщин» (Семенова, 2010, с. 53).

Один из таких барьеров, сформированных в современном российском обществе, состоит в трудности совмещения женщиной таких сфер жизнедеятельности, как семья и карьера. Несмотря на то, что некоторые заботы о ребенке родители могут разделить между собой, зачастую отцы и матери демонстрируют различные реакции на появление детей. Женщины чаще изменяют свой образ жизни, отдавая приоритет своим родительским и семейным ролям. Они с большей вероятностью, чем мужчины, переживают внутрличностный конфликт соотношения множества ролей, что является одной из главных причин возникновения стрессов и не только жизненных, но и карьерных кризисов.

Традиционно роль женщины – мать, хранительница очага. Способность эффективно сбалансировать роли жены, матери и работающей женщины – одно из самых сложных и комплексных требований успешной и продолжительной карьеры женщины. Попытка сбалансировать две роли зачастую вызывает кризис в жизни женщины. На баланс между семьей и карьерой влияют следующие факторы: 1) отношение мужа к занятости жены; 2) финансовые вопросы; 3) разделение ответственности между супругами за домашнее хозяйство; 4) личностные характеристики женщины. Эти факторы могут действовать независимо или взаимосвязанно.

Сочетание женщиной семьи и карьеры может потребовать, чтобы она имела способность отказаться от своей традиционной роли и заменить ее новой ролевой моделью, а не просто присовокупить карьеру к тому, что она уже делает.

Совмещение традиционных ролей матери, жены, хранительницы очага и работы на полную ставку приводит к возникновению ролевого конфликта у работающей женщины. Это внутрличност-

ный конфликт, который является следствием большого количества ролей, в выполнение которых вовлечена работающая женщина, а также противоречивых требований, предъявляемых этими ролями, и нехватки физических ресурсов для полноценного их выполнения. Конечно, именно у работающей замужней женщины, имеющей ребенка (детей), возникает наибольшее количество проблем при сочетании ролей. Одним из неприятных следствий ролевого конфликта выступает переживаемое женщинами работающими, имеющими семью и детей, чувство вины (Гаврилица, 1998, с. 65).

Чувство вины приводит объективно к возникновению различных негативных следствий. Очень часто проявление вины выливается в болезненные симптомы. Поведение, вызванное чувством вины, является компенсаторным; оно побуждается глубокой потребностью оправдания, чувством, что сделано что-то неправильно, и это необходимо исправить.

В отношениях с детьми компенсация вины проявляется в виде покупки ребенку большого количества игрушек (особенно если мать была в командировке или задержалась на работе); выполнения всех желаний ребенка; чрезмерного беспокойства о физическом самочувствии ребенка. Этим мать пытается извиниться за свое отсутствие. Чрезмерная опека сочетается со сверхснисходительностью по отношению к ребенку – ему, например, разрешается ничего не делать по дому.

С целью компенсации вины за несостоятельность в качестве матери и жены женщины добровольно выполняют большую часть работы по дому и воспитанию детей. Это делается для того, чтобы не разочаровать своего мужа. В отношениях с супругом чувство вины может проявляться, например, в предоставлении ему права отказа от помощи по дому. Дело не в том, что мужчины не хотят помогать женам по дому, а в том, что жены не готовы и не стремятся просить об этом своих мужей.

Как указывает О. А. Гаврилица, «чувство оправдания себя, возникающее, когда женщина делает всю работу по дому, исходит из образа дома, где она выросла. Эгалитарные идеи распределения ролей могут приниматься и поддерживаться женщиной на сознательном уровне, но глубоко внутри она стремится к традиционности. Россия, приверженная одной из самых традиционно-патриархальных культур в Европе, долгое время была под влиянием двойной морали. С одной стороны, провозглашалось равноправие полов и право женщин на труд. С другой стороны, в реальности равноправие заключалось в том, что женщина должна была работать целый день наравне с мужчиной, и законодательная возможность не работать отсутство-

вала (кроме декретного отпуска и времени по уходу за заболевшим ребенком). В семье же преобладали патриархальные отношения... Можно предположить, что такое двойственное представление о роли женщины должно приводить наших соотечественниц к построению очень противоречивой ролевой модели, где традиционные идеалы будут стоять отнюдь не на последнем месте. Работающая мать сталкивается именно с проблемой совмещения роли матери и роли профессионала, традиционной модели и модели эгалитарной. И если первичная, глубинная идентификация будет традиционной, фемининной, совмещение ролей будет приводить к формированию чувства вины и к ролевому конфликту» (Гаврилица, 1998, с. 69).

По отношению к работе вина проявляется в виде «отказа женщин от карьеры». Такой отказ сочетается со страхом успеха и вызванными им подсознательными попытками разрушить свою карьеру. Поскольку вина требует наказания, то, совершая большое количество профессиональных ошибок, женщина начинает чувствовать себя несчастной и фрустрирующей свои потребности. В то время как на сознательном уровне женщина хочет добиться успеха, на бессознательном уровне вина «требует» от нее неудач.

Разрушающее действие чувства вины на карьеру проявляется и в том, что многие женщины стараются минимизировать свои способности и собственную компетентность в профессиональной сфере, несмотря на свои высокие достижения. Когда они достигают успеха, то полагают, что это была просто счастливая случайность, что они «прыгнули выше своей головы».

По отношению к самой себе, своим потребностям компенсация вины проявляется в самопожертвовании.

Мужчины также могут испытывать ролевой конфликт «семья – карьера», но реже, чем женщины.

Однако не всегда ролевое напряжение деструктивно. Во многих исследованиях отмечается, что, хотя многие работающие женщины испытывают ролевое напряжение, участие в многочисленных ролях связано с большей удовлетворенностью жизнью, более высокой самооценкой, лучшим физическим здоровьем и психологическим благополучием, более полной самореализацией.

Более того, ряд исследований продемонстрировали, что работающие жены больше удовлетворены своей супружеской жизнью, чем жены-домохозяйки.

Те же женщины, которые видят себя только в роли жены и матери, чаще всего испытывают так называемый «синдром домохозяйки». Он проявляется в чувстве беспомощности и безнадежно-

сти, в частых депрессиях, низкой самооценке, что может привести к потере своего «Я», психосоматическим заболеваниям, алкоголизации.

Разрешение данных противоречий возможно при ряде условий. Во-первых, согласованность ценностных ориентаций, ролевых ожиданий и интересов супругов, позволяющая оценить их союз как «благоприятный», «успешный», «счастливый». Во-вторых, амбивалентность отношения супруга (супруги) – руководителя к его карьере: с одной стороны, удовлетворенность прогрессирующей карьерой своего партнера и сопутствующими ей благами (положительная оценка, одобрение карьеры), с другой – обеспокоенность по поводу отсутствия свободного времени, уделяемого руководителем своей семье. Противоречивые реакции партнера по браку побуждают руководителя к осмыслению такого положения дел. Снятие противоречия происходит путем пересмотра руководителем характера сочетания семейной и профессиональной сфер, а также оптимизации личного и семейного вклада в достижение профессиональных целей. Происходит уточнение карьерных целей и приведение их в соответствие с целями и интересами семьи.

Конструктивное влияние семьи на профессиональную жизнь нередко может наблюдаться у женщин, которые находят решение ролевого конфликта в изменении направления своей карьеры таким образом, чтобы деловая активность не только не конкурировала с их семейными интересами, но и удовлетворяла их.

Итак, в современном обществе с правовой точки зрения у женщины есть все возможности быть успешным профессионалом, но, возможно, прочно укоренившиеся социально-психологические установки мешают ей в достижении этой цели. Российское общество, являясь традиционно-патриархальным, мужчинам дает больше возможности для карьерной реализации.

Литература

- Ануфриев Е. А., Лесная А. В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 16–27; № 4. С. 28–44.
- Гаврилица О. А. Чувство вины у работающей женщины // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 65–70.
- Деткова В. А. Отражение женской ментальности в русских и английских поговорках семантической группы «семейные отношения» как иллюстрация национального характера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4 (34). С. 53–56.

- Панкратова И. А., Науменко М. В. Взаимосвязь этнической идентичности и профессиональных представлений личности // Перспективы науки. 2015. № 4 (67). С. 35–41.
- Семенова Ф. О. Психология женской карьеры: личностный и этнический модусы: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Сочи, 2010.
- Шевелёва А. М. Карьерные представления старшеклассников и студентов во взаимосвязи с гендерными характеристиками // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 164–176.
- Шмина М. А. Менталитет как социологическая категория // Социология и социальная работа. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2007. № 2 (7). С. 112–120.
- Шпилькин Ю. И. Евразийский менталитет. М., 2013.
- Штрикова Д. Б. Современная женщина: психологические барьеры в структуре женской профессиональной ментальности // Казанская наука. Казань, 2013. № 8. С. 339–341.
- Штрикова Д. Б. Женская профессиональная деятельность и женская профессиональная ментальность // Инициативы XXI века. 2015. № 3. С. 80–83.

МЕНТАЛИТЕТ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. А. Королёв (Москва)

Постановка проблемы

В научной литературе существуют большие разночтения в понимании менталитета, который трактуется и как целостная картина мира, и как бессознательный слой психического, и как социокультурный автоматизм сознания индивидов и групп, и как глобальный, всеобъемлющий «эфир» культуры, в который погружены все члены общества. Философ А. П. Огурцов отмечает сложность анализа менталитета, вбирающего в себя априорные структуры сознания, инвариантные слои в жизневосприятии человека, которые, в свою очередь, определяют и рефлексивные акты, и осознанное поведение (Огурцов, 2002).

Ряд исследователей, соглашаясь с тем, что существуют априорные структуры сознания и подсознания, инварианты глубинной психологии, включая архетипические структуры и коллективное

бессознательное, считают, что менталитет детерминирован целой системой природно-географических и социокультурных факторов, что придает ему неповторимый дух, определяет направленность умонастроений и поведения его носителей как на сознательном, так и на бессознательном уровне.

Дискуссионными являются также вопросы о том, является ли менталитет постоянным, неизменным или переменным, вариативным образованием и какие черты национального менталитета являются сущностными, а какие – случайными.

Понятие «менталитет» было введено в научный оборот в 1867 г. американским философом Р. Эмерсоном. Высказывается также мнение, что термин «менталитет» впервые был использован в этнологическом труде «La mentalite primitive» Ж. Леви-Брюля. Исследуя особенности мышления людей архаичных («примитивных») обществ, автор пришел к выводу о характерном для них «прологическом мышлении», которое обнаруживает непроницаемость для опыта и нечувствительность к противоречиям (Леви-Брюль, 1994).

Определение менталитета в русле разных отраслей науки

Хотя понятие «менталитет» имело первоначально достаточно расплывчатый характер, в XX в. оно оказалось в центре междисциплинарных исследований. К изучению менталитета обращаются представители разных отраслей социогуманитарного знания – лингвисты, социологи, культурологи, философы, политологи, психологи, историки. При этом в изучении менталитета вряд ли можно отдать пальму первенства какой-либо одной из названных наук, так как каждая из них, исследуя определенный аспект данного феномена, вносит свой вклад в создание его целостной картины. Это соответствует тенденциям развития современной науки. Как пишет М. С. Гусельцева, «постнеклассическая наука характеризуется ростом числа междисциплинарных исследований, поскольку ее объекты, как уникальные саморазвивающиеся системы, „многоклеточны“, многомерны и требуют практической реализации принципа дополнительности» (Гусельцева, 2009, с. 27).

Термин «менталитет» происходит от латинского «mens», «mentis» – ум, мышление, душевный склад. В большинстве западноевропейских языков смысл менталитета примерно одинаков: «mentalité» (фр.) – направление мыслей, умонастроение, склад ума; «mentality» (англ.) – склад ума, умонастроение. В англоязычных словарях при описании менталитета выделяется совокупность характеристик: «качество ума, характеризующее отдельного индивида или класс ин-

дивидов»; «обобщение всех характеристик, отличающих ум»; «способность или сила разума»; «установки, настроение, содержание ума»; «образ мыслей, направление или характер размышлений»; «сумма мыслительных способностей или возможностей, отличающихся от физических» (Дубов, 2002, с. 428).

Учитывая междисциплинарный характер проблемы менталитета, тем не менее попытаемся выявить особенности трактовки данного феномена в разных отраслях науки.

Так, философ Р. В. Манекен под менталитетом понимает «совокупность представлений, воззрений, „чувствований“ общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, особый психический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы» (Манекен, 1991, с. 28).

Чешский ученый Фр. Граус определяет менталитет как «общий тонус», «вживленные образцы», стереотипы мнений, действий, predisposition индивида к определенным типам реакций (История ментальностей..., 1996, с. 80).

Известный российский философ Г. Гачев рассматривает данный феномен через совокупность трех компонентов: «Космо–Психо–Логос». Автор ставит задачу «определить особые качества каждого народа, его субстанцию, характер мышления, психики и особых талантов, потому что народы, как музыкальные инструменты: один – скрипка, другой – гобой, третий – орган и т. д. Все музыканты, но тембр разный. Вот этот тембр и определяют» (Гачев, 2003, с. 440).

По мнению философа С. А. Храпова, «менталитет – это духовный феномен, сопряженный в своей динамике с коллективным, социальным бессознательным и общественным сознанием, содержащий иерархизированные бессознательные и сознательные элементы и кодекс поведения, определяющий национально-культурную уникальность и идентификацию субъекта исторического процесса» (Храпов, 2010, с. 41).

Философ Д. В. Полежаев считает, что менталитет – это устойчивая во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) система внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формируемая (и функционирующая), как под воздействием внешних условий, так и на уровне неосознаваемого. В структуре менталитета он выделяет основные блоки-установки: а) восприятие; б) оценка; в) поведение. Это своего рода «горизонтальное» членение структурных компонентов менталитета. К его «вертикальным» составляющим автор относит социальные установки индивидуального и массового сознания и сферы внесознательного, влияющие на выработку отношения к окружающим человека явлениям, событиям

и процессам. В качестве наиболее важных он обозначает следующие установки: правовую, экологическую, хозяйственно-экономическую, национально-патриотическую и др. (Полежаев, 2010, с. 119–120).

Нетрудно заметить, что философы широко используют в своих определениях менталитета базовые понятия психологической науки: «сознание» и «бессознательное», «установки», «стереотипы», «поведение» и т. д.

Под влиянием понятийного аппарата психологии находятся и историки, точнее, представители «психологизирующей истории».

Французские историки школы «Анналов» и структуралисты одними из первых приступили еще в середине 30-х годов XX в. к разработке проблем менталитета.

Согласно представителю этой школы Ж. Ле Гоффу, ментальности представляют собой не только четко сформулированные и не вполне осознаваемые процедуры мышления, но и логически проработанные умственные образы, характерные для конкретной эпохи или определенной группы.

История ментальностей (менталитета) – неотъемлемая часть «новой социальной истории» как истории социально-культурной. Ее оформление в самостоятельное направление в европейском гуманитарном знании произошло в 1960-е годы в рамках так называемого «историко-антропологического поворота» – возросшего интереса к человеку, его представлениям и образу жизни. Упрочение ее позиций в период «ниспровержения основ» и вызревания студенческой революции 1968 г. (движения «новых левых») связано с попытками переориентировать науки о прошлом с «истории героев» (правителей, мыслителей, полководцев, дипломатов) на «историю рядовых людей». В центр научных исследований были поставлены воззрения народа, эмоции и мысли «простых людей», анализ движущих сил их социального поведения. Предмет истории ментальностей – реконструкция особенностей поведения, выражения и умолчания, передающих общественное миропонимание и мироощущение, способы и содержание мышления, представления и образы, мифы и ценности, признаваемые отдельными группами или обществом в целом. История ментальностей исследует как социально-психологические константы в общественном сознании, так и медленные изменения, растянутые на продолжительное время.

Предмет изучения истории ментальностей отчасти сближается с предметом семиотики – науки о знаковых системах, которая, как известно, получила большое развитие в нашей стране в трудах ученых тартуской школы: Ю. М. Лотмана, В. В. Иванова, Б. А. Успенского, В. Н. Топорова и др. Вместе с тем подходы семиотики и исто-

рии ментальностей различны: если семиотика осознает себя преимущественно в качестве дисциплины, совершающей экспансию во все другие сферы человеческой деятельности, понимаемые ею как тексты, знаковые системы, подлежащие расшифровке, то история ментальностей, по мнению А. Я. Гуревича, сосредоточивает свое внимание не на конъюнктурных настроениях и быстро изменяющихся состояниях психики, а на константах – основных представлениях людей, заложенных в их сознание культурой, языком, религией, воспитанием, социальным общением.

К подобным представлениям относятся, в частности, восприятие пространства и времени и связанное с ними осознание исторического процесса (поступательное развитие или повторение, круговорот, регресс, статика, а не движение, и т. п.); отношение мира земного с миром потусторонним и, соответственно, восприятие и переживание смерти; разграничение естественного и сверхъестественного, соотношение духа и материи; установки, касающиеся детства, старости, болезней, семьи, секса, женщины; отношение к природе; оценка общества и его компонентов; понимание соотношения части и целого, индивида и коллектива, степени выделенности личности в социуме или, наоборот, ее поглощенности им; отношение к труду, собственности, богатству и бедности, к разным видам богатства и разным сферам деятельности; установки на новое или на традицию; оценки права и обычая и их роли в жизни общества; понимание власти, господства и подчинения, интерпретация свободы и т. д. (Гуревич, 1989, с. 79).

Согласно немецкому историку Г. Телленбаху, менталитет – это «всеобщая установка, или коллективный образ мысли», характеризующийся относительным постоянством и базирующийся не на критическом анализе или случайных спонтанных мыслях, а на том, что в данной группе или обществе воспринимается и оценивается как само собой разумеющееся.

Российский историк В. С. Каблухов считает, что менталитет – это система представлений, включающая комплекс мировосприятия и ценностей, подкрепленных традицией, в рамках конкретной группы и исторической эпохи, где главными являются материальные и корпоративные интересы (Каблухов, 1997, с. 4).

И. К. Пантин, историк и политолог, рассматривает ментальность как воплощение на уровне культуры народа исторических судеб страны, как «единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах». Справедливо отмечается, что в менталитете нации откладывается ее исторический опыт, все успехи и поражения на пу-

ти ее формирования и развития. Это «своеобразная память народа о прошлом», определяющая мировосприятие и поведение людей.

В политологическом словаре дается следующее определение: «Менталитет – обобщенное понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, обозначающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений. Используется главным образом для обозначения оригинального способа мышления, склада ума и даже умонастроения» (Политология..., 1993, с. 174).

В толковом словаре «Евразийская мудрость от „А“ до „Я“» менталитет определяется как устойчивый изоморфизм, присущий культуре или группе культур, который обычно принимается в этой культуре как естественный. Менталитет превращается в серьезную проблему на стыке культур, а также в периоды крутых социокультурных переломов, т. е. в тех случаях, когда нарушение социокультурного развития приобретает столь глубокий характер, что требует для своего преодоления сдвигов в менталитете. Менталитет может быть выражен как устойчивый способ организации, структуры освоения, осмысления через основополагающие дуальные оппозиции, системы основополагающих ценностей. Он включает ряд переходящих друг в друга элементов:

- 1) соотношение инверсии и медиации, меры между ними;
- 2) мера между эмоциональным и интеллектуальным уровнями в принятии решений;
- 3) мера между стремлением оставить все без изменения, экстраполировать культурный потенциал прошлого на осмысливаемое или пойти по пути интерпретации, открывающей путь новому, возможно ориентации на прогресс, развитие;
- 4) мера между полюсами оппозиции «условия–цели», что может быть выражено стремлением ограничиться изменением условий либо развитием целей, а также ориентацией на поиск средств;
- 5) мера преодоления оппозиции «комфортное состояние–дискомфортное»;
- 6) мера преодоления полюсов дуальной оппозиции «монолог–диалог»;
- 7) мера рефлексии, критического отношения к самому себе, способность к самоизменению, самоуглублению менталитета;
- 8) менталитет может быть охарактеризован системой нравственных идеалов, например, оппозицией «соборный–авторитарный идеал» и т. д. (Зорин, 2002).

В последнее годы к исследованию феномена менталитета активно подключились психологи.

Так, согласно Е. А. Климову, «ментальность характеризует специфические уровни индивидуального и коллективного сознания; в этом смысле она представляет собой специфический тип мышления... Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, ментальность – то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности свое культурное обнаружение» (Климов, 2002, с. 399).

М. И. Воловикова понимает под менталитетом «совокупность знаний, представлений, идеологии, принятых норм, ценностных предпочтений, основных национальных и этнических характеристик». С ее точки зрения, понятие «менталитет» употребляется «для обозначения некоторого единства умонастроений, традиций и стереотипов, привычных для жителей страны отношений и способов действия в связи с теми или иными ситуациями» (Воловикова, 2005, с. 13).

К. А. Абульханова, говоря о российском менталитете, выделяет его глубинное основание: «Самую главную черту российской психологии всегда составляла вера, в принципе свойственная любому народу, но у всех, как правило, проявляющаяся в различной форме. Однако в российском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал. Русский идеализм сочетал в себе определенную умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни» (Абульханова, 1997, с. 7–8).

По мнению Б. А. Душкова, менталитет представляет собой сложную, многоуровневую и многомерную систему образов и представлений, архетипов сознания, обнаруживающихся в видах жизнедеятельности личности, социумов и детерминированных этно-естественно-историческими процессами» (Душков, 2002, с. 16). В работах автора (Душков, 1995, 2000, 2001, 2001а, б, 2002) вводится понятие ноопсихосоциологии как высшего типа целостности, для которой характерна тесная взаимосвязь законов природы с законами мышления и социально-экономическими законами общества. С этой точки зрения он разрабатывает типологию менталитетов народов, положив в основу классификации их типов «не отдельные ментальные функции (процессы, свойства и состояния людей: чувства, мышление, язык и пр.), а виды социопсихогенеза и ноосоциопсихогенеза, которые сформировались в ходе биогене-

тического, онтогенетического, филогенетического, социогенетического и ноосоциогенетического развития эпох, социумов и личностей, и в полной мере отражают их менталитет» (Душков, 2002, с. 5).

М. И. Еникеев в статье в «Психологическом энциклопедическом словаре» выделяет следующие характеристики менталитета: «Менталитет – особенность склада ума, умонастроение (националистическое, либеральное, консервативное, прогрессивное, маргинальное и т. п.). Отражает уровень сознания и интеллекта его носителей» (Еникеев, 2007, с. 239).

Представляет интерес идея В. Е. Семенова о наличии в любом обществе множественной ментальности. Так, говоря о современном российском менталитете, автор выделяет в его структуре следующие виды менталитетов: «коллективистско-социалистический», «индивидуалистско-прозападный», «криминально-мафиозный», «мозаично-эклектический псевдоменталитет» и «православно-русский менталитет» (Семёнов, 2002, с. 20).

Попытку упорядочения менталитета как сложного и слабо структурированного феномена в свое время предпринял В. Мак-Даугал, предложив 5 необходимых для этого условий. Во-первых, необходима известная степень постоянства состава менталитета. Во-вторых, требуется, чтобы отдельные индивиды составили себе определенное представление о природе, функциях, достижениях и требованиях менталитета. В-третьих, важно, чтобы менталитет вступил в конкурентные отношения с другими сходными, но в чем-то и отличными общностями. В-четвертых, желательно наличие в менталитете традиций, обычаев и норм отношений. В-пятых, необходимо наличие в менталитете специализации и дифференциации деятельности (цит. по: Ольшанский, 2002, с. 277).

Социально-исторические преобразования и менталитет народа

Менталитет как реальность бытия нации, народа, этногрупп изменяется в ходе цивилизационного развития, но перемены в нем происходят не так быстро и не столь революционно, как это представляется на первый взгляд. Нет строгой и однозначной обусловленности менталитета существующими социальным строем и производственными отношениями. Ментальное ядро окружено плотным слоем культуры, спасающим его от конъюнктурных, антогонистичных ему влияний. Хотя в определенных условиях этот панцирь – культурно-защитное устройство – может получить значительные пробоины в результате действия инфернальных сил.

Кажется, что глубинное ментальное ядро, а с ним и менталитет в целом исчезли, уступив место некоему новому типу культурно-ментальной организации. Но, как оказывается, раны, нанесенные культуре, «духу» народа, имеют тенденцию заживать. Срабатывают культурно-охранительные механизмы сохранения менталитета. Крупные исторические повороты, войны, революции, «смуты», как показывают дальнейшие события, оказываются бессильными перед устойчивостью корневых основ складывающегося веками менталитета. По прошествии времени, казалось бы, отвергнутые ментальные конструкции вновь обретают силу воздействия на массы, в том числе на ниспровергателей, революционеров, которые начинают приспособлять свои умонастроения и поведение к традиционным ментальным установкам.

Порой кажется, что на авансцене истории появятся новые люди, с иными идеями и взглядами на жизнь: «новые времена – новые песни». Да, конечно, приходят к жизни новые поколения, которые отличаются от своих предшественников взглядами и представлениями, имеют собственные идеалы и ценности – отсюда проистекает психологический разрыв поколений. Но и они несут в себе глубинные архетипы, веру своих отцов, доминирующие в культуре поведенческие нормы и стереотипы, отношения к разным сторонам действительности. И это становится все более очевидным по мере их взросления и утраты юношеского максимализма. И их до глубины души трогают виды родной природы; в их памяти живут народные сказки, прочитанные им в детстве, и восхитившие их рассказы о подвигах защитников своего Отечества. По крайней мере, это касается большинства из них. «Бессмертный полк», где вместе с дедами и отцами шли их дети и внуки, – яркое тому подтверждение.

Менталитет нельзя сводить к общественному мнению, модным арттечениям, эстетическим предпочтениям, которые носят временный, преходящий характер и не затрагивают сущности менталитета.

Высказывается мнение и о неправомерности его отождествления с национальной самоидентификацией как результатом развития национального самосознания. Как пишет Д. В. Полежаев, менталитет «не следует рассматривать как то, что народ сам о себе думает, хотя отдельные моменты национального самосознания, несомненно, присутствуют в менталитете» (Полежаев, 2010, с. 119).

По мнению Д. В. Ольшанского, разрушение менталитета приводит к аномии, которая, в свою очередь, провоцирует рост девиантного поведения и острых психологических кризисов членов общности (Ольшанский, 2002, с. 279).

Некоторые черты современного российского менталитета

На нетерпеливое желание «вестернизаторов» поскорее переделать наш менталитет указывает известный философ А. С. Панарин. При этом он замечает, что они то и дело сетуют «на консерватизм российского массового сознания, сопротивляющегося благонамеренному реформаторству» (Панарин, 2002, с. 355).

В этом плане уместно отметить, что нынешние реформы в России (а их около 10 – военная, административная, здравоохранения, народного образования, науки и т. д.) «топчутся» на месте, в первую очередь, потому, что реформаторы не учитывают менталитет нашего народа, не опираются на его социокультурные традиции.

В литературе (философской, психологической, исторической, общественно-политической и т. д.) активно обсуждаются вопросы об особенностях современного российского менталитета и его трансформациях под влиянием новых реалий социально-экономической и политической жизни страны. Так, говоря об общественном резонансе обозначенной проблемы, укажем что «Независимая газета» совместно с радиостанцией «Эхо Москвы» и Министерством регионального развития РФ реализует проект «Народов много, страна одна», а радиостанция «Россия» вместе с Институтом этнографии и этнологии РАН – «Русские в XXI веке». Конечно, разработка проблемы формирования гражданской и этнической идентичности населения России отвечает задачам повышения потенциалов страны, социально-политической консолидации ее граждан. Однако конкретное воплощение в общем-то верных инноваций в жизнь зависит от социальных позиций многих представителей политической элиты и их оценки народом, который и должен практически реализовать в своей конкретной деятельности предложенный курс. Для примера приведем высказывание руководителя Института современного развития И. Юргенса, считающего, что основными помехами для решения задач модернизации экономики и общественно-политической жизни выступают незаинтересованность большинства элит, а также архаичность российского народа, который не раньше 2025 г. окажется «ментально совместим в восприятии демократии со среднестатистическим прогрессивным европейцем». Безразличие населения к инновациям, а также низкую гражданскую активность он объясняет сохраняющимся патернализмом в отношениях личности и государства, а также «слабой распространенностью городской урбанистической культуры» (цит. по: Сергеев, Куликов, 2010). Свои прогностические расчеты Юрген делает, опираясь на замеры общественного мнения, фиксирующего отношение россиян

к модернизации, которое, как известно, носит кратковременный, а то и конъюнктурный характер. Очевидно, что оценка менталитета должна базироваться не на выявлении отношения к какому-либо одному (пусть даже важному) аспекту жизни, а на результатах комплексных исследований, предполагающих выявление как сознательных, так и бессознательных его пластов, обращение к понятию «Космо-Психо-Логос», отражающему национальное целое. По мнению Г. Д. Гачева, «подобно тому, как каждое существо: тело, душа, дух – так и национальная целостность есть единство национальной природы (Космос), национального характера народа (Психо) и склада мышления (Логос)» (Гачев, 2002, с. 343).

Носителями менталитета выступают личности, нации, народы, этносы. Влияние этнического фактора (этнической самоидентификации) на весь спектр мотивов, установок, ценностных ориентаций, на социальное поведение как отдельного индивида, так и группы настолько велико, что можно говорить об этноменталитете. Этноменталитет проявляется в образе той или иной страны и населяющего ее народа (народов), в национальном характере, национальной идее и т. д.

Прослеживается связь менталитета с идентичностью. Имеющаяся в стране идентичность «россияне», по выводам отечественных социологов, ни в коей мере не отменяет, а скорее дополняет присущие гражданам России другие идентичности – региональную, этническую, религиозную, социальную и т. д. Так, многие люди связывают себя с «малой родиной», с местом, где они родились и проживают. Результаты проведенных в 2008 г. при поддержке Минрегиона России социологических опросов показывают, что масштабы распространения региональной идентичности существенно различаются по субъектам Российской Федерации. Граждане первой группы регионов считают своей родиной именно место своего рождения. Об этом заявили почти половина респондентов в Грозном (48%) и практически столько же опрошенных в Якутске (43%). В этих городах зафиксировано наименьшее количество тех, кто считает, что его родина Россия: в Грозном число последних составило 14,3%, в Якутске – 17,1%. Вторая группа регионов, выделенная по результатам опроса, отличается тем, что примерно треть опрошенных считают своей родиной место рождения, а не Россию, и менее половины респондентов назвали своей родиной всю страну. Это города Горно-Алтайск, Балаково, Омск, Сыктывкар, Сургут, Екатеринбург, Архангельск. Третью группу составляют регионы, в которых доля респондентов, не признающих в качестве родины государство, не превышает четверти, а тех, кто считает своей родиной Россию, – больше половины.

Такие результаты были получены при опросе жителей Оренбурга, Тулы, Пятигорска, Москвы (Региональная идентичность..., 2010).

Менталитет россиян проявляется в особом мировидении, в устойчивых формах реагирования на те или иные воздействия, явления и события. Обладая устойчивостью, эти компоненты менталитета медленно меняются в сторону европеизации. Можно заставить народ принять чужую идеологию, но невозможно привнесение извне иного менталитета. Менталитет любого народа, нации, этноса по природе прогрессивно-консервативен, т. е. отбирает из опыта жизнеспособное, апробированное и аккумулирует их у себя в виде народной мудрости (Шенкао, 2010, с. 117).

Важной научной проблемой является выяснение специфики приобщения России к мировой цивилизации и роли в этом российской ментальности. К этой проблеме обратились культурологи, философы, историки. В частности, через призму историософии В. К. Кантор рассмотрел в своей монографии «... Есть европейская держава: Россия: трудный путь к цивилизации» такие вопросы, как отношение России к Западу; противостояние стихийных элементов элементам цивилизационно организующим; фактор насилия, всегда служившего провокацией цивилизованных срывов в России; несложившийся цивилизованный механизм смены поколений; тип национальной ментальности и т. д. (Кантор, 1997).

Рассуждая о менталитете русского народа, автор высказывает мнение, что в нем преобладает «прихоть, свойственная скорее детям, не обладающим представлением о мире и обществе как сложном организме, подчиненном определенным законам» (там же, с. 136). Кантор приходит к заключению, что существующий тип российской ментальности, появляющийся в «работе из-под палки», не может вывести Россию на европейский путь развития, создать «почву», на которой будет «произрастать» свободный человек, умеющий уважать другого, способный к самодостаточности (там же, с. 137).

Сама постановка вопроса о приобщении России к цивилизации представляется абсурдной, ибо, во-первых, ставит наш народ с его многовековой историей и богатейшей культурой вне рамок цивилизационного процесса; во-вторых, в качестве единственного эталона провозглашает европейскую цивилизацию.

В противоположность этой точке зрения А. С. Панарин, автор книги-размышления «Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке», утверждает, что самобытные культурные традиции России, выстраданный ею опыт модернизации позволяют нашей стране внести творческий, новаторский вклад в решение мировых проблем (Панарин, 1998). Он опровергает утверждение,

характерное, как для западных, так и отечественных ученых, о том, что «крестный путь России – это расплата за ее неправильное, «не-современное» поведение, за темноту и невежество, за «отсталую ментальность». Панарин верит в огромный потенциал российской культуры, в творческие силы нашего народа, его способность найти конструктивные ответы на беспрецедентные вызовы современной эпохи. Но для этого требуется, по его мнению, чтобы нынешняя разорванность двух социокультурных полюсов – народа и элиты – была наконец преодолена, «чтобы пространственное чувство народа и историческое чувство интеллигенции спаялись воедино. Тогда наш национальный проект будущего станет конкурентоспособным на рынке мировых альтернативных проектов современной переходной эпохи» (там же, с. 16).

Растущий интерес к изучению российского менталитета связан с поиском ответов на вопросы о выборе путей и перспектив развития постсоветской России, с формированием государственной объединительной идеологии, концепции национальной безопасности, определением главных национальных приоритетов и ценностей. Предметом исследований становятся духовная жизнь российского общества, истоки русского национального характера, особенности этнического самосознания и т. д. (Смирнова, 1993; Герасимов, 1994; Зубкова, Куприянова, 1995; Мостовая, Скорик, 1995; Пушкирев, 1995; Буховец, 1996; Иванов, 1998; и др.).

Многогранность российского менталитета, его теоретические аспекты, связь национального менталитета с верованиями, представлениями и ожиданиями, специфика сознания больших групп населения, основные ценности, жизненные цели, социальные установки как составляющие массового и индивидуального сознания, изменчивость исторических форм сознания, соотношение сознательного и бессознательного – все это привлекло внимание представителей психологической науки (Российский менталитет..., 1996; Российский менталитет..., 1997; Ментальность россиян..., 1997; и др.).

Проблема менталитета стала предметом обсуждения на «круглых столах» и конференциях (Спор о главном..., 1993; Российская ментальность..., 1994; Социально-психологические проблемы ментальности..., 1996; Советский менталитет..., 1994; Советский менталитет, 1995; и др.).

Существенный вклад в разработку проблемы российского менталитета внес А. И. Шаповалов, автор нескольких монографий по этой теме (Шаповалов, 1997).

По сути, впервые в отечественной историографии он приступил к исследованию особенностей менталитета советского человека,

духовной культуры и умонастроений, существующих в советском государстве. Введение в научный оборот корпуса новых документов позволило ему рассмотреть проблемы политического и идеологического конформизма и неконформизма. С помощью герменевтического анализа опубликованных и неопубликованных текстов выявлены основные тенденции в эволюции умонастроений людей на различных этапах истории советского общества. Особое внимание А. И. Шаповалов обратил на период 1960–1980-х годов, ознаменовавшийся началом распада советской политической системы. Опираясь на достижения европейской и отечественной исторической антропологии, он создал собственную концепцию изучения ментальности. Результатом проведенного исследования явилось выявление связи типа политической культуры с характером мироотношения и умонастроений. Автор попытался снять дихотомию формационного и цивилизационного подходов через использование системной оценки исторической реальности. Ментальная среда, по его мнению, органически связана с архетипами общественного сознания, коллективным бессознательным, поэтому и советские ментальности несут в себе элементы мифологизированных первообразов русской культуры. Продуктивным представляется использование в его работах понятия «историческая система». Дается собственная трактовка этого понятия, рассматривается строение российской исторической системы, выделяются ее ядро, основные формообразования и защитный пояс. Изучение трудов русских мыслителей о биполярности и полицентричности российского национального характера (например, Н. А. Бердяева) приводит Шаповалова к выводу о бинарном устройстве российской и советской исторических систем. Большой интерес представляет предлагаемый им концепт «судьба России», включающий основные умонастроения, течения общественной мысли, направления ментальной ориентации, называемые «партиями должного и реального». Вместе с тем, раскрывая особенности советских ментальностей, А. И. Шаповалов, на наш взгляд, выделил лишь то, что связано с анархическими, революционными, разрушительными традициями русского народа. Вне поля его исследования остались те пласты ментальных явлений, которые ориентированы на православие как базовую духовно-нравственную основу русской культуры.

Социальные изменения в любой стране осуществляются на фоне процессов, происходящих в общемировом масштабе. И здесь в последние столетия наблюдается динамика в смене господствующих мировоззрений.

Известно, что на смену философии и мировоззрению Нового времени пришел модернизм, ставший следствием кризиса европей-

ского рационализма. Упорядоченная модель сократо-декартовской машинной цивилизации, абсолютно императивные предписания христианской морали, принцип различения явлений, в том числе объекта и субъекта, – все эти ментальные средства оказались недостаточными для решения задач нарождающегося информационно-постиндустриального общества.

После 1991 г. ряд ученых стал рассматривать развал коммунизма как конец модернизма и возникновение новой философско-мировоззренческой эпохи – постмодернизма, характеризующегося в научном плане отрицанием эпистемологических основ, неоспоримых теоретических посылок и закономерностей (Щукин, 1997, с. 93–94). Наблюдается проникновение постмодернизма в теорию и методологию научного знания, в разные сферы искусства, в систему этических норм и ценностей. Постмодернистское сознание отвергает любые абсолюты, казавшиеся истинными положения, как и саму истину, сложившиеся правила игры, существующую иерархию ценностей. Оно стремится открыть двери науки и общественного сознания для околонаучного и мистического, создает почву для появления новых религиозных сект и культов. О влиянии идеологии постмодернизма на социальную историю на Западе пишет С. Смит (1997, с. 154).

На «коррупцию сознания» и вовлеченность интеллекта в «вязкое болото иррациональности», «иррационалистическую эпидемию», стремящуюся заменить «идеал упорядоченного мышления... конвульсивным, интуитивным, эмоциональным мышлением» указывал Р. Дж. Коллингвуд (1980, с. 429, 431).

Обращаясь к России, следует сказать, что уже с конца 90-х годов XX в. отмечаются качественные сдвиги в размывании ранее устойчивых традиционных для России ценностных установок советского менталитета. Ценности духовно-нравственного характера, всегда преобладавшие в российском менталитете, начинают вытесняться ценностями сугубо материального, прагматического характера (Российское общество..., 1997, с. 51–52).

В этой связи возникают вопросы: не начался ли слом цивилизационной матрицы?¹ Не происходит ли замена цивилизационного евразийского кода на западный? Исчерпала ли себя советская ментальность?

Обращает на себя внимание факт исчезновения понятия «русское» как основы единства русского мира, стержня нашей ментальности из лексикона российских должностных лиц. «Даже слово „рус-

ский“ почти полностью изъято из внешнеполитической риторики властей России и диаспоральной деятельности государства», – говорится в проекте «Обращения русских соотечественников Прибалтики к Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу». Единственной организацией, которая, по мнению соотечественников, придерживается именно «русскости», является Православная церковь. Она официально употребляет термин «русский» и признает существование русской идентичности и русской цивилизационной формации.

Как известно, впервые попытался заменить понятие «советский человек» понятием «россиянин» Б. Н. Ельцин, однако это не повысило уровень русской идентичности, не упрочило положения русских как титульной нации (Никифоров, 2011).

Следует, видимо, разобраться, кого же в первую очередь затронули указанные сдвиги в философско-мировоззренческой и идеологической сферах. Для этого обратимся к наиболее подверженной кризисным явлениям в области идеологии возрастной когорте общества – молодежи.

Как показали социологические исследования, в первой половине 1990-х годов отход от существовавшей советской модели, а также аморфность идеалов и контуров нового социального уклада привели к кризису ценностей, что отразилось, в первую очередь, на молодежи (Чередниченко, 2004).

Проводимые реформы обострили процессы социализации, адаптации и самоопределения личности в обществе. Молодежь вынуждена осваивать новый социальный опыт быстрее, чем старшие поколения, приспосабливаться к условиям рынка, самостоятельно добывать средства существования. Современное молодое поколение в своей основной массе дилемму «рынок – антирынок» решило в пользу рынка. Против рыночной экономики высказываются, по данным социологических опросов, от 10% до 13% молодых людей (Горшков, Шеренги, 2010).

Происходит формирование ценностей общества потребления, среди которых одной из главных являются деньги. Решающим аргументом при выборе места работы является большая зарплата. На это указывают 65% молодых людей. При этом нивелируется роль таких факторов, как престижность профессии, комфортные условия труда, свободный режим работы. Происходит трансформация взглядов молодых людей на способы добывания денег. Так, каждый третий респондент считает нормальным заниматься перепродажей (что раньше называлось спекуляцией). Каждый второй считает в порядке вещей добывать деньги хитростью, и каждый пятый – силой (там же).

1 Под цивилизационной матрицей понимается доминантный интеграл социальной, экономической и культурной сферы бытия данной цивилизации (Леонова, 2010, с. 56).

Нельзя не обратить внимание на усиление асоциальных установок в сознании молодежи. Хотели бы не платить налоги 25% опрошенных, работать в сомнительной фирме – 12% (там же).

Авторы фундаментального труда о современной молодежи М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги делают вывод, что главное социальное противоречие нынешнего российского общества, согласно мнению молодежи (как и представителей среднего и старшего поколений), – это противоречие между богатыми и бедными. Молодежь не гиперболизирует противоречия между поколениями: 80% молодых людей не считают их актуальными в современной ситуации. Точно так же не является, согласно представлениям молодежи, актуальной проблема религиозного противостояния, в частности, между православием и исламом. И хотя примерно пятая часть молодежи отмечает наличие межэтнических противоречий, прежде всего между русскими и нерусскими, которые в ее представлениях трансформируются в противоречие между местными и приезжими, однако для 90% молодежи констатация этого факта не свидетельствует о существовании у нее установки на активные формы протеста. В случае ухудшения условий жизни в России намерены включиться в социальные протесты 5% молодежи. Примерно 15% молодежи настроены терпеть до разрешения экономических проблем.

По мнению социологов, к политическим протестам склонны школьники, студенты вузов, рабочие, предприниматели, работники сельского хозяйства, но их немного. Основные установки молодежи России в условиях ухудшения жизненной ситуации в России – работать и ждать (там же).

Академик Н. И. Конрад писал: «Каждый народ, большой или малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами. Можно сказать даже, что история человечества проявляется именно в истории отдельных народов, через всю их историю. История человечества не какой-то безликий процесс: она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время... часто смысл исторических событий, составляющий, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества» (Конрад, 174, с. 296).

В декабре 2006 г. Аналитический центр Ю. Левады провел большой опрос на тему «Россия и Запад». На вопрос «Является ли Россия частью западной цивилизации?» положительно ответили 15%. Большинство, 70% опрошенных, выбрали ответ «Россия принадлежит особой («евразийской» или «православно-славянской») цивилизации, и поэтому западный путь развития ей не подходит» (Седов, 2006).

Если каждый человек неповторим и имеет свои особенности, уникальные отпечатки пальцев, склад психики, ума, то тем более каждый народ имеет «свои особенности», склад души, чувств – словом, свой особый менталитет.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
- Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М., 2005.
- Гачев Г. Д. Ментальность как национальный космопсихологос // Душков Б. А. Психосоциология менталитета нооменталитета. Приложение. М., 2002.
- Гачев Г. Д. Ментальность народов мира. М., 2003.
- Герасимов И. В. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
- Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75–89.
- Гусельцева М. С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М., 2009.
- Дубов И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Приложение. Екатеринбург, 2002.
- Душков Б. А. Виды и типы психогенеза личности. М., 1995.
- Душков Б. А. Ноопсихология и ноосоциология народов. М., 2000.
- Душков Б. А. Ноопсихология народов и эпох. М., 2001.
- Душков Б. А. Основы этнопсихологии и ноопсихологии. М., 2001а.
- Душков Б. А. Психология типов личности, народов и эпох. М., 2001б.
- Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002.
- Еникеев М. И. Менталитет // Психологический энциклопедический словарь. М., 2007. С. 239.

- Зорин В. Евразийская мудрость от «А» до «Я»: Толковый словарь. Алматы, 2002.
- Зубкова Е. Ю., Куприянова А. И. Метальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7.
- Иванов В. Н. Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования // Социально-политический журнал. 1998. № 2.
- История ментальностей: Историческая антропология. М., 1996.
- Каблухов В. С. Эволюция менталитета дворянства Черноземного региона в пореформенный период 1861–1905 гг. М., 1997.
- Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историческое очерки. М., 1997.
- Климов Е. А. Профессиональный менталитет и одна психосоциологическая гипотеза // Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Приложение. Екатеринбург, 2002.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980.
- Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1974.
- Леву-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- Леонора О. Г. Россия и мир в XXI веке // Россия и мир в XXI веке: Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 4. М., 2010.
- Манекен Р. В. Контент-анализ как метод исследования исторической мысли. Опыт количественного исследования итальянских текстов эпохи Возрождения (Поджо Браччамоно) // Клио. 1991. № 1.
- Ментальность россиян: Специфика сознания больших групп населения России. М., 1997.
- Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4.
- Никифоров О. Н. «Русскость» как лозунг современности: Кто возьмется за решение проблемы русской идентичности в России // Независимая газета. 2011. 13 января.
- Огурцов А. П. Трудности анализа менталитета // Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Приложение. Екатеринбург, 2002.
- Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. М.–Екатеринбург, 2002.
- Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
- Панарин А. С. Процессы модернизации и менталитет // Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Приложение. Екатеринбург, 2002.
- Полежаев Д. В. Феномен менталитета общества: сущность и понимание // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4.

- Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993.
- Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3.
- Региональная идентичность с точки зрения социологов // Независимая газета. 2010. 10 сентября.
- Российский менталитет: Психология личностей, сознание, социальные представления. М., 1996.
- Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
- Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1.
- Российское общество и современный политический процесс: Опыт политолого-социологического анализа: Аналитический доклад. М., 1997.
- Седов Л. Запад внутри нас // Независимая газета. 2006. 22 декабря.
- Семёнов В. Е. и др. Положение молодежи Санкт-Петербурга: Ежегодный доклад. СПб., 2002.
- Сергеев М., Куликов С. В провалах модернизации виноват народ // Независимая газета. 2010. 16 сентября.
- Смирнова Н. Н. Интеллигентское сознание как предтеча тоталитарного менталитета // Полис. 1993. № 4.
- Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 3.
- Советский менталитет: история и тенденции развития: Материалы научной конференции. Вып. 1–3. Армавир, 1994.
- Советский менталитет: проблемы методологии исследования: Материалы научной конференции. Армавир, 1995.
- Социально-психологические проблемы ментальности: Материалы научной конференции. Смоленск, 1996.
- Спор о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.
- Храпов С. А. Концептуализация понятий «социальное бессознательное» и «менталитет» (Культурно-исторический и философский анализ) // Власть. 2010. № 10.
- Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб., 2004.
- Шапоровалов А. И. Феномен советской политической культуры: ментальные признаки, источники формирования и развития. М., 1997.
- Шенкао М. А. Слово об этноменталитете // Вестник Российского философского общества. 2010. № 1.
- Щукин Н. Н. Проблема бессознательного в метанаучном контексте // Сознательное и бессознательное в социально-политических процессах современного российского общества. М., 1997.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ВЕРОЙ В СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ И ОТНОШЕНИЕМ К ВОЙНЕ

А. Н. Неврюев (Москва)

Постановка проблемы

Конфликты между странами происходят на протяжении всей истории человечества. Разные страны выбирают особые стратегии разрешения таких конфликтов – от мирных переговоров между конфликтующими сторонами до военного вмешательства на территорию другой страны. Однако военные действия обычно запоминаются людям больше, чем мирные способы разрешения конфликтов. Так, по данным Левада-центра (Общественное мнение-2009), в 1994 г. и 1995 г. большинство респондентов к числу наиболее значимых событий отнесло войну в Чечне; в 1999 г. – войну в Югославии. В 2003 г. одним из трех важных событий была признана война в Ираке, а в 2008 г. – военный конфликт, происходивший на территории Южной Осетии. Как мы можем видеть из представленных данных, у респондентов вызывают интерес как военные события, происходящие на территории своей страны, так и военные действия в других странах.

Отношение к войне

Аттитюды людей к военным действиям варьируются в довольно широких пределах – от крайне негативных до крайне позитивных. Следовательно, в психологических исследованиях довольно часто возникает вопрос, какие именно факторы оказывают влияние на аттитюды к войне. На протяжении трех последних десятилетий психологи провели большое количество исследований, которые изучают аттитюды к войне. Как правило, они посвящены анализу аттитюдов к войне, в которой участвует конкретная страна. Например, Вьетнамская война (Izzett, 1971), война в Персидском заливе (Doty et al., 1997; Duncan, Stewart, 1995; Heskin, Power, 1994), война в Ираке (Cohrset et al., 2005b; Crowson, 2009a, b; Crowson et al., 2005, 2006; Friese, 2009; Heaven et al., 2006; Henderson-King et al., 2004; McFarland, 2005; VanHiel, Kossowska, 2007), военное вмешательство в Югославии (Cohrs, Moschner, 2002) и Балтике (McFarland, Ageyev, Abalagina-Paap, 1992).

Вера в справедливый мир

Под социальными верованиями понимаются убеждения о том, что люди ведут себя так, как они хотели бы, чтобы с ними поступали другие. К числу таких верований относится *вера в справедливый мир*. Гипотеза справедливого мира была введена М. Лернером (1980). Он полагал, что большинство людей считают, что мир справедлив, и, следовательно, все события и последствия в нем являются логичными и предсказуемыми. В таком мире люди обычно получают то, что заслуживают, и заслуживают то, что получают. Именно такое восприятие придает человеку смысл жизни. Благодаря этой вере человек может быть убежден в том, что он способен предсказывать события, которые с ним произойдут, и достигать определенных целей. В настоящее время выделяют два отдельных компонента веры в справедливый мир: вера в справедливый мир вообще, а также вера в справедливый мир по отношению к себе лично (Dalbert, 1999; Lipkus, Dalbert, Siegler, 1996). В первом случае речь идет о вере в справедливость мира по отношению ко всем людям, во втором – по отношению к себе лично.

Национальная идентификация

Национальная идентификация – один из видов социальной идентификации человека. Согласно теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986), она является важной составляющей социальной идентичности, связанной с чувством принадлежности человека к определенной группе. У каждого человека существует несколько социальных идентичностей, которые актуализируются в зависимости от той или иной ситуации. Рассматривая проблематику международных отношений, исследователи обычно придают большое значение национальной идентификации, т. е. восприятию человеком себя как гражданина той или иной страны.

Эмпирическое исследование

Гипотеза нашего эмпирического исследования состояла в предположении, что вера в справедливый мир предсказывает отношение к войне, однако эта связь опосредуется национальной идентификацией.

Для проверки гипотезы данного исследования мы спланировали и провели эмпирическое исследование.

Выборку исследования составили 897 жителей России (среди них – 51,5% мужчин и 48,5% женщин) в возрасте от 18 до 80 лет (M=46,2; SD=12,3).

Методика и процедура исследования

Данные были собраны с помощью электронного варианта опросника в течение июня 2015 г.¹ Кроме того, ссылки на опросник были распространены через интернет сайты «voxru.net» и «subscribe.ru». Респонденты принимали участие в исследовании на добровольной основе. Они заполняли онлайн- опросник, который включал в себя опросник веры в справедливый мир, национальной идентичности и отношения к войне как к способу разрешения международных конфликтов.

Для измерения веры в справедливый мир использовался опросник, разработанный С. Dalbert. На русский язык этот опросник был переведен и адаптирован Нартовой-Бочавер, Хохловой, Подлипником (Nartova-Vochaver, Hohlova, Podlipnyak, 2013). В нем содержится 13 прямых утверждений, 7 из которых связаны с верой в справедливость мира по отношению к себе («Я считаю, что, по большому счету, заслуживаю того, что происходит со мной» и др.). Остальные 6 утверждений связаны с верой в общую справедливость мира («Я уверен, что справедливость всегда побеждает несправедливость» и др.). Участникам надо было оценить, насколько они согласны или не согласны с данными утверждениями, используя 6-балльную шкалу (от 1 – «полностью несогласен» до 6 – «полностью согласен»).

Для измерения национальной идентификации использовалась иерархическая модель измерения ингрупповой идентификации, предложенная К. Личс с соавт. (Leachet et. al., 2008). Опросник для измерения идентификации по данной модели для русскоязычной выборки был адаптирован Агадуллиной и Ловаковым (Agadullina, Lovakov, 2013). Этот опросник включает в себя 14 утверждений, которые описывают пять основных компонентов национальной идентификации: самостереотипизацию (например: «У меня много общего со среднестатистическим гражданином России»); ингрупповую гомогенность (например: «У граждан России много общего между собой»); сплоченность (например: «Я солидарен с гражданами России»); удовлетворенность (например: «Я рад, что являюсь гражданином России»); выраженность (например: «Принадлежность к гражданам России накладывает отпечаток на мою личность»). Участникам исследования необходимо было ознакомиться с данными утверждениями и указать, насколько они согласны или не согласны с ними по 7-балльной шкале (от 1 – «абсолютно несогласен» до 7 – «абсолютно согласен»).

Для изучения отношения к войне как к способу разрешения международных конфликтов нами был разработан специальный

опросник. Для этого сначала было изучено содержание различных интернет-форумов и групп в социальных сетях, где обсуждалась проблематика войны как способа разрешения международных конфликтов. Затем, опираясь на утверждения, предложенные в исследовании Д. Г. Джонс-Велли с соавт. (Jones-Wiley et al., 2007), мы провели пилотажное исследование и на основании результатов конфирматорного факторного анализа отобрали 16 утверждений, которые составили 6 субшкал:

- а) война как способ разрешения международных конфликтов (например: «Война – лучшее средство разрешения международных конфликтов»);
- б) моральное оправдание войны (обратное утверждение: «Войне нет оправданий»);
- в) экономические последствия войны (например: «Война способствует прогрессу»);
- г) социальные последствия войны (например: «Война позволяет защитить людей, пострадавших от несправедливости»);
- д) позитивные гуманитарные последствия войны (например: «Война развивает в человеке лучшие качества»);
- ж) негативные гуманитарные последствия войны (например: «Война пробуждает в человеке самые худшие качества»).

Результаты исследования

Средние значения, стандартные отклонения и корреляции между верой в справедливый мир, национальной идентификацией и отношением к войне представлены в таблице 1. У респондентов выявлен низкий общий уровень веры в справедливый мир ($M=3,40$, $SD=0,88$) и высокий уровень веры в справедливый мир по отношению к себе ($M=3,86$, $SD=0,85$). Средний балл, полученный испытуемыми по шкале общей веры в справедливый мир, был значительно ниже среднего балла по данной шкале ($t(896)=-3,566$, $p<0,001$), в то время как средний балл по шкале веры в справедливость мира по отношению к себе, напротив, был значительно выше среднего балла по данной шкале ($t(896)=12,528$, $p<0,001$). Кроме того, большинство респондентов имело высокий уровень национальной идентификации. Респонденты также продемонстрировали низкие значения по шкале отношения к войне ($M=2,43$, $SD=0,78$, $t(896)=-60,029$, $p<0,001$).

В соответствии с нашими гипотезами было выявлено, что шкала «вера в справедливый мир (общая)» ($rs=0,362^{***}$) и шкала «вера в справедливый мир (личная)» ($rs=0,191^{***}$) имеют положительную

1 Онлайн-версия опросника была создана на сайте <https://virtualexs.ru>.

Таблица 1

Описательная статистика и интеркорреляции веры в справедливый мир, национальной идентификации и отношения к войне

Типы отношения к войне	M	SD	α Крон-баха	1	2	3
Вера в справедливый мир (к себе)	3,86	0,85	0,921			
Вера в справедливый мир (вообще)	3,40	0,88	0,852	0,541***		
Национальная идентификация	5,02	1,12	0,944	0,191***	0,362***	
Отношение к войне	2,43	0,78	0,878	-0,063	-0,008	-0,005

корреляцию с национальной идентификацией. Кроме того, в соответствии с нашими гипотезами, национальная идентификация не была связана с отношением к войне.

Для проверки наших гипотез мы использовали метод моделирования структурными уравнениями. Модель, которую мы тестировали, включала в себя четыре переменные: вера в справедливый мир (вообще) и вера в справедливый мир (к себе) были выбраны как независимые; переменная национальной идентификации выступала как возможный медиатор; переменная отношения к войне – как зависимая переменная. В данную модель была добавлена корреляция между компонентами веры в справедливый мир вообще и веры в справедливый мир к себе. Модель, представленная на рисунке 1, показала хорошее соответствие полученным данным ($\chi^2=3,676$, $df=2$, $p>0,05$, CFI=0,987, TLI=0,969, RMSEA=0,031, SRMR=0,018, AIC=14359,684, BIC=14393,277).

Рис. 1. Взаимосвязь между верой в справедливый мир, национальной идентификацией и отношением к войне. *** – $p<0,001$; Н/З – результат статистически не значим.

Согласно нашей гипотезе, вера в справедливый мир вообще предсказывает национальную идентификацию. Чем больше люди верят, что мир справедлив по отношению ко всем, тем больше они идентифицируют себя с Россией. Однако, вопреки гипотезе, вера в справедливый мир к себе не связана с идентификацией с Россией. Также, несмотря на наше предположение, национальная идентификация непосредственно предсказывала отношение к войне.

Первый этап данного исследования подтвердил наши гипотезы лишь частично. Так, например, было установлено, что вера в справедливый мир действительно предсказывает уровень национальной идентичности. Но такое влияние характерно лишь для веры в справедливый мир вообще, но не для веры в справедливый мир к себе. Таким образом, более сильную идентификацию демонстрировали те россияне, которые верили, что мир справедлив для всех. Кроме того, вера в справедливый мир по отношению к себе, как оказалось, не связана с национальной идентификацией.

С одной стороны, полученные результаты противоречат позиции некоторых исследователей, утверждающих, что вера в справедливый мир к себе оказывает большее влияние на доверие к людям, чем вера в справедливый мир вообще (Dalbert, Filke, 2007; Otto, Dalbert, 2005). С другой стороны, эти результаты соответствуют некоторым данным, полученным в ходе проведения других исследований (Gulevich, Sarieva, 2015). Скорее всего, это связано с тем, что человек, считающий, что мир справедлив по отношению к нему, способен объяснить это явление, привлекая характеристики собственной личности, однако затрудняется это сделать, оценивая особенности других людей. В то же время вера в справедливость по отношению к другим связана с восприятием справедливости как распространенного явления. Значит, человек, который верит, что мир справедлив по отношению к другим, должен иметь более позитивные ожидания от собственного членства в национальной группе.

Результаты данного этапа также показали, что российская идентификация оказалась позитивно связана с отношением к войне в целом. Этот результат подтверждает аналогичные данные, полученные в ходе исследования, в котором участвовали итальянцы и американцы (Herrmann, Isernia, Segatti, 2009). Национальная идентификация позитивно связана с аттитюдами к войне. Однако данная связь исчезает, если в исследовании появляется такой конструкт, как национализм. Таким образом, позитивная связь между российской идентификацией и аттитюдами к войне может быть обусловлена достаточно высоким уровнем национализма участников

исследования – россиян. Наши дальнейшие исследования будут посвящены изучению связи национальной идентификации, патриотизма, национализма и аттитюдов к войне.

Литература

- Общественное мнение-2009. М., 2009. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/levada_2009_rus.pdf (дата обращения: 18.07.2016).
- Agadullina E., Lovakov A. Measurement model of in-group identification: Validation in Russian samples // *Journal of the Higher School of Economics*. 2013. V. 10. P. 39–153.
- Cohrs J. C., Moschner B. Antiwar knowledge and generalized political attitudes as determinants of attitude toward the Kosovo war // *Journal of Peace Psychology*. 2002. V. 8. P. 139–155.
- Crowson H. M. Nationalism, internationalism and perceived un relevance: mediators of relationships between authoritarianism and support for military aggression as part of the war on terror // *Journal of Applied Social Psychology*. 2009a. V. 39. P. 1137–1162.
- Crowson H. M. Right-wing authoritarianism and social dominance orientation as mediators of worldview beliefs on attitudes related to the war on terror // *Social Psychology*. 2009b. V. 40. P. 93–103.
- Crowson H. M., DeBacker T. K., Thoma S. J. Does authoritarianism predict post-9/11 attitudes? // *Personality and Individual Differences*. 2005. V. 39. P. 1273–1283.
- Crowson H. M., DeBacker T. K., Thoma S. J. The role of authoritarianism, perceived threat and need for closure or structure in predicting post-9/11 attitudes and beliefs // *Journal of Social Psychology*. 2006. V. 146. P. 733–750.
- Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // *Social Justice Research*. 1999. V. 12. P. 79–98.
- Dalbert C., Filke E. Belief in a personal just world, justice judgment and their functions for prisoners // *Criminal Justice and Behavior*. 2007. V. 34. P. 1516–1527.
- Doty R. G., Winter D. G., Peterson B. E., Kimmelmeier M. Authoritarianism and American students' attitudes about the Gulf War, 1990–1996 // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. V. 23. P. 1133–1143.
- Duncan L. E., Stewart A. J. Still bringing the Vietnam War home: Sources of contemporary student activism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1995. V. 21. P. 914–924.
- Friese M., Fishman S., Beatson R., Sauerwein K., Rip B. Whose fault is it anyway? Political orientation, attributions of responsibility and support for the war in Iraq // *Social Justice Research*. 2009. V. 22. P. 280–297.
- Gulevich O. A., Sariieva I. R. Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification. *Psychology // Journal of the Higher School of Economics*. 2015. V. 12. P. 30–40.
- Heaven P. C. L., Organ L., Supavadeeprasit S., Leeson P. War and prejudice: A study of social values, right-wing authoritarianism and social dominance orientation // *Personality and Individual Differences*. 2006. V. 40. P. 599–608.
- Henderson-King D., Henderson-King E., Bolea B., Koches K., Kauffman A. Seeking understanding or sending bombs: Beliefs as predictors of responses to terrorism. *Peace and Conflict // Journal of Peace Psychology*. 2004. V. 10. P. 67–84.
- Herrmann R. K., Isernia P., Segatti P. Attachment to the nation and international relations: Dimensions of identity and their relationship to war and peace // *Political Psychology*. 2009. V. 30. P. 721–754.
- Heskin K., Power V. The determinants of Australians attitudes toward the Gulf war // *Journal of Social Psychology*. 1994. V. 134. P. 317–330.
- Izzett R. R. Authoritarianism and attitudes toward the Vietnam War as reflected in behavioral and self-report measures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971. V. 17. P. 145–148.
- Jones-Wiley D. G., Restori A. F., Lee H. B., Himelfarb I., Boluyt M. A psychometric evaluation of existing attitude measures toward capital punishment and war // *North American Journal of Psychology*. 2007. V. 9. P. 475–484.
- Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M. L. W., Pennekamp S. F., Doosje B., Ouwerkerk J. W., Spears R. Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. V. 95. P. 144–165.
- Lipkus I. M., Dalbert C., Siegler I. C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus others // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. V. 22. P. 666–677.
- McFarland S. G. On the eve of war: Authoritarianism, social dominance, and American students' attitudes toward attacking Iraq // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. V. 31. P. 360–367.
- McFarland S. G., Ageyev V. S., Abalakina-Paap M. A. Authoritarianism in the former Soviet Union // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. V. 63. P. 1004–1010.
- Nartova-Bochaver S. K., Hohlova A. Yu., Podlipnyak M. B. Belief in a just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults // *Clinical Psychology and Special Education*. 2013. V. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (дата обращения: 15.08.2016).
- Otto K., Dalbert C. Belief in a just world and its functions for young prisoners // *Journal of Research in Personality*. 2005. V. 39. P. 559–573.

Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of inter-group behavior // Psychology of Intergroup Relations / Eds S. Worchel, L. W. Austin. Chicago, 1986. P. 7–24.

Van Hiel A., Kossowska M. Contemporary attitudes and their ideological representation in Flanders (Belgium), Poland and the Ukraine // International Journal of Psychology. 2007. V. 42. P. 16–26.

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ХАМСТВЕ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

И. Н. Нурлыгаянов (Москва)

Постановка проблемы

В связи с упадком и кризисом в сфере духовной жизни общества для ученых особо актуальными становятся вопросы психологии нравственности. Свидетельством этому является целый ряд публикаций, изданных в последнее время Институтом психологии РАН (Проблемы нравственной..., 2011; Психологические исследования..., 2011; Психология нравственности, 2010). В данных работах значимое место отводится индикации нравственного состояния общества. Действительно, моральное падение и разложение населения, особенно молодежи, представляет угрозу для безопасности страны. В статье А. В. Юревича и Д. В. Ушакова приводятся статистические данные, подтверждающие неблагоприятное морально-нравственное состояние современного российского общества (Юревич, Ушаков, 2010).

Несомненным остается факт, что общественные отношения обуславливают формирование типов личностей, приспособляющихся и довольно эффективно функционирующих в таких реалиях, – асоциальных и девиантных, с морально-нравственными деформациями и искажениями в структуре характера.

А. В. Юревич выделяет некоторые факторы формирования асоциального типа личности, имея в виду, что это относится к разным возрастным группам:

- 1) понимание свободы как отсутствия правил и ограничений;
- 2) постулирование некоторой частью общества, пребывающей «над законом» и не подверженной какому-либо социальному контролю, ценностных ориентаций и образцов поведения, являющихся откровенно порочными и разлагающими;

- 3) влияние СМИ, формирующих культ агрессивности и деструктивности;
- 4) поведение категорий населения, характеризующихся «свободой» от выполнения законов и не испытывающих страха наказания со стороны государства и его институтов;
- 5) фрустрирование потребностей (гедонизма, быстрого материального обогащения), вызывающее агрессию;
- 6) безразличие государства и системы образования к вопросам воспитания подрастающего поколения (Юревич, 2011).

В качестве деструктивной модели личностной организации и поведения выступает хамство, которое отравляет межличностные отношения, разрушает психологическое здоровье людей, приводит к асоциальным поступкам.

Обратимся к этимологии данного понятия. Слова «хам» и «хамство» присутствуют лишь в восточно- и западнославянских языках. В словаре В. Даля под словом «хам» понимается бранное прозвище лакеев, холопов или слуг (Даль, 2010). Д. Н. Ушаков разводит понятия «хам» и «хамство». Значения слова «хам» определяются следующим образом: «1. В языке дворян: человек, принадлежащий к низшим классам и лишенный поэтому всякого человеческого достоинства. 2. Грубый, наглый и невоспитанный человек, готовый на подлости» (Ушаков, 2007, с. 1144). При этом для обозначения половой принадлежности к представителям женской популяции применяется слово «хамка» (презрительное, разговорное, бранное). В словаре С. И. Ожегова также прослеживается дифференциация слов «хам» и «хамство». Хам – «это грубый, наглый человек», а хамство обозначает поступки и поведение человека (Ожегов, 1991, с. 857).

С. Д. Довлатов отмечает, что хамство отличается от грубости, наглости и нахальства тем, что оно непобедимо; с ним невозможно бороться, перед ним можно только отступить (Довлатов, 2005).

По мнению Я. А. Волковой, феномен хамства характеризуется такими признаками, как: «1) установка на заведомую беспомощность жертвы; 2) референция к вызывающе оскорбительному поведению; 3) интенция обидеть, незаслуженно оскорбить; 4) осознание безнаказанности/анонимности совершенных оскорбительных действий; 5) получение удовлетворения от унижения и растерянности собеседника» (Волкова, 2013, с. 218).

В научном плане психологи не анализируют данное явление и черту характера человека, несмотря на проникновение хамства во все сферы жизни. Феноменология хамства как личностной диспозиции и модели поведения может быть объяснена на основе данных исследований в области характерологии. Механизмами харак-

терообразования выступают переход повторяющихся состояний в устойчивые стили реагирования, черты характера (Левитов, 1969), превращение отношений в устойчивые и выраженные качества характера (Мясищев, 1998).

В коллективной работе казанских психологов отмечается, что хамство «проявляется в способности унижить другого человека» (Попов, Голубева, Устин, 2008, с. 130). Авторы эмпирическим путем выявили связь циничности с другими негативными качествами личности, в том числе с хамством, что отражается в нигилизме как отрицании общепринятых норм и ценностей, непризнании внутреннего мира других людей, пренебрежительном отношении к общечеловеческим принципам морали и нравственности.

Организация и методика эмпирического исследования хамства и личности хама

В качестве *методики* изучения рассматриваемого феномена использовалась специально разработанная анкета, основанная на методике японских психологов Азумы и Кашиваги, адаптированной Н.Л. Александровой к российской выборке (Александров, Александрова, 2009).

Выборку исследования составили студенты 3–4-го курсов факультета психологии Башкирского государственного университета (n=42). Выбор студентов-психологов в качестве экспертной группы не случаен, так как, привлекая соответствующий терминологический аппарат и основываясь на жизненном и профессиональном опыте, данная категория испытуемых может построить адекватную картину такого сложного и многогранного явления, как хамство.

Первый этап исследования включал сбор дескрипторов, характеризующих личность хама, и составление специальной анкеты. На основе частотного анализа было выделено 39 дескрипторов, которые составили содержание анкеты. Полученные результаты показывают, что представления о личности хама носят в основном негативный характер.

Второй этап предполагал заполнение анкеты испытуемыми, а также последующую количественно-качественную обработку полученных данных. Следует отметить, что в анкету был включен ряд открытых вопросов, позволяющих расширить представления о хамстве как о социально-психологическом явлении. На данном этапе анкета была предложена для заполнения студентам математического и географического факультетов Башкирского государственного университета (n=62). Каждый дескриптор оценивался по пятибалль-

ной шкале от «выражено значительно» до «совершенно не выражено». Статистическая обработка данных осуществлялась с применением процедуры факторного анализа по методу главных компонент с последующим вращением матрицы по типу Varimax-normalized.

Результаты исследования

Эмпирическая структура представлений о личности хама

Факторизация данных позволила выделить в модели хама шесть значимых факторов. В реальности мы сталкиваемся с отдельными проявлениями хамского поведения, но чаще всего феномен реализуется через симптомокомплексы различной вариативности.

В *первый фактор* (доля объяснимой дисперсии – 16,3%) вошли дескрипторы: «употребляющий ненормативную лексику» (0,775); «бестактный» (0,717); «грубый» (0,707); «конфликтный» (0,694); «эмоционально незрелый» (0,656); «неуживчивый» (0,650); «невоспитанный» (0,649); «дерзкий» (0,636); «несдержанный» (0,600). Данный фактор показывает, что на проявления хамства, в первую очередь, влияют воспитание человека, социальная среда, в которой он рос, установки и ценности, которые заложили в него родители и социальное окружение. Стремление по любому, даже малейшему, поводу вступить в конфликтную ситуацию объясняется эмоциональной незрелостью и отсутствием терпимости к людям. При этом у субъектов, на которых обращено хамское поведение, формируется негативный опыт коммуникативного взаимодействия, так как средствами выражения хамства зачастую выступают нецензурная речь и высказывания, унижающие их достоинство и честь. В.Г. Ромек подчеркивает, что хамство связано с отсутствием возможности проявить себя в личных достижениях; человек самоутверждается посредством унижения и уничтожения окружающих (Ромек, 2004). Данная стратегия может быть проинтерпретирована как *проявление вербальной агрессии и незрелости в межличностных отношениях*.

Второй фактор (доля объяснимой дисперсии – 8,8%) вобрал переменные: «настойчивый» (0,720); «самоуверенный» (0,592); «прямолинейный» (0,574); «упрямый» (0,535); «циничный» (0,524); «эгоистичный» (0,500). В целом переменные, образующие фактор, показывают, что человек чувствует безнаказанность за собственные действия, поднимает свою самооценку за счет других. Возможно, волевые усилия хама сопряжены с эгоистической направленностью и выступают средством, удовлетворяющим его необходимые потребности и желания, но без соотнесения их с подобными качествами других людей. Данная стратегия обозначена как *проявление*

негативной волевой активности, обусловленной заботой о собственном «Я» и безнаказанностью со стороны общества.

Третий фактор (доля объяснимой дисперсии – 7,3%) объединил показатели: «общительный» (0,677); «трусливый» (0,624); «скрытый» (0,581); «тщеславный» (0,571). Рассматриваемая стратегия характеризует тенденцию индивида добиваться своей аморальной цели обходными путями с целью быть принятым обществом и соответствовать социальным нормам. Такая модель поведения требует большого напряжения и постоянного контроля со стороны хама, направленного на скрытие своих потаенных желаний и стремлений. Данная стратегия обозначена как *лицемерие в межличностных отношениях*.

Четвертый фактор (доля объяснимой дисперсии – 8,1%) включил переменные: «корыстный» (0,711); «вредный» (0,665); «лицемерный» (0,616). Фактор отражает, с одной стороны, двуличность и услужливость хама, с другой – желание нанести какое-либо негативное воздействие, урон собеседникам из-за собственного унижения перед ними. Зависимость, внешнее раболепие лишь еще больше невротизируют личность и актуализируют развитие таких личностных качеств, как мстительность и злопамятность. Содержательный анализ фактора позволяет толковать его как стратегию *двойственности в отношениях, обусловленную достижением какой-либо выгоды*.

Пятый фактор (доля объяснимой дисперсии – 8,8%) образован следующими дескрипторами: «небрежный» (0,749); «недоверчивый» (0,529); «неприятный» (0,510). Хам, проявляющий соответствующее поведение, прекрасно осведомлен, что совершаемые им поступки и действия будут негативно восприниматься окружающими. К сожалению, эта тенденция расширяет диапазон своего присутствия в жизненных реалиях, становится обыденной и привычной. Такая установка в сознании хама будет лишь подкрепляться и развязывать руки его очередным «подвигам».

Одна из причин подобных проявлений – молчание общества, отсутствие системы порицания, привыкание к происходящему. Унижение населения со стороны государства и чиновников, закабаление трудовой части общества, неуважительная и беспринципная позиция по отношению к людям в многочисленных эпизодах жизненного пути способствуют формированию объектного отношения к личности (Абульханова, 1996). Игнорирование проблем стариков, детей и матерей, инвалидов, простых людей со стороны государственных институтов и бюрократическо-олигархической системы выступают определенного рода «эталоном» и для некоторой части

общества, лишенной духовно-нравственного стержня и мировоззрения. Данная стратегия интерпретирована как *соответствие негативным оценкам в глазах социума как способа самоутверждения*.

Шестой фактор (доля объяснимой дисперсии – 6,4%) определяется следующими дескрипторами: «жестокий» (0,650); «злой» (0,600); «применяет физическую силу» (0,600); «агрессивный» (0,588). Как говорится в поговорке, «не все горлом, ино и руками». На наш взгляд, это крайний вариант решения разногласий, присущий хаму. Например, замечание, сделанное водителю, нарушающему правила (хамство в отношении других участников дорожного движения), вызывает у него еще большую озлобленность и провоцирует применение им физической агрессии. СМИ неоднократно освещали такую позицию водителей чиновников, олигархов и самих «небожителей». Такое поведение подкрепляется безнаказанностью и вседозволенностью. Любому человеку, сталкиваясь с повсеместным хамством, трудно найти в себе нравственные императивы, придающие силы отказаться от данной неэтичной модели поведения. Фактор может быть определен как *проявление физической агрессии и жестокости*.

Социально-психологический портрет хама

В рамках нашего исследования были получены ответы респондентов на открытые вопросы, касающиеся социально-демографического, половозрастного и профессионального статуса хама.

1. «К какой возрастной категории, по вашему мнению, относится человек, которого можно назвать хамом?» Анкетирование показало, что возрастную категорию, в которой наиболее сильно выражена данная черта, определить сложно. Большинство опрошенных считает, что это свойство личности не имеет ярко выраженного возрастного диапазона; некоторые, наоборот, указывают определенный возрастной период (15–21, 35–50, 30–40 лет), а иногда даже конкретные годы жизни (19 и 46 лет).
2. «Представителем какой профессии может быть хам?» Обозначены следующие профессии, с которыми чаще всего ассоциируется хамство, – водитель, работник общепита, продавец, кондуктор, уборщица, сантехник, строитель, полицейский.
3. «Представителем какого пола является хам?» 50% опрошенных утверждают, что хамы – в основном мужчины; 27% респондентов отмечает, что хамство не сопряжено с половой принадлежностью: одинаково хамят, как мужчины, так и женщины; 23% опрошенных полагает, что хамы – исключительно представительницы слабого пола.

4. «Что, на ваш взгляд, является причиной хамства?» В качестве детерминант хамства названы невоспитанность (плохое воспитание, неуважение окружающих, нетерпеливость); дисбаланс в межличностных отношениях; затруднения в профессиональной сфере; личностные особенности (неуверенность в себе, низкая самооценка, особенности характера, фрустрация, направленность на себя, эгоизм, себялюбие, высокомерие); непонимание как барьер межличностных отношений; необразованность; влияние случайных факторов (плохое настроение, усталость, стресс).

Выводы

Несмотря на осуждение в обществе хамства, реализация этой черты характера может нести определенную выгоду их носителю. Прежде всего, это касается сферы межличностного взаимодействия. Например, хамство способствует адаптации человека к новым условиям жизнедеятельности и к различным социальным группам, дает возможность успешного для себя разрешения конфликтных ситуаций. Зачастую у людей складывается убеждение, что без хамства просто невозможно прожить в современных реалиях. В некоторых ситуациях эффекты, получаемые от реализации таких качеств в повседневной жизни, сопряжены с переживанием целой палитры состояний – удовольствия и радости (злорадства) от совершения каких-либо поступков, нанесения вреда сопернику, хотя этически они не являются приемлемыми.

Проведенное эмпирическое исследование показало, что хамство многогранно в своей структуре и проявлениях. Сложно дать определение феномена, однако на интуитивном уровне каждый человек ощущает хамство при столкновении с ним.

Для нас перспективным видится изучение представлений о хамстве в различных группах, выделенных с учетом возраста, пола, личностных качеств. Это даст возможность понять, как меняется настроение общества в интерпретации и объяснении данного явления, найти способы профилактики хамского поведения.

Литература

- Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М.–Воронеж, 1999.
Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М., 2009.
Волкова Я. А. Феномен хамства в деструктивном общении // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 1. № 4. С. 215–221.

- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2000. Т. 4.
Довлатов С. Собр. соч. В 4 т. СПб., 2005. Т. 4.
Левитов Н. Д. Психология характера. М., 1969.
Мясищев В. Н. Психология отношений. М.–Воронеж, 1998.
Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1991.
Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н. Добро и зло в этической психологии личности. М., 2008.
Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Под ред. М. И. Воловиковой. М., 2011.
Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2011.
Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2010.
Ромек В. Г. Хамство непобедимо? // Человеческий фактор: Социальный психолог. Ярославль, 2004. Вып. № 1 (7).
Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2007.
Юревич А. В. Антисоциальная социализация // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2011. С. 233–250.
Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственное состояние современного российского общества // Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2010. С. 177–208.

КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯНИ¹

Ю. Н. Олейник (Москва)

Постановка проблемы

Важнейшей характеристикой менталитета русских людей практически все исследователи, рассматривавшие эту проблему, обозначали стремление к групповому взаимодействию, взаимопомощи и сотрудничеству.

Исторически сложилось так, что в течение многих веков основной хозяйственной единицей в России была община с коллективным

1 Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Психология российского менталитета: традиционные и современные характеристики», № 13-06-00651а.

пользованием земель и внутренним самоуправлением (в городах ее аналогом была артель). Влияние общины, жизни «в миру» на систему ценностей и менталитет русского народа бесспорно: это сознание безусловного приоритета коллективного над личным; отзывчивость на чужую беду; взаимопомощь, сострадание и милосердие; гостеприимство как нравственно-поведенческие нормы межличностных и межгрупповых взаимоотношений. В разные исторические эпохи это находило выражение в таких терминах, как «общинность», «соборность», «коллективизм», «кооперация» русского народа.

В процессе историко-психологической реконструкции особенностей менталитета русского народа на разных этапах его развития – в досоветский и советский периоды – коллективизм, ориентация на взаимопомощь и взаимодействие выделены как его базовые, традиционные характеристики. В связи с этим возникает вопрос: а в какой мере у современных россиян представлено это качество, как они его оценивают, и какова динамика в его понимании как мировоззренческой установки во взаимоотношении с окружающими и обществом в целом?

Для ответа на эти вопросы в рамках научно-исследовательского проекта «Психология российского менталитета: традиционные и современные характеристики» было проведено эмпирическое исследование, одним из аспектов которого являлось изучение коллективизма как характеристики менталитета современных россиян.

Эмпирическое исследование

Методический инструментарий

Для получения конкретно эмпирических данных была разработана анкета, в которой было сформулировано несколько групп вопросов, ориентированных на выявление различных аспектов проявления коллективистических отношений, установок и представлений современных россиян.

Первая группа вопросов направлена на выявление отношения к коллективу как приоритетной форме существования человека в обществе (*Важно ли вам быть включенным в какой-либо коллектив? Каково влияние коллектива на человека? Какие задачи, по вашему мнению, являются первоочередными в жизни трудового коллектива (организации)?*).

Вторая группа вопросов была связана с коллективными формами воспитания и отношением к ним (*Необходимо ли, по вашему мнению, коллективное воспитание ребенка? Как вы считаете, имеет ли смысл создание детских и молодежных общественных организаций?*).

Третья группа вопросов ориентирована на выявление отношения к милосердию, помощи и взаимоподдержке как формам реализации коллективистической установки во взаимодействии с другими людьми (*Участвовали ли вы в благотворительных акциях, выделяли ли деньги или материальные ценности для помощи людям? Готовы ли вы оказать помощь нуждающемуся человеку?*).

Четвертая группа вопросов была связана с выявлением отношения к старшим по возрасту людям как возможном механизме трансляции на межпоколенческом уровне группового и коллективистического мировоззрения (*Оцените отношение современных россиян вашей национальности к пожилым людям»; «Как вы относитесь к ситуации, когда в транспорте молодые люди сидят, а пожилые стоят?»; «Укажите, насколько часто современные россияне следуют советам старших по возрасту людей?»*).

Совокупность ответов на эти вопросы и должна была показать степень сохранности коллективистических установок в межличностном взаимодействии и коллективистического мировоззрения как основы существования россиян в современном обществе.

Характеристика обследованной выборки

В эмпирическом исследовании приняли участие 500 респондентов из четырех российских городов и регионов: Арзамаса (101 чел., 22%), Иркутска (201 чел., 43%), Москвы (83 чел., 18%), Астраханской области (82 чел., 17%).

По половому составу выборка характеризуется следующим образом: мужчин/юношей – 116 чел. (25% от валидной выборки); женщин/девушек – 348 чел. (75% от валидной выборки).

По возрастным характеристикам респонденты распределились следующим образом: до 20 лет – 116 чел. (25%); от 20 до 30 лет – 149 чел. (32%); от 30 до 40 лет – 39 чел. (8%); от 40 до 50 лет – 60 чел. (13%); от 50 до 60 лет – 51 чел. (11%); от 60 до 70 лет – 26 чел. (6%); от 70 до 80 лет – 16 чел. (3%); от 80 до 90 лет – 2 чел. (0,5%).

По сферам занятости респонденты распределились следующим образом: студенты – 200 чел. (65%); представители гуманитарных профессий – 19 чел. (6%); представители инженерно-технических профессий – 26 чел. (8%); работники сферы обслуживания – 20 чел. (6%); государственные служащие – 14 чел. (4%); представители юридических профессий – 5 чел. (1%); представители финансово-экономических профессий – 25 чел. (8%).

По месту жительства респонденты распределились следующим образом: крупный город – 184 чел. (40%); провинциальный город – 103 чел. (23%); сельская местность – 169 чел. (37%).

По национальной принадлежности респонденты распределились следующим образом: русские – 345 чел. (81%); представители других национальностей – 75 чел. (19%).

По семейному положению обследуемая выборка характеризуется следующим образом: женаты/замужем – 193 чел. (43%); холостые/незамужние – 253 чел. (57%).

Материальный достаток обследуемых респондентов характеризуется ими следующим образом: низкий – 65 чел. (16%); средний – 304 чел. (73%); выше среднего – 44 чел. (10%); высокий – 2 чел. (1%).

Для обработки использовались только те анкеты, в которых все указанные позиции были заполнены испытуемыми.

Таким образом, можно констатировать, что обследованная выборка достаточно представительна и вполне адекватно репрезентирует мнение россиян разного пола, возраста, семейного статуса и уровня благосостояния.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Респондентам, отвечающим на вопрос относительно того, к кому они обратятся за помощью в первую очередь при возникновении каких-либо жизненных трудностей, предлагались следующие варианты ответов:

- 1) буду рассчитывать только на себя;
- 2) к членам моей семьи;
- 3) к родственникам;
- 4) к друзьям;
- 5) к коллегам;
- 6) к кому еще?

Предполагалось, что ответы, связанные с обращением за помощью к членам семьи, родственникам, друзьям и коллегам, свидетельствуют о сохранении традиций семейственности, ориентации на взаимопомощь в преодолении трудных жизненных ситуаций, поддержании коллективистических установок в общении, а ответы, связанные с ориентацией на самого себя, – об индивидуалистической установке в разрешении трудностей. Кроме того, предполагалось выяснить также ценность семьи и родных в целом как субъектов помощи и поддержки.

Как видно из таблицы 1, в которой представлены результаты частотного распределения ответов на данный вопрос, картина мнений довольно четко фиксирует в качестве наиболее часто встречающихся две позиции – «буду рассчитывать только на себя» и «обращусь к членам моей семьи».

Таблица 1

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «При возникновении у вас каких-либо трудностей, к кому вы в первую очередь обратитесь за помощью?» (данные по всей выборке)

Варианты ответа	Количество ответов	% ответов
Буду рассчитывать только на себя	80	16,0
К членам моей семьи	267	53,4
К родственникам	34	6,8
К друзьям	31	6,2
К кому еще?	7	1,4
Ошибка	81	16,2

Полученные в ходе анализа ответов результаты свидетельствуют о сохранении коллективистических и семейно-родственных ориентаций в менталитете современных россиян. Так, только 16% россиян ориентированы на себя (индивидуалистическая ориентация), а более 66% готовы обратиться за помощью к родным или близким людям (коллективистическая ориентация). При этом характерно, что более 53% респондентов заявляют, что будут рассчитывать на свою семью. Если учесть, что обращение за помощью к родственникам также отражает их ориентацию на семью, но только в ее расширенном варианте, то процент семейно-родственных установок в получении помощи составит уже более 60%.

Интересно, что при возникновении трудностей ни один респондент не выразил желания обратиться к коллегам. Это, по нашему мнению, является показателем того, что в современной России содержание общения внутри производственной или учебной структуры (поскольку в числе респондентов было много студентов) носит довольно формальный характер и сводится скорее к коммуникации (передаче информации, согласованию производственных или учебных вопросов и т. д.), чем к доверительному общению. Вероятно, работа, проводимая по формированию имиджа, корпоративной культуры организаций, единых норм и правил взаимодействия их членов «выхолащивает» простое человеческое общение, подменяя его формально объединяющими, но, по сути, не сближающими людей мероприятиями.

Вместе с тем обращает на себя внимание и тот факт, что 34 чел. (7%) указали на недостаточную полноту предложенных вариантов

ответов, по их мнению, не охватывающих всех аспектов проблемы, и отметили, что могли бы предложить еще кого-то, к кому можно обратиться при возникновении трудностей. При этом чаще других это замечание высказывают респонденты, отвечавшие, что рассчитывали бы только на себя, и планирующие обратиться за помощью к родственникам. Таким образом, даже при наличии у респондентов в целом индивидуалистической установки в обращении за помощью они неявно все же рассчитывают на кого-то другого.

Значимую уточняющую информацию о выраженности коллективистических и индивидуалистических установок на взаимодействие с другими людьми дают ответы на вопрос «Важно ли для вас быть включенным в какой-либо коллектив?». Варианты ответов характеризуют разную степень важности для человека включенности в коллектив. В данном вопросе фиксируется уже не позиция трудности ситуации, а привычные условия повседневного функционирования человека. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, содержащей распределение ответов на этот вопрос, более 57% респондентов считают, что это важно и даже очень в любом случае. Еще 23,4% респондентов считают это важным в отдельных случаях или ситуациях. Таким образом, более 80% респондентов в целом ориентируются на вхождение в коллектив и видят в этом ту или иную степень необходимости для себя; всего 7% респондентов не видят в этом вообще никакой необходимости.

Другой, скорее уточняющий предыдущий, вопрос – «Каково влияние коллектива на человека?» – должен был зафиксировать позитивное или негативное отношение к влиянию коллектива на личность, раскрыть причину желания/нежелания респондента быть

Таблица 2

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «Важно ли для вас быть включенным в какой-либо коллектив?» (данные по всей выборке)

Варианты ответа	Количество ответов	% ответов
Очень важно	70	14,0
Важно	216	43,2
Не знаю	23	4,6
В некоторых случаях важно	117	23,4
Не важно	36	7,2
Ошибка	38	7,6

включенным в коллектив. Естественно предположить, что при индивидуалистической ориентации человека он скорее всего будет нейтрально или отрицательно оценивать такое влияние.

В ответе на вопрос предполагался множественный выбор (три ответа) из следующего перечня:

- 1) коллектив развивает и обогащает личность;
- 2) в коллективе человек чувствует себя более защищенным и уверенным себе;
- 3) в коллективе человек получает положительные эмоции;
- 4) коллектив подавляет личную инициативу;
- 5) в коллективе происходит усреднение личности;
- 6) в коллективе наблюдается подавление собственного мнения человека;
- 7) пребывая в коллективе, человек вынужден приспосабливаться к окружающим его людям и совершать поступки, противоречащие его сущности;
- 8) трудно сказать.

Полученные результаты, представленные в таблице 3, свидетельствуют о ряде важных моментов в восприятии и оценке респондентами роли коллектива в регулировании отношений в системе «личность–коллектив».

Как видно из представленных в таблице 3 данных, по мнению большинства респондентов, коллектив развивает и обогащает личность (61% ответов); в нем человек чувствует себя более защищенным и уверенным в себе (50%) и получает положительные эмоции (49%). Негативные оценки по этому вопросу представлены лишь у незначительной части респондентов. Так, лишь 8% опрошенных считают, что коллектив подавляет личную инициативу; 11,8% отметили, что в нем происходит усреднение личности; согласно ответам 5,4% респондентов, в коллективе наблюдается подавление собственного мнения человека.

Интересно отметить несколько обстоятельств.

Во-первых, самое позитивное влияние коллектива, по мнению респондентов, связано с развитием и обогащением личности, а не с защитой или положительными эмоциями. Проверка достоверности различий между процентом выбравших ответ, что «коллектив развивает и обогащает личность» (61%), и считающих, что «в коллективе человек чувствует себя более защищенным и уверенным в себе» (50,2% – второй по количеству выборов ответ), на данной выборке в 460 человек свидетельствует о значимости достоверности различий между процентом выбравших эти ответы ($p=0,0008$). Естественно

Таблица 3

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «Каково влияние коллектива на человека?» (данные по всей выборке)

Суждение	Да		Нет	
	Количество ответов	% ответов	Количество ответов	% ответов
Коллектив развивает и обогащает личность	305	61	155	31
В коллективе человек чувствует себя более защищенным и уверенным в себе	251	50,2	209	41,8
В коллективе человек получает положительные эмоции	246	49,2	214	42,8
Коллектив подавляет личную инициативу	42	8,4	418	83,6
В коллективе происходит усреднение личности	59	11,8	401	80,2
В коллективе наблюдается подавление собственного мнения человека	27	5,4	433	86,6
Пребывая в коллективе, человек вынужден приспосабливаться к окружающим его людям и совершать поступки, противоречащие его сущности	78	15,6	382	76,4
Трудно сказать	40	8	420	84

но, достоверность различий с другими вариантами ответов (получивших меньший процент) еще выше. Это достаточно убедительно свидетельствует, с нашей точки зрения, о том, что коллектив, в первую очередь, рассматривается респондентами как весомый фактор именно формирования и развития личности, а не как средство лишь решения определенных, если так можно сказать, утилитарных вопросов, таких как безопасность или хорошее настроение.

Во-вторых, лишь часть респондентов воспользовалась возможностью дать три варианта ответа (500 респондентов максимально могли дать 1500 вариантов ответов, а получено лишь 1048). Таким образом, можно говорить о довольно четком и структурированном характере полученных ответов, т. е. об однозначном и определенном представлении респондентов о положительном, отрицательном или смешанном влиянии коллектива. Об этом же свидетельствует и достаточно небольшой процент неопределенных ответов (всего 8%).

В-третьих, сравнение ответов на вопрос о том, «важно ли быть включенным в коллектив» (таблица 2), и ответов на вопрос о влиянии коллектива (таблица 3) показывает, что даже если респонденты указывали на негативные влияния коллектива, то все равно они стремились быть включенными в него. Кросс-табуляционный анализ сочетаемости ответов на эти два вопроса показал, что на разные негативные влияния коллектива («коллектив подавляет личную инициативу»; «в коллективе происходит усреднение личности»; «в коллективе наблюдается подавление собственного мнения человека»; «пребывая в коллективе, человек вынужден приспосабливаться к окружающим его людям и совершать поступки, противоречащие сущности») обращает внимание от 5 до 15,6% респондентов, но тем не менее лишь 7% респондентов не хотели бы быть включенным в него. Например, из 42 человек, ответивших, что «коллектив подавляет личную инициативу», 13 человек тем не менее считают, что важно быть в него включенным, а еще 13 человек – что важно быть включенным в некоторых случаях. Другими словами, каждый второй считающий, что коллектив подавляет личную инициативу, вместе с тем, хотел бы быть включенным в него. Это значит, что даже при понимании негативных влияний коллектива на личность респонденты все же стремятся быть в него включенным. Таким образом, можно констатировать, что по результатам ответов на эти два вопроса представление респондентов о позитивном воздействии коллектива превосходит мнение о его негативном воздействии и что даже если человек видит негативные влияния коллектива, то в силу его позитивных воздействий он все же стремится быть включенным в него.

В контексте вышеизложенного важно было понять, какие же задачи респонденты выделяют как первоочередные в функционировании производственной организации и как их ранжируют. Знание ответа на этот вопрос могло бы уточнить в несколько ином аспекте, в чем видят задачи коллектива респонденты. С этой целью в анкету был включен вопрос «Какие задачи, по вашему мнению, являются первоочередными в деятельности производственной организации?». Полученное ранжированное распределение вариантов ответов по всей выборке представлено в таблице 4.

Как видно из представленных данных, наиболее значимыми являются, по мнению респондентов, такие задачи, как «создание в организации нормального социально-психологического климата» (наивысший ранг по важности) и «сплочение сотрудников в единый коллектив» (второй по важности ранг). Получается, что коллектив, в первую очередь, рассматривается респондентами как социальная

Таблица 4

Ранги ответов респондентов по оцениванию первоочередности задач в деятельности производственной организации

Задача организации	Ранг*
Обеспечение экономической эффективности организации	3
Внедрение передовой технологии	7
Обеспечение трудовой дисциплины сотрудников	6
Забота о личном и профессиональном росте сотрудников	5
Создание в организации нормального социально-психологического климата	1
Обеспечение высоких зарплат персонала организации	4
Сплочение сотрудников в единый коллектив	2

Примечание. * – наивысший ранг – 1, наименьший – 7.

общность, которая должна обеспечивать единение сотрудников и формирование комфортной социально-психологической среды обитания для них. Финансовые, технологические, дисциплинарные задачи и даже обеспечение профессионального роста являются вторичными в совокупности задач, на которые должна ориентироваться организация. Тем самым, можно говорить о том, что, по мнению респондентов, трудовой коллектив призван реализовать сохранение и осуществление коллективистических установок и коллективной формы существования человека, поскольку нормальным и необходимым для современных россиян является именно коллективная форма взаимодействия при решении трудовых задач и реализации трудовых функций.

Следовательно, на современном эмпирическом материале косвенно получает подтверждение идея о сохранении в менталитете россиян коллективистических ориентаций и коллективизма как наиболее приемлемой форме организации их жизнедеятельности. Важность этого вывода обусловлена еще и тем обстоятельством, что в современном обществе фактически произошла подмена понятия «трудовой коллектив» (акцентирующее коллективистические ориентации) на понятие «персонал» (акцентирующее индивидуалистические и персонологические ориентации)¹. Но даже это об-

1 Сегодня в системе управленческих наук представлено даже особое направление подготовки специалистов данного профиля – «управление персоналом». О персонале, а не коллективе, все чаще идет речь в работах и публикация по менеджменту, социологии труда, трудовому праву и др. науках о труде.

стоятельство не сильно изменило ментальные коллективистические установки россиян.

Еще одним уточняющим вопросом к выявлению ориентации на коллектив является вопрос «Как вы считаете, имеет ли смысл создание детских и молодежных общественных организаций?». Полученные данные представлены в таблице 5.

Если ориентироваться на ответы предыдущих вопросов, то согласие с приведенным утверждением должно свидетельствовать о том, что коллектив, по мнению респондентов, является действительно важным социализирующим фактором для молодежи и что опыт респондентов приводит их к выводу о необходимости включения молодежи в коллективное взаимодействие. Варианты ответов на данный вопрос были следующие:

- 1) это очень необходимо;
- 2) необходимо;
- 3) не знаю;
- 4) в некоторых случаях это полезно;
- 5) в этом нет необходимости.

Распределение вариантов ответов на вопрос представлено в таблице 5.

Как видно из приведенных данных, почти 70% респондентов считают крайне важными и необходимыми для молодежи коллективные формы взаимодействия. При этом речь уже идет об общественной деятельности, а не только о трудовой или учебной (на что были ориентированы предыдущие вопросы). С учетом же позитивной оценки роли коллектива в отдельных ситуациях этот

Таблица 5

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «Как вы считаете, имеет ли смысл создание детских и молодежных общественных организаций?» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Это очень необходимо	156	31,2
Необходимо	190	38,0
Не знаю	26	5,2
В некоторых случаях это полезно	83	16,6
В этом нет необходимости	6	1,2
Ошибка	39	7,8

процент составляет 85%. Характерна однозначность позитивной оценки коллективных форм общественной деятельности: лишь 1% респондентов не видит в этом необходимости, и лишь 5% не смогли определиться с положительным или отрицательным вариантом ответа. Важно отметить также, что полученные ответы на вопрос фиксируют тот факт, что *подавляющее число респондентов рассматривает групповое взаимодействие как условие формирования и воспитания подрастающих поколений, поскольку речь в вопросе идет о детских и молодежных объединениях.*

Подтверждением этого вывода выступает и распределение ответов на следующий вопрос: «*Необходимо ли, по вашему мнению, коллективное воспитание для ребенка?*» (таблица 6).

Варианты ответов были следующие:

- 1) да, очень необходимо;
- 2) необходимо;
- 3) не знаю;
- 4) в некоторых случаях это полезно;
- 5) в этом нет необходимости, достаточно воспитания в семье.

Представленные в таблице 6 данные свидетельствуют о том, что большинство респондентов считают важными (36,8%) или очень важными (19%) коллективные формы воспитания, а 22% ответивших полагают, что их использование полезно в некоторых случаях. Таким образом, почти 60% россиян оценивают коллектив как важный фактор воспитания. При этом лишь 8% респондентов не видят в этом никакой необходимости. Безусловно, тот факт, что 22% респондентов видят лишь частичную пользу от коллективных форм

Таблица 6

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «*Необходимо ли, по вашему мнению, коллективное воспитание для ребенка?*» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Это очень необходимо	95	19,0
Необходимо	184	36,8
Не знаю	31	6,2
В некоторых случаях это полезно	110	22,0
В этом нет необходимости	41	8,2
Ошибка	39	7,8

воспитания, свидетельствует об определенном «размывании» представлений о коллективе как воспитательном факторе (можно предположить, что еще лет 25–30 назад это представление было более однозначным). Вместе с тем *сам факт сохранения таких представлений уже свидетельствует об укорененности в менталитете россиян коллективистических ориентаций и в сфере воспитания.*

Отличительной чертой русского народа всегда являлась его отзывчивость, умение понимать другого человека, чуткое отношение к чужому душевному состоянию, готовность помочь другому в трудных жизненных обстоятельствах. Отзывчивость и сострадание русских также связаны со способностью достаточно легко интегрироваться с культурой других народов, уважать ее. Выраженная этническая терпимость и способность к сопереживанию, умение понимать и принимать другие народы позволили русской нации создать многонациональную страну. Отзывчивость и доброта русских людей – это традиционные характеристики русского менталитета, выраженные в народных пословицах и поговорках: «Доброму бог помогает»; «С добрым жить хорошо»; «Делать добро спеш»; «Доброе дело и в воде не тает»; «Жизнь дана на добрые дела»; «Добро век не забудется»; «Тому тяжело, кто помнит зло»; «Кто нас помнит, того и мы помянем»; «За добро добром платят».

Уже отмечалось, что два вопроса анкеты были направлены на выявление ориентаций на сострадание и помощь другим людям. Первый из них – «*Участвовали ли вы в благотворительных акциях, выделяли ли деньги или материальные ценности для помощи людям?*» Имея самостоятельную ценность для выявления милосердия (фиксируемую в данном случае в материальном выражении), косвенно этот вопрос может свидетельствовать также и о готовности жертвовать чем-то ради другого человека, а значит, об одном из аспектов коллективистической установки.

Ответы на этот вопрос (которые носили дихотомичный характер – да/нет) представлены в таблице 7.

Как видно из полученных ответов, два человека из трех участвовали в той или иной форме благотворительности. Подчеркнем, что в данном случае это не просто факт сострадания и душевного переживания, а именно материальное пожертвование, готовность россиян идти на материальные жертвы ради благополучия другого человека. Важно, что такая характеристика взаимоотношений между людьми сохранилась в менталитете россиян, несмотря на то, что в довольно значительный период развития нашей страны благотворительность не поддерживалась и не стимулировалась. Ведь в период Советского государства считалось, что именно государство

Таблица 7

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «Участвовали ли вы в благотворительных акциях, выделяли ли деньги или материальные ценности для помощи людям?» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Нет	131	28,1
Да	330	70,7
Ошибка	6	1,3

берет на себя все заботы о человеке, и оно выступает гарантом его благополучия, а значит, персональная инициатива в этом направлении была не востребоваана.

Второй вопрос в этой группе – «Готовы ли вы оказать помощь нуждающемуся человеку?» – носил уже более общий характер по сравнению с предыдущим и должен был уточнить, какой категории людей готов был оказать помощь респондент. Полученные данные представлены в таблице 8.

Как видно из таблицы, готовность помочь нуждающемуся человеку проявили 77,8% респондентов, что свидетельствует о том, что доброта и отзывчивость по-прежнему являются значимыми характеристиками менталитета современного россиянина. Отметим при этом, что 47% опрошенных готовы помочь любому человеку, нуждающемуся в помощи, а 30,8% респондентов охотно помогут только знакомому человеку. Тем самым, можно констатировать,

Таблица 8

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «Готовы ли вы оказать помощь нуждающемуся человеку?» (данные по всей выборке)

Вариант ответа	Количество ответов	% ответов
Готов всегда помочь любому	235	47,0
Готов помочь, но только знакомому человеку	154	30,8
Не готов никому	3	0,6
Трудно сказать	69	13,8
Ошибка	39	7,8

что не только родственные отношения определяют готовность оказать помощь и поддержку. Важно и то обстоятельство, что лишь 3 человека из 500 респондентов (0,6% от всей выборки) ответили, что никому не готовы помогать. Следовательно, можно сделать вывод, что доброта и отзывчивость, ориентация на помощь и поддержку другого человека остаются важнейшими характеристиками поведения современных россиян.

Важной характеристикой менталитета русского народа выступало уважительное отношение между поколениями. Это является аспектом выраженности общинности в менталитете, в том числе и ориентации в поведении на образцы традиционной русской семьи, которая всегда была многопоколенной. При этом даже если разные поколения и не жили под одной «крышей», то все равно взаимосвязи между детьми, родителями, бабушками и дедушками были тесными, и каждый из них был готов помочь родному человеку в трудных ситуациях и «включен» в его жизнь.

Несколько вопросов анкеты, как уже указывалось, были ориентированы на выявление разных аспектов отношения и взаимодействия между разными поколениями людей.

Один из таких вопросов был задан прямолинейно и однозначно. Требовалось оценить отношение современных россиян к пожилым людям. Варианты фиксации этого отношения были следующие:

- 1) уважительное;
- 2) отзывчивое;
- 3) безразличное (внешне и внутренне);
- 4) пренебрежительное;
- 5) отрицательное;
- 6) какое еще?

Распределение полученных ответов представлено в таблице 9.

Полученные ответы и их распределение свидетельствуют о том, что 61% респондентов оценивают отношение россиян к пожилым людям как позитивное (уважительное или отзывчивое) и лишь 7% – как негативное (пренебрежительное или отрицательное). В целом можно говорить о позитивной оценке характера межпоколенческих отношений. Однако настораживает тот факт, что почти 20% респондентов (каждый пятый) оценивают отношение в обществе к пожилым людям как безразличное. Можно предположить, что в этом вопросе совместились две оценки респондентами отношения к пожилым людям – с одной стороны, оценка межличностных отношений в обществе (позитивная), с другой стороны, оценка отношения государства к пожилым людям (безразличие и негативизм). Вероят-

Таблица 9

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «Оцените отношения современных россиян вашей национальности к пожилым людям» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Уважительное	196	39,2
Отзывчивое	110	22,0
Безразличное (внешне и внутренне)	99	19,8
Пренебрежительное	35	7,0
Отрицательное	1	0,2
Какое еще	9	1,8
Ошибка	50	10,0

но, следует говорить о том, что государство предпринимает недостаточно мер, демонстрирующих ценность пожилых людей для него и обеспечивающих благополучную жизнь в старости, а также уважительное и отзывчивое отношение к пожилым людям. Представляется, что это не самый хороший пример для самих респондентов с точки зрения прогнозирования отношения и к ним в будущем, когда они будут сами пожилыми людьми.

Основанием для такого предположения выступает распределение ответов по еще одному из вопросов анкеты, касающихся отношения к пожилым людям уже в контексте поведения по отношению к ним в транспорте (таблица 10). Этот вопрос фиксирует именно персональные отношения между разными поколениями респондентов. Вопрос формулировался следующим образом: «Как вы относитесь к ситуации, когда в транспорте молодые люди сидят, а пожилые стоят?». Были предложены следующие варианты ответов:

- 1) почему бы и нет, они тоже устают, а старые люди должны выбирать для поездок не часы «пик»;
- 2) это допустимо, если пожилые люди не просят уступить им место;
- 3) не знаю;
- 4) молодым все же легче постоять, чем пожилым людям;
- 5) подобная ситуация отвратительна и недопустима.

Представленное в таблице 10 распределение ответов свидетельствует о нескольких моментах.

Таблица 10

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «Как вы относитесь к ситуации, когда в транспорте молодые люди сидят, а пожилые стоят?» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Почему бы и нет, они тоже устают, а старые люди должны выбирать для поездок не часы «пик»	15	3,0
Это допустимо, если пожилые люди не просят уступить им место	44	8,8
Не знаю	6	1,2
Молодым все же легче постоять, чем пожилым людям	221	44,2
Подобная ситуация отвратительна и недопустима	168	33,6
Ошибка	46	9,2

Во-первых, негативизм к людям, которые игнорируют эту социальную норму в отношении к пожилым людям, т. е. людям другого поколения. Так, почти 78% респондентов оценили такое поведение в общественном транспорте как неправильное, недопустимое и неприемлемое, выбрав следующие ответы: «Молодым все же легче постоять, чем пожилым людям» и «Подобная ситуация отвратительна и недопустима». При этом каждый третий респондент указал очень категорично на недопустимость подобной ситуации.

Во-вторых, 44% респондентов руководствуются в данной ситуации не просто, если можно так сказать, «механическим» следованием поведенческой норме, но и осмысливают свою позицию, аргументируя ее тем, что молодым людям все же легче постоять, чем пожилым. Это, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что ответившие таким образом респонденты способны пропагандировать свою позицию, транслировать ее в своем кругу общения, а значит, и «работать» на преемственность именно такого отношения к людям другого поколения.

В-третьих, определенная часть респондентов (которые предпочли ответ, что «это допустимо, если пожилые люди не просят уступить им место») не возражают следовать рассматриваемой норме поведения, но они ждут инициативы от окружения (почти 9% ответивших). Поэтому их можно рассматривать как относительно готовых выполнять эту норму, следовательно, обращение к ним

с просьбой уступить место пожилому человеку будет воспринято ими спокойно, адекватно и будет реализовано.

И последний, третий вопрос из блока, касающегося взаимоотношений между разными поколениями, формулировался следующим образом: «Укажите, насколько часто современные россияне следуют советам старших по возрасту людей?». Были возможны следующие варианты ответов:

- 1) всегда;
- 2) часто;
- 3) не знаю;
- 4) изредка;
- 5) никогда.

Распределение ответов на вопрос представлено в таблице 11.

Безусловно, можно предположить, что ответы на этот вопрос носят несколько абстрактно-идеализированный характер за счет необходимости оценивания всех россиян. Однако не менее (а может, и более) выражена и проективность, заложенная в этом вопросе: респондент, оценивая других и не имея возможности точно знать что-то, фактически оценивает свое поведение. С учетом этих обстоятельств обращает на себя внимание достаточно высокая связь между поколениями в формате обмена опытом и жизненного наставничества. Достаточно высок процент респондентов, которые принимают во внимание мнение и советы старших. Часто или хотя бы иногда так поступают более 70% ответивших. При этом каждый пятый делает это часто, что свидетельствует о сохранении

Таблица 11

Частотно-процентные распределения ответов на вопрос «Укажите, насколько часто современные россияне следуют советам старших по возрасту людей?» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Всегда	7	1,4
Часто	109	21,8
Не знаю	95	19,0
Изредка	243	48,6
Никогда	8	1,6
Ошибка	38	7,6

не только общения между разными поколениями российского общества, но и о признании роли старшего поколения как своеобразного консультанта по жизненным ситуациям. Тем самым можно констатировать, что в жизни конкретного человека существует необходимость в старшем и более опытном человеке. Данный вывод подкрепляется и ответами на вопрос относительно оценивания отношения современных россиян к пожилым людям (таблица 9). Можно обратить внимание и на тот факт, что как «безразличное» отношение россиян к пожилым людям оценивают 20% респондентов и примерно такой же процент ответивших (19%) затруднились ответить относительно частоты обращения за советами к старшим по возрасту людям. Вероятно, примерно такой процент россиян и составляют те люди, которые оказываются в зоне отчуждения или риска отчуждения от межпоколенческих взаимосвязей и, по сути, не нуждаются в них.

Таким образом, анализ ответов на вопросы, связанные с взаимодействием между разными поколениями россиян, позволяет сделать вывод о сохранении в целом традиционных для русской ментальности межпоколенческих «скреп», что проявляется в позитивном отношении к пожилым людям, участии их в консультировании более молодых поколений, стремлении молодежи следовать поведенческим нормам, подчеркивающим уважительное отношение к старшим.

Выводы

Завершая анализ ответов на вопросы, связанные с выявлением отношения современных россиян к коллективу и выраженности коллективизма как мировоззренческой установки и поведенческого ориентира, можно констатировать:

- в менталитете современных россиян продолжает сохраняться традиционная для русских установка на коллективное взаимодействие, помощь и общение;
- по-прежнему существуют позитивное отношение к старшим поколениям, стремление реализовывать традиционные и социально-одобряемые нормы поведения во взаимодействии с ними, готовность и желание получать их поддержку;
- выражено стремление быть включенным в коллектив, фиксируется позитивное отношение к нему и готовность его укреплять;
- доминирует рассмотрение коллектива как важного фактора воспитания молодых людей.

МЕНТАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОГЕНЕЗА И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

О. С. Осипова (Москва)

Постановка проблемы

В рамках обсуждения проблемы менталитета важно четко представлять механизм функционирования каждой из подсистем современного российского общества (экономической, социальной и политической) и особенности их взаимодействия.

В данной статье будет рассмотрен универсальный механизм функционирования социума. Социальная подсистема особенно важна для понимания основ устойчивого развития общества и в целом Универсума в силу следующих причин:

- а) социальный уровень организации материи является самым динамичным;
- б) в обществе однозначно преобладают нелинейные процессы;
- в) социум – одна из наиболее сложных, точнее, самая сложная из существующих систем, а чем сложнее система, тем в большей степени ей присуща открытость.

В связи с этим углубленное исследование механизма динамичного общественного равновесия (условий его нарушения, восстановления и сохранения), изучение роли человека, государства и менталитета народа в этих процессах являются первоочередными задачами социального познания (Осипова, 2015).

Изучение устойчивого развития в социальном измерении предполагает решение ряда важных проблем.

Первая проблема. Устойчивость предполагает равновесие, а социальное развитие возможно только при условии циклического выхода системы из равновесного состояния, который может реализовываться как в эволюционной, так и в революционной формах. Как можно в таком случае обеспечивать устойчивое, сбалансированное социальное развитие? Какова роль менталитета народа в этом процессе?

Вторая проблема. В рамках концепции устойчивого развития человек является не объектом, а субъектом развития; он должен активно участвовать в процессах, которые формируют сферу его жизнедеятельности, содействовать принятию и реализации решений, контролировать их исполнение. Необходимо четко понимать, как зарождаются новые социальные практики, какова роль отдельного

человека в формировании социальной инновации, как в процессе социогенеза реализуется социопсихическая сущность человека, каким образом единичная психическая мутация на уровне отдельной личности может стать началом формирования новых черт в менталитете народа, как социальное меньшинство изменяет сложившиеся в обществе социальные установки. Ответы на эти вопросы позволят не только лучше понять историю появления конкретно-исторического общества, но и процессы развития ментальности народа.

Третья проблема. Как следует регулировать границы свободы отдельного человека, социального меньшинства и социума в целом, как уравнивать в управленческой деятельности потребности и интересы различных социальных общностей (представителей различных поколений, бизнеса, защитников окружающей среды и т. д.), а в условиях многонационального государства – традиции и обычаи представителей различных субъектов социального действия? Ответы на эти вопросы трудно найти вне целостного видения всей картины социальной эволюции (социогенеза).

Социогенез является мультилинейным, так как на каждом историческом уровне социальная эволюция включает в себя достаточно широкое разнообразие различных форм и типов социальных общностей. Но, независимо от этого разнообразия, в основе его лежат фундаментальные процессы, обуславливающие функционирование механизма социального развития, которые позволяют понять, как в результате социально-инновационной деятельности отдельного человека возникает новый тип социально-экономической и политической системы, происходит обогащение социокультурного кода отдельного общества и человечества в целом, изменяется ментальность субъектов социального действия. Благодаря значительной научной рефлексии, проведенной учеными в конце прошлого столетия, сегодня мы имеем достаточно целостное социосинергетическое представление о механизме функционирования одной из сложнейших подсистем в концепции устойчивого развития – системы социальных отношений (Князева, Курдюмов, 1994; Моисеев, 1994; Яковец, 1992, 1994; Штомпка, 1996; Осипова, 1997; и др.).

Сущность и механизм функционирования социогенеза: синергетический подход

Социосинергетическое видение социогенеза базируется на следующих принципиальных положениях: а) о тесной связи знания и действия, усилении в процессе социальной эволюции рациональности действия; б) о возрастании рефлексивности сознания и познания;

в) о социальном действии как постоянном потоке поведения; г) о иерархизированности психики социального агента; д) об ускорении темпов социальной эволюции.

Механизм функционирования социогенеза можно представить как два взаимосвязанных, одновременно протекающих процесса: а) передачу социокультурного кода общества в ходе социализации индивида посредством коммуникативных элементов культуры (соционаследование); б) изменение социокультурного кода общества через де- и ресоциализацию личности (социоизменчивость) (Осипова, 1997).

Остановимся на каждом из этих процессов подробнее, потому что без этого нельзя понять, как можно добиться равновесного состояния постоянно обновляющегося, развивающегося, динамичного социума, какова в этом процессе роль менталитета народа. Можно ли говорить об устойчивом развитии общества или правильнее все-таки использовать термин «относительно устойчивое развитие»?

Процесс передачи соционаследования

Исходным понятием при анализе процессов, отвечающих за стабильность, устойчивость социума, является «социокультурный код» – историческая память человечества, включающая многовековой социальный опыт, и тесно связанное с ним понятие менталитета как мироощущения, мировосприятия, формирующегося на глубоком уровне индивидуального или коллективного сознания, возникающего в недрах культуры, традиций, социальных институтов, среды обитания человека и представляющего собой совокупность психологических, поведенческих установок индивида или социальной общности. Менталитет формирует соответствующую культурную картину мира и в значительной степени определяет образ жизни, поведение человека и форму отношений между людьми (Кононенко, 2003).

Для достижения устойчивости развития современному российскому обществу придется создать более эффективную систему принятия решений, учитывающую исторический опыт, менталитет российского народа, поощряющую плюрализм и социокультурное многообразие.

Для того чтобы понять механизм протекания социогенеза и влияние на него социокультурного кода, прежде всего, определим структуру надындивидуального сознания и структуру человека как сформировавшейся личности.

Надындивидуальное сознание (осознанная конкретным социумом часть социокультурного кода человечества) структурно состоит из двух уровней – пассивного, не востребованного обществом в данный исторический момент, и активного, востребованного, используемого им. Последний представляет собой иерархию общественных ценностей (идеалов) и социальных норм (образцов, правил, эталонов поведения), связанных с менталитетом социума.

В совокупности общественные ценности и нормы составляют определенные социальные установки, доминирующие в данный момент в обществе на макро- и микроуровнях (социальные установки общества в целом и отдельных его социальных общностей). Социальные установки – это устоявшийся массовый стереотип поведения, модели поведения личности, принятые обществом для исполнения различных социальных ролей. Чем лучше усвоены социальные установки, тем чаще человек совершает социальные действия автоматически, не осмысливая их.

Общепризнанно, что превращение индивида в личность осуществляется в процессе *социализации*, в благоприятном протекании которой заинтересованы как отдельный индивид, так и общество в целом. При рождении человека его психика представляет собой «море бессознательного». Человек, обладающий определенным набором потребностей, которые неистребимы, вечны и только лишь видоизменяются, стремится усвоить опыт, накопленный человечеством, по их наиболее полному и быстрому удовлетворению, так как это позволяет ему рациональнее строить свои отношения с окружающим миром, с меньшими энергетическими затратами достигать желаемых целей, способствует ускорению процесса его социально-психологической адаптации и ориентации в социальном пространстве.

В процессе имитации (подражания), обучения и воспитания происходят: а) структурирование психики, углубление специализации ее составляющих подуровней; б) самоидентификация человека; в) усвоение социальных установок по исполнению тех или иных социальных ролей, способствующих реализации его интересов; г) развитие творческих способностей. В результате этого формируется личность (назовем ее исходной личностью), стремящаяся занять определенную позицию в социальной иерархии. Социум не в меньшей степени, чем отдельный индивид, заинтересован в успешном протекании процесса социализации и формирования личности, так как это упрощает координацию социального взаимодействия, увеличивает степень предсказуемости поведения человека. Одновременно общество заинтересовано в развитии индивидуальности как неповторимой личностной характеристики человека, в форми-

ровании своеобразия его психофизиологической структуры, интеллекта, мировоззрения как необходимых условий появления социальных новаций и социального развития.

Личность, сформировавшаяся в процессе социализации, имеет сознательное и бессознательное начала. Структурная модель психики (разработанная на основе работ З. Фрейда) тесно коррелирует с уровнями сознания (сознание, предсознательное и бессознательное) (рисунок 1).

Особую ценность для понимания механизма социогенеза, прежде всего развития соционаследования, имеют научные выводы академика П. В. Симонова о структуре бессознательного. Согласно его мнению, бессознательное дифференцируется на собственное бессознательное (инстинктивное) и пред- под- и сверхсознание. Последнее представляет особый интерес, так как влияет на формирование целенаправленной деятельности человека (Симонов, 1994). Под- и сверхсознание – пограничные области между бессознательным и сознанием. В результате взаимодействия личностного сознания и принятых в обществе социальных установок у человека формируется самосознание (неотъемлемая часть сознания), происходит его самоидентификация. Работу сознания невозможно представить без подсознания и сверхсознания.

Подсознание – усвоенная человеком в процессе социализации социальная установка. Сюда же целесообразно отнести и личный опыт, накопленный человеком в процессе жизни. Именно здесь находит свое отражение социокультурный код общества. Подсознание весьма консервативно, «стоит на страже добытого и хорошо усвоенного». В ходе социализации у человека формируется иерархия личностных представлений о ценностях и нормах поведения. В совокупности они составляют социальную ответственность. Последняя предполагает осознание индивидом своей принадлежности к различным социальным микро- и макросообществам, служит показателем социальной зрелости личности и является ее интегральной характеристикой. Чем больше личностные представления о ценностях и нормах поведения приближаются к социальной установке, тем выше общественное мнение оценивает социальную ответственность личности. Сознание отвечает за передачу личного вновь приобретенного знания в надындивидуальное сознание, социокультурный код общества. Большая роль в процессе взаимодействия личностного и надындивидуального сознания принадлежит языку и письменности как системам символов, выражающих социогенетический код. Подсознание и сознание отвечают за внутренний самоконтроль человека (*совесть*).

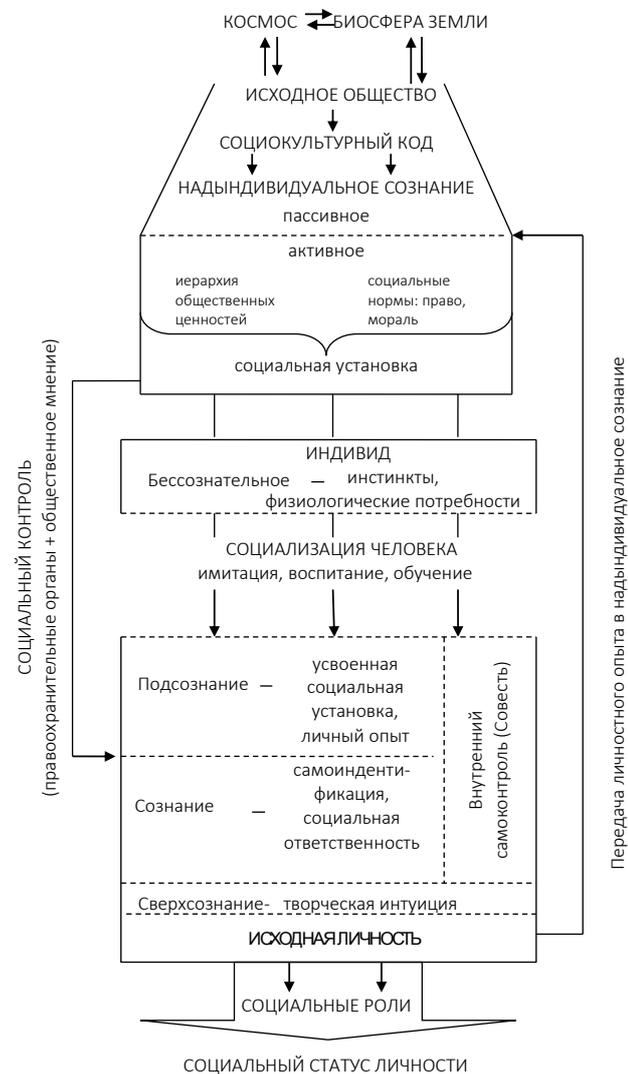

Рис. 1. Механизм передачи социокультурного кода общества. Процесс соционаследования

Сверхсознание (надсознание) отвечает за первоначальный этап всякого творчества – порождение гипотез, догадок. Это то, что принято называть творческой интуицией. Подсознание и сверхсознание – две разновидности бессознательного (*terra incognita*). В отличие от подсознания сверхсознание не осознается ни при каких условиях:

на «суд» сознания подаются только результаты этой деятельности. Сверхсознание наиболее интенсивно работает тогда, когда сознание и подсознание отдыхают, как бы отключены. «Без этой защиты здравый смысл, очевидность непосредственно наблюдаемого и догматизм прочно усвоенных норм душили бы „гадкого утенка“ смелой гипотезы в момент его зарождения, не дав ему превратиться в прекрасного лебедя будущих открытий» (Симонов, 1994).

Иерархия реакций человека всегда связана с иерархией ценностей. Механизм, приводящий в действие сверхсознание, на взгляд П. В. Симонова, лучше всего можно понять, опираясь на принцип доминанты А. А. Ухтомского. Практическая доминанта – «вектор поведения» – является интегралом главенствующей потребности, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов конкретной личности (доминанты жизни, или «сверх-сверхзадачи», по К. С. Станиславскому), и той или иной ситуативной доминантой, актуализированной экстренно сложившейся обстановкой. Поэтому интуиция – это не игра случайностей, а сплав практической доминанты со всем объемом накопленных человеком знаний.

В процессе соционаследования действия человека контролируются обществом через механизм социального контроля. Составляющими *социального контроля* являются система права и общественное мнение. За внутренний самоконтроль личности отвечает совесть. *Совесть* – личностное представление о морали. *Мораль* (нравственность) способствует социальной регуляции, возникает как реакция на противоречия, появляющиеся между сущим и должным, представляет оценку развивающегося противоречия, уровня соответствия между сущим и должным. Совесть же развивается на базе расщепления личностных и общественных интересов как ответ на противоречие, возникающее между социальной ответственностью (должное) и меняющейся реальностью (сущее). Чем ближе совесть (внутренний самоконтроль) приближается к нормам морали, тем меньше конфликт между ними, и наоборот, чем дальше они расходятся, тем сильнее противоречие между отдельной личностью и обществом.

Таким образом, социокультурный код человечества, преломленный через надындивидуальное сознание конкретного общества, передается посредством социальных установок, которые усваиваются человеком в ходе социализации и являются гарантом социального наследования и социальной устойчивости общества. Социальные установки позволяют: сохранить определенное постоянство личности в непрерывно меняющемся внешнем мире, одновременно обуславливают инерционность, затрудняющую приспособление

человека к новой ситуации; освобождают от необходимости принимать решения в стандартных ситуациях, ослабляя психологические, интеллектуальные нагрузки человека; способствуют сохранению пассионарности – внутренней психической энергии человека, стимулирующей стремление (осознанное или, чаще всего, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (Л. Гумилев), в том числе и на поиск новых путей в нестандартных ситуациях. Подавляющее большинство людей считают социальные установки, усвоенные в ходе социализации, общепринятыми стандартами, выполнение которых не подвергается сомнению и доводится часто до автоматизма. Такое поведение особенно характерно для стабильного, «малоподвижного» социума. Поскольку абсолютно неподвижное общество в действительности невозможно, то наибольший интерес представляет анализ механизма поведения человека в изменяющемся обществе, его умение приспособиться и оказать обратное воздействие на социум, обогатить своей личностной энергией социальную, аккумулярованную в социокультурном коде.

Процесс возникновения социоизменчивости

Представим, что человек попадает в новую ситуацию, отличную от той, в которой протекал процесс его социализации. Новизна ее может обуславливаться процессами, происходящими в космосе, окружающей человека природной среде, в самом обществе и человеке как биосоциальном существе. Это приводит к появлению у человека новой потребности, которая резко актуализируется на основе прежних доминирующих потребностей (продолжение рода, право на жизнь и т. д.).

Для того чтобы реализовать новые потребности, от личности требуется принятие нового, нестандартного решения. Достижения психологии и социологии второй половины прошлого века позволяют достаточно четко представить этот процесс (рисунок 2). В первой фазе принятия решения проводится идентификация «типа ситуации». Далее следует автоматическая фаза выбора имеющегося опыта для сравниваемых случаев. По всей видимости, на этой стадии решение принимается по ассоциации (от лат. «association» – соединение). Если желаемые ассоциации не появляются или возникшие не позволяют удовлетворить актуализированную потребность, то начинается процесс рефлексии.

В процессе рефлексии импульсы от новой реальности поступают в сознание личности и через него – к сверхсознанию. Последнее,

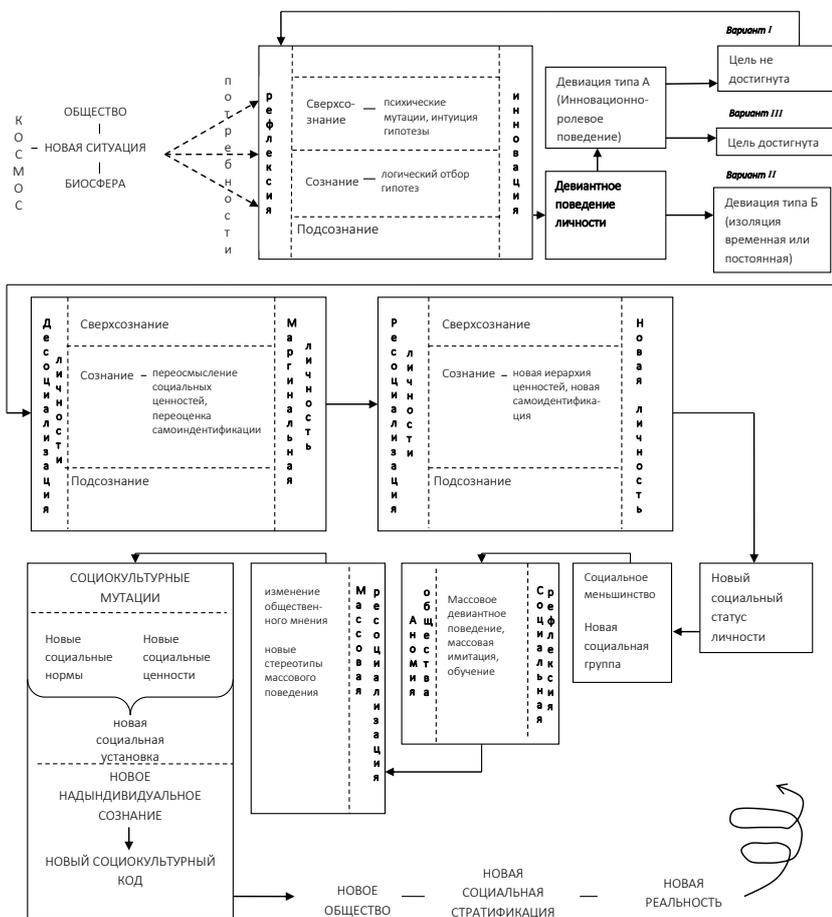

Рис. 2. Механизм превращения психических мутаций в социокультурные. Процесс социоизменчивости

опираясь на знания, заложенные в ходе социализации в подсознании, начинает активно работать. В результате психических мутаций (*творческой интуиции*) формируются новые идеи, происходит логический отбор гипотез, направленных на достижение цели. Сверхсознание предлагает самосознанию ту или иную, а возможно, и целую мозаику гипотез. Самосознание выбирает одну из них, пытаясь предвосхитить реакцию общества на новую идею. В этом случае имеет место процесс частичной десоциализации, расщепление устоявшихся стереотипов поведения, переосмысление социокультурных ценностей отдельной личностью. На уровне сознания воз-

можна мучительная борьба между вновь принимаемыми решениями и совестью человека.

Когда необходимость в реализации доминирующей потребности резко возрастает и становится жизненно необходимой, индивид приступает к реализации новой потребности или прежней, но новыми средствами. Поведение его в данном случае будет отклоняться от общепринятого (нормативного). Степень отклонения может быть различна. В социологии такое нестандартное поведение принято называть девиантным.

Девиантное поведение – социальное действие, отклоняющееся от доминирующих в социуме (обществе в целом или его отдельных группах) социокультурных установок, ожиданий, общепринятых правил, норм исполнения социальных ролей. Н. Смелзер полагает, что более разумно считать девиацию такой же «естественной», или «нормальной», формой поведения, как, например, конформизм (Смелзер, 1994). Таким образом, девиантное поведение, как и конформизм, – это естественная реакция человека на возникающие проблемы, важнейшее условие эволюции общества¹. Иначе говоря, с позиций принятых в обществе социальных норм, девиация – отклонение от нормы, с позиции социогенеза, – норма, без которой невозможно развитие. Девиация необходима, чтобы общество было гибким и готовым к переменам, могло быстро развиваться, приспосабливаться к новым реалиям, увеличивать свою конкурентоспособность. Готовность к девиантному поведению у различных людей неодинакова и определяется как объективными факторами, так и субъективными: уровнем пассионарности человека, его физическими и интеллектуальными ресурсами.

В зависимости от того, насколько девиантное поведение расходится с социокультурными традициями общества, как влияет на личность девианта и затрагивает интересы окружающих его лю-

1 Значительный вклад в создание условий для развития и переосмысления некоторых положений социологии девиантного поведения в отечественной литературе внесли Я. И. Гилинский и В. Н. Кудрявцев. Безусловной заслугой Я. И. Гилинского, в частности, является правильное определение перспективных направлений развития социологии девиантного поведения. Необходимы, отмечал он еще в начале 90-х годов прошлого века, во-первых, дальнейшая «фундаментализация», рассмотрение объекта социологии девиантного поведения как момента единого мирового процесса самодвижения материи; во-вторых, изучение социальных девиаций в кризисные, бифуркационные периоды, когда от соотношения различных форм негативных и позитивных девиаций зависит будущее (Гилинский, 1991).

дей, а также от того, как социум реагирует на него, девиации можно разделить на два типа:

А-девиации – отклонения, имеющие, наряду с разрушающим элементом, преимущественно созидательный характер (инновационно-ролевое поведение);

Б-девиации – асоциальные отклонения с преобладающим деструктивным началом (личностного или общественного характера).

Созидательный или разрушительный характер девиации предопределяется индивидуальными особенностями человека, характером окружающей его среды, а также состоянием социального самочувствия общества в целом. В процессе социогенеза девиантное поведение может развиваться по трем вариантам.

Вариант I. Девиантное поведение не приводит к желаемому результату. Происходит осознание этого, и начинается новый поиск решения проблемы (сверхсознание–сознание–действие), новый виток саморефлексии; так продолжается до тех пор, пока потребность будет удовлетворена. Если индивид не в состоянии найти искомое решение, то он вынужден имитировать действия других членов общества, более удачные и результативные, либо погибнуть, если жизненно важная потребность так и не будет реализована.

Вариант II. Избранные личностью пути достижения цели оказываются настолько противоречащими законам общества, что ее действия рассматриваются как преступные деяния, и данный индивид изолируется или самоизолируется от общества (временно или навсегда). Таким образом, девиантное поведение личности имеет определенное ограничение со стороны общества, ибо в отличие от естественной свободы гражданская всегда ограничена. «Делать то, что нам нравится, – это естественная свобода; без вреда другим – это гражданская свобода» (Хоромин, 1994). Важно только, чтобы границы гражданской свободы не были слишком жесткими, не мешали естественному процессу адаптации личности к новым реальностям.

Вариант III. Девиантное поведение приводит к желаемому результату: цель достигнута, потребность удовлетворена. В этом случае на уровне сознания личности происходит переосмысление социальной установки, сложившейся в обществе (десоциализация). Одновременно идет процесс закрепления приобретенного личного опыта (новых знаний, идей, с помощью которых достигается цель) на уровне подсознания. Сверхсознание в это время отдыхает. Этот процесс можно назвать ресоциализацией.

Ресоциализация – усвоение новых ценностей, норм, ролей поведения вместо прежних, недостаточно усвоенных или устаревших.

Таким образом, если социализация отвечает за передачу социальной наследственности, преемственность поколений, то де- и ресоциализация – за изменчивость общества, приспособление его к новым историческим условиям. Результатом девиантного поведения личности и ее ресоциализации является появление нового уровня развития индивидуальности личности, уже отличающейся от исходной, каковой она была на момент прохождения социализации и вступления в новую, нестандартную ситуацию. Маргинальная личность, имевшая место в период поиска новых путей реализации своих потребностей, переходит в состояние новой идентификации, у нее формируется новая иерархия ценностей. Она постепенно приобретает новый социальный статус.

Процесс изменчивости общества в случае развития девиантного поведения человека по третьему варианту быстро набирает силу. Личностный опыт становится достоянием членов сообщества. Первоначально его поддерживают немногие – социальное меньшинство (Тойнби, 1996). Затем начинается массовая имитация поведения индивида, нашедшего удачный путь достижения цели – массовое девиантное поведение. Однако это происходит лишь в том случае, если та или иная потребность, на реализацию которой направлена данная девиация, является жизненно важной и осознана большинством сограждан. Если такое условие отсутствует, то процесс распространения девиантного поведения часто сталкивается с жестким сопротивлением. Подобное сопротивление Т. Парсонс называл «фундаментализмом» (Парсонс, 1993). Результатом такого неприятия могут стать жесткие конфликты. Продвижение инновации в этом случае замедляется или полностью прекращается, что, безусловно, сказывается на темпах развития общества и уровне его конкурентоспособности.

В случае если девиация не встречает жесткого сопротивления, в результате кратковременной аномии социума происходит изменение общественного мнения и появление нового стереотипа массового поведения, которое закрепляется в нормах права. Социальное меньшинство, как правило, первоначально гонимое, повышает свой социальный статус и может даже возглавить со временем социальную иерархию. Результатом распространения девиации являются социокультурные мутации: отличная от прежней социальная стратификация; новая социальная установка, обеспечивающая единство социальных целей и норм; видоизмененное, обогащенное новым опытом надындивидуальное сознание; обновленная ментальность. А это значит, что общество изменилось, появилась новая реальность, требующая от индивида после определенного периода относительно

устойчивого развития иного девиантного поведения, следующего витка превращения психических мутаций в социокультурные. Каждый такой виток, прорыв инновации обеспечивает социуму более высокий уровень адаптации, повышает его конкурентоспособность по отношению к другим сообществам. Как не вспомнить здесь слова Дж. Милля: «Общество все-таки больше выигрывает от заблуждения человека, который после долгого изучения и приготовления думает [добавим: и действует. – О. О.] самостоятельно, чем от верных мнений тех людей, которые исповедуют их только потому, что не позволяют себе думать» (цит. по: Хоромин, 1994, с. 43).

Таким образом, девиантно-ролевое поведение – естественная реакция человека на возникающее в обществе противоречие между социальной целью и социальными нормами ее достижения. Созидательные девиации выполняют важнейшие позитивные социальные функции. Они необходимы, чтобы общество было гибким и готовым к переменам. Девиантное и нормативное поведение – две равноценные составляющие социально-ролевого поведения. Для нормального протекания социогенеза (понимаемого в широком смысле слова) инновационно-ролевое поведение человека имеет не меньшее значение, чем его нормативно-ролевое поведение. Степень прогрессивности общества определяется соотношением темпов и уровней развития этих двух видов социального поведения. Чем быстрее осуществляется изменение окружающей конкретного человека и общества в целом природной и социально-культурной среды, тем выше в социальных действиях индивидов должна быть доля девиантного поведения созидательной направленности (инновационно-ролевое поведение) (Осипова, 1998).

Эволюционное развитие социогенеза возможно только в том случае, если общество устанавливает для индивида оптимальные границы между естественной и гражданской свободами, создает нормальные условия для социальной циркуляции и развития девиации созидательной направленности, проводит энергосберегающую социальную политику, готово к пониманию того, что в синергетике норма – это тот предел, за которым система меняет свои характеристики, а не вечно заданное правило ее функционирования.

Форма ответной реакции общества на тот или иной вид девиации должна зависеть от того, какие конкретно по степени общности (общечеловеческие, классовые, групповые и т. д.) социальные нормы нарушаются. Можно выделить следующие закономерности.

- Чем более высокий уровень по степени общности социальных норм и ценностей нарушается, тем более решительными долж-

ны быть действия государства и общества. Наивысшей ценностью являются естественные права человека (в том числе, права на экологически чистую среду, на жизнь, на продолжение рода и т. д.).

- Чем более низкий уровень социальных норм с точки зрения соотношения их с иерархией социальных общностей нарушается, тем больше упор должен делаться на неформальные меры социального контроля (социальное вознаграждение или порицание, убеждение и т. д.)
- Чем сложнее социальная структура общества, тем многообразнее должны быть формы социального контроля.
- Чем более низкий уровень социальных норм с точки зрения соотношения их с иерархией социальных общностей нарушается человеком, тем терпимее должна быть реакция общества на его действия.
- Чем демократичнее общество, тем больше акцент должен делаться не на внешний, социальный, а на внутренний, личностный, самоконтроль.

Демократия сегодня – это не только свободные выборы, но и нахождение консенсуса между социальным большинством (представителями нормативно-ролевого поведения) и социальным меньшинством (социальными инноваторами). При принятии политических решений важно понимать, что для успешной адаптации в обществе процесс соционаследования с присущими ему разветвленным социальным контролем, конформизмом и преобладающим нормативно-правовым поведением должен тесно взаимодействовать с процессом зарождения социальной новации, поддержкой ее социально-инновационным меньшинством – процессом социоизменчивости. Процесс развития современного общества – это процесс взаимодействия социального меньшинства и социального большинства как важнейших субъектов социального влияния.

Таким образом, рассмотренный выше механизм социогенеза позволяет объяснить взаимоотношения человека и общества как открытых систем в терминах обратных причинных связей, или «причинных петель». Непредвиденные, зачастую непредсказуемые последствия действий отдельного индивида через механизм обратной связи перестраивают первоначальные условия, принуждая индивида к новому поиску адекватных социальных действий. Непредвиденные последствия посредством обратной связи становятся условиями следующего действия индивида, вызывающего очередные непредвиденные последствия. Важными составляющими этого процесса

являются рефлексивность субъекта действия и превращение психической энергии в социальную. Конечным результатом каждого цикла социогенеза является изменение стратификации первоначального (исходного) общества, преобразование его социально-политических институтов, пополнение социокультурного кода. Совокупность таких циклов оказывает влияние и на менталитет народа, однако этот процесс, как правило, занимает более длительный исторический период.

При внимательном рассмотрении во внешне хаотическом движении личностей обнаруживаются достаточно четкие социально-психологические закономерности. Психические мутации на уровне сознания отдельного человека, рациональность действий которого возрастает с каждым новым циклом социогенеза, трансформируясь в социокультурные мутации, преобразуют общество, служат важнейшим внутренним источником повышения его энергетического потенциала, ценнейшим резервом повышения конкурентоспособности. Механизм социогенеза, построенный на основе синергетической метапарадигмы, позволяет увидеть, как группа людей из простой совокупности элементов и связей между ними (структуры системы) превращается в новую целостность – социальную организацию, имеющую свои собственные особые системные, эмерджентные, свойства (одним из проявлений которых является менталитет народа), несводимые и необъяснимые с точки зрения как элементов (отдельных людей), так и структуры; как энергетические потенциалы отдельных индивидов превращаются в социальную энергию, значительно превосходящую их суммарную силу.

Для достижения устойчивого развития современному российскому обществу придется создать более эффективную систему принятия решений, учитывающую исторический опыт, менталитет российского народа, поощряющую плюрализм и социокультурное многообразие. В настоящее время в мире для прогнозирования появления прорывных инновационных технологий, новых профессий применяется технология форсайта. Его основными принципами выступают следующие положения:

- будущее зависит от прилагаемых усилий: его можно создать;
- будущее вариативно: оно не происходит из прошлого, а зависит от решений участников и заинтересованных сторон;
- существуют области, по отношению к которым можно строить прогнозы, но в целом будущее нельзя предсказать достоверно;
- можно подготовиться к такому будущему, какое мы хотим видеть, или самим подготовить его.

Исходя из основных принципов форсайта и понимания сущности механизма социогенеза, целесообразно провести экспертный опрос о том, какими же видятся экспертному сообществу менталитет российского народа в середине и в конце текущего столетия, культурная картина российского общества, определяющая образ жизни, поведение отдельного человека и взаимоотношения между людьми. Какая ментальность российского народа в наибольшей степени может соответствовать интересам стратегического развития России, какие современные передовые социокультурные практики, появляющиеся в отдельных регионах, уже сегодня могут послужить толчком для целенаправленного развития психологических, поведенческих установок? Результаты такого форсайт-исследования, преломленные через знания сущности и механизма социогенеза, позволят разработать научно обоснованную динамическую модель будущей России, разработать политические решения по определению стратегического вектора развития российского народа и российской государственности.

Литература

- Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социальные исследования. 1991. № 4. С. 72–78.
- Князева Е., Курдюмов С. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994.
- Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003.
- Моисеев Н. Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI века // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 131–139.
- Осипова О. С. Методологическое обоснование социогенеза: классические подходы и инновации. Гомель, 1997.
- Осипова О. С. Девиантное поведение: благо или зло? // Социальные исследования. 1998. № 9. С. 106–110.
- Осипова О. С. Эффективное управление человеческими ресурсами как основа устойчивого развития // Управление устойчивым развитием / Под ред. А. В. Трачука. СПб., 2015. С. 392–417.
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 1993. № 3–4. С. 137–171.
- Симонов П. В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: Под- и Сверхсознания // Бессознательное. Т. IV. Тбилиси, 1985. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/sverhsoznanie> (дата обращения: 12.06.2016).

- Симонов П. В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: Под- и Сверхсознания // Бессознательное. Многообразие видения: Сборник статей. Новочеркасск, 1994. Т. 1. С. 60–68.
- Смелзер Н. Социология. М., 1994.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1996.
- Хоромин Н. Я. Энциклопедия мысли. М., 1994.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
- Яковец Ю. В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы // Общество и экономика. 1992. № 5–6. С. 56–74.
- Яковец Ю. В. Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России. М., 1994.

МЕНТАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПОКОЛЕНИЙ ЮЖНОГО РЕГИОНА

В. И. Пищик (Ростов-на-Дону)

Анализ исследования проблемы ментальности в современной отечественной психологии

Впервые с проблемой определения и измерения российской ментальности мы познакомились в период перестройки в России, когда происходили изменения в самой ментальности. Вновь родившееся поколение уже жило в иной постперестроечной эпохе. Именно тогда появились первые диссертации, предметом исследования которых стали особенности ментальности (Южалина, 2003).

За довольно большой период (почти 20 лет) проведены различные научные мероприятия, раскрывающие проблематику ментальности. В 1994 г. состоялся круглый стол «Российская ментальность», на котором ведущие философы страны рассматривали эту проблему (Российская ментальность..., 1994). Обширный обзор психологических исследований российской ментальности осуществлен в рамках конференций в Самаре (1994), в Институте всеобщей истории (1996), в Институте психологии РАН (1997, 2015) (Провинциальная ментальность..., 1994; История ментальностей, 1996; Российский менталитет..., 1997; Историогенез..., 2015). В Высшей школе экономики проведен круглый стол «Ментальность и модернизация» (2010), на котором в рамках исторических, культурологических и философских подходов ставились вопросы динамических и стагнационных составляющих российской ментальности в культуре. Показано,

как модернизация ослабляет традицию и вступает в противоречие с ментальностью.

Резюмируя достигнутые результаты, можно определить следующие проблемы исследования ментальности в современной психологии.

1. Прежде всего, остается спорным вопрос реальности ментальности как психологического феномена. Многие авторы считают неправомерным заимствование понятия ментальности из исторических наук, приводящее к подмене им понятия «сознание». Отмечается абстрактность, расплывчатость и текучесть дефиниции. Признается существование «моды» на понятие ментальности в обществе.
2. Наблюдается концептуальный разброс в выделении существенных характеристик, системообразующих факторов, структуры, компонентов ментальности. Преимущественно фиксируется статическая структура ментальности.
3. Остро стоит вопрос о методической несостоятельности измерения ментальности. Имеется немного методик, опросников, методических приемов, позволяющих выявить и измерить компоненты ментальности. В критических замечаниях можно встретить претензии к валидности и точности измерительных инструментов. Наиболее распространен описательный метод. Чаще всего ментальность изучается опосредованно – через выявление других психологических явлений.
4. Важной представляется проблема определения субъектов ментальности. Преимущественно ментальность исследуется на групповом и индивидуальном уровне. Типология ментальности строится на индивидуальном, историческом, общественном, цивилизационном и других уровнях.

Мы предполагаем, что на индивидуальном уровне ментальность фиксировать нельзя; это феномен коллективный. Представляется, что наиболее перспективным является рассмотрение ментальности с поколенческих позиций, поскольку поколение как некая общность наиболее полно воплощает и помогает раскрыть исторические, динамические, психологические составляющие ментальности.

Несмотря на такие серьезные проблемы изучения ментальности, образовались научные подходы, в рамках которых изучается этот сложный феномен.

Менталитет описан как сознание в рамках научной школы К. А. Абульхановой; оригинальная концепция ментальности

как группового сознания представлена в работах самарских ученых (Г. В. Акопов, Т. В. Семенова); представляют интерес концепции политического менталитета (В. Ф. Петренко), полиментальности (В. Е. Семёнов), «ментальных порядков» (В. А. Шкуратов), социокультурный подход к проблемам транслирования и трансформации ментальности (Пищик, 2010; Абульханова, 1997; Менталистика..., 2001; Петренко, Митина, 1997; Семёнов, 2008; Шкуратов, 2006). Вышедшая под редакцией В. А. Кольцовой и Е. В. Харитоновой (2015) монография открывает новые перспективы в исследовании ментальности (Историогенез..., 2015). Авторы акцентируют внимание на современном состоянии российской ментальности, а также менталитете дореволюционной России.

Основу ментальности, по К. А. Абульхановой, составляют социальные представления. Данная традиция берет свое начало в исторической школе «Анналов» (История ментальностей..., 1996). На наш взгляд, социальные представления входят в структуру ментальности, однако это ее периферийные образования. При этом Абульханова эмпирически подтверждает, что системообразующим фактором ментальности выступают моральные представления и синкретизм личности и общества, который сохранился со времен социализма. Это нашло свое подтверждение и в коллективной монографии «Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики» (1997). В. А. Кольцова пишет, что системообразующим стержнем менталитета русского народа выступают духовные качества (Историогенез..., 2015, с. 14).

В работах Г. В. Акопова ментальность рассматривается как часть общественного сознания, в которую входят осознаваемые и неосознаваемые установки, усвоенные индивидом в ходе социализации (Менталистика..., 2001). Область действительности, в которой ментальность проявляется, – это социокультурная среда. Г. В. Акопов подчеркивает, что групповое сознание, ментальность выражается в определенном времени и пространстве. Исходя из этого, мы определили пространство и время как обязательные элементы системы ментальности. В последней работе Г. В. Акопов с соавторами, опираясь на субъектно-деятельностный подход, определяют ментальность как групповое сознание (Акопов, Давыдкина, Семенова, 2015). Основными субъектами ментальности, по их мнению, выступают индивид, город, этническая группа, нация.

В школе психосемантики В. Ф. Петренко на основе измерения социальных установок, стереотипов поведения выявлялись особенности политической ментальности респондентов. Авторами реализован психосемантический подход к эмпирическому исследова-

нию ментальности в обществе (Петренко, Митина, 1997). Именно работы В. Ф. Петренко навели нас на мысль о системности ментальности.

Теоретическая модель исследования

Анализ многочисленных исследований позволяет сделать вывод, что основу ментальности составляют ценностно-смысловые составляющие, представляющие ее ядро. Системообразующий фактор ментальности, на наш взгляд, – это ценностно-смысловая близость ее субъектов, независимо от их содержательного наполнения. Мы согласны с К. А. Абульхановой, что при социализме основной детерминантой ментальности была идеология, а сегодня ее функции выполняет психология. В организации ментальности мы выделяем надсистемы (религия, этнос и социум), которые детерминируют жизнедеятельность людей и определяют систему ментальности. При социализме этнос выступал доминирующей надсистемой ментальности, поскольку ценностно-смысловое ядро ментальности поколений эпохи социализма объективировалось в виде объединения советских людей в единый народ и чувство «Мы». Сегодня, как мы полагаем, социум является доминирующей надсистемой, поскольку ценностно-смысловое ядро ментальности объективируется в виде значимых социальных образований. Надсистемы ментальности выступают фактором ее трансформации. Со сменой в обществе доминирующей надсистемы изменяются социально-психологические характеристики, которые влияют на преобразование ядерных структур ментальности и ее подсистем (образа мира и жизни). Результатом является возникновение нового типа ментальности.

Мы полагаем, что ментальность проявляется во взаимодействии коллективных субъектов. Данное взаимодействие реализуется относительно двух полюсов, форм связи между субъектами, которые опосредуют отношения в группе: традиции и инновации. Из концепции социального влияния С. Московичи следует, что инновация – это «процесс социального влияния, источником которого становится меньшинство или индивид, старающиеся либо ввести или *создать* новые представления, понятия, способы мышления или поведения, либо *изменить* принятые представления, мнения, традиционные позиции и прежние способы мышления или поведения» (Московичи, 2007, с. 65).

Исходя из этого, можно предположить, что сплоченность в поколенческих группах определяется ценностно-смысловой согласован-

ностью вокруг традиции или инновации как форм связи, которые порождают либо традиционный, либо инновационный тип ментальности. Сегодня мы становимся свидетелями смены традиционного типа ментальности поколений инновационным.

Мы определяем ментальность как систему репрезентативных для данной общности способов восприятия мира и поведения в нем, обусловленных устойчивыми психическими особенностями и взаимодействием с внешней средой (Пищик, 1997, с. 9). Данное понимание ментальности охватывает ее феноменологию. Сущность ментальности заключается в отражении действительности, преломленной через уровни человеческой бытийности. Это задает определенную направленность индивида, построение образа мира и поведения в заданной ситуации.

Далее мы углубили представления о ментальности на основе ее системного описания, представив ее как систему, в ядре которой находятся значения, смыслы и ценности, доминирующие в том или ином поколении, а на периферии – социально-психологические характеристики: ценностные ориентации, социальные установки, социальные представления, Я-концепции, формы дискурса, особенности поколенческих взаимодействий и отношений (Пищик, 2010). Ментальность выступает надсистемой для образа мира и образа жизни поколения.

К. А. Абульханова, обосновывая типологический подход к решению проблемы социального расслоения в современном социуме, реализует логику движения от индивидуального сознания личности к ментальности. Мы, наоборот, идем от общественной психологии к ментальности и от нее – к отдельному человеку.

В концепции В. Е. Семенова типы ментальности классифицируются на основе философских категорий-опозиций «дух–материя» и «общество–личность», выделенных в результате психологического портретирования русских героев в литературных источниках и проведения социологических опросов, и на этом основании определяются типы ментальности россиян (Семёнов, 2008).

В. А. Шкуратов представляет ретроспективу смены «ментальных порядков», отличающихся формами коммуникации и передачи опыта (Шкуратов, 2006). К ним автор относит дописьменную, письменную и медиаментальность.

В нашей социокультурной концепции субъектами выступают представители различных поколений. Поколение мы определяем как группу людей, рожденных в определенный период, объединенных переживаниями специфических исторических событий и являющихся носителями конкретного типа ментальности.

Тип ментальности определяется, согласно нашему мнению, особым характером сочетания ее составляющих. Мы выделили четыре типа ментальности, сменяющие друг друга: традиционный тип ментальности, переходный, инновационный и постинновационный. Сочетание относительной стабильности в представлениях образа мира, коллективистических тенденций в образе жизни, взаимозависимости в коммуникации, гомогенности дискурса характерно для *традиционной ментальности*. Совмещение связности в коммуникации, готовности к новому в установках образа жизни и выраженной нестабильности в представлениях образа мира отличают *переходную ментальность*. Взаимоотношения людей здесь опосредованы сломом традиций. Нестабильность, неопределенность в представлениях образа мира, индивидуалистические установки в образе жизни и независимость в коммуникации, гетерогенность дискурса – особенности *инновационной ментальности*. Взаимоотношения людей в этом случае опосредованы инновационными социальными установками и действиями. Соединение независимости в коммуникации, консерватизма установок образа жизни и доминирование стабильности в представлениях образа мира отличают *постинновационную ментальность*, которая может перейти к традиционной при определенных культурно-исторических условиях.

Результаты эмпирического исследования типов ментальности в современной России с позиции поколенческого подхода

В течение 10 лет (2006–2016) мы наблюдаем выраженность различных типов ментальности у поколений южного региона России (выборку составляют 2000 чел.). Для исследования типа ментальности нами применяется валидизированная методика измерения типа ментальности (МИТМ) (Пищик, 2006). Методика представлена следующими шкалами: концепция человека; архетипы; образ мира; образ жизни; стили мышления; отношения; стереотипы взаимодействия. Шкалы выстроены исходя из структурных составляющих ментальности. Сочетания различных признаков способствуют измерению традиционного, переходного, инновационного и постинновационного типов ментальности.

Усредненные результаты за 9 лет исследований представлены в таблице 1.

Установлено, что большинство представителей поколения, сформированного в довоенные и послевоенные годы («советское поколение»), являются носителями традиционной ментальности (Пищик, 2015).

Представители поколения, родившиеся в застойные годы («неверящее поколение»), – носители в равной степени традиционной и инновационной ментальностей. Это нашло подтверждение в исследовании Н. В. Сивриковой, проведенном под нашим руководством, в котором были показаны различия во временной трансективе, в удовлетворенности жизнью, способах психологических защит, ответственности поколений, родившихся в 1970–1990-х годах (Сиврикова, 2015).

Дети, родившиеся в перестройку и после нее («информационное поколение»), являются носителями инновационной ментальности.

У представителей поколения, родившегося в начале XXI в. («новое поколение»), проявляются инновационная и переходная ментальности.

Мы предполагаем, что большинство представителей поколения, которое придет на смену «новому поколению», будет носителем постинновационной ментальности, которая, в свою очередь, трансформируется в традиционную ментальность. Однако это будет иная традиционность, отличная от традиционности «советских поколений».

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что проблема ментальности имеет теоретическую и практическую значимость. Сегодня сложилось несколько теоретических подходов к исследованию ментальности: структуралистский, типологический, кросс-культурный. Остаются неразрешенными проблемы научного статуса, описания феноменологии, построения структуры и измерения ментальности.

Таблица 1

Выраженность типов ментальности у различных поколений

№	Средние показатели выраженности типа ментальности				
	Тип поколения	Традиционная	Инновационная	Переходная	Постинновационная
1	Советское	14	4,3	6,3	3,8
2	Неверящее	6,5	6,4	4,2	2,4
3	Информационное	3,7	9,8	2,3	2,8
4	Новое	2,4	6,5	7,9	5,9

На выборке поколений южного региона эмпирически выявлена выраженность различных типов ментальности у представителей разных поколений.

Литература

- Акопов Г. В., Давыдкина Л. В., Семенова Т. В. Ментальность как групповое сознание: Учебное пособие по курсу «психология ментальности» для магистратуры по психологическим направлениям. Самара, 2015.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015.
- История ментальностей. Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
- Менталистика: проблемы, решения, перспективы исследований (ментальность поволжского социума в научных проектах) / Под ред. О. М. Буранок. Самара, 2001. С. 3–22.
- Московичи С. Социальная психология. СПб., 2007.
- Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: на материале политического менталитета. М., 1997.
- Пищик В. И. Транслирование менталитета в процессе общения воспитателя и ребенка: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 1997.
- Пищик В. И. Психология трансформации ментальности поколений: Дис. ... докт. психол. наук. Ростов н/Д., 2010.
- Пищик В. И. Преемственность и изменение общих черт поколений, сопряженных с их ментальностью // Прикладная психология общения и межличностного познания / Под ред. Л. И. Рюминой. М., 2015. С. 20–30.
- Провинциальная ментальность и провинция о ментальности: I конференция по истории психологии российского сознания. Самара, 1994.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М., 1997.
- Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 25–30.
- Семёнов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избранные научные работы (1971–2001 гг.). СПб., 2008.
- Сиврикова Н. В. Социально-психологические особенности представителей поколений 70–90-х гг.: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2015.

- Шкуратов В. А. Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. Ростов-н/Д., 2006.
- Южалина Н. С. Менталитет как социокультурная целостность: Дис. ... канд. культурол. наук. М., 2003.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ МОСКОВСКИХ ШКОЛ КАК ВАЖНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ МЕНТАЛЬНОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН

О. И. Прокушенкова (Москва)

Постановка проблемы

Ментальность является важной частью национальной культуры, формируемой на протяжении многих веков и поколений. В ней заключено все своеобразие и специфичность образа мышления, мировосприятия, духовной жизни, психологических особенностей народа. Важнейшими составляющими ментальности являются ценностные и смысло-жизненные ориентации, которые в подростковый период находятся в процессе формирования под влиянием внешних воздействий.

Подростковый возраст – важный этап жизни, когда происходит активное формирование мировоззрения, а взрослеющий ребенок впервые задумывается над вопросами «Кто я?», «Зачем живу?», «Где мое место в мире?», «Имеет ли жизнь смысл, и если да – то какой?». Являясь наиболее восприимчивой социальной группой, чьи ценности в «ближайшем будущем будут в значительной степени определять ценности и направление развития всего общества», подростки с «большой легкостью, чем представители более старших поколений, принимают и усваивают все „новое“ в культуре» (Журавлева, 2015, с. 184). Именно поэтому в условиях глобализации и мирового кризиса ценностей остро встают вопросы национальной идентичности, сохранения и ретрансляции исторических ценностей и традиций, а изучение ментальности молодежи обретает особую актуальность.

Эмпирическое исследование

Цель нашего исследования заключалась в изучении тенденций ценностных и смысло-жизненных ориентаций подростков московских школ.

Выборка исследования

Исследование проводилось на базе двух общеобразовательных школ Восточного округа г. Москвы (ГБПОУ ОКДиТ и ГБПОУ № 409) в период с января 2014 г. по март 2015 г. В нем приняло участие 126 школьников (6–11-х классов) в возрасте 12–17 лет.

Методы исследования

Для реализации цели исследования использовались: тест В. Э. Чудновского для определения смысло-жизненных ориентаций и анкета «Ценности веры» для определения личностного отношения к предельным (высшим) ценностям и смыслам, а также методы математической обработки (описательная статистика, непараметрические методы для независимых групп с расчетом критерия Манна–Уитни, кластерный анализ).

Теоретические основы эмпирического исследования

Ценностно-смысловую сферу как важнейшую составляющую менталитета образуют два основных компонента – *ценностные ориентации личности* и *система личностных смыслов* (смысло-жизненных ориентаций).

Ценностные ориентации личности – системообразующая характеристика личности, определяющая ее направленность (А. Ф. Лазурский, В. Н. Мясищев, Б. Г. Ананьев и др.), воздействующая «на развитие мотивационной сферы» и являющаяся «механизмом ее саморегуляции и развития» (Бубнова, 2015, с. 10).

В отечественной психологии к разработке этой проблемы впервые приступил А. Ф. Лазурский. Он рассматривал отношение личности к различным аспектам жизни (к людям, природе, обществу, профессии, труду, продуктам трудовой деятельности, собственности) в качестве определяющего фактора для понимания ее характера и классификации личностей. Подчеркивая важность осознания «целей или идеалов, на достижение и осуществление которых должно быть направлено волевое усилие», А. Ф. Лазурский в то же время отмечал, что ориентация личности на общечеловеческие (высшие) цели не означает пренебрежения к целям личным и инстинктивным влечениям (Лазурский, 2001, с. 260).

Развивая идеи А. Ф. Лазурского, В. Н. Мясищев описал процесс формирования личности на основе анализа ее доминирующих отношений. Б. Г. Ананьев выделял ценностные ориентации личности как «характеристики, определяющие ее мировоззрение, жизненную направленность, общественное поведение, основные тенденции развития» (Ананьев, 1968, с. 311). С. Л. Рубинштейн подчерки-

вал «вторичность, производность ценностей от соотношения мира и человека» (Рубинштейн, 2012, с. 107). Он ввел понятие о динамической тенденции личности как проявлении ее направленности и ценностных образований – значимых для человека аспектов мира. Зарубежные исследователи описывали ценности как конечные цели жизни (ценности-цели) и определенные способы поведения (ценности-средства) (М. Рокич), отмечали важность раскрытия смыслового (ценностного) аспекта жизни личности (В. Дильтей).

Современные психологи все чаще обращаются к проблеме смысла, которая изначально составляла предмет философии, рассматривают содержание *системы личностных смыслов*, ее место и роль в структуре личности. А. Н. Леонтьев объяснял это тем, что «психология смыкается с проблемами человеческой этики, становится наукой о жизни человека. Поэтому учение о деятельности есть альфа, учение о смысле – омега психологии» (Леонтьев, 2005, с. 235).

Система личностных смыслов (смысложизненных ориентаций) – это многомерное динамическое образование, обладающее определенной структурой и иерархией и обуславливающее подход человека к миру и себе (Разумовская, 2012). От того, какие смыслы в этой системе преобладают, зависит то, как человек организует свою жизнь, на какие ценности ориентируется, как поступает. Несмотря на многообразие ответов на вопрос о смысле жизни, все они могут быть объединены в три основные группы (Давлегаряева, 2012): *религиозной смысл* (высший смысл один для всех – он объединяет людей в единое сообщество, но пути к его обретению разные); *общественно-исторической смысл* (смысл жизни состоит в служении человечеству, его светлому будущему; однако вопрос остается открытым, когда касается осознания смертности человека, так как будущие поколения, как и ныне живущие, смертны); *экзистенциальной смысл* (у каждого человека свой смысл; это ведет к оправданию любых поступков и вседозволенности; подход истинен, когда под разными смыслами понимаются различные пути реализации единого смысла, заданного человеку как родовому существу).

Согласно указанным подходам, выделяют разные уровни смысла: *возвышенный (Высший смысл, или Сверхсмысл)*, *абстрактный и бытийный* (Франк, 1917, 1976; Марцинковский, 2013).

Сверхсмысл – это смысл Вселенной, бытия, истории, трансцендентный смысл, поднимающий и окрыляющий человека, познаваемый не только рациональными, но и иррациональными средствами. Сверхсмысл изначально задан человеку и состоит в «утвержденности жизни в вечном» (Франк, 1917, с. 145), а его открытие требует усилий и самовоспитания – «погружения... в вечное начало», «напряженного

самоуглубления, подлинного, полного труда и лишений, погружения в глубины бытия» (там же, с. 125). Индикатором такого открытия выступает совесть: человек, утверждающий Высший смысл, служит нравственному закону, т. е. в ситуациях нравственного выбора прислушивается к голосу совести и поступает в соответствии с ним. Это достигается лишь тогда, когда человек признает Бога, бессмертие души, продолжение личного существования за пределами земного бытия (Введенский, 1896), ибо «полнота смысла обретается лишь соотношением себя с безусловным трансцендентным началом – подлинным Источником Жизни» (Франк, 1917, с. 98).

Абстрактный смысл проявляется тогда, когда человек задумывается о своем предназначении и ставит вопрос «Кто я? Зачем живу?», но еще не находит на него ответа. Вопрос этот сводится к самопознанию, «уяснению того, к чему человек призван, какую роль в мировом целом предназначили ему «природа и Провидение» (там же, с. 22).

Бытийные смыслы – это смыслы *ситуативные, социально-личностные, эгоцентрические*, которым соответствуют ценности бытийного уровня – семья, здоровье, родственная и дружеская коммуникация, достижение высокого уровня доходов, карьерный рост, свобода, личная независимость и др. С. Л. Франк полагал, что поиск смысла жизни в земных делах, целях, удовольствиях и пр. не может принести удовлетворения, ибо невозможно «отыскать абсолютный смысл в эмпирической жизни или до конца „осмыслить“ ее» (там же, с. 120). Когда же бытийные смыслы используются человеком «как служение, как путь к истинной жизни», они «теряют суетность, иллюзорность и приобретают вечный, т. е. подлинный смысл» (там же, с. 152).

Таким образом, каждый человек, являясь в течение своей жизни носителем системы личностных смыслов и ценностей (потенциальных и актуальных, признаваемых и усвоенных, духовных, материальных, социальных), выстраивает ценностно-смысловую иерархию – сложную, многомерную структуру, закрепленную жизненным опытом и совокупностью переживаний (Разумовская, 2012). Эта система может изменяться под воздействием ряда факторов – условий жизни личности, общественных отношений, культуры, рода занятий, религии, образования, возраста, пола, ценностей референтной группы (Журавлева, 2015; Бубнова, 2015).

Согласно последним опросам, в ценностной подструктуре сознания россиян сегодня проявляются две противоположные тенденции.

Первая тенденция характеризуется тем, что, независимо от возрастной принадлежности, они нередко отдают предпочтение ин-

дивидуалистическим ценностям, связанным с личной жизненной стратегией каждого конкретного индивида (Стригунов, 2009; Журавлева, 2014), что противоречит традиционной ориентации русского народа на «общее», «коллективное». Причина этой тенденции – искусственное насаждение *западных ценностей* (индивидуализма, конкуренции, потребительства и др.), связанных с личной жизненной стратегией индивида. Попытка привить их ведет к расчетливости и своекорыстию, стремлению к власти любой ценой, пренебрежительному отношению ко всему традиционному – русской культуре, русскому языку, исконным традициям народа (Никандров, 2010), а также к внутренней раздробленности и появлению серьезных личностных расстройств (Флоренская, 1991).

Вторая тенденция, напротив, характеризуется возрождением и признанием традиционных ценностей (Мизулина, 2012; Матушка Феодила, 2012) – ценностей общинных, коллективных, опора на которые обеспечивает целостность национального сознания, единство нации и ее силу (Gusfield, 1967). На Руси к ним во все времена относили преобладание духовного над материальным; коллективного – над индивидуальным; созидательный труд на благо родины и семьи; справедливость и взаимопомощь; жертвенное служение людям и Отечеству; самоотверженность; сострадание; способность видеть в каждом равного себе; патриотизм; верность слову; соборность и ее компоненты: единство, свобода выбора в пользу добра, любовь (Никандров, 2010).

Истоки традиционных ценностей русского народа уходят своими корнями в христианство, которое принесло в русское государство смыслообразующий фактор, задавало новый уровень государственного мышления (Краснова, 2015). Христианская *система ценностей*, опирающаяся на евангельские Заповеди любви и признание общей святости – Бога как «абсолютной основы сил добра, разума и вечности, ручательства их торжества над силами зла, бессмыслия и тленности» и служение Ему (Франк, 1917, с. 98), со временем «становится... русским духом, русской духовной основой», на которой общерусскому, общеправославному удалось пересилить индивидуальное и региональное (Кузенков, цит. по: Краснова, 2015, с. 61).

Результаты эмпирического исследования

Теоретические положения, выделенные нами, были подтверждены результатами исследования тенденций ценностных и смысложизненных ориентаций подростков. Так, подавляющее большинство школьников (61%) отметили, что наличие смысла жизни является важным для человека; убеждены, что смысл жизни меняется с воз-

растом (73,8%). 86,5% школьников смогли дать определение смысла жизни; 66,6% раскрыли свой собственный смысл жизни. Изменение личного смысла жизни было зарегистрировано у 61% подростков. Принимая во внимание, что для психологов важен содержательный аспект системы личностных смыслов и ценностей, был проведен содержательно-тематический анализ результатов по тесту В.Э. Чудновского с оценкой:

- 1) представленности уровней смысла в ценностно-смысловой структуре подростков: Сверхсмысла, абстрактного смысла, бытийного смысла;
- 2) соотношения традиционалистских смыслов (в %), направленных на коллективное, с ценностно-смысловыми ориентациями, реализующими индивидуалистскую стратегию.

Анализ полученных результатов показал, что у школьников преобладали *традиционные смысложизненные ориентации*: 72% респондентов ориентировано на создание семьи, продолжение рода, познавательные, социально-ориентированные, культурные смыслы. *Индивидуалистическая направленность* (личный успех, развлечение, самосовершенствование) зарегистрирована лишь у 28% школьников.

Содержательное наполнение подростками личностных смыслов было следующим.

- *Социально-ориентированные смыслы*, включая смыслы семьи и продолжения рода (49%): «Создать семью и жить с нею хорошо»; «Сделать близких счастливыми»; «Оберегать семью и друзей, помогать им»; «Радость жизни и улыбки близких тебе людей»; «Помогать другим, быть доброй»; «Сделать жизнь других лучше»; «Возвысить правосудие»; «Сделать полезное для будущих поколений»; «Помогать людям»; «Чтобы всем было хорошо»; «Чтобы другие были счастливы и здоровы»; «Жить ради другого»; «Оставить после себя что-то важное»; «Быть полезным человечеству – занять достойное место в мире»; «Трудиться на благо других».
- *Культурные смыслы* (4%): «Музыка»; «Искусство – процесс создания картин»; «Создание шедевров искусства».
- *Познавательные смыслы* (19%): «Поиск фундаментальных принципов природы, позволяющих познать разум»; «Познание всего мира»; «Сильное продвижение в науке»; «Поиск истины и познание»; «Познание всего окружающего в этом мире».
- *Эгоцентрические смыслы* (8%): «Заработать много денег, а потом отдыхать»; «Просто жить, а потом умереть»; «Жить в свое

удовольствие»; «Всех пережить»; «Доказать всем и себе, что я чего-то стою»; «Брать от жизни все по максимуму»; «Жить как хочется»; «Получать удовольствие»; «Достичь того, что хочу»; «Брать от жизни все».

- *Смыслы самосовершенствования (7%) и личного успеха (13%)* – всего 20%: «Устроиться на хорошую работу»; «Заработать много денег и продвинуть баскетбольную команду»; «Стать перво-классным баскетболистом»; «Достичь высокого уровня владения велосипедом»; «Хорошо закончить школу»; «Стать чемпионом мира по кикбоксингу»; «Получить хорошую профессию и престижную работу»; «Получить достойное образование»; «Ни от кого не зависеть»; «Стать успешным в будущем»; «Поставить цель и добиваться ее».

Анализ представленности разных уровней смысла в ценностно-смысловой структуре сознания школьников показал, что большинство личностных смыслов респондентов относятся к бытийному уровню (61%), четверть (25%) – к абстрактному, 14% – к Сверхсмыслу.

Содержательное наполнение смыслового уровня *абстрактный смысл* было следующим: «Смысл – это внеземное, неизвестное человеческому разуму»; «Смысл – сама жизнь, дорога длиною в жизнь»; «Обрести смысл жизни»; «Найти свое счастье»; «Найти и исполнить свой смысл»; «Стремиться к лучшему»; «Смысл – это цель, достигать разные цели»; «Доказать себе, что нет ничего невозможного»; «Жить и достигать новых вершин»; «Достичь всего, что хочешь»; «Поиск себя»; «Деятельность, которой можно было бы довольствоваться»; «Радость, счастье, мир»; «Жить и радоваться жизни, каждому дню, каждой мелочи»; «Наслаждаться жизнью, любить и делать ошибки»; «Найти свое счастье в жизни»; «Просто жить, а потом умереть»; «Рождение, жизнь, старость смерть»; «Жить с верой в хорошее»; «Смысла нет».

Возвышенный смысл (Сверхсмысл) был представлен следующими ответами: «Приносить пользу людям, трудиться на благо других»; «Быть полезным человечеству»; «Духовное и умственное самосовершенствование, обретение внутреннего равновесия»; «Сделать жизнь других лучше»; «Возвысить правосудие»; «Сделать что-то полезное для будущих поколений»; «Помогать людям»; «Делать так, чтобы всем было хорошо»; «Прожить жизнь хорошо, чтобы попасть в рай»; «Поиск истины, познание»; «Деятельность, которой можно было бы гордиться»; «Поиск фундаментальных принципов природы, позволяющих познать наш разум»; «Сильнее и лучше изменить развитие человечества»; «Создать мир между людьми»; «Самосовершенствоваться, оставить после себя след».

Преобладание у подростков направленности на традиционные ценности подтвердилось и результатами опроса по анкете «Ценности и вера». Так, у школьников зарегистрирован высокий рейтинг ценностей семьи и здоровья (традиционно высокий для россиян); средний – ценностей чистой совести и душевной гармонии; низкий – ценностей материального благополучия и развлечений. Следует подчеркнуть, что низкий рейтинг ценности материального благополучия сочетался с более высоким рейтингом ценностей душевной гармонии и чистой совести. Это, возможно, свидетельствует о том, что к *материальному достатку* подростки относятся не как к самоцели, а как к результату жизни «по совести». Это согласуется с традиционной ментальностью русского народа, издревле формируемой под влиянием православного христианского мировоззрения, в основе которого лежит идея святости – признание Бога как Высшей ценности, «законов любви, чистоты, справедливости, почитания того, что выше нас» (Марцинковский, 2013, с. 63).

Принимая во внимание роль религиозного фактора в становлении менталитета народа (Г. В. Гегель, Г. Лебон, Г. Шпет и др.), ставилась задача выявления того, находит ли идея Бога как Сверхценности и Сверхсмысла место в ценностном сознании школьников. С этой целью в анкету «Ценностей и веры» был включен вопрос: «*Верите ли вы в то, что существует Бог, невидимый божественный мир, духовные законы?*». Утвердительно ответили на него 70% респондентов (10% – «не верю»; 20% – «не знаю, есть ли Бог»). Переживали чувство по отношению к Богу и смогли описать его – 12% школьников; смогли раскрыть суть понятия «Бог» – 48%, изобразить образ Бога (нарисовать рисунок) – каждый третий (33%).

Факторами, влияющими на формирование национального характера, являются традиции, ритуалы, этническая история, культура, политическая ситуация. Наряду с этим в качестве важного фактора выступает *образ жизни людей* (Гердер, 1977). Для его оценки в соответствии с традиционалистской направленностью сознания (характеризуется отсутствием эгоизма, готовностью жертвовать, отдавать, ориентироваться на общее, коллективное) в анкету был включен вопрос «*Что вам нравится больше – принимать подарки или дарить их?*». На этот вопрос 40% респондентов ответили: «дарить подарки»; 33% – «получать подарки».

Для оценки взаимосвязи между выбором школьниками поведения, согласующегося с традиционной ментальностью (предполагает приоритет альтруистических ценностей над ценностями прагматическими) и наличием в их ценностном сознании идеи Бога, было решено провести статистический анализ с использованием крите-

рия Манна–Уитни между группами *верующих* (в то, что Бог, духовный мир, духовные законы существуют, $n=80$) и *неверующих* (отрицающих существование Бога, $n=11$). Результаты анализа выявили наличие достоверной взаимосвязи поведения подростков и их веры в предельную ценность (Бога): «верующим» подросткам больше нравилось дарить подарки, чем получать их (p -уровень 0,0263). На основании этого можно предположить, что наличие в ценностной подструктуре сознания подростков представлений о Боге как высшей Ценности и Сверхсмысла оказывает определенное воздействие на формирование у них особой ментальности и поведения, согласующегося с традиционалистской направленностью сознания. Однако это предположение требует дальнейшего детального изучения.

Для объяснения вариативности результатов и их более глубокого осмысления был проведен кластерный анализ (рисунок 1), в ходе которого выделено два кластера – две группы схожих объектов, имеющих относительное различие с другими группами внутри одной выборки.

Сходство кластеров проявилось по отношению к вере в предельные ценности, в высокой значимости семьи для становления смыслов у подростков, в стремлении дарить подарки. Незначительные различия (минимальные расстояния между параметрами) зафиксированы по отношению к ценностям здоровья, душевной гармонии, личного успеха, чистой совести. Значимые различия (максимальные расстояния между параметрами) проявились по отношению к ценностям западного образца (*материальному благополучию и развлечениям*), что также подтверждает преобладание традиционалистской направленности сознания школьников.

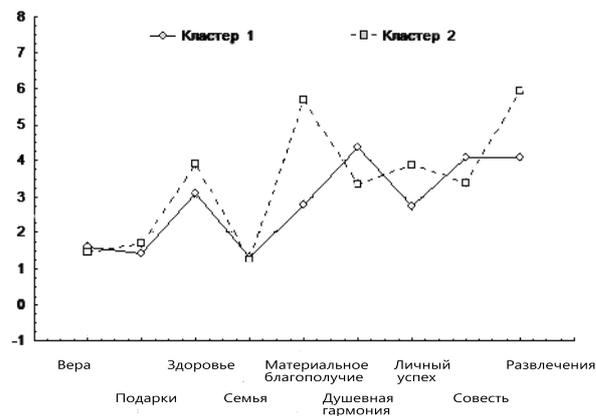

Рис. 1. График средних для каждого кластера – «ценности» и «вера»

Факторами, определившими влияние на становление смысла у подростков, оказались (приведены от более к менее значимому – чем ниже среднее арифметическое, тем выше рейтинг ценности): пример родителей (2,08); собственный жизненный опыт (2,29); общение со сверстниками (3,51); общение с педагогами (4,26); воздействие средств массовой информации (4,53); чтение литературы (4,77).

Следует заметить, что роль факторов *общения со сверстниками* и *общения с педагогами* снижается от 6-го к 11-му классу, а значимость *примера родителей* возрастает и с 8-го класса выходит на первое место (рисунок 2). Это отчасти противоречит тенденции подросткового возраста – переориентации общения со старшими (родителями, учителями) на сверстников, но говорит о высоком авторитете родителей среди подростков. Значимость фактора *собственного опыта* стабильно высока с 8-го по 11-й класс. Ценность фактора *чтения книг* с 6-го по 10-й класс низкая (4–5 места из 7 в рейтинге факторов), очевидно, из-за того, что школьники мало читают, и лишь к 11-му классу она выходит на лидирующие позиции (занимает 2-е и 3-е места).

При проведении кластерного анализа выявлено сходство групп по переменным *веры в предельные ценности* и *роли личного опыта* (высокая значимость для подростков). Относительное сходство (при высокой значимости) – *общения с родителями* и *общения с друзьями*.

Низка значимость факторов *роли СМИ* и *общения с педагогами*. Самый большой разброс зафиксирован по переменной *чтения книг*

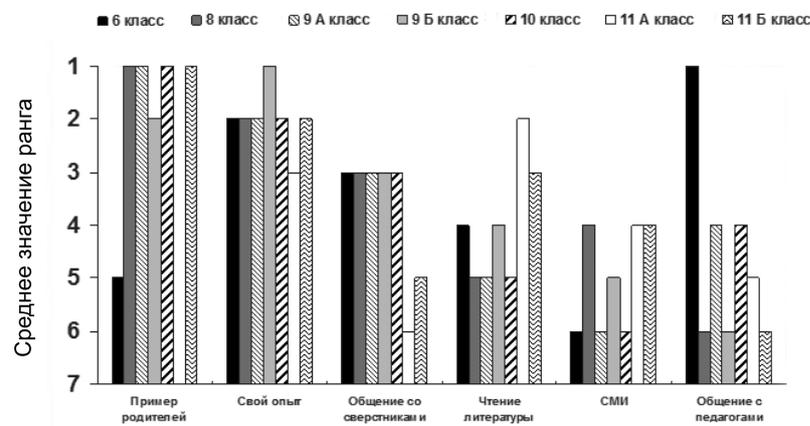

Рис. 2. Динамика рейтинга факторов, влияющих на становление смысла у подростков, по классам

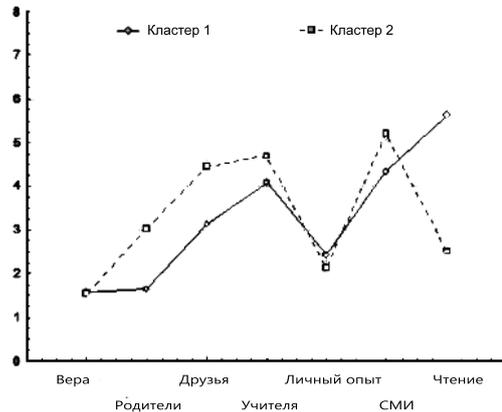

Рис. 3. График средних значений для каждого кластера – переменные, влияющие на становление смысла у подростков

(наряду с подростками, которые отводят книгам значительную роль в становлении смысла жизни, немало тех, кто не читает совсем либо читает мало). Из книг, оказавших значимое влияние на подростков, были отмечены следующие произведения: Н. В. Гоголь «Ревизор», И. С. Тургенев «Отцы и дети», И. А. Гончаров «Обломов», У. Шекспир «Гамлет», А. Дюма «Граф Монте-Кристо», Д. Селинджер «Над пропастью во ржи», Ф. С. Фицджеральд «Великий Гетсби», Р. Брэбери «451 градус по Фаренгейту», О. С. Кард «Игры Эндера», Р. Сальваторе «Забытые королевства» и «Звездные войны».

Выводы

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Особенностью менталитета подростков, принявших участие в исследовании, является преобладание традиционной направленности сознания. Это свидетельствует о том, что они в целом наследуют важнейшие ценности предшествовавшего поколения. Индивидуалистическая направленность не является для них определяющей.
2. Значимыми факторами, влияющими на формирование ценностно-смысловой сферы подростков, являются: пример родителей, собственный жизненный опыт, общение со сверстниками. Среднее место занимает фактор чтения литературы. Низкую значимость продемонстрировали факторы воздействия средств массовой информации и общения с педагогами.

3. Главным практическим результатом (и выводом) исследования является то, что, отвечая на вопросы анкет и обсуждая полученные результаты, школьники задумываются о своей жизни – о ее смысле, ценностях и перспективах. Благодаря этому удается вывести проблему на уровень осознания, а значит, сделать их жизнь более осмысленной.

Литература

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 1968.
- Бубнова С. С. Системообразующие факторы индивидуальности – ценностные ориентации личности и ПВК субъекта деятельности. Чебоксары, 2015.
- Введенский А. И. Условия допустимости веры в смысл жизни: Публичная лекция, прочитанная 7 апреля 1896 в СПб. URL: http://www.inspp.ru/index.php?id=35&Itemid=0&option=com_content&task=view (дата обращения: 22.01.2010).
- Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1998–2004). М., 2005.
- Давлетгаряева Р. Г. О смысле жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). Вып. 28. С. 6–9.
- Журавлева Н. А. Актуальные тенденции в ценностных ориентациях молодежи в современном российском обществе // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Воловиковой, Т. В. Галкиной. М., 2014. С. 171–194.
- Краснова В. Наши вопросы к Рюриковичам // Эксперт. № 4. 2015. С. 19–25.
- Лазурский А. Ф. Избранные труды по общей психологии. СПб., 2001.
- Лебон Г. Психология народов и масс. М., 1998.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2005.
- Марцинковский М. Ф. Смысл жизни. Новосибирск, 2013.
- Мизулина Е., Матушка Феодила. Жертвенное служение женщин Богу, отечеству, народу. М., 2012.
- Никандров Н. Д. Православные ценности и воспитание в современной России // XVI Рождественские чтения. М., 2010. URL: <http://religare.ru> (дата обращения: 29.01.2008).
- Разумовская П. С. Смыслжизненные и ценностные ориентации как субъективные составляющие феномена смысла // Психологические и психоаналитические исследования / Под ред. В. М. Лейбина. М., 2012–2013. С. 32–47.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб., 2012.

- Стригунов Ю. В. Межрегиональные отношения в современном российском обществе: динамика ценностей старшего поколения и молодежи: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Ростов н/Д., 2009.
- Франк С. Л. Душа человека: Дис. ... докт. филос. наук. М., 1917.
- Франк С. Л. Смысл жизни. Брюссель, 1976. С. 43–61.
- Чудновский В. Э. Смысл жизни и судьба человека. М., 1997.
- Шпет Г. Введение в этническую психологию. М., 1997.
- Gusfield J. R. Tradition and modernity: misplaced polarities in the study of social change // American journal of sociology. 1967. V. 74. № 4. P. 351–362.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МЕНТАЛИТЕТЕ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

Т. В. Разина (Ярославль)

Постановка проблемы

Менталитет – сложное, многоуровневое, системное образование, которое проявляется в особенностях мышления, коммуникации, деятельности, материальной и духовной культуры и т. д. Многие из этих проявлений являются вторичными следствиями (одежда, обычаи и т. п.) первичных, ядерных, компонентов менталитета, важнейшими из которых являются ценности (Дубов, 2004; Юревич, 2013; Кольцова, 2015). Менталитет проявляется на микро- (человек), мезо- (социальные группы) и макроуровне (народ в целом) (Кольцова, 2015). При этом менталитет имеет как устойчивые, ядерные (Юревич, 2015; Кольцова, 2015), так и изменяющиеся в процессе исторического развития характеристики, которые важно исследовать. Ценности соединяют в себе культурно и социально обусловленные требования, идеалы, которые принимаются или отвергаются представителями социума или социальных групп, тем самым влияя на их развитие. Ценности в историческом измерении (на макроуровне менталитета) предстают как достаточно лабильные, динамические, сменяющие друг друга образования. В рамках отдельной личности (на микроуровне менталитета) ценности становятся достаточно стабильными образованиями. Сформировавшись в юности или ранней зрелости, они остаются действенными и актуальными на протяжении всей последующей сознательной жизни человека.

Многие исследователи отмечают, что даже у представителей одного народа менталитет может быть неоднороден в различных социальных группах (Карабущенко, 2015; Камнева, 2015; Семёнов, 2008, 2015). Это связано с особыми социальными условиями, статусом, требованиями и ожиданиями общества по отношению к этим группам (в том числе и профессиональным), а также их самосознанием, самоидентичностью. Большую роль играет профессиональная деятельность и требования, которые она предъявляет к способностям ее субъектов. На уровне профессиональных и других групп проявляется мезоуровень менталитета, где ценности, с одной стороны, остаются достаточно стабильными, с другой стороны, характеризуются определенной динамикой. Наиболее заметные изменения в менталитете происходят со сменой поколений. Поколение впитывает в себя исторические и социальные инновации, изменяя тем самым свою систему ценностей.

Исследование профессиональных ценностей в менталитете представителей разных поколений

Исследуя ценности научных работников как особой профессиональной и социальной группы, мы рассматриваем мезоуровень менталитета, который находится в теснейшей связи с макроуровнем и оказывает существенное воздействие на микроуровень. Ценности научных сотрудников разных поколений имеют существенные отличия.

По данным зарубежных психологов, чтобы построить эффективный план управления и сохранить высокую мотивацию сотрудников организации, стратегии и тактики управления персоналом должны быть адаптированы с учетом поколенных различий (Hole, Zhong, Schwartz, 2010).

Большинство зарубежных исследователей полагают, что на сегодняшний день в научных лабораториях одновременно трудятся четыре поколенные группы сотрудников. Это «ветераны/традиционалисты» (1925–1944 гг. рождения); «бэби-бумеры» (1945–1964); «Ген X» (1965–1981); «Ген Y» (1982–2000) (Wong, Gardiner, Lang, Coulon, 2008).

«Ветераны/традиционалисты» видят свою работу как призвание, идентифицируются с профессией и уважительно относятся к внутренней иерархии (Vujak, 2009).

«Бэби-бумеры» в настоящее время являются самой многочисленной группой среди научных сотрудников и, как правило, ценят безопасность работы и стабильную рабочую среду (Wong, Gardiner,

Lang, Coulon, 2008). Они ожидают, что их тяжелый труд будет вознагражден (Hole и др., 2010).

«Ген X» – индивидуалисты. Исследования показывают, что это поколение нуждается в немедленной, постоянной обратной связи и легко оставляет работу ради более высокого заработка (Wong, Gardiner, Lang, Coulon, 2008). Представители поколения «Ген Y» успешны в области социальных технологий при многообразии задач и условий (Hole, Zhong, Schwartz, 2010). Они легко меняют специализации, переходят от задачи к задаче и осваивают новые возможности (Wong, Gardiner, Lang, Coulon, 2008).

Как можно видеть из данных описаний, на научную деятельность сотрудников различных поколений оказывают влияние социально-исторические факторы. Например, на высокую необходимость международного сотрудничества в науке в большей степени готовы ответить представители поколения «Ген Y», а индивидуализм поколения «Ген X» обусловлен ценностями, которые были актуальны на момент их взросления. Изменение предметно-деятельностной среды также играет значимую роль: лавинообразное появление новых информационных технологий требует от поколения «Ген Y» их быстрого освоения и использования.

Однако своеобразие в социальном и историческом развитии различных государств не дает возможности воспользоваться поколенными периодизациями, созданными зарубежными авторами. На смену поколений в отечественной науке влияли совершенно иные социальные и исторические процессы и факторы. В этом отношении показательной является работа С. А. Сычевой, которая рассматривает историю отечественного почвоведения с момента его зарождения в конце XIX в. до сегодняшнего дня. По ее мнению, за более чем 100-летний период сменилось четыре поколения женщин-почвоведов (Сычева, 2003). Эту динамику автор связывает со сменой исторических, политических и социально-экономических условий в нашей стране.

- 1-е поколение – рожденные до 1918 г., начавшие работать уже после революции и гражданской войны.
- 2-е поколение – послевоенное, представленное женщинами 1919–1938 гг. рождения, которые начали работать в середине 1940-х–1960-е годы, в период освоения целины и подъема науки.
- 3-е поколение – женщины 1939–1958 гг. рождения, расцвет научной деятельности которых приходится на середину 1960-х–1980-е годы, т. е. на брежневский период: его начало отмечено стабилизацией в экономике и науке, сменившейся позже застоем.

4-е поколение (те, что работают сегодня) автор не рассматривает.

В последние десятилетия наблюдается существенная и быстрая трансформация ценностей в среде молодых ученых, которые значительно отличаются от своих старших коллег. Это связано с высокой скоростью процесса преобразования науки, к восприятию которого молодое поколение, представляющее собой «постсоветскую» науку, готово в большей степени, чем старшее поколение – «советское по происхождению академическое сообщество» (Аблажей, 2010, с. 56).

Обобщая рассмотренные положения и опираясь на результаты наших исследований, можно утверждать, что в России в среде научных работников выделяются три поколения.

Представители *первого поколения* (родились в период 1925–1960 гг.), которых условно можно обозначить «традиционалистами». Личность этих научных сотрудников формировалась в период существования СССР, соответственно, большинство из них разделяют ценности советского общества (ценности коллективизма, гуманизма, патриотизма и т. п.).

Представители *второго поколения* (родились в 1961–1980 гг.), которых условно можно обозначить как «потерянные», поскольку их личность формировалась в период перестройки, а также в до- и постперестроечные периоды, когда в социуме наблюдалась известная аномия, плюрализм ценностей. Большинство ценностей советского периода либо отвергалось, либо ставилось под сомнение; новые ценности были достаточно спорны, непривычны, разделялись далеко не всеми. Молодежь (в том числе в науке) оказалась перед сложным ценностным выбором, который многие не смогли осуществить.

Представители *третьего поколения* (родились в 1981–2000 гг.), которых условно можно назвать «поколением X» (пользуясь терминологией зарубежных авторов). Появление данного поколения связано с увеличением роли ценностей индивидуализма, личного успеха, независимости от социума, а также с большей открытостью, мобильностью. Отечественные ученые «поколения X» обладают, на наш взгляд, многими характеристиками из тех, которые приписывают этому поколению зарубежные ученые (Wong et al., 2008).

В России в научной сфере в настоящее время трудятся представители всех этих трех поколений, и их профессиональные ценности существенно отличаются, что отражается на содержании, характере и результатах научного труда.

Эмпирическое исследование

Целью нашего исследования являлось выявление того, как изменяются профессиональные ценности представителей научного сообщества, принадлежащих к трем поколенным группам.

Метод исследования – индивидуальное глубинное интервью с последующей обработкой полученных данных с помощью метода контент-анализа.

Выборку исследования составили 25 испытуемых – действующие научные сотрудники научно-исследовательских институтов УрО РАН (г. Сыктывкар) и Костромского государственного технологического университета, имеющие степени кандидатов (40,0%) или докторов (56,0%) технических, биологических, геолого-минералогических наук; не имеющих научной степени – 4,0%. Из них женщин – 36,0%, мужчин – 64,0%.

Были сформированы три группы испытуемых. В первую группу вошли лица, которым на момент начала исследования было более 55 лет, т. е. они принадлежат к поколению «традиционалистов» (7 чел.); во вторую группу – научные сотрудники в возрасте от 35 до 46 лет, относящиеся к «потерянному» поколению (9 чел.); в третью группу – лица, которым на момент исследования было не более 33 лет, т. е. принадлежащие к «поколению Х» (9 чел.).

Результаты исследования

Сравнительный анализ результатов показал, что ряд ценностей одинаково актуален для представителей всех трех поколенных групп. Основной ценностью выступает *интерес* как движущая сила научной работы (87,5%, 78,0% и 78,0% соответственно). Однако если у «традиционалистов» интерес в большей степени вызывает предмет исследования и сама научная среда, у «потерянных» – предмет и процесс научного исследования («Мне интересно изучение месторождений, мне нравятся именно месторождения, их изучение, их разработка, получение из чего-то грязного, там, липкого, некрасивого хороших продуктов»), то у «поколения Х» – только сам предмет исследования. Это свидетельствует о том, что со сменой поколений все меньшее значение в научной работе имеют социальные и деятельностные, процессуальные аспекты научного труда, и большую роль приобретает новая информация, существующая вне социально-исторического контекста.

Научный статус (степени, звания, должности) представляют существенную ценность для «потерянных» и «поколения Х» (по 67,0%).

Молодым ученым статус ценен не сам по себе, а как средство, позволяющее достичь других целей («Да, мне хочется быть доктором наук. <...> мне будет от этого... проще работать. Считаю, что это откроет перспективы общения с другим кругом людей»). В группе «традиционалистов» научный статус не является значимой ценностью, возможно, потому что на момент исследования респонденты уже достигли в этом отношении желаемых результатов.

Материальные ценности актуальны для научных сотрудников «потерянного» поколения (56,0%) и «поколения Х» (67,0%). Хотя в интервью данная ценность выступает в скрытой форме, например, в ссылках на хоздоговорные работы или выигранные гранты и т. д. Довольно часто респонденты подчеркивают несовместимость занятий научной деятельностью и получения материальных выгод («Поэтому административная работа – это средство для обеспечения семьи; научная работа – это для души, как говорится»). У поколения «традиционалистов» данная ценность в интервью не проявилась. Мы считаем, что полученные результаты не отражают в полной мере значимость и специфику материальных ценностей у научных работников разных групп, и для получения достоверных данных необходимо исследовать их более глубоко и более тонкими методами.

Следующей по значимости ценностью является *самореализация* у поколения «потерянных» и «поколения Х» (по 44,4%). У «традиционалистов» самореализация практически не представлена, возможно, потому что она уже полностью состоялась: они уже не планируют дальнейшей активной научной работы и научных достижений. У «потерянного» поколения самореализация проявляется как возможность личностного роста. При всех своих достижениях представители данного поколения осознают, что им еще необходим дальнейший рост, совершенствование, которые безграничны. У «поколения Х» самореализация предстает как раскрытие имеющегося у них потенциала. Молодые сотрудники более склонны отмечать собственную значимость, не испытывают потребности в дальнейшем росте и считают, что должны реализовать тот потенциал, который имеется. Возможно, подобная позиция со временем сменится более критичным отношением к своим способностям, однако если этого не произойдет, то дальнейший профессиональный рост ученых «поколения Х» может быть существенно заторможен.

Близкими по смыслу и примерно равными по значимости являются ценности самопрезентации. У «поколения Х» на первый план (в 44,4% случаях) выходит презентация себя через научный продукт или достижение («В 2009 г. я грант президента как молодой кандидат наук выиграл, реализовали мы этот проект»). У «традициона-

листов» и «потерянного» поколения (57,1% и 33,3% соответственно) на первый план выходят презентация и оценка себя, не соотношенная с научными достижениями («Я крупнейший специалист в регионе по...» или «...Сейчас у меня очень много задумок»).

В менталитете «традиционалистов» и «потерянных» достаточно прочен образ, концепт открытия, «которое бы имело мировое значение», причем подчеркивается важность того, чтобы приоритет в этом открытии был за Россией (67,0% и 44,4% соответственно). «Поколение X» большую значимость придает новой информации в целом, безотносительно к ее роли и месту в мировой науке (44,4%), отмечает ее интернациональный характер. Молодые ученые все в меньшей степени в научной деятельности пытаются каким-либо образом подчеркнуть принадлежность к своей стране. Нельзя однозначно говорить о том, что молодежи не свойственны ценности патриотизма, скорее это новый уровень мировосприятия и самосознания, когда молодой ученый мыслит более широкими масштабами и осознает свою принадлежность не только к стране, но и к миру.

Ценность внутринаучной коммуникации отмечается представителями всех поколений (28,6%, 22,2% и 33,3% соответственно). У «традиционалистов» на первый план выходит возможность получить поддержку коллег и, в свою очередь, поддержать их; у «потерянных» – обмен мнениями, оценками, поддержка коллег, которые являются профессионалами в той или иной отрасли; у «поколения X» – обмен информацией. Однако во всех поколенных группах относительно небольшой процент респондентов отмечает ценность коммуникации. Возможно, с одной стороны, это связано с тем, что новые технологии существенно упростили процесс научного общения, и он воспринимается как нечто само собой разумеющееся. С другой стороны, это может быть следствием воздействия ценностей индивидуализма, а у старших коллег – проявлением возрастных особенностей.

Однако существует ряд ценностей, которые имеют существенные отличия в частоте их выбора представителями различных поколенных групп. Большую ценность для старшего поколения ученых имеет возможность прикладного внедрения их научных результатов («традиционалисты» – 85,7%, «потерянные» – 89,0%, «поколение X» – 33,3%). Как отмечал один из самых старших респондентов, «я несколько станков спроектировал, и когда приходишь и видишь, что они установлены, то удовлетворение чувствуется, что вот этот станок... он изготовлен, рабочие делают, а это все – твои замыслы». Очень болезненно многие старшие коллеги переживают невозможность реализовать данную ценность в своей научной ра-

боте («Когда я поняла, что вот я изучаю здесь сердце уже пять лет, но это никак не отражается на... мы никак не сможем никому реально помочь, я стала думать, чтобы уйти отсюда»). Это, на наш взгляд, является следствием сформированного отношения к профессиональной деятельности в «доперестроечный» период – убежденность в том, что труд должен иметь общественную пользу: ученый призван создавать продукт, полезный для людей, который бы мог существенно облегчить или улучшить их жизнь. Данная профессиональная ценность является частным проявлением ценности гуманизма. Некоторые представители «поколения X» вообще не думают о последующем внедрении результатов своего труда, отмечая, что это будут делать другие, или они этим займутся потом. Таким образом, в сознании молодежи цикл научного производства существенно укорачивается и упрощается, оказывается замкнут в себе.

Довольно значимой для поколения «потерянных» является ценность человека – научного сотрудника, ученого (56,0% против 22,2% у «поколения X» и 28,6% у «традиционалистов»). При этом ценен не только и не столько научный потенциал, сколько сам человек, его уникальность, что вступает в существенный конфликт с современными критериями оценки эффективности научных сотрудников («... Моя собственная задача сделать существование сотрудников учреждения комфортным. Комфортным для научной деятельности»). На наш взгляд, подобная позиция – результат возникшего на рубеже XX–XXI вв. дефицита научных кадров, когда из вузов и НИИ ушли лучшие научные сотрудники, молодежь не проявляла большого интереса к науке, а качество базовой подготовки тех, кто приходил, было довольно низким. На этом фоне ценность приобретает любой сотрудник, который умеет работать («... Я часто вижу, что люди со степенью менее для меня имеют ценность какую-то как товарищи по работе, чем люди, которые не имеют степени или имеют меньшую степень»).

Для «традиционалистов» бо льшую ценность имеют неформальные, дружеские отношения: ценен, в первую очередь, друг, а уже потом коллега, научный сотрудник. Это, возможно, обусловлено резким естественным сокращением друзей и родных у представителей данного поколения. Для «поколения X» коллеги, научные сотрудники выступают как вполне взаимозаменяемые; уникальность и ценность отдельного человека не анализируется. Присутствует вполне четкая позиция, что где-то в других местах (в Москве, за рубежом и т. п.) уровень профессионализма научных сотрудников выше, и надо стараться работать именно с ними («То, что они делают, – это какой-то передний край, прорывные какие-то вещи, пони-

маете?! Они на новый как будто уровень выходят. Как будто есть какие-то уровни познания, а они копнули еще поглубже. Мы все плаваем, а они чего-то глубокого достигли»).

Крайне важен для ученых поколения «традиционалистов» (100%) и в меньшей степени для представителей поколения «потерянных» (56,0%) социально-психологический климат в коллективе. Коллектив воспринимается как нечто стабильное, надежная опора в современном чрезвычайно изменчивом мире, что и определяет его ценность. Многие респонденты практически во всех исследуемых нами учреждениях отмечают, что 20–40 лет назад климат в коллективе, в который они пришли, был благоприятный («Грех жаловаться, руки и коллектив, атмосфера в нем оказались хорошими»). Здесь, безусловно, не исключено действие эффекта памяти, с течением времени окрашивающей события в эмоционально положительные тона.

Для «поколения X» социально-психологический климат в коллективе имеет крайне низкое значение (11%); обстановка и события, происходящие в их учреждениях, остаются практически незаметными, фоном; в связи с этим они легко меняют один коллектив на другой. Исключения составляют лишь те случаи, когда молодой научный сотрудник приходит в научный коллектив с долгой историей и крепкими традициями еще со студенческой скамьи, впоследствии социализируясь там («На кафедре в то время, да и сейчас, был коллектив, который мог и подсказать, и посоветовать, и как-то скоординировать работу»).

Следующей важной ценностью для ученых поколений «традиционалистов» и «потерянных» являются научные труды: монографии, статьи, отчеты, диссертации (71,4% и 56,0% соответственно). Примечательно, что научные труды как самостоятельная ценность полностью отсутствуют у представителей «поколения X».

У старших поколений часто появляются понятия «хорошая работа» или «качественная работа», которая востребована, с интересом воспринимается и высоко оценивается специалистами в данной области. При этом «хорошая работа» почти никогда не связывается в сознании респондентов с прикладным внедрением результатов деятельности. Это две самостоятельные и независимые ценности в профессиональной научной деятельности представителей старших поколений. У «поколения X» ценность «хорошая работа» представлена в несколько ином виде – как достижение результата, решение задачи, победа в соревновании, при этом дальнейшая «судьба» полученного результата не важна (56,0%). Это может быть свидетельством низкой ответственности молодого поколения (в том числе, моральной) за результаты своей деятельности. Причины этого,

вероятно, кроются в особенностях социальной ситуации развития современной науки, обусловлены внедрением новых форм организации и оценки научного труда (проекты, гранты, частые аккредитации, высокие темпы научной работы и многое другое), а также доминированием ценностей индивидуализма, личного успеха.

Важной ценностью для ученых «потерянного» поколения является свобода (44,4% против 11,1% у «поколения X»). В первую очередь, это свобода выбора научной темы: «Главная цель была, конечно, довольно утилитарная – это получить свободу личную, т. е. свободу в своей работе полную... вот что меня интересует, тем бы я и занимался». У «традиционалистов» ценность свободы не проявилась, вероятно, потому, что она уже потеряла свою актуальность, или же в связи с тем, что в период их творческого расцвета лояльность к организации, в которой они проводили исследования, и к государству в целом была столь велика, что научные сотрудники просто не предполагали, как можно заниматься не той темой, которая им была поручена, а той, которой хотелось. У молодого поколения проблем подобного рода не возникает, поскольку сейчас при наличии организационных и управленческих навыков, должного финансирования можно разрабатывать практически любую научную тему.

Существенно различаются у представителей разных поколений ученых научные ценности морально-этического характера: сохранение научных традиций, научных школ, «духа науки», исполнение в научной деятельности своего морального долга (перед научным руководителем, институтом, коллегами и т. п. (у «традиционалистов» – 100%, «потерянных» – 44,4%, «поколения X» – 0%). Как отмечал один из респондентов, «уровень науки, как наверно и во всей стране, повысился, я думаю, а преданность одному делу, как и в других местах, она куда-то пропала». Для лиц старших поколений важна оценка собственной деятельности со стороны научного сообщества, а также этичность в деятельности. Появление подобного рода ценностей является результатом внедрения на протяжении XX в. в СССР ценностей коллективизма и гуманизма. В настоящее время не все научные сотрудники «потерянного поколения» разделяют их, что является следствием активного внедрения в последние десятилетия ценностей индивидуализма.

Научные сотрудники «поколения X» указывают ценности, не связанные непосредственно с наукой, например, ценность семьи (среди выбравших данную ценность – 22,2% респондентов этой группы; причем все они относятся к женской части выборки). Понимая, что реализация семейных обязанностей существенно тормозит осуществление научной деятельности, они тем не менее считают сво-

им долгом обязательно отметить ценность семьи, которая зачастую у них доминирует сравнительно с ценностью научной деятельности («Семья образовалась довольно-таки поздно... поэтому – семья. Я не раздумывала. И сейчас тоже семья на первом месте»). Нередко совмещать реализацию профессиональных научных и семейных ценностей помогает специфическая социальная ситуация – когда и жена, и муж работают в одном научном учреждении. Иногда реализация семейных ролей и ценностей в некоторой степени способствует реализации ценностей научных («...Как женщина, как жена, я ехала везде за мужем»). В качестве подобных конкурирующих ценностей выступают и некие личные непрофессиональные увлечения («Вы знаете, у меня есть одна мечта. Высокая. Но она совершенно с наукой не связанная. Она меня гложет давным-давно. Вот мне сейчас 40 лет, а она меня гложет последние... ну лет, наверно, 20»).

Приведенные данные показывают, что ценности поколения «традиционалистов» и «потерянного» поколения более сходны между собой, чем с ценностями «поколения X». Вероятно, глобальный, кардинальный переход к новой системе ценностей произошел уже в последние годы, и система профессиональных ценностей обладает определенной инертностью. Это позволило представителям «потерянного» поколения в своей деятельности до определенного предела руководствоваться системой ценностей старшего поколения, однако в данной возрастной группе уже довольно ярко наблюдаются признаки размывания традиционных ценностей.

У молодых ученых содержание профессиональных ценностей обусловлено, в первую очередь, идеологией индивидуализма, которая активно внедрялась в наше общество с конца XX столетия. Для них важен предмет исследования, причем именно тот, который им интересен и через который они могут проявить, продемонстрировать свои лучшие стороны. Молодежь ориентирована на достижение цели, на результат, ждет признания.

Характер организации научной деятельности в современном мире также накладывает отпечаток на набор ценностей. На протяжении многих десятилетий организационной научной единицей была лаборатория или кафедра, которые относительно устойчивы во времени и пространстве; в свою очередь, их существование определяло значимость социально-психологического климата. Теперь, несмотря на то, что формально лаборатории и кафедры существуют, работа ведется в основном в формате небольших рабочих групп, которые создаются на ограниченный промежуток времени для решения локальных задач, после чего распадаются. При этом сотрудник может одновременно входить в несколько таких групп, довольно свободно

менять их, переходить из одной в другую: «Вот у нас лаборатория, да, у нас одна большая тема для всей лаборатории и 10 проектов. При количестве народу суммарном 17 человек, где-то получается, грубо говоря, по 1,5–2 человека на проект. Ну это, во-первых, много, во-вторых, хотелось бы иметь какие-то более крупные проекты и там немножко удобней работать, но тем не менее. ... Поскольку у проекта есть руководитель, то он сам, собственно, все и решает». Зачастую работа осуществляется дистанционно, с использованием современных средств связи, в результате чего участники одного проекта могут даже не встречаться лично. В подобной ситуации общий социально-психологический климат имеет меньшее значение, чем динамичные взаимодействия с коллегами, быстрое установление контактов и их эффективное поддержание.

Ценностная, морально-нравственная и профессиональная ориентация молодого научного сотрудника осуществляется либо на себя самого, либо на некие внешние (иногда весьма идеализированные) образцы. Это может привести к неверной (чересчур завышенной или заниженной) оценке своих сил, возможностей, потенциала, затруднить построение научной работы на тактическом уровне постановки и достижения ближайших целей.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования были выявлены ценности, относительно неизменные у всех трех поколений ученых. Это познавательный интерес, который может удовлетворить изучение того или иного предмета; статус, положение, которые можно реализовать путем последовательного построения карьеры ученого; ценность самопрезентации (себя как личности, собственных достижений); ценность внутринаучной коммуникации, общения, взаимодействия, поддержки, обмена мыслями, идеями. Формы реализации данных ценностей, однако, существенно меняются, что связано с изменениями в способах организации и осуществления научной работы. Ряд ценностей в ходе исторического развития теряет свое значение для научных сотрудников. Наблюдается резкое снижение ценности прикладного использования научных результатов, морально-нравственных ценностей, ценности научного коллектива. Необходимо отметить, что система профессиональных ценностей научных работников обладает определенной инертностью, и ряд ценностей может «передаваться по наследству» от более старших поколений к младшим, на основе чего возможно построение межпоколенного профессионального взаимодействия. Однако ценности научных со-

трудников, являясь отражением мезоуровня менталитета, безусловно, испытывают на себе воздействие макроуровня, что предопределяет изменение его компонентов. Смена содержания мезоуровня менталитета (в том числе и его ценностной составляющей) является закономерным, исторически и предметно обусловленным процессом.

Литература

- Аблажей А. М. Поколения в науке: опыт эмпирического анализа // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 2. С. 47–56.
- Дубов И. Г. Психология больших групп: социально-психологические феномены. М., 2004.
- Камнева О. А. Ценностные ориентации компактно проживающих этносов (на примере ногайцев Астраханской области) // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 377–386.
- Карабущенко Н. Б. Ментальные характеристики современной российской политической и бизнес-элиты // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 386–396.
- Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования (Введение) // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 5–19.
- Семёнов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избранные научные работы (1971–2007 гг.). СПб., 2008.
- Семёнов В. Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 403–430.
- Сычева С. А. Возможна ли карьера женщины в современной российской науке? // Вестник РАН. 2003. Т. 73. № 7. С. 622–626.
- Юревич А. В. Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.02.2016).
- Юревич А. В. Базовые компоненты национального менталитета // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 240–265.
- Vujak J. S. Overcoming generational differences among physicians // Healthcare executive. 2009. Sep.–Oct. URL: <http://www.joebujak.com/overcoming-generational-differences-among-physicians.pdf> (дата обращения: 26.03.2014).

- Hole D., Zhong L., Schwartz J. Talking about whose generation? Why Western generational models can't account for a global workforce // Deloitte review. 2010. Issue 6. P. 84–97.
- Wong M., Gardiner E., Lang W., Coulon L. Generational differences in personality and motivation: Do they exist and what are the implications for the workplace? // Journal of managerial psychology. 2008. V. 23 (8). P. 878–890.

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В. Е. Семёнов (Санкт-Петербург)

Постановка проблемы

В последнее время российские ученые в сфере социальных наук, а также публицисты все чаще обращаются к проблеме идентичности, называя ее социокультурной, этно-национальной, религиозно-конфессиональной, духовно-нравственной и конкретно – российской, русской, православной, исламской, московской, петербургской и др. (Национально-культурная..., 2015; Религиозная ситуация..., 2016; и др.). Обосновывается уровневая система идентичностей, включающая этническую, гражданскую и цивилизационную составляющие (Багдасарян, 2015).

Проблема идентичности российских граждан становится особенно актуальной в условиях нового витка политического противостояния России и стран НАТО, антироссийских санкций Запада, пропагандистско-психологической войны, развязанной против нашей страны. В связи с этим остро встает вопрос о национальной безопасности России. Очевидно, что идентичность, прежде всего национально-гражданская, связана с феноменом патриотизма. В контексте авторской концепции *российской полиментальности* (Семёнов, 2000; 2008; 2015) проблема идентичности приобретает еще более сложный характер, а патриотизм выступает как ценностно-ментальная идентичность.

В настоящее время вызывают тревогу данные исследований о «слабости» российской национальной идентичности (Багдасарян, 2015) и о противоречивых изменениях в конфессиональной (Религиозная ситуация..., 2016) и ценностно-ментальной (Семёнов, 2015) идентичностях в стране. Так, В. Э. Багдасарян, проанализировав дан-

ные международных опросов «World Values Survey», отечественных опросов Левада-Центра, ВЦИОМа, Института социологии РАН, исследовательской группы ЦИРКОМ (в основном за 2010–2014 гг.), пришел к выводу о том, что наиболее часто выбираемой, значимой является гражданская идентификация, и гражданами России в разных исследованиях называют себя от 46% до 57% опрошенных. Причем среди десяти постсоветских государств по гражданской идентичности Россия оказалась на последнем месте, а на первом – Узбекистан. «Идентичность может формироваться на основе либо традиции, либо – идеи. Традиции цивилизационной идентичности [имеется в виду советская цивилизация – В. С.] еще частично сохраняются, но потенциалы их воспроизводства от поколения к поколению ослабевают. Остается как выход – выдвижение новой сборочной идеи. По сути, речь должна идти о новой россицентричной идеологии» (Багдасаров, 2015, с. 42).

Полиментальность современного российского общества

Однако, как это следует из концепции российской полиментальности, проблема российской идентичности оказывается очень сложной. В наше время в стране достаточно активно проявляются четыре базовых менталитета, выделенных нами (Семёнов, 2000), а также стихийный мозаичный псевдоменталитет. Более чем 1000-летний *православный менталитет*, динамично возрождавшийся после 1988 г., ныне выходит на новую стадию развития: он усложняется; в нем появляются различные явные и подспудные течения-умонастроения, идут дискуссии, доходящие до конфликтов. Кроме того, все более разрастается и усиливается другой религиозный менталитет, исламский, во всем своем многообразии и противоречивости. Фиксируется рост его приверженцев, о чем свидетельствует и тот факт, что, например, количество мечетей в России приближается уже к 10000 (Религиозная ситуация..., 2016, с. 42). Муфтий Чечни в дискуссионной телевизионной передаче «20.15» канала «Санкт-Петербург» (2 ноября 2016 г.) заявляет о 30 млн российских мусульман, тогда как социологи сообщают только о 5–6% последователей ислама от всего населения России (Религиозная ситуация..., 2016, с. 72). Не исключено, что исламский менталитет вскоре надо будет относить к базовым российским менталитетам.

Коллективистско-социалистический (просоциальный) менталитет остается наиболее широким, хотя многими не вполне осознается. Он также становится более сложным и разнообразным. С одной стороны, он сближается с православным менталитетом, о чем неоднократно

но говорил лидер коммунистов Г.А. Зюганов, сравнивая христианское учение, Нагорную проповедь Христа с Кодексом строителя коммунизма, а также утверждая, что избиратели КПРФ на треть состоят из верующих людей. С другой стороны, среди представителей этого менталитета остаются атеисты, как марксистско-фундаменталистского толка, так и с троцкистско-глобализаторским мировоззрением.

Индивидуалистско-капиталистический (либерально-прозападный) менталитет присущ преимущественно приватизаторам первой и последующих «волн», а также более молодым людям, в том числе родившимся уже в условиях нового прозападного российского капитализма и общества потребления с неизбежными для него эгоистическими и прагматическими деформациями, а также общей западной ориентацией и склонностью к разнообразному финансовому авантюризму.

Что касается *криминально-кланового* (древнейшего) менталитета, то его представители очень быстро и успешно вписались в новые условия квазикапитализма с его коррумпированностью, языческой религией денег (мамоны) и стали вовлекать в свои структуры новое пополнение.

Базовые менталитеты, как некие гештальт-фигуры, выделяются на фоне множественного мозаично-эклетического псевдоменталитета.

Какие же конфигурации идентичностей могут возникнуть на основе этой полиментальной динамики?

Наблюдения и анализ, социологические и социально-психологические эмпирические исследования свидетельствуют о том, что дифференциация идет внутри каждого типа менталитета, и одновременно происходят сближение и отталкивание разных менталитетов или их частей. Среди приверженцев каждого базового менталитета присутствуют люди, более или менее похожие на представителей других менталитетов. Происходит некое межгрупповое социально-психологическое «заражение». Например, как показывают наблюдения (включенные и не включенные), помимо православных людей, среди стоящих на службе в храме, там присутствуют и приверженцы социалистических ценностей, в том числе «православного социализма», и поборники капиталистического либерального общества, и, наконец, члены криминального сообщества, т. е. представители всех основных российских менталитетов. Но в то же время исследования свидетельствуют о том, что в настоящее время в своем большинстве именно православные (назовем их условно «белые») и социалисты-коллективисты («красные») наиболее близки по своим ценностям, нормам и установкам.

Как показывает репрезентативное социопсихологическое исследование петербуржцев, выполненное в 2013 г. под руководством автора (выборка – 1207 чел. от 18 лет и старше), почти по всем показателям между «белыми» и «красными» выявлено подобие по сравнению с представителями прокапиталистического либерального менталитета (условно – «голубые») (Семёнов, 2015). И самое важное для обсуждаемой проблемы российской идентичности: среди «красных» патриотами России себя считали 77% опрошенных, среди «белых» – 73%, а среди «голубых» – 58%. Соответственно, не считали себя патриотами 19%, 22% и 38% опрошенных (остальные затруднились с ответом).

Аналогичные данные были получены в нашем исследовании молодежи в городах российской провинции и в Санкт-Петербурге 2010 г. (выборка – 1980 чел. до 30 лет). Среди «красных» патриотами себя считали 56%, среди «белых» – 55%, а среди «голубых» – 43%. Соответственно, не считали себя патриотами 19%, 20% и 30% (в данном случае четвертая часть опрошенных каждой группы затруднились ответить, что не случайно: одним молодым людям не хотелось признаваться в своем непатриотизме, а другие сомневались, действительно ли они патриоты). Вместе с тем следует отметить, что среди «красных» и «белых» существуют некие группы экстремистов, постоянно провоцирующих конфликты между «православными антисоветчиками» и «революционными (воинствующими) атеистами». Первые не могут простить своим современникам-социалистам репрессии духовенства и осквернение храмов, к которым те не имеют никакого отношения. Вторые не могут забыть «Кровавое воскресенье» и крепостное право, к которым теперешние священники и прихожане также непричастны. Тем не менее кому-то надо создавать эти конфликты и акции ненависти, то прославляя предателя генерала Власова, то провоцируя скандал вокруг переименования станции метро «Войковская».

Однако самую целеустремленную и постоянную деятельность по разрушению российской идентичности и патриотизма проводят представители индивидуалистско-капиталистического менталитета, носителем которого является прозападная часть нашей интеллигенции. Впрочем, сегодня термин «интеллигенция» потерял свое первоначальное – именно российское, русское – значение. Сначала он был унижен и низвергнут в послереволюционное время («гнилая интеллигенция»), затем стал возвращаться к позитивной коннотации («советская трудовая интеллигенция»), но в ходе рестроечного распада, когда советская интеллигенция превратилась в нищий слой бюджетников, этот термин стал двусмысленным.

И все же он существует, распространившись даже на представителей массовой культуры. Появилась «маскультовская интеллигенция» в сфере образования и науки в виде так называемых «эффективных менеджеров», которые управляют низкооплачиваемыми педагогами и учеными, присваивая их прибавочную стоимость. Носителей этого «голубого» менталитета, как мы его для краткости изложения обозначили, гораздо меньше, чем «белых» и «красных», но в их управлении находятся все основные средства массовой информации, рекламы и искусства, которые, в свою очередь, принадлежат всевозможным иностранным и местным олигархам, а также многие учреждения образования и культуры. Даже в государственных учреждениях, за редким исключением, задают тон не патриоты, а прозападные либералы. Достаточно выйти на сайты СМИ, чтобы понять многое об их зависимости и политике.

ТВ-канал РБК 26 сентября 2014 г. задал своей аудитории вопрос: «Должны ли у российских СМИ быть только российские владельцы?» – «Да, это вопрос национальной безопасности», – указали в интернете 79% ответивших.

Весьма информативным источником для изучения того, чем «кормят» аудиторию, являются программы различных телевизионных каналов, а также интервью с так называемыми «звездами». У героев многих телепередач преобладает *прозападная ориентация*: заграничный отдых, там же – собственность (дома, виллы, квартиры), предпочтения западных фильмов, книг, музыки, одежды, косметики, мечта о Голливуде, откровенный космополитизм – ничего российского, русского. Смущает то, что даже у исполнителей вроде бы патриотических песен или ролей наших доблестных солдат виллы находятся в США или Европе.

А бесконечные подражания и заимствования в российских фильмах и сериалах (чего стоят ремейки «Рембо» в пространстве русской провинции или израильско-американской «Родины», где наш офицер – изощренный предатель с нерусским менталитетом)? А все увеличивающееся исполнение песен на российских конкурсах на «англо-американском» языке, успешно освоенные жанры фильмов ужасов, вульгарной эротики, мистики, бесконечные речевые и текстовые американизмы, антисоветские и антироссийские фильмы, которые демонстрируются на отечественном телевидении? А рекламная продукция с нерусскими лицами и повадками, американизированные «корпоративы» и «квесты», изгаженная и озападненная русская классика в театрах и «Хэллоуин» с ожившими мертвецами? А обучение маленьких девочек танцам «на пилонах», как будущих стриптизерш, и детские конкурсы красоты? А амери-

канские мультфильмы и голливудский «ширпотреб» для российских детей и молодежи, доминирующие в кинопрокате уже четверть века? А издевательства над отечественной историей в школьных учебниках и исключение из учебных программ по литературе ряда произведений русских писателей-классиков? Согласно мнению Президента Российской академии образования Л. А. Вербицкой, романы Ф. М. Достоевского и «Войну и мир» Л. Н. Толстого следует исключить из школьных программ, так как они слишком сложны для понимания учащихся (Ведомости, 2016.3.10). Но до сих пор образы прекрасных русских людей Андрея Болконского, Пьера Безухова и Наташи Ростовской, Алеши Карамазова и князя Мышкина, созданные нашими классиками, были неотъемлемой частью отечественного патриотического сознания, прежде всего, именно молодежного сознания, российской идентичности, став теперь почему-то сложными и непонятными. Как видно, идея одного из прежних Министров образования о воспитании «квалифицированных потребителей», которым, естественно, не нужны Толстой и Достоевский, а достаточно «Дома-2», «Комеди клаба» и криминальных сериалов, отнюдь не исчезла. Вот и Вице-премьер Ольга Голодец заявила о том, что у нас слишком много людей с высшим образованием (Газета. 2016.15.07). Однако больше верится нашему великому писателю, мыслителю, «патриоту-почвеннику» Ф. М. Достоевскому, который писал в 1876 г.: «Я никогда не мог понять мысль, что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому лишь материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или сколько там их тогда народится) будут все когда-нибудь образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может» (Достоевский, 1989, с. 132–133). Но именно просвещенного народа, который труднее эксплуатировать, боятся чиновные либералы, вроде Г. Грефа, о чем он опрометчиво откровенно высказался на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге.

Среди российских западников существуют настоящие тоталитарные экстремисты, высказывающие разрушительные для российского менталитета идеи:

«Необходимо разрушить установку на чудо в сказках. Ковер-самолет, скатерть-самобранка, неразменный пятак – фундаментально противостоят позитивной жизненной позиции. Иванушка-дурачок – губительный герой... Нравоучительные сказки про святость собственности нужны в детском саду... Выйти из гетто русского языка!..

Социоцентрическую ориентацию общества изменить на персоноцентрическую... Следование изживаемым ценностям должно быть связано со смертельной опасностью. Никаких Робин Гудов, никаких граждан Мининных!» (курсив мой. – В. С.).

Это не памфлет и не эстрадная пародия, а откровения либерального западника, культуролога И. Г. Яковенко (Новая газета. 2012. 15 марта).

Приведем еще две цитаты из коллекции высказываний западников-экстремистов.

«Я перечитал всего Достоевского, и теперь к этому человеку не чувствую ничего, кроме физической ненависти. Когда я вижу в его книгах мысли, что русский народ – народ особый, богоизбранный, мне хочется порвать его на куски» (А. Б. Чубайс, гендиректор госкорпорации «Роснано») (цит. по: Фелелов, 2016).

«Россия стала страной генетического отребья. Я бы вообще запретила эту страну» (Ксения Собчак, телеведущая) (там же).

Продолжать не стоит: будет еще кровожадней.

Научная методология учит нас рассматривать все проблемы системно, в исторической перспективе. Во всяком случае еще до появления социальной психологии и социологии о либералах-западниках знали наши великие писатели и публицисты. А реалистическая литература и тем более публицистика очень близки к этим наукам (Семёнов, 1995, с. 83–90). Идеи талантливых авторов порой имеют опережающее и эвристическое значение. Нелюбовь к отечественному менталитету, характеру и истории русского народа обнаруживается в среде российских либералов еще в позапрошлом веке, в частности, в контексте идейного противостояния «западников» и славянофилов, а позже «почвенников». Вот как об этом феномене писал великий писатель и одновременно великий русский психолог XIX в. Ф. М. Достоевский: «Неужели все-таки мы и тут должны рабски скопировать это европейское устройство (которое завтра же в Европе рухнет)? Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиваться национально, своей органической силой, а непременно обезличенно, лакейски подражая Европе. Да куда же девать тогда русский организм? Понимают ли эти господа, что такое организм? А еще толкуют о естественных науках! „Этого народ не позволит“, – сказал по одному поводу года два назад один собеседник одному ярому западнику. „Так уничтожить народ!“, – ответил западник спокойно и величаво. И был он не кто-нибудь, а один из представителей нашей интеллигенции» (курсив мой. – В. С.) (Достоевский, 1989, с. 518).

В наши дни, но уже не на словах, то же самое происходит на Украине, где украинские западники (в принципе, малороссы, т. е. тоже

русские, жившие сотни лет в одной стране) уничтожают своих соотечественников, в том числе мирных жителей, используя авиацию, артиллерию и танки. Но в Новороссии русские люди с «белым» и «красным» менталитетами решили не допускать собственного уничтожения и унижения, попрания своей русскости, своего права на русскую речь и сражаются за это с оружием в руках. Еще несколько лет назад мы и помыслить не могли о подобном жестоком социальном эксперименте, который поставила современная жизнь, Впрочем, не без помощи западных политтехнологов.

Проблема идентичности современной российской молодежи

Проамериканские, прозападные идеологические воздействия, конечно, сказались на российских детях и молодежи, на их сознании в широком смысле этого понятия, но не в той мере, как хотелось бы современным российским либералам-западникам. Обратимся к результатам некоторых социологических и социально-психологических исследований.

Опросы, проведенные в 2014–2016 гг. молодыми сотрудниками петербургского молодежного журнала «5 углов», в которых автор участвовал в качестве эксперта, позволяют на основе ответов более десяти тысяч школьников и студентов получить своеобразный социально-психологический портрет нашего молодого современника.

Как и в исследованиях молодежи, выполненных в 2001–2013 гг. под руководством автора (Семёнов, 2015), среди жизненных ценностей на первом месте остается *семья*. Несмотря на все неурядицы современной брачно-семейной жизни, семья выступает российским идеалом и мечтой, причем практически во всех возрастных и социальных группах. Второе место по-прежнему во всех группах населения занимает ценность *здоровья*. Однако в советское время у молодежи она не была такой приоритетной. На третьем месте (хотя, как ни странно, уже не у большинства) – *любимый человек*. (В исследованиях с другим перечнем ценностей на третьем месте у молодых людей обычно значится ценность *дружбы*.) Практически с таким же процентным уровнем представлена *материальная обеспеченность* (в других исследованиях – *деньги*). И что не может не тревожить – в самой нижней части списка ценностей с небольшим процентом оказываются ценности *профессии (работы)*, *веры* и *патриотизма*.

В 2015 г., в год 70-летия Победы над немецким фашизмом, особое внимание было обращено на *проблему патриотизма*. С патриотизмом в молодежной среде явно не все в порядке. Исследование, проведенное в начале 2014 г., показало, что только половина опро-

шенных молодых людей считали себя патриотами своей страны; лишь 18% из них выразили готовность жертвовать личными интересами ради общества; для 15% патриотизм – устаревшее понятие. Но под влиянием событий в Крыму и Новороссии, враждебных санкций Запада против России, замечательной акции «Бессмертный полк» произошло, согласно исследованию, выполненному весной 2015 г., увеличение числа молодых петербуржцев-патриотов до 73%. В то же время выявлена *целая группа молодых людей, которые враждебно относятся к своей родине*, по сути, не имеют российской идентичности и отвергают понятие патриотизма. Они низко оценивают Россию, убеждены, что в западных странах жить лучше, хотят туда уехать, называют себя «гражданами мира», «глобалистами», «космополитами». (Правда, нельзя не согласиться с их критикой коррупции, социальной незащищенности человека в нашей стране, существующих низких зарплат и пенсий, неадекватно богатого меньшинства.) Эти молодые люди извращенно понимают смысл термина «патриотизм» – как «атавизм», «национализм», «расизм», «фанатизм», «пропаганда», «лицемерие» и даже «душевное расстройство».

Следует особо отметить, что проблемы с российской идентичностью и патриотизмом имеются не только у молодежи, но и у взрослого населения страны. Репрезентативный опрос «Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход» в сентябре 2016 г. провел ВЦИОМ. Оказалось, что индекс патриотизма снижается: в 2008 г. он был 80; в 2013 г. – 67, в 2016 г. – 62. На вопрос «Если начнется война с соседней страной, и ваш сын, муж, брат и др. получит повестку из военкомата, что вы ему посоветуете сделать?» ответы распределились следующим образом: «*Отправиться в армию, на фронт*» (49%); «*Пойти в тыловые части*» (16%); «*Не идти в военкомат, ждать окончания войны*» (15%); «*другое*» и «*затруднились ответить*» (20%). А на вопрос о том, согласились бы респонденты отдавать четверть зарплаты государству в случае войны, положительный ответ дали только 39%; меньшую часть отдали бы 17%; не отдали бы ничего – 31%; остальные затруднились ответить. Это взрослые, зрелые люди. А молодые в интервью иногда отвечают так: «*Я что за Абрамовича с Усмановым должен умирать?*». Кстати, молодой Владимир Маяковский писал в разгар Первой мировой войны в своем стихотворении «ВАМ», адресованном тогдашней буржуазии: «*Вам ли, любящим баб да блюда, жизнь отдавать в угоду?!...*». Сегодня снова капитализм и снова вопиющее социальное неравенство, к которому привели страну представители капиталистического, либерально-прозападного менталитета.

В связи с проблемой патриотизма интересно рассмотреть ответы на вопрос о *героях нашего времени* и личностях для подражания. Оказалось, что такие у молодежи имеются. При этом российские и зарубежные герои разделились почти поровну. Среди своих, как обычно, лидирует Президент В. В. Путин, хотя и с небольшим числом выборов. Обнаружился *любопытный феномен*: среди российских героев 53% являются родственниками и знакомыми опрошенных (чаще всего это родители и старшие друзья), которыми они восхищаются. Например: «*Мой папа, он сам всего достиг*»; «*Мой знакомый, он добивается своих целей и остается хорошим человеком, у него есть большая мечта*». Среди наших героев также называют исторические личности, современных политиков, людей искусства, но всего по 1–2 раза. На этом опросе не были указаны представители отечественной «попсы», а только исполнители русского рока. Но зато остались неназванными российские ученые, воины и космонавты (даже Юрий Гагарин, который до сих пор всегда выделялся). Можно сделать вывод об *отсутствии в настоящее время в молодежном сознании национальных героев* как эталонных личностей, спланивающих нацию, народ, общество. Либерально-прозападная дегероизация и очернение российской и советской истории не прошли без последствий для патриотического сознания молодежи. А ведь удивительные герои есть и в наше смутное время: юный российский солдат Евгений Родионов, не отказавшийся от своей православной веры под угрозой страшной варварской казни и погибший во время чеченской войны; молодой офицер Александр Прохоренко, вызвавший огонь на себя во время боя в Сирии; лейтенант полиции Магомед Нурбагандов, захваченный в плен бандитами в Дагестане, не подчинившийся их приказу под дулом пистолета и погибший смертью храбрых. Причем два последних стали героями в 2016 г. А мужественный путешественник Федор Конюхов? Но об истинных героях либерально-прозападные СМИ сообщают только в новостях, зато каждодневно раскручивают *антигероев-антипатриотов* вроде вульгарной «светской львицы» К. Собчак, скандального мизантропа А. Невзорова, совершенно непотребного «музыканта» С. Шнурова.

Среди зарубежных героев молодыми респондентами по несколько раз упоминались предприниматель и изобретатель Стив Джобс, физик-астроном Стивен Хокинг, а также актриса Анжелина Джоли. В отличие от отечественной, не была забыта западная «попса». И только один молодой человек назвал представителя классической музыки.

Как уже отмечалось, профессия и работа не относятся к важнейшим ценностям петербургской молодежи. Тем не менее 55% опро-

шенных думают, что верный выбор профессии важен. При этом 59% молодых людей считают, что система профориентации в школе им не помогла (18%, указали, что помогла). При выборе профессии 56% молодых людей ориентируются только на собственное мнение; 52% учитывают советы родителей; только 8% принимают также во внимание рекомендации учителей и 9% учитывают мнения друзей. Примечательно, что учиться в ВУЗе собирается 91% опрошенных; учиться в СУЗе – 6%; а работать по специальности, не требующей высшего и среднего специального образования, – лишь 2%. Казалось бы, имеется уже достаточно информации о «перепроизводстве» юристов, экономистов-финансистов и менеджеров. Однако именно эти профессии остаются наиболее предпочитаемыми среди молодежи. Но одновременно все-таки растет число молодых людей, выбирающих инженерно-технические специальности, правда, прежде всего в сфере информационных технологий. А «черную», не офисную, работу пусть делают гастарбайтеры.

Были получены данные, заставляющие взглянуть на проблему «молодежь и труд» более внимательно. Молодым петербуржцам задали вопрос «Если бы вам представилась *возможность жить, не работая*, вы бы ею воспользовались?». Ответы распределились следующим образом: «да» – 41%; «нет» – 35%; «затрудняюсь ответить» – 24%. Понятно, что здесь не обошлось без некоторой доли лукавства. Но суть все же в другом. Более чем тысячелетняя история развития нашего народа, включая и советское время, проходила под знаком библейского изречения «Кто не работает, да не ест». Но вот наступило другое время, когда вроде бы стало можно не соблюдать этот нравственный закон, а значит, *жить за чужой счет* – родителей, друзей и подруг, а также посредством мошенничества, кейса с «зелеными», добытого где-то и как-то, на каком-то «поле чудес» и т. д.

А чем же занимаются молодые люди в свободное время, если они не любят работать? Опрос, проводившийся в конце 2015 г., показал, что в сфере досуга главными занятиями молодежи являются *виртуальное общение в социальных сетях* (48% опрошенных) и реальное общение с друзьями (46%). При этом более всего молодежь доверяет друзьям (59%) и родителям (58%), отдельным конкретным людям (37%), а потом – интернету (21%), учителям (15%), СМИ (8%) и политикам (3%).

Рассмотрим результаты опроса, посвященного пониманию и значению в молодежной среде такого важного для общества, коллектива и отдельного человека качества личности, как *ответственность*. Оказалось, что по важности для молодых людей ответственность

располагается на шестом месте – между справедливостью и трудолюбием. При этом 64% опрошенных считают себя ответственными людьми; 24% таковыми себя не считают; остальные 12% затруднились ответить, т. е. они не уверены в своей ответственности. Отвечая на открытый вопрос «Почему вы считаете или не считаете себя ответственными?», респонденты чаще всего называли следующие показатели своей ответственности: выполнение своих обещаний; выполнение заданий и работы в назначенный срок; ответственность за свои поступки и слова; отсутствие опозданий и приход вовремя. Примечательны высказывания: «Совесть не позволяет подводить»; «Не могу уснуть, если чего-то не сделал»; «Радуюсь, если дело, порученное мне, завершено успешно и в срок». Молодые люди, не считающие себя ответственными, часто ссылаются на свою лень, рассеянность, забывчивость, безволие. Некоторые, бравируя, заявляют: «Мне пофиг»; «Бесит ответственность, я устаю от нее»; «Я могу слиться в важный момент». В общем, вырисовываются две основные причины безответственности – пассивность, отсутствие целеустремленности и цинизм, пренебрежение своими обязанностями и долгом.

Из высказываний респондентов в ответ на вопрос «За что вы сейчас отвечаете?» видно, что молодежь, прежде всего, считает себя ответственной за свою учебу и работу, затем – за свою семью и родных, и далее – за свои поступки и слова. Есть и инфантильная часть молодых людей, для которых главными сферами проявления ответственности выступают помощь родителям в уборке дома, мытье посуды, хороший летний отдых и т. п. или суждение «не отвечаю ни за что».

По мнению опрошенных, наиболее влиятельными воспитателями ответственности являются родители (41%) и жизненный опыт (31%). Все остальные средства воспитания, как считает молодежь, не эффективны: школа (5%), литературные и кино-герои (5%), уголовный кодекс (5%), интернет и СМИ (2%), религия (2%) и друзья (7%). Понятно, что дело не в самих этих средствах, а в том, в каком состоянии они сейчас находятся, например, наша школа после либерального реформирования, идеологического вакуума и недофинансирования последних двадцати пяти лет. Или безнравственные и агрессивные современные СМИ и интернет, а также вся атмосфера безответственности и эгоизма постперестроечной квазикапиталистической эпохи.

В вопросе получены данные о морально-когнитивном диссонансе в сознании современной молодежи. На тест-вопрос «Если бы во время сдачи ЕГЭ у вас была возможность списать ответ, вы бы ею воспользовались?» 65% ответили «да»; 26% – «нет»; 9% затруднились ответить. Получается, что 64% опрошенных считают себя ответст-

венными людьми, но 65% из той же выборки молодежи готовы нарушить моральные нормы при представившемся случае, что означает отсутствие в сознании большей части молодых людей связи ответственности с долгом, вообще с моралью. В то же время честность у них была на втором месте по значимости как свойство личности. Примечательно, что отвечающие даже не замечают этого противоречия. Таков духовно-нравственный климат нашего современного общества. Еще в исследовании петербургской молодежи, проведенном в 2002 г. нами с сотрудниками, были получены данные об очень слабом развитии у части молодых людей ответственности; об этом говорили учителя; это признавали сами школьники и студенты. Так что это явление продолжает воспроизводиться. Повседневное общение с молодыми людьми это подтверждает: даваемые ими обещания и принятые обязательства выполняются только периодически, с той или иной вероятностью.

На открытый вопрос «За что вы готовы отвечать в будущем?» были получены более многочисленные и четкие ответы, чем об ответственности в настоящем. Молодые люди (правда, те, кто постарше) утверждают, что готовы, в первую очередь, отвечать за свою семью и детей, за их благополучие и будущее. На втором месте – ответственность за свою карьеру и работу. Про ответственность за природу, экологию не вспомнил никто (исключение составили домашние животные). Только несколько человек проявили готовность отвечать за Россию и ее будущее.

В других исследованиях, проведенных при участии автора сотрудниками НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ и Центра политических и психологических исследований, было зафиксировано, что в молодежной среде индивидуализм преобладает над коллективизмом. Так, в общегородской выборке населения (1207 чел., 2013 г.) индивидуалистами себя считали 52%, а коллективистами – 43% петербуржцев в возрасте 18 лет – 24 года; и, соответственно, 50% и 42% – в возрасте 25–29 лет (остальные затруднились ответить). В то же время среди горожан от 40 лет и старше во всех возрастных группах преобладали коллективисты. В исследовании учащихся средних специальных учебных заведений Санкт-Петербурга (выборка 1227 чел., 2015 г.) индивидуалистами охарактеризовали себя 46% студентов, а коллективистами – 36% (остальные затруднились ответить). Ранее во всех наших исследованиях, хотя и не намного, преобладали коллективисты. Неужели «рубикон» перейден, и к радости либералов-западников наша молодежь скоро «изживет» русские соборно-общинно-коллективистские традиции?

Можно сделать общий вывод о том, что среди молодежи, как и во всем обществе, сохраняется приоритет микро-общности «Я-семья» (или только «Я»), но это уже не идейно-коллективистская структура. Работа (труд) рассматривается не как общественный долг человека, а, в первую очередь, как средство материального обеспечения себя и своей семьи. Более высокие и творческие цели в этой сфере ставятся очень редко. Кто-то, может быть, порадуетя такому состоянию замкнутости молодежи в рамках семьи как «основной ячейки общества», хотя, по сути, в этом проявляются групповой и индивидуалистический обывательский эгоизм и социальное отчуждение. Не случайно такой социальный институт, как школа и учителя, утратил свою прежнюю значимость. *«Значимые другие» теперь – только родители (кормильцы), друзья и персонажи в социальных сетях.*

Цикл исследований молодежи показал превалирование и разрастание в молодежной среде мозаично-эклетиического менталитета с присущими ему неосознаваемыми противоречиями, «ползучей» деморализацией, ослаблением социального целеустремленного мышления, замыканием в семейно-индивидуальном микромире и мозаичном, виртуальном интернет-пространстве. При этом *национальная идентичность и патриотизм, прежде всего у молодежи, заметно размылись, вестернизировались и дегероизировались* под влиянием более чем 25-летнего прозападно-либерального «брейн-вошинга» посредством телевидения, радио, прессы, интернета, кинопроката, массового искусства и поп-музыки, всех видов рекламы и пропаганды, которые, в сущности, являются средствами информационно-психологической войны Запада, направленной на трансформацию российского менталитета, его ценностно-нормативного ядра. Как справедливо пишет В. А. Кольцова, «на уровне общественного сознания вследствие массивной идеологической обработки оказались девальвированными такие традиционно присущие нашему народу черты, как коллективизм, идеализм, предпочтение духовных ценностей материальным, патриотизм, стремление к кооперации и взаимопомощи в трудовой деятельности и быту. На этом фоне обнаруживается рост индивидуализма, рационализма, прагматизма, эгоизма, космополитизма. Это свидетельствует о том, что менталитет – „живое“, динамичное образование, чутко реагирующее на качественные изменения в образе жизни народа, глобальные преобразования в области социально-экономической и политической жизни общества» (Кольцова, 2015, с. 10–11).

В этих условиях *основными хранителями российских/русских духовно-православных и общинно-коллективистских ценностей и норм*

являются *представители православного и просоциального менталитетов*, мировоззрение и социальная позиция которых более четверти века всячески замалчивались, вытеснялись и подавлялись носителями прозападно-либерального менталитета, ставшими в нашей стране с начала 1990-х годов частью властной элиты.

Необходимо специально коснуться проблемы *ценностно-ментальной идентификации ученых, в первую очередь психологов*. Психология, как и другие науки, методологически связана с философией, а как гуманитарно-социальная наука – с менталитетом общества и идеологией государства. Если в советскую эпоху психология была только марксистской, основанной на теории исторического материализма, то в настоящее время, когда признается идеологическое разнообразие, психология стала плюралистической. Вместе с тем в любом обществе существует *полиментальность* – наличие разных исторически сложившихся типов менталитетов (Семёнов, 2000, 2015). Каждому менталитету соответствует определенный ценностно-ментальный тип личности (например, художественной, метафорической моделью российской полиментальности являются образы четырех братьев Карамазовых из одноименного романа Ф. М. Достоевского).

Психологи, как и все люди, подвержены ценностно-ментальной зависимости (осознанной и неосознанной). «Совершенно естественно и неизбежно, что предшествующие убеждения и ценности будут влиять на то, что думают и о чем пишут социальные психологи» (Майерс, 1997, с. 44). В среде профессиональных *легитимных* российских психологов (нельзя забывать и о нелегитимных «самозванцах», присутствующих в сфере этой деятельности) обнаруживаются представители всех основных менталитетов. Так, продолжают достойно работать *психологи-патриархи советской эпохи*, принадлежащие к просоциально-коллективистскому менталитету, и их ученики. В процессе перестройки возникла и развивается *христианская (православная) психология*, представители которой ориентируются на религиозные ценности и нормы. С этим направлением ментально связаны психологи, разрабатывающие духовно-нравственные проблемы, прежде всего, в Институте психологии РАН и в РГПУ им. А. И. Герцена. Но, пожалуй, самой многочисленной группой, особенно среди молодых психологов, в настоящее время являются *последователи всевозможных западных школ и направлений*, ориентированные на либеральные и потребительские ценности западного общества. Психологи этого типа являются приверженцами коммерческой психологии, связанной с практикой тренингов, активных методов, манипулятивных технологий, в ос-

новном заимствованных за рубежом и чаще всего не учитывающих ценностно-ментальную специфику российского общества. Существует и *нелегитимная, шарлатанская «психология»*, связанная с деятельностью экстрасенсов, астрологов, магов и колдунов, некоторые из которых ссылаются на университетское психологическое образование. Весьма примечательно, что их деятельность широко представлена и рекламируется на телевидении и в прессе. Наконец, имеются и представители *эклектической психологии*, пытающиеся сочетать в своих работах совершенно разные школы и направления, порожденные различными ценностно-ментальными источниками. В результате это становится не синтезом, а только конгломератом.

Как отмечалось выше, и о чем свидетельствуют данные репрезентативных социологических исследований, среди населения России преобладают просоциально-коллективистский и православный менталитеты. Думается, что легитимное профессиональное сообщество российских психологов должно *учитывать эту идентичность большинства народа России* (впрочем, как и осознавать собственную идентичность), исходя из принципов профессиональной этики.

В заключение остановимся на современной ситуации в стране и возможностях ее позитивного развития. Напомним, что 29 мая 2015 г. Премьер-министр РФ подписал распоряжение «Об утверждении стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». В качестве цели воспитания определяется «развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности» (Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, электронный ресурс). Это означает, что духовно-нравственное воспитание наконец-то возвращается в учебные заведения. 31 декабря 2015 г. В. В. Путин подписал Указ президента № 683 «О стратегии национальной безопасности РФ», в котором впервые четко и однозначно говорится о том, что к стратегическим целям обеспечения национальной безопасности в области культуры относятся «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, электронный ресурс). При этом «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд,

служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины». Стратегия становится, по сути, *российской идеологией*, на основе которой можно возрождать и укреплять российскую идентичность (искаженную либералами-западниками) и присущий нашему народу традиционный менталитет, ядром которого является *социальная справедливость*.

Еще Аристотель утверждал, что «справедливость является величайшей из добродетелей... Общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности» (Аристотель, 1908, с. 91). Ф. М. Достоевский писал: «Высшая и самая характерная черта русского народа – это чувство справедливости и жажда ее» (Достоевский, 1956, с. 549). Однако этим аксиомам противостоит финансово-имущественная поляризация современного общества, противоречащая конституционному положению о том, что Россия является социальным государством. Как показывают результаты социологического исследования «Левада-центра» в июне 2016 г., сильнее всего россияне *ощущают противоречия между богатыми и бедными* (76% опрошенных), затем по напряженности следуют отношения между начальством и рядовыми работниками (65%). Научные исследования показывают, что в современной России общество социальной справедливости, прежде всего, востребовано представителями коллективистско-социалистического и православного менталитетов, составляющими большинство наших граждан. Членов этих социальных сообществ объединяют *ценности справедливости, патриотизма, коллективизма (общинности), веры, русской культуры и языка* (Семёнов, 2015). Самое глубокое несогласие и противостояние наблюдается между представителями названных групп и носителями либерально-индивидуалистического менталитета, для которых характерна выраженная направленность на ценность денег и гораздо меньший интерес к вере и справедливости. Противоречия между этими, условно говоря, «либералами», с одной стороны, православными и социалистами – с другой, проявляются на всех «этажах» российского общества, так как либералы не разделяют *эгалитарную концепцию социальной справедливости*, являясь *сторонниками элитарной концепции «социальной несправедливости»*, принимая и оправдывая жестокую конкурентную борьбу, олигархат (господство «денежных мешков»), аморализм и эгоизм капитализма. Препятствие для формирования общества социальной справедливости и социального согласия заключается и в том, что либералы господствуют в СМИ.

В подобных условиях патриотизм как основной ориентир внутренней политики Российского государства обязательно должен быть подкреплен *декларацией о формировании общества социальной справедливости*. Это должно происходить путем социального перераспределения доходов сверхбогатой части населения через механизмы национализации природной ренты и введение прогрессивной системы налогообложения, как это делается в развитых странах. В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» отмечается: «Необходимо достичь такого мироустройства, которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей перед Богом, исключало бы подавление их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния» (Основы..., 2000, с. 211).

Безусловно, общество социальной справедливости невозможно построить, не преодолев современных размеров коррупции и безнравственности в российской жизни (взятки, мошенничество, падение престижа честного труда, экологический вандализм, наркомания, проституция, открытая и скрытая пропаганда всевозможных пороков и насилия и др.). Только решимость и воля власти, церкви и народа способны преодолеть духовно-нравственный кризис. Но первый шаг все-таки должна сделать власть, доказав свою нравственную принципиальность и справедливость в деятельности и образе жизни ее представителей. Иначе страну (по оценкам многих экспертов) ждет всеобщая потеря патриотизма, anomia, полное отчуждение народа от власти и утрата доверия к ней. Поэтому главным национальным проектом в стране должен стать реальный проект духовно-нравственного преобразования России и построения общества социальной справедливости.

Литература

- Багдасарян В. Э. Национальная идентичность и проблемы нациестроительства // Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы. СПб., 2015. С. 21–42.
- Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 10 т. М., 1956. Т. 3.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М., 1989.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015.
- Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования (Введение) // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 5–15.

- Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.
- Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы. СПб., 2015.
- Основы социальной концепции Русской православной церкви // Юбилейный Архиерейский собор РПЦ (Сборник докладов и документов). СПб., 2000.
- Религиозная ситуация на Северо-Западе: проблемы социокультурных идентичностей: Материалы международной научной конференции // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. СПб., 2016. № 2.
- Семёнов В. Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Социальная психология в трудах отечественных психологов: Хрестоматия. СПб., 2000. С. 485–492.
- Семёнов В. Е. Искусство как межличностная коммуникация. СПб., 1995.
- Семёнов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.
- Семёнов В. Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 403–429.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ, № 683 от 31.12. 2015). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 15.10.2016).
- Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (распоряжение Правительства РФ, № 996р от 29.05. 2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/420277810> (дата обращения: 25.10.2016).
- Фефелов А. «Нерусь, куда несешься ты?!» // Завтра. 2016. № 38.
- Этика Аристотеля. СПб., 1908.

ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И МИРЕ: НОВЫЕ ПУТИ ИЛИ СТАРЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ?

А. Г. Сулейманян (Москва)

Кризис либерализма и революционная ситуация

Задача нашей статьи состоит в обосновании того, что повсеместные протестные движения, охватившие весь мир в начале третьего тысячелетия, не имеют созидательного потенциала. Безусловно,

в каждом регионе они имеют свои, прежде всего, «культурно-исторические» особенности (Данилевский, 1991): например, что можно найти общего у движения «Teaparty», объединяющего сторонников классического свободного предпринимательства, и левых радикалов Латинской Америки; или у активистов «Occupy Wallstreet», их многочисленных «близнецов» во всем мире и у «новых тамплиеров», к которым причисляет себя Брейтвик? Тем не менее у всех этих протестных движений есть один общий и существенный признак: их участники отвергают, а иные призывают и к полному разрушению всех базовых принципов современного мироустройства. Для понимания причин подобных перемен необходимо по-новому осмыслить в современных условиях понятие «революционная ситуация», введенное В. И. Лениным¹ (1915). Революционная ситуация характеризуется следующими признаками, которые впервые были выделены в работе 1915 г. «Крах II Интернационала»: «верхи не могут управлять по-старому»; «низы не хотят жить по-старому»; «обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов» (Ленин, 1969, с. 218). Все это в итоге приводит к повышению политической активности общества. Чтобы «революционная ситуация завершилась революцией, необходимо наличие партии или руководящего центра, способного направить возмущение рядовых участников в созидательное русло» (Ленин, 1915, с. 218).

Какие выводы можно сделать, применяя эти положения к современным обществам?

Предварительно кратко рассмотрим с этих позиций состояние советского общества перед так называемой «перестройкой». Всем знакомым с тем временем по личному опыту очевидно, что организация управления в СССР времен позднего Л. И. Брежнева воспринималась обществом очень критически, причем именно социально активной его частью. Также не требует особых доказательств то, что недовольство существующим положением в той или иной форме высказывали все слои общества; или, иными словами, причины для недовольства существующим положением были у всех. Наконец, очевидные недостатки в организации промышленности и сельского хозяйства приводили к дефициту качественных товаров и продовольствия и, как следствие, – к снижению *качества* жизни.

1 Личность и труды В. И. Ленина требуют глубокого изучения без примеси политической конъюнктуры; прошло уже достаточно времени, чтобы «без гнева и пристрастия» рассмотреть его деяния. Несомненно, он был выдающимся социальным психологом (на это обратил внимание еще в 60-е годы прошлого века известный историк и психолог Б. Ф. Поршнев) и политологом.

Все эти три фактора и позволили оппозиционным силам направить гражданскую политическую активность советского общества в нужном для них направлении: т. е. к присвоению средств производства узкой группой лиц и внедрению антикоммунизма в самом уродливом виде. Это стало возможным, если рассматривать этот процесс с позиций массового сознания. Дело в том, что идея коммунизма перестала быть путеводной для большинства общества, поскольку эта идеология со времен правления Н. С. Хрущева ассоциировалась в массовом сознании, прежде всего, с материальным изобилием, а дефицит товаров потребления наглядно опровергал такое толкование и способствовал ироничному или враждебному отношению у части общества. Отсутствие же свободных выборов и открытого обсуждения насущных вопросов, а также чрезмерный идеологический контроль в области науки, искусства и СМИ, подавление инициативы снизу сделали с психологической точки зрения советское общество готовым к изменению или трансформации идеологии.

Мир совершенно изменился с исчезновением СССР, представлявшего принципиально иной тип мироустройства. Был провозглашен даже «конец истории» (Фукуяма, 2004). «Научный истеблишмент» либералов имел в виду «конец истории», конечно же, не в эсхатологическом смысле – как завершение «земного странствия» человечества, а в *идеологическом*: утверждалось, что коммунизм в принципе показал свою нежизнеспособность, поэтому единственным и последним идеологическим учением провозглашался либерализм¹. При этом подразумевалось, что все трудности будут успешно преодолены эволюционным путем на основе либеральной многопартийной демократии и свободного рынка. Однако после исчезновения СССР прошла уже четверть века, а проблемы не только не решены, но их глубина и количество увеличиваются с каждым годом. Поэтому появляются различные концепции *революционных* изменений.

Корни революционного сознания очень точно указал А. Камю в 1951 г.: «Что же представляет собой бунтующий человек? Это человек, говорящий „нет“. Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий „да“... Таким образом, порыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нетерпимое, и в смутной убежденности бунтаря... что он „вправе

1 Удивительна «слепота» идеологов современного либерализма: все, что сейчас относится к области «прав человека», – права на образование, сохранение народами своей идентичности, на пенсионное обеспечение, пособия по материнству и т. п. – впервые было осуществлено в СССР и было заимствовано либералами.

делать то-то и то-то“. Бунт не происходит, если нет такого чувства правоты» (Камю, 1990, с. 127).

Почему же почти весь мир говорит «нет» либерализму? Кто будет верить человеку, который в своей жизни нарушает все принципы, провозглашаемые им же ежедневно? Три важнейших «столпа» либерализма сокрушены: свободы, права личности и идея непрерывного прогресса. При этом если первые две ценности, декларируемые де-юре, де-факто отвергаются государственными институтами, то третья – обществом.

Для доказательства приведем ряд примеров. Принятие администрацией Ф. Олланда закона об однополых браках вызвало массовые протесты во Франции, но решение было не отменено, а навязано обществу, что, по существу, является «принуждением к толерантности»¹. Личное начало изгоняется из всех сфер жизни и происходит «макдональдизация» не только повседневности, но и культуры. Как иначе назвать превращение человека в «офисного раба» или в придаток машины; формализацию образования, наглядно представленную в ЕГЭ; музыку, которую «сочиняют» и «исполняют» компьютеры; тотальную слежку, принятую в так называемом «цивилизованном мире», прозорливо предсказанную Дж. Оруэллом² в романе «1984», и т. п.? Что же касается идеи непрерывного прогресса, выражающегося в преобладании в обществе оптимистических настроений, то ее крах настолько очевиден, что не требует доказательств. Так называемый «средний класс», который идеологи либерализма полагают основой стабильности и процветания, никогда таковым не был: достаточно сказать, что инициаторами всех протестных движений на Западе в послевоенный период были представители этого слоя (Давыдов, Роднянская, 1980). Именно «средний класс» был массовой основой прихода к власти в XX в. германского нацизма и итальянского фашизма.

Подводя итог, следует сказать, что либеральная цивилизация, если придерживаться классификации О. Шпенглера, переживает несомненный упадок, и к ее характеристике вполне подходят крылатые слова «хлеба и зрелищ»: применительно к современным условиям в роли зрелищ выступает массовая культура, а хлеба – дешевое пиво и чипсы. С этой точки зрения, интересны слова одного из руководителей итальянского психологического общества на закрытии

1 В одном из номеров «Комсомольской правды» репортер приводит слова одной из демонстранток в парке Гези в Турции: «Главная задача демократии – защита прав меньшинств».

2 Как выясняется, писал Дж. Оруэлл не о сталинском СССР, а о «свободном мире».

XIII Европейского психологического конгресса в Стокгольме 12 июля 2013 г.: «Кризис в современной Европе имеет не экономическую, а психологическую природу». Нет сомнений, что либерализм потерял «стержень» или «духовную силу», которая была, например, явственно видна в XIX столетии и которую Р. Киплинг ясно и просто выразил в «Бремени белого человека»: «Неси это гордое бремя не как надменный король – к тяжелой черной работе, как раб, себя приневолю» (Киплинг, 1976).

Возможно ли ожидать, что неолиберализм сумеет не только излечиться сам, но и предложить человечеству созидательную программу? Норвежский исследователь неолиберализма С. Скирбекк на основании тщательных социологических исследований пришел к выводу, который трудно оспорить: «Мечта о победе нового либерального мирового порядка основывается на ряде парадоксов. Чтобы идеология возобладали, она должна ограничить свободу всем, кто ей противостоит. Это само по себе парадокс для идеологии, которая использует свободу, чтобы быть легитимной... На карту может быть поставлена жизнеспособность западной цивилизации, если не развивать другие принципы политического руководства, чем исходящие от либерализма в старых или новых видах... Если новая либеральная идеология будет доминировать, она столкнется со смертельным противником – с собой» (Скирбекк, 2003, с. 266–267).

Альтернативы либерализму

В XXI столетии мы наблюдаем возрождение и обновление двух идеологий века минувшего, бывших на периферии общественно-политической жизни, – анархизма и национализма. Фундамент всех анархических теорий: государство в любой его форме – зло и потому должно быть в высшей степени ослаблено, т. е. лишено своих функций. В этом вопросе классический анархизм удивительным образом сходится с классическим либерализмом; тем не менее мотивы ограничения роли государства разные. Для либералов – это, во-первых, невмешательство государства в сферу накопления и инвестирования; во-вторых, предельное ограничение его функций в области поддержки неимущих, поскольку бедный сам виноват, что оказался в таком положении; для анархизма – максимальное ограничение насильственных и управленческих функций государства. Однако современный анархизм, вобравший в себя идеи «новых левых» и молодежных движений протеста конца 60-х годов прошлого века, совершенно лишен созидательного потенциала в отличие, например, от анархической концепции П. А. Кропоткина (1919). Если учение

князя-революционера не лишено ценных идей (обоснование важности возрождения общинных форм взаимопомощи, существовавших во всех традиционных обществах, суть которых в поддержке общиной всех своих членов¹), то его современная версия, например, реализуемая в движении «антиглобалистов» (к этой группе мы относим и психологически сходные с ними неформальные молодежные движения – «фриков», «эскапов», хипстеров, а также сторонников «актуального искусства», «арт-групп», «альтернативной музыки» и т. п.) – продолжение в новых социально-психологических условиях «Парижа 1968 г.». Для характеристики лидеров и идеологов этого движения вполне применимы слова, сказанные более тридцати лет тому назад в отношении контркультуры 1960-х годов: «Паразитический характер контркультурных устремлений становится с полной отчетливостью видимым даже невооруженным глазом в тот момент, когда мы сталкиваемся с требованием защитников контркультуры, обращенном к государству²: не просто признать право людей, не желающих трудиться, на праздное существование, но финансировать этот способ существования... Этот „оборот мысли“, заложенный в основаниях контркультурного сознания, возрождает в нашей памяти одну из ранних контркультурных моделей поведения и образа жизни, предложенную в раблезианской картине „Телемского аббатства“ с его знаменитым принципом „делай, что хочешь“» (Давыдов, 1980, с. 175–176).

Национализм

Смысл всякого национального вопроса не изменился за последние двести лет, т. е. с эпохи появления современных государств и полиэтнических наций³: «Сущность национального вопроса состоит в том,

- 1 По сути, это и есть идея так называемого «гражданского общества», которую либералы присвоили себе.
- 2 Суть не меняется, если подобные требования исполняют многообразные «неправительственные организации».
- 3 Мы считаем термин «полиэтнический» психологически более точным, чем «многонациональный», так как в каждой стране существует только одна нация, которая может быть как полиэтнической (таковых сейчас большинство), так и моноэтнической. Поэтому в дальнейшем цитировании термин «многонациональный» рассматривается как синонимичный термину «полиэтнический». На эту тему нами подготовлена отдельная статья, но подробный разбор различий понятий «этнос» и «нация» не входит в наши задачи в данной статье. Кроме того, следует отметить еще один момент: то, что сейчас принято называть «национализмом», на самом деле есть «этноцентризм», так как,

чтобы устроить в современных многонациональных государствах судьбу отдельных наций, какие выработать нормы для их взаимоотношений и для их отношений с государственной властью для того, чтобы социально-экономическая жизнь страны получила нормальное течение, чтобы государство, как определенная организация для борьбы человека за существование, могла служить своим целям» (Шаумян, 1978а, с. 146).

Послевоенный либерализм, основанный на «разумном эгоизме», «свободном рынке» и «культуре потребления», не придавал национальному вопросу важного значения, однако в последние пятьдесят лет по различным причинам – демонтаж колониальной системы, неравномерное развитие различных стран даже внутри ЕЭС, расчленение СССР, значительный рост спекулятивного капитала и влияния транснациональных корпораций, стремящихся любой ценой увеличить прибыль, – зримо изменилось «лицо» современных обществ и наций. Эта проблема, безусловно, требует решения, но если исключить «истерические» концепции будущего (например, в слабом в художественном и бессмысленном в идеологическом отношении романе «Мечеть Парижской Богородицы»¹), то предлагаются две стратегии, которые выражаются в формах «пассивного» и «активного» национализма. По причине различных определений национализма как идеологии мы предлагаем следующее рабочее определение, чтобы был понятен ход наших дальнейших рассуждений: национализм – это идеология, согласно которой, во-первых, всякая нация мыслится как нечто изначально и во все исторические периоды целое и лишённое внутренних противоречий (то, что это не соответствует фактам, очень наглядно видно на примере арабского этноса); во-вторых, национальная идентичность провозглашается самой высшей в иерархии² (например, в идеологии «сионизма» любой еврей – в первую очередь еврей, а затем уже гражданин той или иной страны); в-третьих, утверждается, что в идеале каждая нация должна иметь свое государство.

употребляя термин «национализм», его идеологи имеют в виду не всю нацию, а только ее часть – так называемый «титальный народ».

- 1 Удивляет политическая безграмотность некоторых восхищенных «высоколобых комментаторов»: неужели количество той или иной группы имеет следствием господство. Ничтожные в этом отношении Первый Рим и Британия управляли огромными пространствами с населением, намного превышавшим метрополию!
- 2 Кстати, в этом идеологическое преимущество «ваххабизма» (салафизма), так как во главу угла ставится религиозная, а не этническая идентичность.

Идея толерантности в сфере национальных отношений, вопреки укоренившемуся мнению, есть вовсе не стратегия интеграции или даже взаимной терпимости: это идеология пассивного национализма, корни которого – в новом прочтении концепции «национально-культурной автономии» конца XIX столетия. Ее суть в следующем: «Везде, говорит новый национализм, где бок о бок в пределах одного государства живет несколько национальностей, каждая из них должна быть автономна в национально-культурных делах» (Шаумян, 1978б, с. 423). Полагаем, что можно в данном случае обойтись без доказательств и согласиться на основании исторического опыта человечества, что «отмежевание, изоляция, отчуждение усиливают (курсив мой. – А. С.), а не ослабляют национальные столкновения и вражду» (Шаумян, 1978в, с. 426). Толерантность в психологическом смысле сходна с принципом буддийской философии быть всегда равнодушным и никогда не демонстрировать своего отношения – положительного и тем более отрицательного – к чему бы то ни было: т. е., каждый может в душе ненавидеть негра, еврея, русского, китайца и т. п., но никогда нельзя показывать этого. Применяя понятие «умный образ», введенное в психологию М. В. Телегиным, можно наглядно изобразить толерантные отношения следующим образом: два не испытывающих друг к другу симпатии супруга вынуждены жить в одном доме, и, чтобы свести возможность конфликтов к минимуму, договорились встречаться как можно реже и никогда не демонстрировать своего недовольства. Неудивительно, что политика мультикультурализма провалилась, и ей ищут замену.

Примеры активного национализма многочисленны: это и возрождение фашизма в Европе, но уже в псевдохристианских одеждах; и партии националистического толка в России и бывших республиках СССР; и подчеркивание Пекином своего культурного превосходства над западной цивилизацией; и концепция «индеанизма» в Новом Свете и т. д. Как мы уже указывали выше, любой национализм основывается на трех, не подтверждаемых фактами тезисах, и потому не может быть созидательной стратегией. Об этом убедительно писал еще в начале XX столетия П. А. Сорокин: ни одна современная нация «по своим социальным функциям или социальной роли [не. – А. С.] представляет нечто единое, ее части [не. – А. С.] действуют в одном направлении и [не. – А. С.] преследуют одни цели» (Сорокин, 1992а, с. 248). Добавим к этому, что если национализм станет государственной идеологией в ведущих мировых державах, то это неминуемо приведет к росту как внутренних, так и международных конфликтов.

Более того, если осмысливать путь, пройденный человечеством, используя понятие «культурно-исторического типа» (Данилевский, 1991), становится ясным, что наивысшие достижения всегда итог синтеза культур: примеры этого – и эпоха Эллинизма, начавшаяся после объединения «Востока» и «Запада» Александром Македонским, и Второй Рим, и халифат времен расцвета, и Россия Петра Великого, и СССР в 1930–1960-х годах. Рассуждения о национализме мы хотели бы закончить словами из доклада на XIII европейском психологическом конгрессе 2013 г. в Стокгольме двух португальских исследовательниц в области кросс-культурных различий: «Культурные различия сейчас проблема, а должны стать ресурсом».

Религия и идеология

В последнее время многими политическими лидерами, идеологами и научными работниками провозглашается мысль, что, поскольку кризис современной цивилизации носит системный характер, его преодоление невозможно без коренного изменения духовно-нравственной сфер личности и общества. Поэтому настоятельно необходимо восстановление религиозной «картины мира». Соглашаясь в принципе с этой позицией, мы хотели бы, однако, показать, что современное религиозное сознание имеет синкретический характер и чрезмерно наполнено мирской «суестью сует».

Мы согласны с концепцией, впервые высказанной Платоном, что «религиозная идея» имеет врожденную природу: человек уже рождается с этой идеей; она есть то, что К. Г. Юнг назвал «коллективным бессознательным». Обоснование этой концепции не является предметом нашей статьи, но полагаем уместным кратко пояснить, что две самые распространенные теории происхождения религии не выдерживают проверки фактами. Религия не есть следствие невежества или отсутствия «естественно-научной картины мира», как ошибочно полагал, например, Ж. Пиаже: многих выдающихся ученых, напротив, научные исследования приводили к мысли о Создателе миров. Не является религия и следствием страха перед неизведанным, ибо не все, что страшит человека, вызывает у него представление о сверхъестественном мире; иначе основными «творцами» религий были бы дети.

Главное во всякой религии – спасение души и ее путь на Небо, в Вечность; и земные условия важны настолько, насколько они помогают или мешают этому. Именно в этом смысле следует понимать Евангельские слова, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Лук. 18: 16–27). Если рассматривать с этой точки зрения современное религиозное

возрождение, то нельзя не заметить две тенденции. Первая – повышенное внимание к «внешней», обрядовой стороне религиозного культа (как одеваться, что и когда есть и т. п.) при том, что собственно религиозное, т. е. духовное совершенствование личности, находится на периферии, и об этом говорится скороговоркой. Нельзя отрицать, конечно, значимость и первого, и второго; но, если руководствоваться в этом вопросе учением святых отцов церкви, то нет никаких догматических оснований для христианина обязательно отвергать советскую власть за ее «безбожность», а строгое и буквальное соблюдение постов похвально, но само по себе является условием, а не гарантией Вечного Блаженства. Наши замечания относятся в значительной степени к традиционным религиям. Достаточно подвергнуть простейшему контент-анализу религиозные СМИ, чтобы убедиться, что значительное число текстов посвящено анализу тех или иных политических событий, а большинство вопросов, задаваемых верующими, посвящено обрядовой стороне.

Использование религии в политических целях широко практиковалось в XIX–XX вв., поэтому обойдемся немногими примерами: политизированный ислам успешно использовался Лондоном в Кавказской войне, при расчленении сначала Османской империи, затем Британской Индии, наконец, в Афганистане. Папа Иоанн Павел II сделал антисоветизм и антикоммунизм одними из важнейших доктрин внешней политики Ватикана. Нынешний Далай-Лама – более политический деятель, нежели духовный лидер, и т. д.

Другая, на наш взгляд, деструктивная тенденция состоит в пропаганде оккультных и эзотерических учений, которые преподносятся как незаслуженно забытая «мудрость древних» или как элитарная форма знаний о мире небесном в противовес традиционному религиозному знанию для толпы. Предпринимаются и активные попытки реанимации прежних ересей (главным образом, в христианской традиции) под видом истинного вероучения: наиболее яркие примеры этого рода – модный роман «Код да Винчи»; апокрифическое «Евангелие от Иуды»; оправдание тамплиеров; пересмотр церковных постановлений о ересь катаров и альбигойцев.

Конечно, духовенство и верующие должны активно участвовать в общественной жизни и способствовать преодолению системного кризиса современной цивилизации, который в своей основе имеет духовный характер. Но неминуемо встает вопрос: какую стратегию должны избрать верующие в современном мире? Должны ли они вообще устраниваться от политической активности, связать себя с той или иной партией или создать собственную партию, как это,

например, сейчас практикуется в охваченных смутой странах Магриба и Турции?

Одна из недавних попыток в России ответить на эти вопросы – сборник «Перелом», составленный православными публицистами (Перелом, 2013). Его участники ставят своей главной целью оживить «тоску по сакральному» и создать синтетическую идеологию, в основе которой лежит идея справедливости. Заявляя, что они опираются на традицию вообще, авторы противопоставляют себя и «левым», и «правым», и «русскому коммунизму», и «западному либерализму», называя тем не менее свое учение «левым консерватизмом». Здесь не место подробно разбирать этот сборник, поэтому ограничимся замечанием, что, приветствуя саму идею такого рода, нельзя не увидеть, что предложенная авторами концепция эклектична, в ней отсутствуют описания конкретной стратегии реализации, и, кроме того, очевидна политическая задача: создать левый, а не провалившийся правый антикоммунизм.

Позволим себе небольшой комментарий на тему взаимодействия духовного и светского начал в общественной жизни. В фильме «Все остается людям», вышедшем на экраны СССР в 1963 г., есть интересный диалог ученого Дронова и отца Серафима. Редкая для советского кино сцена, когда священник показан умным и честным. Отец Серафим в споре утверждает, что жизненные цели христиан и коммунистов сходны, но сферы деятельности разные. Суть его слов в том, что вы – коммунисты – улучшайте мир внешний, а мы будем вам помогать, совершенствуя «внутреннего человека». «Дух времени» не позволил режиссеру согласиться с этой позицией, и смертельно больной ученый Дронов побеждает отца Серафима, отрицая сходство целей. Но по прошествии времени нельзя не увидеть, что в фильме указана наилучшая форма взаимодействия, которую в терминах византийской концепции о взаимоотношениях государства и церкви можно назвать «симфонией»: совместная деятельность в материальном и духовном мирах. В этом смысле необходимо новое прочтение книги Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», основная идея которой состоит в утверждении христианских корней русского коммунизма сталинской эпохи (Бердяев, 1990).

Россия и мир

Несмотря на экономическую и политическую стабилизацию, что, несомненно, следует считать заслугой В. В. Путина, в идеологическом смысле Россия не знает, кто она и каково ее предназначение на Земле.

«Ключ» к решению проблемы идентичности, если выразиться метафорически, – вопрос о здании, которое в течение веков будет возводиться всеми, считающими Россию единственным своим земным отечеством.

Следовательно, надо, прежде всего, иметь проект здания – не эклектичный, а целостный, выражающий определенную идею, и определить главные требования к работнику. Обсуждение поможет только в том случае, когда мы, по словам апостола Павла, согласны в главном, т. е. в том, «что делать»; тогда и *разномыслие*, т. е. различия в том, «как делать», принесет пользу. Смысл всех дискуссий, в частности в парламентах, будет плодотворным только при соблюдении этого правила: «Ибо должно быть между вами и разномыслие, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор 11: 19).

Каковы же основные требования к государственным институтам, осуществляющим программу национального строительства, которая невозможна без четкой и ясной долговременной программы становления идентичности?

Во-первых, преемственность. В течение XX в. она нарушалась дважды: после февраля 1917 г. и вплоть до конца 1930-х годов; второй раз – в годы перестройки и последовавшим за этим периодом правления Б. Н. Ельцина. Примечательно, что восстановление связи времен во время Великой Отечественной войны имело решающее значение для победы. Следовательно, продуманная реставрация самого ценного, что было в советский период нашей истории, принесет несомненную пользу. Удивительно, но многие научные работники, находясь в «плени страстей», не видят, что коммунистическая идеология трактовалась в СССР совершенно по-разному. Для В. И. Ленина это была утопия, поэтому понявший это Г. Уэллс очень точно назвал его «кремлевским мечтателем»; для И. В. Сталина – «царство Божие на земле», о чем ясно и недвусмысленно говорит Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма»; для Н. С. Хрущева – царство материального изобилия; а для Л. И. Брежнева – небогатая жизнь для народа, обеспеченная и спокойная для номенклатуры.

Во-вторых, поскольку современные общества носят во многом мозаичный характер, усугубляемый глобализацией, каждый человек входит в несколько групп, поэтому необходимо правильное решение вопроса об иерархии. При этом следует предотвратить конфликт идентичностей, строя иерархию по принципу «матрешки», где в основании – родовая и семейная идентичность, и далее по мере возрастания, т. е. значимости: региональная (что значит быть москвичом, сибиряком и т. п.?), этническая и на вершине – цивилизационная.

Касаясь цивилизационной идентичности, следует ясно осознать, что она включает в себя решение двух, связанных, вопросов: кто мы и куда мы идем? В чем своеобразие российского «культурно-исторического типа», используя понятие Н. Я. Данилевского? Чтобы найти правильный ответ на эти до сих пор не решенные вопросы, следует не посадить наш «корабль» на две «опасные и скрытые мели» – общечеловеческие ценности, которые, в сущности, есть только ценности либерального Запада, и этноцентризм – позиция «слепого и глухого» по отношению к другим культурам.

По нашему мнению, правильный курс «кораблю» указал Ф. М. Достоевский: «В значении Пушкина есть та особая и характернейшая, не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения – способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций... Способность эта есть всецело способность русская... и Пушкин только делит ее со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности... русская душа... может быть наиболее способна из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия» (Достоевский, 1995, с. 418).

Ему вторит великий армянский поэт О. Туманян: «Мы будем открыто высказываться, размышлять над тем, кто мы такие, откуда и куда идем, что мы имеем и что можем показать людям, и чего не имеем и должны взять у других, что... даст нам возможность пойти... к конечной цели литературы и просвещения – братству народов, мирной жизни и честному труду» (Туманян, 1969, с. 271–272).

В обоих высказываниях очень ясно выражена мысль, что мы не должны ни догонять «свободный мир», как полагают наши либералы, ни «повесить на дверь замок» и «закрывать все окна», как мечтают рьяные патриоты.

Мы – отдельная и уникальная цивилизация. И эта идея должна стать одной из основ нашей цивилизационной идентичности. Полиэтнический характер нашего Отечества требует другой, нежели толерантность, концепции отношений между народами. Толерантность есть продукт либеральной цивилизации, и смысл ее сводится к тому, чтобы обеспечить по возможности комфортное вынужденное проживание в одном доме чужих друг другу людей с совершенно различными системами ценностей. Российская цивилизация изначально была построена по иному принципу: добрососедства, а не англосаксонской «салатницы»: рядом, но не вместе. Как практически возродить такое отношение, недвусмысленно объясняет

О. Туманян: «Разве мы знаем простоту и доброту русского человека, чистосердечность грузина? Все эти свойства мы должны замечать у других народов и подходить к ним с открытым, чистым сердцем. И если мы вот так, без предубеждений подойдем к самому простому человеку из народа, то непременно обнаружим у него гораздо больше черт, достойных любви и уважения, чем у иных представителей этих народов. И так обоюдно. Все доброе может обнаружиться только при добром, любовном отношении, но никак не при бряцании оружием!» (там же, с. 13–14).

Нельзя не услышать в словах вдохновенного поэта созвучия с великой русской поговоркой «Бог не в силе, а в правде». Россия ищет истину, которая по определению всегда одна, иначе она перестает быть ею. Поэтому постмодернистские концепции отрицания абсолютных идей будут губительны для любой цивилизации, особенно русской, так как мы, как показывает наша история, всегда ищем ответы на самые трудные вопросы жизни.

Наконец, идея победы, мирового лидерства должна быть обязательно одним из «краеугольных камней» нашей цивилизационной идентичности. Несмотря на частые отклонения от правильного курса, Россия, наверное, в наибольшей степени, по сути, цивилизация идеациональная или, по крайней мере, идеалистическая, но никак не чувственная (Сорокин, 1992).

Надо ясно понимать, что нынешний кризис западной цивилизации, начавшийся еще в начале XX в., носит системный характер, и прививка ее к российскому «стволу» уже не принесет «добротного плода», как во время революции сверху, осуществленной Петром Великим. Слова П. Сорокина ничуть не устарели: «Главный вопрос нашего времени – не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма... а также не один из текущих расхожих вопросов, которые ежедневно провозглашаются государственными деятелями и политиками, профессорами и министрами, журналистами и просто уличными ораторами. Все эти темы не что иное, как маленькие побочные продукты главного вопроса, а именно: чувственная форма культуры и образа жизни против других форм» (Сорокин, 1992, с. 432).

Следовательно, национальная идея не должна иметь подражательного и догоняющего характера, быть мечтой только о том, чтобы нас пригласили за стол вместе с «цивилизованным» человечеством. Чтобы снова стать лидером мира, необходимо создать условия, пробуждающие творческие силы всех народов России, чтобы фундаментом всех видов общественной деятельности стали идеациональные и идеалистические ценности.

Подводя итог, подчеркнем, что для России и, следовательно, всего мира есть два сценария, разумеется, с точки зрения научного, а не провиденциального прогнозирования. В хорошем сценарии Россия реализует сначала у себя привлекательный проект в противовес либеральному и националистическому, а затем предложит его и всему миру. Суть этой идеологии – в восстановлении преемственности с дореволюционной и советской Россией. «Краеугольные камни» проекта – справедливость, свобода, сильное государство, действующее в союзе и гармонии с обществом, обеспечивающее условия для творческого развития и вертикальной мобильности для каждого, открытость миру и добрососедство. Но вероятен и плохой сценарий: раскол общества вследствие углубляющегося кризиса идентичности, еще большая «мозаикация» с возможным последующим расчленением на нежизнеспособные государства, идеологиями которых становятся фашизм в псевдохристианских и исламизм в ваххабитских одеждах.

Литература

- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
 Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры. М., 1980.
 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
 Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 15 т. СПб., 1995. Т. 14.
 Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
 Киплинг Р. Время белого человека. М., 1976.
 Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков, 1919.
 Ленин В. И. Крах II Интернационала // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 26. С. 218.
 Перелом. URL: http://religare.ru/25_1011.html (дата обращения: 02.03.2016).
 Скирбекк С. Неадекватная культура. М., 2003. С. 266–267.
 Сорокин П. А. Духовный кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992а.
 Сорокин П. А. Национальность, национальный вопрос и социальное авенство // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992б.
 Телегин М. В. Умные образы в истории культуры. URL: <http://mtelegin.ru/tradition/apologet/174-glava4> (дата обращения: 12.04.2016).
 Туманян О. В тумане недоразумения; Речь на первом вечере Общества армянских писателей // Туманян О. Избранные произведения. В 3 т. Ереван, 1969. Т. 3. С. 13–14, 271–272
 Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
 Шаумян С. Г. Национальный вопрос и социал-демократия // Шаумян С. Г. Избранные произведения. В 2 т. М., 1978. Т. I.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕМЬЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА МЕНТАЛИТЕТА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН¹

Б. Н. Тугайбаева (Москва)

Постановка проблемы

Под менталитетом понимается система ключевых ценностей, представлений о разных сторонах жизни и отношений к ним. Менталитет формируется в историческом процессе коллективной деятельности многих поколений народа, обусловлен всей системой жизнедеятельности и социальных отношений, в том числе и отношениями в семье.

Семья – это основная, базовая ячейка общества, в которой осуществляется физическое, социальное и психологическое (ментальное) воспроизводство населения; в рамках семьи происходит первичная социализация, формирование личности, усвоение норм поведения, культурных ценностей и традиций народа.

Семья и отношения в семье были и остаются значимыми сферами жизнедеятельности и ведущей ценностью для современных россиян, как и для людей прежних эпох. Поэтому целью нашего исследования являлось выявление представлений современных россиян о семейных ролях и гендерных отношениях супругов, о некоторых аспектах воспитания детей, а также определение места семьи в системе ценностей.

Программа исследования

Программа исследования, частью которого было изучение отношений в семье как значимой характеристики менталитета, состояла из двух последовательных и логически связанных направлений. Первое, теоретико-историческое, имело целью выявление устойчивых характеристик менталитета русского народа как единой социокультурной общности (на основе анализа трудов русских историков, философов, литераторов XVIII–XIX вв., обращавшихся к проблеме национального характера, особенностей русского народа), а также включало психолого-историческую реконструкцию особенностей

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-06-00651 «Психология российского менталитета: традиционные и современные характеристики».

менталитета русского народа дореволюционного периода и выявление основных ментальных характеристик советского человека. Мы полагаем, что в эти исторические эпохи, качественно различные по своим социально-экономическим и политико-идеологическим основам, складывались и закреплялись те базовые черты российского менталитета, которые в том или ином виде представлены в психологии современного человека. Второе, эмпирическое, исследование было направлено на выявление характеристик современного российского менталитета на основе фиксации отношения респондентов к разным сторонам действительности, традиционным базовым ценностям, выделенным на первом этапе в процессе психолого-исторической реконструкции психологии русского народа.

Исследование проводилось на выборке 500 человек в нескольких регионах России (города Москва, Иркутск, Арзамас и сельские жители Астраханской области) с использованием специально разработанной анкеты.

Ценностное отношение к семье

Исследование представлений современных россиян о семье включало и изучение вопроса о значимых ценностях, и определение места ценности семьи в системе ценностей респондентов.

В анкете этот вопрос сформулирован следующим образом: «Оцените, пожалуйста, те ценности, которые особенно важны для вас, обозначив цифрой 1 то, что важнее всего, и далее – по убывающей».

Респондентам предлагалось проранжировать, с точки зрения важности для них, следующие ценности: семья, интересная работа, дружба, свобода, любовь, получение образования, активная общественная жизнь, интересное времяпрепровождение, внутренняя гармония, самоуважение, материальная обеспеченность, здоровье. Этот ряд ценностей был выбран на основе известных методик исследования ценностных ориентаций.

Анализ результатов исследования ценностных предпочтений современных россиян и их отношений к некоторым аспектам семейной жизни выявил, что семья остается значимой сферой жизнедеятельности и ведущей ценностью. Респонденты из разных регионов, разных возрастов, мужчины и женщины единодушны в своем приоритетном выборе места ценности семьи в ряду других предложенных для сравнения ценностей. Как это было и в прежние времена – и до революции, и в советский период, и во времена перестройки, когда вновь в нашей стране произошли радикальные социально-экономические трансформации, – россияне сохраняют основное ядро

ценностной системы, в которое входят семья, любовь, дружеские отношения. Можно утверждать, что ценностное отношение к этим сферам жизнедеятельности включено в устойчивую часть менталитета.

В таблице 1 представлены результаты ранжирования ценностей как по всей выборке в целом, так по группам, выделенным по факторам пола, возраста, семейного статуса. Возрастные группы были разделены по времени рождения: группу «молодых» составили респонденты от 17 до 29 лет (социализация которых происходила уже в постсоветское время; составляют от общей выборки 56%), группу «взрослых»: от 30 до 85 лет (социализация в советский период; составляют от общей выборки 44%).

Как отмечают исследователи динамики ценностных ориентаций россиян недавнего прошлого – периода реформ конца 1990–на-

Таблица 1

Результаты ранжирования ценностей по всей выборке и в зависимости от факторов пола, возраста, семейного статуса респондентов

Номер ценности	Ценности	Вся выборка	Мужчины	Женщины	Молодые	Взрослые	Холостые	Женатые
1	Семья	1	1	1	1	1	1	1
2	Интересная работа	5	6	7	8	4	8	4
3	Дружба	4	4	4	4	5	4	5
4	Свобода	7	5	8	6	7	5	8
5	Любовь	3	3	3	2	3	3	3
6	Получение образования	9	10	9	9	10	9	10
7	Активная общественная жизнь	12	12	12	12	11	12	11
8	Интересное времяпрепровождение	11	11	11	11	12	11	12
9	Внутренняя гармония	6	8	5	5	8	6	6
10	Самоуважение	8	7	6	7	6	7	7
11	Материальное обеспечение	10	9	10	10	9	10	9
12	Здоровье	2	2	2	3	2	2	2

чала 2000-х годов (Журавлева, 2013), под влиянием резких трансформаций социальной системы произошла перестройка жизненных планов и ценностных ориентаций личности. Существовавшие в советский период ценностные приоритеты отошли на второй план, уступив место экономическим и материальным ценностям. Но базовые духовные ценности, связанные с российским социокультурным архетипом (приоритет духовного над материальным) в целом не изменились, они временно оказались вытесненными на периферию общественного и индивидуального сознания и находятся в латентном состоянии. Как предполагает Н. А. Журавлева, «прежние ценности могут снова актуализироваться и в измененном, преобразованном виде вновь начать играть важную роль. Есть все основания полагать, что в случае общего преодоления кризисного состояния российского социума базовые архетипические ценности могут быть восстановлены» (Журавлева, 2013, с. 130).

Наше исследование подтверждает этот прогноз: в первую тройку ценностей вошли ценности семьи, любви, здоровья; на четвертом месте у большинства респондентов ценность дружбы. Значимых различий по выборке в ранжировании этих четырех ценностей выявлено не было.

Значимость сферы личной жизни – семьи и любви – дополняется у современных россиян все более возрастающей по значимости ценностью здоровья. Эта тенденция отмечалась уже с конца 1990-х годов: в периоды социально-экономических кризисов, снижения уровня социальной защищенности возрастает необходимость опоры на себя и близких людей, значимость собственных сил, здоровья, которое необходимо для адаптации и выживания.

Ранжирование остальных ценностей выявило низкий ранг ценности материального благополучия (10-е место в целом по нашей выборке). В то же время, отвечая на открытый вопрос, уточняющий, что необходимо человеку для счастья, респонденты, наряду с семьей, здоровьем, работой, указывали и наличие материального достатка, обеспеченности. Можно предположить, что в свободном описании выявлялись связи значимых сфер, ассоциирующихся со счастливой жизнью, и сегодня она немыслима без наличия близких людей, работы, приносящей хороший заработок и материальную обеспеченность семьи.

По многим выборам рангов ценностей исследуемые нами мужчины и женщины были близки и не показали различий. Единственная ценность, по которой были выявлены гендерные отличия в предпочтении, – ценность свободы. У мужчин она занимает более

высокий ранг (5-й); для женщин важнее такие ценности, как «внутренняя гармония» и «самоуважение». Свобода и независимость – это и характеристики личности, которые соотносятся с мужским статусом и ожидаемы в поведении мужчин, и как ценности они важнее для представителей мужской гендерной группы. Женщины традиционно в обществе и в семье занимают зависимое положение; для них проявлять свободу в поведении и отстаивать свою независимость даже нежелательно. Для женщин внутренняя гармония как состояние и характеристика личности, самоуважение и интересная работа более предпочтительны и важны, чем свобода (ранг 8-й).

Ценностное сознание личности обнаруживает черты, присущие социальной группе, к которой принадлежит человек, а также народу, обществу в целом. Похожие условия социализации, образ жизни, профессиональный, возрастной или семейный статус сближают людей в их оценках, ценностных ориентациях, ментальных представлениях. Вместе с тем формирование менталитета и связанных с ним жизненных ценностей и отношений происходит во взаимосвязи с индивидуальным жизненным опытом и личностными свойствами.

Для выявления различий и сходства в ценностных отношениях исследуемой выборки современных россиян, определения близких по позициям групп был использован дополнительно к первичной обработке кластерный анализ. На основе этого были выделены несколько групп, отличающихся в своих ценностных предпочтениях. Люди, более ориентированные на семью, а таковыми чаще являются женщины (в первом кластере женщин было 82,5%), значимыми считают здоровье, внутреннюю гармонию и самоуважение. Они отличаются по структуре своих ценностных предпочтений от тех, кто еще не создал семьи. Более молодые по возрасту не обременены заботами; для них важнее личная жизнь, любовные отношения и дружеские связи. Третья группа – ориентированные на работу, имея на первых местах ценности семьи и здоровья, большое значение также придают интересной работе и получению образования, что позволит им иметь материальную обеспеченность. Для них менее значимы дружба, свобода и свободное времяпрепровождение. Самые молодые по возрасту респонденты (от 17 до 20 лет) предпочитают интересное времяпрепровождение и свободу; для них важнее активная общественная жизнь, чем семья, здоровье, любовь. Их структура ценностных предпочтений была противоположна ценностным приоритетам старших по возрасту людей, имеющих семью.

Гендерные позиции в структуре семьи

Отношения в семье, ее структура, роли мужчины и женщины, детско-родительские и супружеские отношения в ходе истории претерпевали определенные трансформации. Дореволюционную семью можно назвать патриархальной, для которой характерно четкое разделение всей жизнедеятельности семьи по гендерному признаку на мужскую и женскую сферы. Главенствующее положение в семье, ответственность за публичную сторону ее жизни лежали на мужчине; женщина же занимала вторичное, подчиненное положение, ей приписывалась ответственность за приватную сторону семейной жизни – дом, очаг, детей и благополучие мужа. Советская семья во многом оставалась патриархальной, но все же политика советского государства в отношении женщины, состоящая в ее освобождении от закрепощенности только семейным бытом, вовлечении в производство и общественную жизнь, привели к тому, что большинство советских женщин приняли для себя как одну из главных ролей «труженицы». Две другие традиционные женские роли – «работающая мать» и «хозяйка дома» – оставались столь же значимыми на протяжении всего советского периода. Для многих советских женщин главными ценностями выступали семья и забота о воспитании детей. Однако требование со стороны общества быть успешной работницей на производстве и столь же успешно выполнять все функции по ведению домашнего хозяйства приводило к возникновению внутрличностного конфликта, неудовлетворенности собой и качеством брака, нарастанию напряженности в отношениях с супругом.

Анализируя существующие в современных российских семьях модели гендерных отношений, исследователи отмечают, что наиболее показательны в этом плане супружеские отношения. Именно в этой сфере наиболее явно представлена специфика гендерных отношений, заключающаяся в различных социокультурных предписаниях к содержанию и исполнению мужчинами и женщинами семейных ролей (Клецина, 2004, с. 290). Супружеские отношения в семье изучались многими исследователями. В последнее время проявились работы, акцентирующие внимание именно на гендерном аспекте, когда выделяют для анализа такие параметры, как *иерархичность позиций супругов* как субъектов межличностных отношений и *дифференцированность семейных ролей* супругов, разделение обязанностей и функций на мужские и женские.

Традиции русского быта предписывали доминирование мужа над женою (и даже деспотизм его по отношению к жене) и полную

власть отца над детьми. Как отмечал Н. И. Костомаров, «русская женщина была постоянно невольницей с детства до гроба» (Костомаров, 1993, с. 139): в родном доме она беспрекословно подчинялась отцу, а выйдя замуж, попадала в новое рабство – в полную зависимость от мужа.

До революции 1917 г. в России была распространена патриархальная модель супружеских отношений. Но в советский период и постперестроечное время традиционное доминирование мужа в семье значительно уменьшилось; его власть над членами семьи и женой снизилась. Более того, некоторые исследователи полагают, что в современных российских семьях в некоторых сферах семейной жизни, в частности в распоряжении распределением денежных средств, власть находится в руках жен (Гурко, Петрова, 2012).

В практике семейной жизни муж и жена могут занимать равноправные позиции или неравноправные, иерархичные. Равноправные отношения подразумевают, что никто не подчинен другому, оба супруга имеют равные права и обязанности, никто не доминирует и не подавляет другого, а споры и конфликты разрешаются путем переговоров, соглашения или компромисса. Неравноправные позиции в супружеских отношениях проявляются в том, что один распоряжается, приказывает, занимает доминантное положение, а другой подчиняется, исполняет приказы, ждет распоряжений и не принимает самостоятельных решений. Подчинение может быть добровольным или вынужденным. Предполагается, что тот, кто занимает позицию доминирования, соответственно, несет ответственность за тех, кто находится у него в подчинении. Если в супружеской паре один имеет ориентацию на доминирование, а другой – на зависимость, и оба согласны на свои позиции в семье, то отношения носят комплиментарный характер. Но если оба супруга стремятся к доминированию или подчинению, то отношения приобретают конфликтный характер.

Исследование супружеских отношений по показателю доминирования или подчинения одного из супругов проводилось нами при изучении вопросов анкеты, касающихся главенства в семье. «Глава семьи» – это лицо, которому подчиняются остальные члены семьи, тот, кто принимает решения и несет ответственность за жизнедеятельность семьи в целом (в патриархальной семье, как правило, такой статус был у мужа или у кого-то старшего по возрасту) (Гурко, Босс, 1995).

Показатель иерархических позиций мужа и жены в семье изучался с помощью вопроса «Как вам кажется, кто должен главенствовать в семье?».

Респондентам были предложены следующие варианты ответов на этот вопрос:

- муж;
- жена;
- родители мужа;
- родители жены;
- и муж, и жена в равной мере;
- не знаю.

Результаты ответов на этот вопрос представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы, в современных представлениях о том, кто должен главенствовать в семье, практически нет выбора позиции «родители мужа или жены» (представители старшего поколения), поскольку современные российские семьи – нуклеарные, живущие, как правило, отдельно, имеющие самостоятельный бюджет, состоящие из супругов и детей, или только супругов, или одного родителя и детей. Также практически мал процент тех, кто считает, что главенствовать в семье должна жена (1,1%).

Самое большое количество ответов (60,4%) относится к признанию главенствующей позиции в семье обоих супругов в равной мере. Но достаточно большой процент опрошенных считает, что главенство в семье должно быть у мужа (38,1%), что подтверждает сохранение традиционных взглядов по этому вопросу у части россиян. В какой мере в действительности в современных российских семьях присутствует равенство в исполнении роли главы семьи, можно выявить, анализируя конкретные действия и поступки мужа и жены при разрешении проблем жизнедеятельности семьи.

Таблица 2

Результаты ответов на вопрос «Кто должен главенствовать в семье?» по всей выборке

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Муж	174	38,1
Жена	5	1,1
Родители мужа	0	0
Родители жены	2	0,4
Муж и жена в равной мере	276	60,4
Не знаю	4	0,8

Примечание. По всей выборке – 461 ответ; ошибочные не анализировались.

Интересно рассмотреть, как в группах мужчин и женщин, а также респондентов, различающихся по возрасту и месту проживания, были сделаны выборы по вопросу о главенстве в семье.

В результате исследования статистически значимых различий между мужской и женской подгруппами по рассматриваемому вопросу не было получено, но все же обнаруживаются определенные различия. Мужчины примерно поровну выбирают ответы «муж» и «муж и жена в равной мере». Женщины считают иначе: большинство из них (63,2%) считают, что оба супруга в равной степени должны главенствовать в семье, и только в 34,3% случаях эта функция делегируется мужу. Т. е. современные россиянки придерживаются более эгалитарных представлений о главенстве позиции одного из супругов (таблица 3).

В разновозрастных подгруппах (молодые респонденты от 17 до 29 лет – 56% выборки; взрослые от 30 до 85 лет – 44%) различий по этому вопросу практически нет: все респонденты, вне зависимости от их возраста, одинаковы в своих представлениях о том, кто должен быть главой семьи. Мужу отдают приоритет в этом вопросе 38,5% респондентов, а мужу, жене в равной мере – 60%.

Мы предположили, что жители крупных городов, таких как Москва и Иркутск, покажут более выраженную эгалитарность сравнительно с жителями провинциального города (Арзамас) и сельскими жителями (Астраханская область, а также те, кто отметил, что живет в сельской местности). Однако значимых различий не было выявлено; ответы оказались весьма близки по частоте выборов предложенных вариантов. Сельские жители несколько чаще, по сравнению с городскими респондентами, выбирали ответ,

Таблица 3

Результаты ответов на вопрос «Кто должен главенствовать в семье?» в подгруппах мужчин и женщин

Варианты ответов	Мужчины			Женщины		
	Количество ответов	Процент	Действительный %	Количество ответов	Процент	Действительный %
Муж	56	48,3	50,5	118	33,9	34,3
Жена	1	0,9	0,9	4	1,1	1,2
Родители мужа/жены	0	0		4	0,6	0,6
Муж и жена в равной мере	54	46,6	48,6	220	63,2	64

что главой семьи должен быть муж, и несколько реже придерживались позиции «муж и жена в равной мере».

Ответы представлены в таблице 4.

По мнению одного из ведущих российских исследователей семьи С. И. Голода, для современности характерен «супружеский» тип семьи, который возник как результат сочетания двух эмансипаторских движений: ослабления зависимости детей от родителей и жены – от мужа (Голод, 2008). «Супружеская семья – своеобразная кооперация с уникальными возможностями для отхода от зависимых отношений и раскрытия всесторонней деятельной палитры по всем структурным каналам: „муж–жена“, „родители–дети“, „супруги–родственники“, „дети–прародители“. Словом, в границах одного семейного типа возникают богатые и многослойные отношения между полами и поколениями, открывается широкое пространство для самореализации каждого из агентов» (там же, с. 12).

Ответы респондентов на открытый вопрос должны были прояснить, кто в семье респондентов действительно является главой. И здесь преимущественно люди отмечали, что оба супруга в равной мере являются ответственными за семью. Но если в ответах на предшествующий вопрос о том, кто должен быть главой семьи, практически не было выборов позиции «жена», то уже в описании собственной семьи появились такие ответы. Разведенные женщины отмечали, что главой семьи являются они сами; некоторые молодые

Таблица 4

Результаты ответов на вопрос «Кто должен главенствовать в семье?» в зависимости от места жительства респондентов

Варианты ответов	Жители крупных городов			Жители провинциального города			Сельские жители		
	Количество	%	Действительный %	Количество	%	Действительный %	Количество	%	Действительный %
Муж	67	36,4	37,9	36	35,0	35,3	67	39,4	39,6
Жена	2	1,1	1,1	1	1,0	1,0	2	1,2	1,2
Родители мужа/жены	1	0,5	0,6	0	0	0	1	0,6	0,6
Муж и жена в равной мере	107	58,2	60,5	65	63,1	63,7	99	58,2	58,6
Всего	177	96,2	100	102	99,0	100	169	99,4	100

люди также писали, что у них в семье эту позицию занимает мать: она принимает большее участие в жизни детей, распоряжается семейными делами и командует другими.

Положение главы семьи предполагает, что он принимает решения относительно важных сторон жизнедеятельности всей семьи и распределяет ресурсы. Доминирующую позицию занимает тот член семьи, который чаще принимает решения, распоряжается деньгами, руководит членами семьи. Результаты исследований 233 молодых семей москвичей, посвященные изучению вопроса принятия решений в советской семье, проведенные Т. А. Гурко в конце 1980-х годов, показали, что во всех сферах семейной жизни жена чаще, чем муж, принимает решения, хотя немало семей, где это делают оба супруга (таблица 5).

На протяжении 1960–1980-х годов возрастала роль женщин в семье; они начали реально доминировать во всех сферах семейной жизни. В семьях, где практически отсутствует совместное решение жизненных проблем, жены, а не мужья в основном распоряжа-

Таблица 5

Участие супругов в принятии решений, касающихся семейных проблем (% , данные Т. А. Гурко)

Семейные проблемы	Муж		Жена		Оба супруга		Родители	
	От-веты мужей	От-веты жен						
Распоряжается деньгами	8,2	9,4	30,5	30,0	58,4	58,8	0,9	–
Организует свободное время	15,9	13,7	19,7	21,0	61,1	52,7	–	–
Решает хозяйственные вопросы	6,0	4,7	29,2	36,5	57,5	52,8	2,6	3,0
Определяет воспитание ребенка	5,3	3,6	25,5	26,4	69,7	68,9	0,4	1,0
Имеет решающее слово при обсуждении большинства вопросов	22,7	15,5	13,3	20,2	57,1	58,8	1,3	1,3

Примечание. Таблица приводится по книге И. Клециной (2004, с. 301).

ются семейным бюджетом, деньгами, организуют свободное время членов семьи, решают многие хозяйственные вопросы, важные для организации жизни семьи. Социологи объясняют выявленные факты женского доминирования в российских семьях историческими и социально-экономическими причинами. Тенденция женского лидерства стала заметна начиная с послевоенного времени, когда резко возросла численность работающих женщин. Высокий образовательный статус, активное участие в профессиональной деятельности способствовали укреплению их лидирующих позиций в семье. Многие виды работ и профессий, которыми занимались женщины, формировали у них властные, командные навыки и качества личности. В результате модель внесемейного поведения переносилась в семью (Гурко, Босс, 1995). Мужчины же сдавали свои позиции, поскольку политика государства по поддержке женщин и детей снимала с мужчин ответственность за семью: отцовские функции по обеспечению семьи, заботе о ней брало на себя государство (комиссии по охране материнства и детства). При этом роль мужчины как отца семейства, воспитателя детей не проблематизировалась (Айвазова, 1998).

Другое объяснение лидирующего положения женщин в решении вопросов повседневной жизни семьи можно найти при обращении к социально-психологическим теориям, в частности ситуационной теории лидерства (Андреева, 1996). В различных ситуациях групповой жизни выделяются отдельные члены группы, которые превосходят других по ряду качеств или умений, становясь в силу этого в определенной ситуации лидерами. Девочек в процессе гендерной социализации целенаправленно ориентируют на семью, формируя у них необходимые качества и умения для выполнения домашних обязанностей. Женщины оказываются лучше подготовленными для решения многих важных для семейной жизни задач и тем самым начинают выполнять лидирующую роль в семье.

С позиций гендерно-ориентированного знания можно найти объяснения роли женщин в семье в теориях социального ожидания и идентификации. Распространенные в обществе представления о должном поведении для мужчин и женщин побуждают женщин брать на себя ответственность в сфере семейных отношений, а мужчин – в сфере внесемейного взаимодействия. Ответственность стимулирует развитие и лидерских качеств, и реальных действий, поступков, которые определяются как доминирование в семье женщины (Клецина, 2004, с. 304). Согласно концепции идентификации, для разных гендеров (мужского и женского) существуют свои значимые сферы жизнедеятельности, области реализации и ответст-

венности. Женщины не желают отказываться от контролирующих функций в сфере домашних дел именно потому, что для них семейная жизнь является одним из основных источников идентификации (Берн, 2001, с. 289). Теория Дж. Миллер говорит о центрированной на отношениях психологии женщин. С позиций этой концепции для женщин весьма важно общение с людьми, которым определяется ее психологическое состояние. Центрированная на отношениях модель психологии женщины постулирует важность эмоциональной близости с людьми, что имеет значение для понимания роли женщины в семье и на работе; ведь именно женщины ответственны за эмоциональный «климат» в межличностных отношениях (Фрейджер, Фейдимен, 2001).

Значимость отношений с членами своей семьи побуждает женщин уделять много внимания домашним делам, заботе о близких; осознание своей ответственности за благополучие членов семьи, организацию внутрисемейной жизни способствует повышению собственной ценности в глазах женщины, утверждению ее положительной личностной идентичности. Именно в сфере организации семейной жизни женщины считают себя более компетентными по сравнению с мужчинами и не желают отказываться от контроля над этой сферой.

Семейные роли супругов

Еще один вопрос в нашем исследовании раскрывал аспект гендерных отношений – *дифференцированность семейных ролей* супругов, разделение их обязанностей и ответственности. Это вопрос о том, кто должен обеспечивать семью экономически. Респондентам предлагалось назвать членов семьи, ответственных за ее экономическое благосостояние, – мужа, жену, обоих супругов, родителей супругов, взрослых детей.

В ответах на данный вопрос были выявлены статистически значимые различия по мужской и женской подгруппам выборки.

Традиционно в русских семьях (как, впрочем, и в семьях представителей других этнических групп, проживающих на территории России) главой семьи и ответственным за ее благосостояние, материальную обеспеченность является мужчина, муж. Пословицы и поговорки прямо говорят об этом: «Муж вези гуж, а жена шей рубашки»; «Муж всему дому голова»; «Муж – дому строитель, нищете отгонитель»; «Муж молоти пшеницу, а жена пеки паляницу».

Крестьянские семьи в конце XIX в. были многочисленными, с большим числом детей, многопоколенные, по структуре распределения власти – патриархальные, со строгим распределением обязанностей

между всеми членами семьи, разделением на мужскую и женскую работу. Женщины занимали подчиненную позицию, в основном занимались домашним хозяйством, помогали мужчинам в поле, готовили еду, заготавливали запасы на зиму, обшивали, обстирывали, заботились о детях и стариках (Домострой, 1990).

Со временем преобразовалась структура семьи, произошли изменения в ролях и функциях супругов и других членов семьи (Арутюнян, 1987). Постепенно в течение 70 лет советского периода количественный состав семьи во многих регионах страны уменьшился: моногамная семья стала состоять из мужа, жены и в среднем двоих детей; родительская семья уже часто проживала самостоятельно, отдельным домохозяйством. Патриархальная семья была наиболее распространенной в России до Второй мировой войны, а начиная с конца 1940-х и до 1980-х годов доминирующей являлась детоцентрическая семья, большое значение придается благополучию детей, в интересах которых сохраняется брак (Римашевская и др., 1999, с. 54).

В современной российской жизни сохраняется мононуклеарная и малочисленная по составу семья, но ориентированная на эгалитарные отношения. Особое значение уже приобретают отношения супругов и их равная ответственность в браке за многие стороны совместной жизни.

Полученные в ходе нашего исследования данные показали, что преимущественное количество респондентов (65,0%) придерживаются мнения, что ответственны за экономическое обеспечение семьи оба супруга; второй по значимости выбор – «ответственен муж» (34,5%), и лишь 2 человека (0,5%) делегировали ответственность взрослым детям. Причем женщины выбирают ответ «оба супруга» в 69,7% случаях, а ответ «муж» – только в 30,0%. В мужской подгруппе ответы распределились почти поровну: 49,1% – «муж», 50,0% – «оба супруга».

Различий в подгруппах по возрасту по данному вопросу также не было выявлено. И более молодые люди (61,4%), и взрослые респонденты (67,6%) считают, что ответственность лежит преимущественно на обоих супругах. Что муж должен нести бремя ответственности за экономическое обеспечение семьи считают 37,7% молодых респондентов, и 32,4% взрослых. Также близки были в выборах ответственного лица жители городов и села: ответственным мужа выбрали 33,3% представителей крупных городов (Москвы и Иркутска), 39,2% респондентов из провинциального города (Арзамас), 32,3% селян (Астраханская обл.), а выбор «оба супруга», соответственно, – 66,1%, 59,8% и 67,7%.

Таблица 6

Результаты ответов на вопрос «Кто должен обеспечивать семью экономически?» в мужской и женской подгруппах

Варианты ответов	Мужчины			Женщины		
	Количество ответов	%	Достоверный %	Количество ответов	%	Достоверный %
Муж	54	46,6	49,1	102	29,3	30,0
Жена						
Оба супруга	55	47,4	50,0	237	68,1	69,7
Родители супругов	–	–	–	–	–	–
Взрослые дети	1	0,9	0,9	1	0,3	0,3
Всего	110	94,8	100,0	340	97,7	100,0
Ошибка	6	5,2		8	2,3	

Традиционная семейная роль мужчины – это добытчик и кормилец семьи, ответственный за благосостояние семьи; сегодня эта роль уже не является исключительно мужской, что подтверждается многими исследованиями современной семьи (Нечаева, 1997; Голод, 1998; Гурко, Петрова, 2012). Но в российском обществе еще сохраняются патриархатные гендерные убеждения и представления о семейных отношениях у четверти населения. В систему патриархатных представлений включены: оправдание доминирующего положения мужчин в обществе и семье; убеждение в том, что для женщины главный смысл жизни – материнство, семья и забота о других; признание ценности роли домашней хозяйки и ценности традиционных ролей мужчины в семье. Среди современных горожан (г. Санкт-Петербург) 55,0% убеждены, что именно мужчина должен достаточно зарабатывать, вносить главный вклад в семейный бюджет, что для мужа в жизни главным является его дело, работа, а для жены – обеспечение «тыла», любить и быть любимой женой (Клецин, 2003).

Домашнее насилие в семье

Еще одна важная тема, раскрывающая проблемы гендерных отношений в семье, – это отношение к домашнему насилию. Домашнее насилие и разные формы деструктивных внутрисемейных отноше-

ний, особенно супружеских, стали предметом изучения российскими исследователями с конца прошлого столетия в связи с распространением в общественно-гуманитарном знании гендерных исследований. Первыми эту проблему начали исследовать социологи США во многом под влиянием феминистского движения, осознав масштабность и сложность этого негативного явления в социальной жизни. Они же предложили теоретические подходы к анализу данной формы семейного взаимодействия и практические рекомендации по борьбе с ней. В России проблемы домашнего насилия начинают осмысляться в связи с ростом преступности, беспризорности, проституции, суицидов, ухудшением положения многих российских семей на фоне социально-политических и экономических изменений 1990-х годов. Проблемы, ранее находящиеся в латентном состоянии, актуализируются и становятся злободневным явлением; институт семьи подвергается трансформации, так же как и все общество. В связи с этим ряд ученых и практиков (Л. Алексеева, И. Горшкова, Т. Забелина, Е. Здравомыслова, Е. Малышева, Н. Римашевская, С. Голод, Г. Карелова, И. Клецина, Е. Потапова, М. Пискалова, А. Синельников, Н. Ходырева Е. Ярская-Смирнова и др.) обращаются к исследованию насилия в семье как социокультурного явления, изучению факторов, условий, социально-психологических механизмов существования деструктивных, конфликтных форм отношений в семье. Философские, личностные, гуманистические аспекты проблемы, такие как соотношение насилия/ненасилия в общественной жизни, прав и свобод человека, роль гендерных факторов, проблематика семейного воспитания, а также динамика этих проблем в современном постиндустриальном мире, также получили освещение в современной научной литературе (Е. С. Балабанова, М. Веверка, А. А. Гусейнов, О. М. Здравомыслова, В. В. Остроухова и др.).

Отмечаются исторические корни проблемы, устойчивость в общественном сознании и менталитете представлений о допустимости некоторых форм насилия мужа над женой (весьма распространена поговорка: «Бьет – значит любит»), сохранение традиционных форм разрешения конфликтов между близкими, терпимость в отношении применения физического наказания родителями детей. Общественное мнение противоречиво в отношении разных форм проявления насилия в семье.

Насилие над членами семьи со стороны отца, старших по отношению с младшим, мужа над женой было весьма распространено в прошлом в крестьянских и купеческих семьях. Наказание, физическое в том числе, со стороны отца и мужа рассматривалось как од-

на из форм воспитания и не осуждалось (Костомаров, 1993; Ключевский, 1993; Громыко, 1986). Свадебные ритуалы фиксировали право мужа как собственника, хозяина над женой: отец невесты передавал плетью ее жениху как символ его власти (Терещенко, 1997). Таким образом, в традициях патриархальной семьи закреплялись гендерное неравенство супругов и возможность применения власти и силы мужчинами. Насилие может рассматриваться как проявление мужской доминантности и агрессивности, разрешенных в культуре.

Многими современными мужчинами и женщинами физическое насилие воспринимается как атрибут «нормальной» жизни. Физическое насилие в отношении женщины происходит в устойчивых супружеских парах, имеющих детей, т. е. в том типе семей, которые считаются благополучными и соответствующими норме. Женщины, подвергающиеся домашнему физическому насилию, имеют чрезмерное терпение и готовность к многократному прощению обидчика. Это терпение связано с чувством страха экономических осложнений, нежеланием оставлять детей без отца, жалостью к мужу, опасением потери уважения общества. К психологическим факторам, характеризующим ситуацию физического насилия в отношении женщины в семье, относится алкогольная зависимость супруга. Эти данные в целом соответствуют результатам подобных исследований во многих странах мира.

В нашем исследовании мы, анализируя отношение к проблеме межсупружеских конфликтов, задавали респондентам вопрос «Что может побудить вас терпеть негативное отношение к вам супруга (супруги)?», предлагая следующие варианты ответов:

- сохранение семьи ради детей;
- нежелание утратить свой статус семейного человека;
- страх потери материального достатка;
- негативное общественное мнение по поводу развода;
- боязнь огорчить родителей и близких людей;
- нежелание повредить своему карьерному росту;
- любовь к супругу;
- жалость к супругу;
- привычка;
- что еще? (впишите свой ответ).

Результаты показали, что наиболее часто называемыми причинами терпения к негативному отношению супруга были «сохранение семьи ради детей» (31,4%) и «любовь к супругу» (31,0%); на третьем месте, но значительно меньше по показателям – «привычка» (5,6%). Остальные варианты ответов распределились от 3,0% и ниже.

В таблице 7 представлены ответы женщин-респондентов и мужчин, из которых видно, что и для тех и для других значимыми были две причины, только для женщин первой была сохранение семьи ради детей, а для мужчин – любовь к супруге (но различия не достигали статистической значимости).

Исследование показало, что респонденты из Москвы и Иркутска в большинстве случаев на первое место ставили любовь (52,9%) как оправдание своей готовности терпеть негативное отношение со стороны супруга, а сохранять семью ради детей готовы только 29,4% опрошенных. В селе и провинциальном городе люди более готовы терпеть негатив ради детей (48,2% – сельские жители, 46,7% – респонденты из небольшого провинциального города), затем уже – из-за любви к супругу (31,5% и 42,2%, соответственно). Различия по возрасту были ожидаемыми: молодые выбирали более

Таблица 7

Результаты ответов мужчин и женщин на вопрос «Что может побудить вас терпеть негативное отношение к вам супруга/супруги?»

Варианты ответов	Женщины			Мужчины		
	Количество ответов	%	Достоверный %	Количество ответов	%	Достоверный %
Сохранение семьи ради детей	116	33,3	41,7	41	35,3	42,3
Нежелание утратить статус семейного человека	2	0,6	0,7	–	–	–
Страх потери материального достатка	7	2,0	2,5	1	0,9	1,0
Негативное общественное мнение по поводу развода	2	0,6	0,7	–	–	–
Боязнь огорчить родителей и близких	13	3,7	4,7	2	1,7	2,1
Нежелание повредить своей карьере	1	0,3	0,4	2	1,7	2,1
Любовь к супругу	109	31,3	39,2	45	38,8	46,4
Жалость к супругу	4	1,1	1,4	2	1,7	2,1
Привычка	24	6,9	8,6	4	3,4	4,1
Всего	278	79,9	100,0	97	83,6	100,0

значимой причиной любовь (46,7%), затем – дети (40,2%), а взрослые респонденты – сохранение семьи ради детей (42,9%), а потом – любовь (36,0%).

Следующий вопрос был направлен на выяснение мнения респондентов о необходимости в воспитательных целях наказывать ребенка. Предлагались для выбора следующие варианты ответов:

- да, обязательно;
- желательно;
- не знаю;
- вряд ли это надо делать;
- ни в коем случае.

Респонденты, считающие, что наказание желательно (37,8%) и даже обязательно (13,0%), составили 50,8% выборки. Те, кто тяготеет к полюсу несогласных, выбирали ответ «вряд ли это надо делать» (26,8%) и «ни в коем случае» (6,4%). Различается отношение к наказанию детей у мужчин и женщин: 21,6% мужчин считает, что обязательно в воспитательных целях наказывать детей, 41,4% полагают, что это желательно делать; женщины проявили в этом вопросе более мягкую позицию (11% и 40,2%, соответственно). Они же чаще, чем мужчины (32,4% и 19,0% соответственно), считают, что вряд ли это надо делать. Молодые респонденты более мягки в отношении

Таблица 8

Ответы на вопрос «Нужно ли в воспитательных целях наказывать ребенка?» в зависимости от места проживания респондентов

Варианты ответов	Крупный город			Провинциальный город			Село		
	Количество	%	Доверенный %	Количество	%	Доверенный %	Количество	%	Доверенный %
Обязательно	35	19,0	19,3	11	10,7	10,9	15	8,8	8,8
Желательно	71	38,6	39,2	44	42,7	43,6	70	41,2	41,2
Не знаю	23	12,5	12,7	8	7,8	7,9	10	5,9	5,9
Вряд ли это надо делать	47	25,5	26,0	34	33,0	33,7	52	30,6	30,6
Ни в коем случае	5	2,7	2,8	4	3,9	4,0	23	13,5	13,5

воспитательных мер по сравнению со взрослыми, которые тяготеют к полюсу наказания. Среди жителей села оказалось больше, чем среди горожан, респондентов, давших ответ «ни в коем случае», хотя в целом респонденты из разных регионов больше всего были согласны с тем, что наказывать детей в воспитательных целях желательно.

Взаимодействие детей и родителей мы рассматривали в контексте процесса воспитания, на который большое влияние оказывает культурный компонент – устойчивые общественные представления о том, что считать должным и нормальным. В отечественной культуре существует распространенное убеждение, которое можно назвать мифом, о «пользе» физического наказания в целях эффективного воспитания, что легитимизирует побои в сознании и взрослого, и ребенка.

По данным исследователей (юристов, педагогов, социальных работников), среди подростков с девиантным поведением более 70% имеют опыт физического насилия, причем мальчики и девочки примерно в равной степени. Но существует гендерная разница в характере насилия: девочки в большей степени, чем мальчики, испытывают насилие внутри семьи, мальчики – вне семьи. Девочки подвергаются избиению в более младшем возрасте, как правило, до наступления подросткового периода, мальчики – уже будучи подростками (Римашевская и др., 1999).

Физическое насилие в семье может транслироваться на протяжении нескольких поколений. У ребенка, который подвергался жестокому обращению, психология насилия становится частью его собственного «Я». Он начинает проявлять по отношению к окружающим такую же жестокость, которой сам был подвергнут. Согласно ряду исследований, родители, применяющие физические методы наказания к своим детям, часто происходят из неблагополучных семей и в детстве страдали от жестокости своих родителей.

Надо отметить, что мы не конкретизировали понятие «наказание» по конкретным формам и видам, но другие исследования, специально изучающие эту проблему (Римашевская и др., 1999), выделяют следующие видов насилия в семье: физическое (побои, щипания, удар по лицу, порка), экономическое (запрет на покупки, неудовлетворение необходимых потребностей, осуществление материальных трат; жесткий контроль над расходами; запрет на работу со стороны одного из супругов), психическое или психологическое (унижения словесные, оскорбления, угрозы расправы над человеком или его близкими, запугивание, крики и ругань), сексуальное. В нашем обществе явно недостаточно понимание содержания семейного насилия. Большинство связывает с этим понятием физические фор-

мы принуждения, практически не считая насилием психологическое давление, что, на наш взгляд, свидетельствует о крайне низкой культуре межличностного общения. Люди привыкают жить в ситуациях оскорблений, унижений, брани и склонны мириться с этим как с нормой, а затем воспроизводить все это в собственном опыте, в своей семье. Использование нецензурной лексики в межличностном общении и терпимое к этому отношение (которое мы оцениваем как нечувствительность к одной из форм психологического насилия) более выражено в мужской части выборки. Современные российские мужчины довольно лояльно относятся к использованию ненормативной лексики. Женщины в 43,7% случаев считают абсолютно недопустимым использование нецензурной лексики, но и они выказывают терпимое отношение (суммарно по трем позициям – «не вижу ничего страшного», «иногда уместно», «привыкла и не обращаю внимания» – 56,3%).

Выводы

Современные россияне, принявшие участие в исследовании, показали, что для них семья занимает ведущее место в иерархии ценностей. В современных социально-экономических и социокультурных условиях семья продолжает оставаться одним из устоев общества и одновременно одной из важнейших ценностей. Россияне сохраняют основное ядро ценностной системы, в которое входят семья, любовь, дружеские отношения. Ценностное отношение к этим сферам жизнедеятельности включено в устойчивую часть менталитета.

Представления современных россиян о гендерных ролях и супружеских отношениях выявили, с одной стороны, традиционные установки, с другой – наличие новых тенденций. Россияне предпочитают видеть во главе семьи обоих супругов; ответственными за материальное обеспечение семьи они также считают в равной мере мужа и жену (более 60% респондентов). Это демонстрирует возрастание эгалитарных установок в сознании современных людей. Но довольно много респондентов (в группах по возрасту, гендеру, регионам от 35% до 39%) считают, что муж должен быть главой. Это свидетельствует об устойчивости у части россиян традиционных представлений о гендерных отношениях. Практически нет выбора «родители мужа или жены» на позицию главы семьи, что показывает отход от патриархальных семейных структур. Современные российские семьи – это семьи нуклеарные, имеющие самостоятельный бюджет, состоящие из супругов и детей; старшее поколение не имеет былого влияния на жизнь взрослых женатых детей.

Анализ отношения к проблеме насилия в семье и межсупружеских конфликтов показал, что россияне готовы смириться и терпеть проявления негатива в супружеских отношениях ради детей и из-за любви в большей степени, чем из-за каких-либо других причин. Наказание детей как воспитательную меру одобряют до 50% всех опрошенных, но мужчины считают, что обязательно (21,6%) или желательно (41,4%) в воспитательных целях наказывать детей, а женщины, соответственно, – 11% и 40,2%. Женщины считают, что не стоит этого делать чаще, чем мужчины (32,4% и 19% соответственно).

Литература

- Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998.
- Андреева Г. М. Социальная психология: Учебное пособие для вузов. М., 1996.
- Арутюнян М. Ю. Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами // *Семья и социальная структура* / Отв. ред. М. С. Мацковский. М., 1987. С. 53–70.
- Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001.
- Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
- Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // *Социологические исследования*. 2008. № 1.
- Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.
- Гурко Т. А., Босс П. Отношения мужчин и женщин в браке. Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1995. С. 35–66.
- Гурко Т. А., Петрова О. Ю. Трансформация института брака в России // *Проблемы брака в условиях полиэтнического общества: теоретико-эмпирический анализ: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Казань, 15 мая 2012 г.)*. Казань, 2012. С. 248–252.
- Домострой. М., 1990.
- Журавлева Н. А. Психология социальных изменений. М., 2013.
- Клецин А. А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2003. Т. VI. № 2. С. 20–136.
- Клецина И. С. Психология гендерных отношений. СПб., 2004.
- Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций М., 1993.
- Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

- Нечаева Н. А. Патриархальная и феминистская картины мира // Гендерные тетради / Отв. ред. А. А. Клецин. Вып. 1. СПб., 1997. С. 17–44.
- Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь: Супружеские пары в 1996 году. М., 1999.
- Терещенко А. В. Быт русского народа. В 4 т. М., 1997. Т. 1.
- Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб., 2001.

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К БОГАТСТВУ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

Е. Н. Холоднович (Москва)

Менталитет и ментальность

В современной науке исследователями разных областей знания широко используются понятия «ментальность» и «менталитет». Понятие «менталитет» впервые в научный обиход было введено Л. Леви-Брюлем в 1921 г. для описания мышления людей первобытных племен. В работах представителей французской «Школы анналов» используется понятие «ментальность». Основатели «Школы анналов» М. Блок и Л. Февр определяли ментальность как уровень общественного сознания, где мысль неотделима от эмоций, латентных привычек и приемов познания (Гуревич, 1993). Л. Февр выдвинул идею о том, что человеческое сознание воспринимает и осваивает мир в соответствии с теми способами и возможностями, которые предоставляет ему его культура и эпоха; «мыслительный инструментарий», находящийся в распоряжении человека, заимствуется им из предыдущих эпох, но постоянно изменяется в процессе человеческого творчества и исторической практики. «В каждом обществе существуют на каждом этапе его развития некие специфические условия для структурирования индивидуального сознания: культура и традиции, язык, образ жизни и религиозность. Именно они формируют ментальность. Эпоха дает человеку определенные формы психического реагирования и способы поведения. Они обнару-

живаются в коллективном сознании и в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи» (цит. по: Гуревич, 1993, с. 63).

Согласно Ж. Ле Гоффу, ментальность представляет собой неосознанное, повседневное, проявляющееся в автоматизме поведения и в индивидуальном сознании (Гуревич, 1993). Подчеркивается устойчивость ментальности, ее неподверженность быстрым изменениям. Ле Гофф утверждает, что нельзя говорить о единой ментальности: в одном и том же общественном сознании сосуществуют отличные по своим характеристикам ментальности социальные группы и классы общества. Можно лишь говорить о наличии некоего общего ментального фонда. Представляется, что общий ментальный фонд следует рассматривать в широком смысле для обозначения мировосприятия больших социальных групп – этносов, народностей, наций.

Менталитет рассматривается нами как социально-психологический феномен, имеющий культурно-исторический характер, отражающий психологический склад его субъектов – народа, нации, этноса, формирующийся в течение многовековой истории развития и сохраняющий свои устойчивые черты в современных условиях (Кольцова, 2015; Историогенез..., 2015).

Для понимания ментальности определенных групп, а также менталитета народа в целом следует изучить мысли и чувства людей, являющихся его носителем, их ценности и идеалы, выяснить, каковы присущие им «привычки сознания», способы оценки действительности, приемы видения мира. Для этого А. Я. Гуревич предлагает «сетку координат», образующих модель мира человека: «время», «пространство», «труд», «богатство», «собственность», «свобода», «справедливость», «право». Они лежат в основе мировоззрения как отдельных индивидов, так и различных социальных групп, больших и малых, а также целых культур или, по терминологии Л. Февра, цивилизаций.

Представление о богатстве в Европе и России

«Концепция богатства и труда, доминирующая в обществе, является неотъемлемой составной частью „модели мира“, – пишет А. Я. Гуревич (электронный ресурс). Она задает императивы поведения, формирует идеалы, которыми руководствуются члены общества.

В истории человечества существует двойное отношение к богатству. В античном обществе труд считался постыдным занятием для свободных граждан, являлся уделом рабов. Богатство выступало в качестве символа социальных различий.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Психология российского менталитета: традиционные и современные характеристики», проект № 13-06-00651а.

В период варварства, утвердившегося в Европе на «обломках» греко-римской цивилизации и характеризующегося разложением родового строя и переходом к классовому обществу (Ф. Энгельс), богатство сохраняет это свое значение, хотя деньги еще не становятся средством товарного обмена или источником накопления. Богатство в это время выполняет важную знаковую функцию, выступая для варваров источником достижения славы и общественного уважения. Материальные ресурсы необходимо было дарить, расходовать, но не копить. Золото являлось символом счастья и успеха его обладателя. Например, считалось, что клад хранит удачу своего хозяина, следовательно, драгоценные металлы наделялись сакральной силой. Украшения же из них выступали показателем социального положения и доблести их владельца. В сознании варваров материальное было неотделимо от духовного, поэтому обмен дарами приобретал сакральное значение. Пирьы были старейшим патриархальным институтом и важнейшим средством выражения превосходства и могущества человека через демонстрацию его богатства.

В христианском мире труд из удела низших постепенно возводится в форму добродетели. К богатству же отношение было противоречивое. Христианство проповедовало бедность как идеал человека-христианина, осуждало наживу, стяжательство и ростовщичество. Человек, дающий деньги в рост, рассматривался как своего рода «торговец временем», тогда как распоряжаться временем мог только Бог. Следовательно, ростовщик претендует на роль Бога, что осуждалось церковью, поэтому ростовщикам не было места в раю из-за их греховной деятельности. Вместе с тем католическая церковь признавала права собственности как неотъемлемой составляющей земной жизни.

В XI–XIII вв. в средневековой Европе с появлением городов складывается новая картина мира человека, в котором превалируют установка на обеспеченность и безопасность, ориентация на обмен, экономику, а в религии появляется понятие чистилища, где за определенные материальные затраты (мессы, взносы, индульгенции) можно выторговать себе спасение. В протестантской этике в качестве наилучшего средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривается неутомимая деятельность человека в русле своей профессии и ее естественное следствие – накопленное праведной жизнью богатство.

В современном капиталистическом обществе богатство является средством достижения успеха и власти, которые, по мнению Э. Фромма, дают современному человеку чувство уверенности и защищенности (Фромм, 2007).

По мнению М. Блока, представление о богатстве непосредственно связано с товарообменом: чем активней он, тем более богато население. В то время как в Европе начала Средневековья интенсивный товарообмен отсутствовал по причине плохих, небезопасных дорог, в Киевской Руси шел мощный товарообмен по водным путям, что, по мнению историка, и являлось причиной ее процветания. Но постепенно с ростом городов, а вместе с ними развитием ремесел товарообмен увеличивался, и, в свою очередь, улучшалась жизнь населения Европы. На Руси же с началом татаро-монгольского нашествия товарообмен заметно снизился и постепенно практически угас. В Московской же Руси в связи с все большим закрепощением населения развитие ремесел и торговли становилось невыгодным богатым землевладельцам, предпочитавшим все необходимое производить руками собственных крестьян. Рост же городов был невелик.

Как писал М. Блок, богатство теснейшим образом связано с властью. Московские государи в течение долгого времени отдавали землю своим приближенным не в собственность, а в пользование и в любой момент могли забрать ее обратно. В полной зависимости от царя находилась и жизнь любого его подданного. Так, Иван Грозный в письме к князю А. М. Курбскому отзывается о боярах как о своих рабах и утверждает, что в воле царя «хотеть быть обладаемому своими рабами» (Ключевский, 2008, с. 210). А раб находится в полном подчинении своему хозяину и не может претендовать ни на какую собственность и личную свободу. Только в период правления Петра I начинает складываться представление о гражданах как служащих государства, а не отдельного человека (князя, царя).

Как писал историк Н. И. Костомаров, русский человек в богатстве превращался в византийского вельможу с его изнеженностью, презрением к низшим и раболепием перед высшими. Но при этом потеря богатства возвращала его к христианским добродетелям, и он довольствовался малым, становился аскетом (Костомаров, 1907).

Демонстрация богатства как важнейшего средства выражения превосходства и могущества, близости к царскому двору была неотъемлемой частью русского боярского быта. Наиболее выпукло это представлялось на пирах. Н. И. Костомаров приводит пример таких праздников в русских боярских домах, где накрывались богатые столы, сами хозяева и вся челядь были одеты в дорогие платья, чтобы продемонстрировать роскошь и материальные возможности хозяев. При этом челядь обязана была вернуть наряд в казну хозяина и в случае его порчи строго наказывалась. В обычные же дни холопы и люди небольшого достатка были одеты крайне бедно.

На крайнюю бедность большинства населения Московии указывали как сторонние наблюдатели (Дж. Флечнер, Ю. Крижанич и др.), так и сами русские (Г. Котошихин, патриарх Никон и др.). Например, в письме царю Алексею Михайловичу Никон писал: «Ты все проповедуешь поститься, а теперь и неведомо, кто не постится ради скудости хлебной; во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего. Нет никого, кто был бы помилован: нищие, слепые, вдовы, чернецы и черницы, все данями обложены тяжкими; везде плач и сокрушение; нет никого веселящегося в дни сии» (Ключевский, 2008, с. 474). Основная направленность населения состояла не в обогащении, а в обеспечении выживания в сложных климатических (длительные холода и короткое лето) и геополитических (постоянные войны) условиях, дополняемых бедствиями (мор, пожары и т. п.), экономическим и политическим беспорядком населения.

Амбивалентное отношение к богатству в российской традиции получило яркое выражение на религиозной почве. В XVI столетии разразился спор в среде ревнителей веры («стяжателей» и «нестяжателей») (Ключевский, 2008). Так, Нил Сорский проповедовал среди монашества праведную жизнь при полном отказе от материальных благ и спасении только духовным путем, считал, что монастыри должны отказаться от землевладения. Другой точки зрения придерживался Иосиф Волоцкий, доказывающий возможность накопления богатства церковью в лице монастырей при обязательном соблюдении строгости церковной жизни братии. Данный спор вышел за рамки религиозных обсуждений в связи с тем, что на Руси бытовала традиция для спасения души отдавать свое движимое и недвижимое имущество монастырям («отмолиться чужой молитвой») (Ключевский, 2008, с. 267). Это привело к тому, что церковь стала одним из крупнейших землевладельцев в Московском царстве. Вопрос о секуляризации церковных вотчин, вынесенный на Собор 1503 г., был решен в пользу Иосифа Волоцкого, и церковь осталась одним из крупнейших землевладельцев. Следовательно, богатство даже в церковном сознании воспринималось как естественное и допустимое социальное явление.

В светском обществе, с одной стороны, придерживались мнения, что только нищий и обиженный человек достоин царствия божия. Даже при дворе русских царей проживало большое число нищих, так как отношение к ним было продиктовано всеобщим уважением. «Глубокое всеобщее уважение к этим старцам и старицам, Христа ради юродивым, основывалось на их святой богоугодной жизни и благочестивом значении, какое они имели для нашей древности. Общество благоговело перед ними, чтит их, как пророков и про-

возвещателей Божьей воли, как неуклонных и нелицеприятных обличителей» (Забелин, 1991, с. 11). И. А. Киреевский писал об отношении русского народа к богатству: «Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд» (Киреевский, 1852, с. 50).

Это может быть подтверждено русскими пословицами, которые отражают амбивалентное отношение к богатству: «Лишние деньги – лишняя забота»; «Богатство спеси сродни»; «Богатство совести не купит, а свою погубляет»; «Грехов много, да и денег вволю»; «Без нужды живет, кто деньги бережет»; «Добрая земля – полная кошница; худая земля – пустая кошница»; «Деньги не щепки, счетом крепки» (Даль, электронный ресурс).

Отношение к труду также накладывало свой отпечаток на оценку богатства. Если в протестантской культуре, как уже отмечалось, в течение многих столетий формировался культ богатства, а в качестве основного способа его достижения выступал интенсивный труд, то в русской православной культуре хотя и относились к труду как к необходимой составляющей праведной жизни, но не отводили ему первостепенного значения, ставя на первое место смирение, аскезу и терпение. Труд был необходимостью, формой выживания, но не способом накопления богатства.

С приходом на Русь западного влияния, начиная с XVII в., русский двор и знатные вельможи с увлечением стали заводить различные предметы роскоши (часы, кареты, картины, иноземное платье и др.). Огромные средства тратились на содержание дворянских усадеб. Накопительство же было не в чести в русском обществе.

Традиционно богатство ассоциировалось с грехом и неправедными способами его накопления. Разумеется, в русском народе ценились успешность во всех сферах жизни, в разных видах деятельности; в крестьянской среде с уважением относились к тем, кому удалось этого достичь. Вместе с тем для русского человека было характерно *отсутствие накопительства, нестяжательство*. Ценилось то состояние, которое было нажито честным трудом или получено по праву владения им. Как писал Н. А. Бердяев, «душа России – не буржуазная душа; она никогда не поклонялась золотому тельцу и никогда ему не поклонится... Русский человек... никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью... наживаясь и обогащаясь, он всегда чувствует себя немного грешником и... презирает буржуазные добродетели» (Бердяев, 1990, с. 26, 76). Поэтому так легко легли на русскую почву призывы к равенству и социальной справедливости революционного периода нашей истории.

В России традиционно было принято тратить большие средства на благотворительность. Богатые люди, как бы извиняясь за наличие у себя больших средств, часть их отдавали на содержание бедных, строительство богоугодных заведений, церквей. Русский человек верил в силу богатства, но не рассматривал его как самоцель, понимал его мимолетность: «как пришло, так и ушло».

Отношение к богатству современных россиян: эмпирическое исследование

Сотрудниками лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН было проведено комплексное исследование менталитета современных россиян с опорой на историко-психологическую реконструкцию традиционных характеристик психологии русского народа по оценкам его исследователей, деятелей культуры XVIII–начала XX в., выступавших в качестве компетентных экспертов.

Целью исследования было:

- 1) выявление отношения современных россиян к базовым ценностям и антиценностям, сложившимся в русской культуре (коллектив, богатство, власть, справедливость, семья, нравственно-духовные ценности и т. д.);
- 2) сопоставление полученных данных с характерным для современных россиян мировосприятием, системой отношений, ценностей и представлений с целью выявления традиционных и инновационных компонентов в современном российском менталитете.

Выборка исследования

Всего в исследовании приняли участие 500 респондентов из четырех российских городов. Обследованная выборка включала россиян, проживающих в столице и провинциальных городах – Москве, Иркутске, Арзамасе, а также в сельской местности, дифференцированных по критериям возраста, пола, материального достатка, семейного положения.

Цель нашего исследования состояла в выявлении отношения респондентов к богатству как к одной из категорий, отражающих их модель мира.

Для выявления отношения современных россиян к богатству были заданы следующие вопросы: «Как вы считаете, на что должно быть направлено личное богатство?»; «Как вам кажется, вли-

яет ли на отношение к человеку (близкому или нет) наличие у него материального богатства или его отсутствие?»; «Как вы считаете, богатство делает человека свободным, независимым от разных жизненных обстоятельств?»; «Влияет ли благосостояние на характер человека или нет?»; «Как вы считаете, должны ли богатые люди быть представлены в государственных органах власти?».

Результаты анализа ответов на вопрос «Как вы считаете, на что должно быть направлено личное богатство?» представлены в таблице 1.

Как видно из данных, представленных в таблице 1, 82,0% опрошенных респондентов считает необходимым направлять богатство на обеспечение благополучия семьи; 53,3% – на развитие личности его владельца; 50,0% полагает, что личное богатство должно быть использовано для помощи нуждающимся людям. По мнению 23,0% респондентов, личное богатство целесообразно направить на укрепление потенциала своей страны. Только 3,0% опрошенных видят его функцию во встраивании в мировую экономику. Это показывает, что в данный момент у современных россиян семейные ценности

Таблица 1

Частотно-процентное распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, на что должно быть направлено личное богатство?» (возможно три варианта ответа)

Утверждения	Варианты ответов					
	Да		Нет		Ошибка	
	Количество ответов	% ответов	Количество ответов	% ответов	Количество ответов	% ответов
На развитие личности его владельца	266	53,2	195	39,0	39	7,7
На обеспечение благополучной жизни членов семьи	411	82,2	51	10,2	38	7,6
На помощь нуждающимся людям	254	50,8	208	41,6	38	7,6
На укрепление потенциала своей страны	115	23,0	347	69,4	38	7,6
На встраивание в мировую экономическую систему	15	3,0	447	89,4	38	7,6
Не знаю	11	2,2	451	90,2	38	7,6

по значимости стоят на первом месте. Этот вывод подтверждается данными, полученными в исследовании, проведенном НИИКСИ в Петербурге и в Ленинградской области в конце 1990-х и начале 2000-х годов (Семёнов, 2008). Исследования показали, что в эти годы «приватные ценности», связанные с микромиром человека, заняли первое место в сознании россиян. Это ценности здоровья, семьи, жилища, материального благополучия. Причем ценность материального благополучия занимала 1-е место по значимости в сознании россиян в 1993 г. Вероятно, в условиях кризиса ценность материального обеспечения превалирует над всеми остальными, так как люди озабочены прежде всего вопросами выживания.

Интересными представляются и ответы на вопрос, связанный с влиянием материального богатства на отношение к человеку. Традиционным для русского менталитета было отношение к богатству, продиктованное принципами христианской морали: не богатство должен стяжать человек, а жизнь в соответствии с Божьими заповедями. Более того, тяжелая жизнь русского крестьянина в дореволюционной России убеждала, что производительный труд (а не ростовщичество или прибыль за счет выгодного вложения капиталов), как правило, не обеспечивал достижение материального благополучия. Возможно, в силу этих обстоятельств наличие богатства воспринималось в массовом сознании как накопление неправедным трудом, а значит, и богатый человек – как не обладающий добродетельными качествами.

Какова же позиция современных россиян в этом отношении? В таблице 2 представлены полученные в исследовании данные

Таблица 2

Частотные распределения ответов на вопрос «Как вам кажется, влияет ли на отношение к человеку (близкому или нет) наличие у него материального богатства или его отсутствие?» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Влияет всегда	25	5,0
Влияет часто	166	33,2
Не знаю	24	4,80
Влияет иногда	169	33,8
Не влияет никогда	77	15,4
Ошибка	39	7,80

при ответе на вопрос «Как вам кажется, влияет ли на отношение к человеку (близкому или нет) наличие у него материального богатства или его отсутствие?».

Как видно из таблицы 2, значительная часть респондентов (72,0% ответивших на вопрос) полагают, что наличие богатства в той или иной степени влияет на отношение к человеку.

Более того, наличие богатства в традициях русского народа не всегда воспринималось как средство или фактор, обеспечивающий позитивные возможности для человека. Позицию по этому поводу современных россиян должен был прояснить ответ на вопрос «Как вы считаете, богатство делает человека свободным, независимым от разных жизненных обстоятельств?». Полученные данные представлены в таблице 3.

Как видно из представленных в таблице 3 данных, 50,8% респондентов уверены в том, что богатство делает человека свободным и независимым; 36,0% респондентов не согласны с этим утверждением; 5,2% затрудняются ответить на этот вопрос. Учитывая, что достоверных различий по социально-демографическим характеристикам респондентов в ответах на этот вопрос не выявлено, можно констатировать, что в современном российском менталитете в целом существует тенденция в большей мере воспринимать богатство как фактор независимости и получения дополнительных свобод.

Вместе с тем следует иметь в виду, что традиционно русский народ видел в богатстве угрозу для личностного развития человека. Эта позиция отчасти фиксируется, например, в такой поговорке: «Из грязи да в князи». Чем же характеризуется менталитет современных россиян в контексте обсуждения вопроса о влиянии богатства

Таблица 3

Частотные распределения ответов на вопрос «Как вы считаете, богатство делает человека свободным, независимым от разных жизненных обстоятельств?» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Конечно, делает	90	18,0
Вероятно, делает	164	32,8
Не знаю	26	5,2
Вряд ли, делает	118	23,6
Не делает	62	12,4
Ошибка	40	8,0

Таблица 4

Частотно-процентное распределение ответов на вопрос «Влияет ли благосостояние на характер человека или нет?» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Влияет очень сильно	98	19,6
Влияет сильно	220	44,0
Не знаю	32	6,4
Влияет в незначительной степени	88	17,6
Не влияет	23	4,6
Ошибка	39	7,8

на характер человека? Приведем данные ответов на вопрос о влиянии благосостояния на характер человека (таблица 4).

Как показывают данные, приведенные в таблице 4, 63,6% респондентов полагают, что характер человека сильно меняется с приобретением богатства. И только 17,6% считают, что изменения возможны, но в незначительной степени. Это подтверждает приведенные выше утверждения историка Костомарова о византийской напыщенности богатых русских и аскетичности и простоте бедных.

Интересным представляется и мнение современных россиян о возможности участия богатых людей во властных структурах (таблица 5).

Согласно полученным данным, 40,4% опрошенных во всей выборке не видят необходимости в нахождении в государственных органах власти богатых людей. Однако картина существенно меняется, если разделить общую выборку на подгруппы по уровню достатка. При этом отметим, что в данном случае мнения имеют достоверно значимые различия. В таблице 6 приведены результаты ответов трех групп респондентов, отличающихся уровнем достатка (низкий, средний, высокий).

Как видно из приведенных данных, мнение о необходимости представленности в государственных структурах богатых людей значимо отличается в зависимости от уровня достатка респондентов. Чем выше уровень их достатка, тем в большей мере они считают необходимым или возможным включение богатых людей в органы государственной власти. В частности, так считают 63,1% респондентов с высоким уровнем достатка, 52,8% – со средним и 41,6% – с низким. И, соответственно, не видят необходимости или против

Таблица 5

Частотные распределения ответов на вопрос «Как вы считаете, должны ли богатые люди быть представлены в государственных органах власти?» (данные по всей выборке)

Варианты ответов	Количество ответов	% ответов
Должны быть представлены	26	5,2
Могут быть представлены	182	36,4
Не вижу в этом целесообразности	146	29,2
Ни в коем случае не должны быть представлены	56	11,2
Не знаю	49	9,8
Поясните свой ответ	2	0,4
Ошибка	38	7,6

Таблица 6

Частотно-процентное распределение ответов на вопрос «Как считаете, должны ли богатые люди быть представлены в государственных органах власти?» с учетом критерия уровня материального достатка респондентов

Варианты ответов	Выборка с низким уровнем достатка		Выборка со средним уровнем достатка		Выборка с высоким уровнем достатка	
	Количество ответов	% ответов	Количество ответов	% ответов	Количество ответов	% ответов
Должны быть представлены	2	3,4	18	6,6	4	10,5
Могут быть представлены	20	33,9	125	46,0	20	52,6
Не вижу в этом целесообразности	18	30,5	101	37,3	12	31,6
Ни в коем случае не должны быть представлены	19	32,2	27	10,0	2	5,3
Ошибка	59	100	271	100	38	100

такого представительства 62,7% респондентов с низким уровнем достатка, 47,3% – со средним достатком и 36,9% – с высоким уровнем достатка.

Данные представления традиционны для российского менталитета, так как отношение к богатству у русских людей носило амбивалентный характер. С одной стороны, оно ассоциировалось с грехом, с другой – выступало показателем жизненного успеха. Эти представления получили свое подтверждение и в нашем исследовании. Показано, что респонденты видят в богатстве источник свободы и относительной независимости от жизненных обстоятельств, но в то же время они уверены, что оно изменяет характер его обладателя и одновременно отношение к нему других людей.

Интересный результат был получен при изучении ценностей. Материальное благополучие в ответах респондентов занимает 7-е место (12,7%) среди 12 значимых ценностей. В открытых вопросах в большинстве своем наличие материального достатка выделяется как условие для счастья, наряду с семьей и здоровьем. Как уже отмечалось выше, «приватные ценности» в сознании современных россиян занимают ведущее место.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о традиционном для русского менталитета представлении современных россиян о богатстве. С одной стороны, приобретение богатства и его накопление не особенно приветствуется, но с другой – оно синонимично успеху и власти. Это, в свою очередь, отражает существующую в современном капиталистическом мире тенденцию стремления к накоплению материальных средств для достижения уверенности и чувства защищенности. Традиционно русские люди верили в силу богатства, но также понимали его мимолетность. Респонденты видят в богатстве источник свободы, но в то же время они уверены, что богатство изменяет характер его обладателя, а также отношение к нему других людей. При этом следует отметить, что значение богатства как средства жизни возрастает с ухудшением материального благополучия граждан в кризисные моменты развития общества.

Литература

- Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990.
 Блок М. Феодалное общество. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/st008.shtml> (дата обращения: 20.03.2016).
 Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
 Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_buks/culture/gurev/index.php (дата обращения: 12.02.2016).

- Даль В. Пословицы русского народа. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_buks/culture/dal (дата обращения: 22.01.2016).
 Забелин И. Е. Как жили в старину русские цари-государы. М., 1991.
 Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015.
 Киреевский И. А. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к графу Е. Е. Комаровскому) // Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 1–68.
 Ключевский В. О. Русская история. М., 2008.
 Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М., 2015. С. 5–19.
 Костомаров Н. И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях и старинные земские соборы // Исторические монографии и исследования. СПб., 1907. Кн. 8. Т. 19. С. 6–232.
 Фромм Э. Бегство от свободы. М.–Мн., 2007.
 Семёнов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избранные научные работы (1971–2007 гг.). СПб., 2008.

ЦЕННОСТИ КАК КОНСТРУКТ МЕНТАЛИТЕТА РОССИЙСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

К. Л. Церковская, С. Е. Поддубный (Москва)

Постановка проблемы

История развития частного предпринимательства в России характеризуется крутыми поворотами. В дореволюционной России личная экономическая активность, особенно со второй половины XVIII в., развивалась успешно и поддерживалась государством. Но драматические события в истории страны (революции и войны первой половины XX столетия) направили развитие в иное русло. В связи с этим история управления социально-экономическими системами в России имеет ряд отличительных характеристик. Таким образом, ценности в качестве конструкта (системной единицы) менталитета оказываются значимым логическим мостом между национальной и индивидуальной ментальностью личности.

Формирование корпоративной культуры, в основе которой всегда лежит определенная группа ценностей, – явление в российском менеджменте молодое, но динамично развивающееся. Национальный менталитет и ценности характеризуют личность руководителя, создают каркас для корпоративной миссии и корпоративной культуры, т. е. личные ценности руководителя транслируются на сотрудников и организацию.

Личностные особенности руководителей и предпринимателей описаны в работах А. Л. Журавлева (2002, 2012, 2013), В. П. Познякова (2002, 2007, 2012, 2013), Т. С. Вавакиной (2011). Взаимосвязи компонентов культуры и экономического развития исследуются в работах Н. М. Лебедевой (2008, 2009, 2010), О. И. Титовой (2007), К. А. Багратиони (2013), Е. В. Беловой (2012).

Процесс личностного принятия, интериоризации социальных норм и ценностей, распространенных в конкретном обществе в определенную эпоху, привлекает исследователей различных научных областей. Так, предметом исследования понятие «ценность» выступает в философских работах Н. А. Бердяева, В. Тугаринова. Существенное продвижение в осмыслении данного феномена в начале XX в. связано с именами социологов У. Томаса и Ф. Знанецкого, которые ввели понятие «ценностная ориентация». В американской и западноевропейской социальной психологии используется понятие «attitude», тождественное понятию «социальная установка». В отечественной психологии данное направление представлено работами социологов А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова, В. Б. Ольшанского, посвященными исследованию системы диспозиций личности.

Точное и вместе с тем многогранное, на наш взгляд, определение дано В. А. Ядовым: «Ценности – существенно важные, значимые для духовной жизни индивида, общества предметы и явления. <...> Личностные ценности отражаются в сознании в виде ценностных ориентаций, которые включают в себя также широкий круг социальных ценностей, признаваемых личностью, но не всегда принимаемых ею в качестве собственных целей и принципов. В структуре зрелой личности ценности определяют перспективные стратегические жизненные цели и мотивы жизнедеятельности» (Ядов, 1979, с. 16).

Б. Г. Ананьев, наряду со статусом, выделяет ценностные ориентации как важные компоненты структуры личности. По мнению Л. И. Анцыферовой, ценности личности формируются обществом, определяются образом жизни человека и особенностями осуществляемой им деятельности. С. Л. Рубинштейн считал, что в психологии необходимо «преодолеть отчуждение ценностей от человека» (Рубинштейн, 2003).

В гуманистической и экзистенциальной психологии в контексте исследования проблемы смыслообразования жизни ценности рассматриваются в работах В. Франкла и А. Маслоу.

Б. С. Братусь ставит знак равенства между личностными ценностями и смыслами жизни человека. Д. А. Леонтьев видит в личностных ценностях источник смысла человеческой жизни. В работах Б. С. Братуся, Г. Е. Залесского и других авторов обоснована сложная, многоуровневая, иерархическая система личностных ценностей, выступающих в качестве составляющих мотивационной сферы человека.

Конечно, было бы идеально, если бы человек всегда поступал в соответствии со своими ценностными представлениями. М. Б. Кунынский, И. М. Попова, В. Б. Моин обозначили причины, почему этого не происходит и имеется разрыв между поведением личности и ее внутренней картиной ценностей. Таким образом, ставится под сомнение регуляция поведения ценностными ориентирами, по крайней мере, в смысле константы. Здесь возникает вопрос о внутриличностном конфликте. В связи с этим М. С. Яницкий и Ф. Е. Василюк считают безосновательным рассматривать понятие «ценность» применительно к мотивам и потребностям человека. В. А. Ядов придерживается иной точки зрения по этому вопросу. Он не видит обозначенных выше противоречий: «На самом же деле имеет место диалектика перехода целей в средства, и наоборот. Дальние цели предполагают в качестве средств достижение ближних. Ведущие средства вполне могут восприниматься субъектом как цель сама по себе» (Ядов и др., 1979, с. 50–52).

Проблема конгруэнтности ценностей/аттитюдов и реального поведения рассматривается в работах М. Рокича, исследованиях Ла Пьера («парадокс Ла Пьера»). Р. Фазио, К. Уильямс, как и М. Рокич, объясняют рассогласование поведения и ценностей через попеременную актуализацию различных аттитюдов. Развитием идеи о роли ценностей в жизни человека также активно занимаются В. М. Кузнецов, И. С. Артюхова, Е. К. Киприянова, Н. А. Кирилова, А. С. Шаров, И. С. Кон и др. В контексте исследования системы отношений вопрос о ценностях личности рассматривают В. Н. Мясичев, В. С. Мерлин. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, Б. Д. Парыгин, А. В. Иващенко, Н. В. Фролова.

Рассмотрев сущностное понимание ценностей, можно обозначить следующую их типологию. О. Г. Дробницкий определяет два вида ценностей: предметные ценности и ценности сознания, являющиеся критериями для оценок. В. Момов выделяет существующие,

мыслимые, желанные и возможные ценности. Согласно Ю. М. Жукову, существуют активированные и «дремлющие» ценности (Жуков, 1976).

Примечателен тот факт, что ценности в их духовно-мировоззренческом понимании имеют не вторичное значение по отношению к витальным потребностям, а, напротив, могут способствовать снижению ощущения дефицита, быть ориентирами в трудной ситуации не только для отдельной личности (например, в экстремальной жизненной ситуации, которую человек вынужден пройти), но и в жизнедеятельности организации.

Ценности играют особую роль в период кризисов, как личностных, так и организационных: «На стадии раннего роста... провозглашаемые ценности имеют лишь вспомогательный характер. По мере того как организация взрослеет и стабилизируется, они превращаются в первичные механизмы поддержания культуры – это еще называют институционализацией или бюрократизацией» (Шейн, 2007, с. 211–212).

У. Грейвз, ученик А. Маслоу, развивая его концепцию об иерархии потребностей, разработал модель системы человеческих ценностей, где отождествляются общественные процессы и их частное, личностное проявление. Грейвз консультировал, наблюдал и исследовал сотрудников коммерческих, медицинских и государственных организаций и выяснил, что у испытуемых менялась ценностная система, а вместе с ней – и модель поведения. Это привело его к выводу о многоуровневой системе ценностей. В ценностной природе человека он видел и структуру его мотивации. Согласно Грейвзу, ценности формируются в ответ на воздействие окружающей среды, получают свое внутреннее развитие и наполнение, после чего начинают уже сами воздействовать на среду.

Таким образом, ценности являются не только составляющей индивидуальных характеристик руководителя, но и определяют его корпоративную стратегию, стиль управления. В качестве примера можно привести следующее определение – «лидерство, построенное на ценностях». Вместо простого описания вакансии сегодня работодатель делает сотруднику «ценностное предложение». В практике управления персоналом широко распространено такое понятие, как HR-бренд, которое, по сути, есть не что иное, как совокупность корпоративных норм и ценностей, системой координат в которых является сотрудник.

В этой связи можно привести слова Р. Мухаметвалеева, генерального директора компании «Трест СКМ»: «Если топ-менеджер у нас проходит восемь собеседований, то шесть из них – различ-

ные по формату проверки на соответствие ценностям компании...». Мухаметвалеев цитирует Джека Уэлча, отмечающего, что «если кто-то не разделяет культуру организации, не разделяет ваши ценности, хотя и является высокопрофессиональным, нужно вырезать инородное тело из компании. Это звучит жестко, но ценности действительно намного важнее, чем результативность» (Рекрутинг News, 2012, № 6, с. 33).

Сегодня принято говорить о добавленной стоимости не только в плане денег, но и в смысле нематериальных ценностей. Маркетологи разрабатывают рекламу, исходя из системы ценностей, приоритетов целевой аудитории продукта. Таким образом, как это ни парадоксально, в современной потребительской культуре нематериальные ценности приобретают все большее значение. Становится очевидным, что только материального благополучия человеку уже недостаточно. И потребителю, и сотруднику нужно «что-то еще», и этот дополнительный аспект переживания, ощущения благополучия составляют ценности. Ценности – это основа определения миссии компании, а следовательно, они являются флагманом ее стратегических планов.

Ценности имеют конативную функцию в деятельности руководителя. В качестве примера можно привести мнение С. Алексева, управляющего партнера компании «Transsearch International»: «Не секрет, что российские собственники почти всегда выбирают сердцем» (Рекрутинг News, 2011, № 12, с. 12). Это находит эмпирическое подтверждение в работах Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко, посвященных кросс-культурным исследованиям по методике Шварца. Появляются новые диагностические инструменты в области организационной психологии (опросник Хогана, Values Profale и др.) для изучения профилей руководителя с целью выявления кандидатов на замещение этой вакансии в ближайшее время, где ценностные ориентации имеют существенное значение.

Эмпирическое исследование ценностей руководителей отделов продаж

Целью нашего эмпирического исследования являлось выявление ценностей руководителей отделов продаж.

Выборку исследования составили 50 руководителей отделов продаж из разных компаний; среди них 21 мужчина и 29 женщин. Средний возраст испытуемых составляет 34,5 года.

Для выявления ценностей респондентов исследовалась *методика* (шкала-опросник) Шварца.

Таблица 1
Ценности руководителей отделов продаж

Шкалы опросника ценностей Шварца	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартное отклонение
Конформность	4,30	1,00	10,0	2,04
Традиции	5,06	1,00	10,0	2,10
Доброта	5,02	1,00	9,0	2,19
Универсализм	4,66	1,00	9,0	2,02
Самостоятельность	4,94	1,00	9,0	2,01
Стимуляция	4,72	1,00	8,0	1,78
Гедонизм	5,58	1,00	9,0	1,91
Достижение	4,24	1,00	9,0	1,96
Власть	6,08	1,00	10,0	1,97
Безопасность	4,70	1,00	10,0	2,37

В таблице 1 представлены ценности, характерные для исследуемых руководителей отделов продаж.

Как видно, наиболее высокое значение имеет ценность власти (6,08 стэнов).

Несколько меньше руководители ценят гедонизм – удовольствия (5,58 стэнов). Согласно В. Н. Карандашевой, власть понимается как стремление сохранить социальные позиции; сюда включены значимость авторитета и богатства, а также потребность в признании достижений обществом. Соответствующий показатель по ценности гедонизма подтверждает значимость материальной составляющей, наслаждения жизнью и чувственного удовольствия.

Равными по значимости являются ценности доброты и традиций (5,02 и 5,06 стэнов соответственно). Доброта включает доброжелательность в межличностном общении. Этот тип ценностей считается производным от потребности в позитивном взаимодействии, аффилиации и в обеспечении процветания группы. Его цель – сохранение благополучия людей, с которыми индивид находится в личных контактах. Традиции – устойчивые формы поведения и действий людей и социальных групп, имеющие свои символы и ритуалы. Их роль и функционирование определяются опытом группы, содействием повышению ее потенциала. Цель данной ценности – обеспечение уважения, принятие существующих обычаев и идей (Карандашев, 2004).

Сходные результаты были получены в исследованиях Н. М. Лебедевой, в которых показано доминирование ценности консерватизма и выдвигается предположение о тенденциях развития инновационной экономики в условиях патриархальных ценностей (Лебедева, 2008, 2011). Представляют интерес также кросс-культурные исследования Н. М. Лебедевой с коллегой из Китая Конгунинг Лю, где ценности как национального, так и индивидуального менталитета рассматриваются в коннотации экономической активности населения (Лебедева, Конгунинг Лю, 2009).

В ходе исследования выявлялась структура ценностей руководителей отдела продаж.

Иерархический кластерный анализ методом Варда позволил выявить следующие группы ценностей, характерные для руководителей. Использована мера взаимосвязи, где в качестве меры различия выступает величина 1-г (r – коэффициент корреляции Пирсона).

Как видно на рисунке 1, выделяются три основных группы ценностей:

- ценности, связанные с проявлением влияния (власть, достижение, безопасность, гедонизм);
- блок социально-ориентированных ценностей (универсализм, доброта, традиции, конформизм);
- ценности, направленные на себя (стимул к новым переживаниям и самостоятельность).

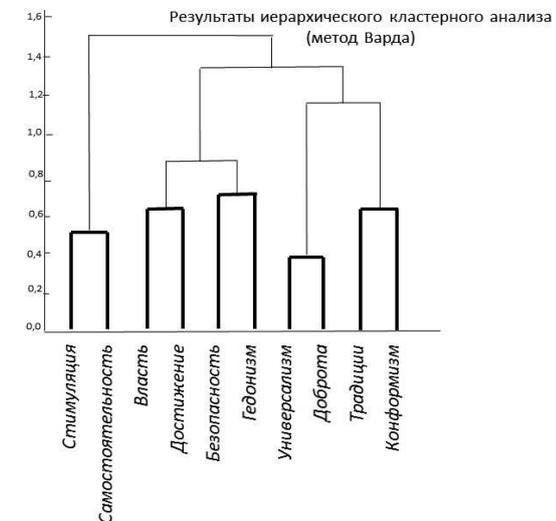

Рис. 1. Структура ценностей руководителей отдела продаж

Последний блок – эго-ориентированные ценности, опосредованно связанные с ценностями, ориентированными на социум. В связи с этим можно предположить, что социально значимые ценности носят инструментальный характер, т. е. являются не гуманистической самоцелью руководителей, а средством достижения иных целей и характеризуют тем самым уровень индивидуальных приоритетов, а не нормативных идеалов.

Блок ценностей, включающий в себя наиболее выраженные ценности власти и гедонизма, занимает центральное положение, т. е. является связующим звеном между ценностями личного характера и ценностями, имеющими отношение к социальному, межличностному взаимодействию.

Заключение

В ходе исследования ценностей руководителей отделов продаж были выделены две ключевые ценности: гедонизм (5,58 стэна) и власть (6,08). Определена структура ценностей, состоящая из трех блоков: власти, социально-ориентированных и эго-ориентированных ценностей.

Сфера практического применения полученных данных выглядит следующим образом: изменения в организации; снижение стрессовых ситуаций; отбор персонала и формирование кадрового резерва; улучшение обучения и подготовки кадров; проектирование команд; создание и развитие корпоративной культуры; совершенствование системы премирования, вознаграждения сотрудников; обеспечение роста мотивации их труда.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
- Адизес И. Идеальный руководитель: почему им нельзя стать и что из этого следует. М., 2000.
- Багратиони К. А. Взаимосвязь социально-психологических характеристик и жизненной перспективы личности (на примере молодых менеджеров): Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013.
- Базаров Т. Ю. Управление персоналом организаций. М., 2006.
- Бакирова Г. Х. Психология развития и мотивации персонала. М., 2013.
- Бек Д., Коуон К. Спиральная динамика: Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. М., 2010.

- Белова Е. В. Личностные особенности успешных предпринимателей малого и среднего бизнеса: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012.
- Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. М., 2001.
- Вавакина Т. С. Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
- Горбачева Е. И. Взаимосвязь психологических отношений нравственности с характеристиками деловой активности руководителей: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты принятия решения: социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е. В. Шороховой, М. И. Бобневой. М., 1976. С. 254–277.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П. Программа социально-психологического исследования российских предпринимателей // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 5: Программы и методики психологического исследования личности и группы: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М., 2002.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б., Горбачева Е. И. Нравственно-психологические компоненты экономического самоопределения предпринимателей и менеджеров. М., 2012.
- Журавлева Н. А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М., 2013.
- Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
- Карпов А. В. Психология менеджмента: Учебное пособие. М., 1999.
- Кричевский Р. Л. Если Вы – руководитель... Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. М., 1993.
- Кузнецова А. С. Психологическая саморегуляция функционального состояния человека: ресурсы профессионального развития // Психология психических состояний / Под ред. А. О. Прохорова. Казань, 2004. С. 329–358.
- Кузнецова Е. Г. Личностные ценности: понятие, подходы к классификации // Вестник ОГУ. 2010. № 10 (116). С. 20–24.
- Лебедева Н. М. Менталитет и экономические успехи нации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 19–24.
- Лебедева Н. М. Влияние ценностей культуры на экономическое развитие и отношение к инновациям. М., 2009.
- Лебедева Н. М., Конгуинг Лю. Культура и отношение к инновациям в России и Китае. М., 2009.
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 1. С. 17–34.

- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
- Позняков В. П. Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М., 2007. С. 513–528.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М.–СПб., 2003.
- Теории социальной реальности в российской социологии // Мир России. 1999. № 1–2.
- Узнадзе Д. Н. Теория установки. М.–Воронеж, 1997.
- Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб., 2001.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? М., 2009.
- Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб., 2007.
- Ядов В. А., Магун В. С., Борзикова П. В., Водзинская В. В., Каюрова В. Н., Саганенко Г. И., Узунова В. Н., Семёнов А. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

МЕНТАЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЯ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГЕНДЕРА И ПРОФЕССИИ

А. А. Чекалина (Москва)

Постановка проблемы

В настоящей работе предпринята попытка проанализировать особенности ментальности учителя-женщины как субъекта профессиональной деятельности педагогической направленности и гендерной принадлежности. Ментальность, представляя собой многоуровневую систему выражения группового сознания, складывается в историческом времени и географическом пространстве (Иванова, 2002). Это ключевое понятие в данной работе мы используем для обобщения тех диспозиций, которые определяют активность и направленность субъекта, а также обеспечивают достижение субъективных целей и удовлетворение актуальных потребностей.

Ментальность учителя-женщины обусловлена процессами, протекающими в культуре и обществе, в первую очередь, процессами социальной стратификации, гендерной дифференциации, личностной социализации и профессионализации. Задачами настоящего

анализа являются рассмотрение детерминант и содержания ментальности учителей-женщин с позиций культурно-социального, профессионального и гендерного ракурса.

Ментальность учителя: социальный ракурс

Ментальность современного учителя формируется в определенных исторических, политических, юридических, экономических и социальных условиях. Гендерный анализ экономики, в частности, соотношения мужской и женской занятости, безработицы и ее причин, профессиональной реализации, карьеры и активности мужчин и женщин раскрывает социальные условия, в которых формируется женская профессиональная ментальность. Сошлемся на опубликованные данные Федеральной службы государственной статистики России, те параметры, которые красноречиво свидетельствуют об отсутствии гендерного равенства в социально-экономической системе (таблица 1).

Изучение гендерного состояния общества показывает преобладание женского населения РФ, удельного веса женщин в общей численности работников, количества женщин, имеющих высшее образование. При этом женщины демонстрируют более низкий, чем у мужчин, уровень экономической активности, безработицы; численность женщин, занятых научно-исследовательской деятельностью, существенно ниже, чем мужчин. Различается средняя начисленная заработная плата – женщины получают существенно меньше: отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин (если ее принять за 100%) составляет 67,9%.

Социальный ракурс анализа проблемы позволяет выявить особенности социальной структуры и гендерной структуризации производства. В любом обществе наблюдается профессиональная стратификация, определенное разделение профессий на преимущественно мужские и преимущественно женские. Нормы полоролевого разделения труда не универсальны и в разных обществах различаются; одна и та же профессия в одной культуре считается мужской, а в другой – женской. Так, в Индии строительные работы – удел женщин, а должности «секретарей» – мужчин. Библиотекари и архивные работники в Германии – главным образом мужчины с приличной оплатой труда. Профессия учителя в российском обществе – преимущественно женская, бюджетная; оплата труда не обеспечивает высокий уровень жизни учителей.

Социальный ракурс фокусируется на проблемах распределения мужчин и женщин между профессиями, отраслями, их специфичес-

Таблица 1

Гендерное состояние общества (по данным Федеральной службы государственной статистики России)

Население (на 01.2014)	Женщины	Мужчины
	77,12 млн (53,7% от населения страны)	66,547 млн (46,3% от населения страны)
Средняя начисленная заработная плата (на 10.2013)	24721 тыс.	33301 тыс.
Уровень экономической активности (на 10.2013)	63,0%	74,7%
Уровень безработицы (на 2012)	5,1%	5,8%
Уровень образования (высшее)	58%	42%
Численность исследователей, выполняющих научную работу (на 2013)		
Кандидаты наук	41%	59%
Доктора наук	25%	75%
Удельный вес женщин в общей численности работников	54,8%	
Отношение заработной платы женщин к зар ботной плате мужчин (на 10.2011)	67,9%	
Гендерный разрыв в заработной плате	22,8%	
Доля занятых с низким уровнем заработной платы (на 2013)	33,8%	21,4%
Сегрегация в видах занятий (профессий) по половому признаку	38,1%	61,9%

кой концентрации на рынке труда и динамике перераспределения, т. е. на проблеме горизонтальной профессиональной сегрегации. Различия в должностном положении мужчин и женщин на уровне отдельной профессиональной группы или категории работников – это проблемы наличия вертикальной профессиональной сегрегации (таблицы 2–3).

Социальная структура задает приватное и публичное распределение власти, институциональную организацию гендера профессионала. Ментальность учителя-женщины в недалеком прошлом формировалась преимущественно по модели традиционной гендерной иерархии. Характерным явлением для современного общества являются кризисы как традиционной маскулинности, так и традиционной фемининности, которые находят отражение в кризисе

Таблица 2

Руководители и педагогические работники общеобразовательных организаций (без вечерних сменных общеобразовательных) на начало 2013/2014 учебного года (по данным Федеральной службы государственной статистики России)

Категории работников	Распределение по полу, %	
	Женщины	Мужчины
Численность работников (всего)	83%	17%
Директора	74%	26%
Заместители директора	89%	11%
Педагогические работники	88%	12%
Из них учителя	88%	12%

Примечание. По данным Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 3

Персонал государственных и муниципальных образовательных организаций высшего образования (по данным Федеральной службы государственной статистики России) на начало 2013/2014 учебного года

Персонал государственных и муниципаль- ных образовательных организаций	Распределение по полу, %	
	Женщины	Мужчины
Численность работников	63%	37%
Преподаватели, ассистенты	67%	33%
Старшие преподаватели	71%	29%
Доценты	58%	42%
Деканы факультетов	40%	60%
Заведующие кафедрами	41%	59%
Профессора	32%	68%
Проректоры, директора филиалов	31%	69%
Ректоры	13%	87%

патриархальной семьи, способствуя ее постепенной трансформации и отмиранию традиционного уклада (Воронина, Здравомыслова, Темкина, 2004). Социологические исследования констатируют патриархатную доминанту в российском менталитете, которая

распространена значительно сильнее феминистской в тех аспектах картины мира, которые связаны с дифференциацией полов в семье: россияне ценят традиционные роли мужчин и женщин в семье (Пушкарева, 2003). На публичную сферу это положение не распространяется: проявление и патриархатной, и феминистской доминант здесь одинаково (Нечаева, 1997). На влияние патриархатных установок, в частности на предпочтение детей мужского пола, на ассоциации женского с семьей, детьми, домашним хозяйством указывают многочисленные исследования гендерных стереотипов (Грошев, 1999; Шахтарина, 2000; и др.).

Особый интерес для понимания ментальности учителей-женщин вызывают социологические исследования гендерного пространства школы, феномена учительства, гендерной асимметрии образования (Силласте, 2008; Смирнова, 2005; Сафонов, 2002; и др.). В различных социально-исторических условиях цели и задачи государственного обучения и образования существенно отличались. В тоталитарном советском государстве учитель «присваивал» часть родительских функций; содержание образования и воспитания носило строго регламентированный и идеологизированный характер. Сначала учитель выполнял заказ государства по формированию личности, обладающей способностью к безоговорочному подчинению в период «харизматического господства» (культ вождя, утрата рационального самоконтроля), а затем в период «легального господства» (бюрократического управления) взаимоотношения учителя и ученика были построены на иерархии знаний.

В постсоветский период некоторые аспекты школьного образования существенно изменились. Современный личностно ориентированный подход в воспитании и обучении предполагает формирование самостоятельности, творческой инициативы и социальной ответственности личности. Учитель становится своеобразным архитектором жизни ребенка, призванным помочь ему в построении смысловой иерархии, определении смысла жизни, поиске сфер и способов самоактуализации (Бедерханова, 1998). Изменяется идеология государства и ментальность ее проводников.

В общеобразовательной школе наблюдается доминирование женщин, как среди администрации, так и среди рядовых учителей. Г. М. Бреслав, Б. И. Хасан (1999) в качестве факторов феминизации школы отмечают ухудшение материального обеспечения, снижение статуса образования, резкое ухудшение демографической ситуации в результате эмиграции, репрессий и Второй мировой войны. Феминизация учительства, естественно, накладывает отпечаток на учебно-воспитательный процесс, организацию школьной жизни,

на особенности методов и приемов работы с детьми. Это явление способно положить начало новому типу отношений, с ориентацией на принятие и реализацию девочками мужских ценностей, мужских форм взаимодействия (Саралиева, 2004). Сознание представителей женской профессиональной группы презентуется в маскулинной системе образования (маскулинные паттерны поведения, формы воздействия, инструментальность отношений, контент учебников и т. д.) (Чекалина, 2009).

Социологи констатируют гендерную асимметрию образования, которая проявляется в соотношении учеников – мальчиков и девочек, девушек и юношей – на разных ступенях обучения, представленности женщин и мужчин в образовательных заведениях разного профиля и уровня, в иерархии их структуры, в карьерных ориентациях и достижениях, размерах заработной платы и т. д.

Становление ментальности является в действительности историей гендерных отношений, принимающих форму индивидуальных гендерных контрактов. Описаны женские гендерные контракты – «работающая мать», «женщина-профессионал», «домохозяйка» – и частные случаи, например, «офицерская жена – это профессия». В современной России ментальность обусловлена контрактами «карьеристки», «профессионала», «работницы», «вынужденной работницы», «домохозяйки», «женщины на содержании» (Непочетая, 2004). Их наименования отражают содержание группового сознания и индивидуальной активности женщин-профессионалов.

Социальный ракурс проблемы показывает, что ментальность учителя-женщины конструируется в отечественной гендерной системе, определяющей индивидуальные возможности образования, профессиональной ориентации, публичного и приватного поведения, ролей в семье и т. д. Данная гендерная система детерминирует сознание женской социальной группы, диапазон представлений о групповом и индивидуальном сознании, включающих «контрактные» отношения.

Ментальность учителя-женщины: культурологический ракурс

Ментальность современных женщин, по представлениям зарубежных исследователей, в «значительной мере опирается на культурные конструкты XIX в., и это несмотря на глубинные изменения, привнесенные советской эпохой» (Эрих-Хефели, 1999). Женщина в русской культуре традиционно связывается с материнством, чадолюбием, ролью надежной хранительницы домашнего очага, опо-

рой семьи, поддержкой и помощью мужчине, сострадательностью, милосердием. Материнство и «чадолюбие» как основные ипостаси женственности проходят через всю историю отечественной культуры. Важнейшую диспозицию в женской ментальности занимает диспозиция хозяйки дома (Иваницкий, 1995; Кардапольцева, 2010).

В СССР имело место всестороннее регулирование социальной жизни индивида государством, формально уравнившим права мужчин и женщин, в том числе и в профессиональной сфере жизнедеятельности. Главная цель – включение женщины в систему профессиональной деятельности наравне с мужчиной при сохранении ею репродуктивных и родительских функций, а также поддержания домашнего хозяйства. Следствием такой нагрузки явился «кризис двойной идентичности», выражающийся в необходимости стремиться быть успешной и в профессиональной, и в приватной областях реализации (Айвазова, 2001).

В перестроечный период ментальность наполнялась идеями как об особом духовном предназначении женщины (религиозно-философский журнал «Мария»), так и о необходимости политической борьбы: феминистские конференции, журналы *Heresis*, группы и организации (Москва, Санкт-Петербург, Набережные Челны, Тверь).

Формирование современной ментальности происходит одновременно с развитием той культуры, где женщина заявляет о себе не только как об объекте воплощения в образах и типах, но и как о полноправном субъекте, способном сказать новое слово и предстать как один из новых субъектов творческой деятельности в разных ее вариантах. Ценности профессиональной и личной успешности как индивидуалистической тенденции самореализации вступают в конфликт с «традиционными» ценностями. Личностная самоидентификация и самосознание женщин, их стремление к полноценной самореализации – проблема маскулинизированного общества (быстро развивающегося, трансформирующегося, но маскулинизированного). Новый образ женщин, формирующийся в общественном сознании россиян, содержит не только характеристики домохозяйки, но и многомерные и полифункциональные черты человека, стремящегося к полноценной самореализации в самых различных областях общественной жизни. Среди приоритетов – финансовая и психологическая самостоятельность, опора на собственные силы, ориентация на успешную карьеру, ощущение себя частью открытого мира, прагматизм. Исследования культурологов обращают внимание на специфику постмодернистского сознания, уходящего от категоризации и дифференциации, жесткого норми-

рования и предписаний, констатирующего трансформацию понимания женственности/мужественности, кризис традиционной феминности в современном обществе.

Ситуация меняется, но ментальность нынешних поколений не настолько иная. И сегодня мы наблюдаем, скорее всего, патриархатную доминанту общественного сознания россиян, которая трактует равноправие не как равные возможности производства материальных и духовных благ, а как равные возможности потребления (Кардапольцева, 2005). Консервация патриархатных представлений о естественном предназначении женщины выражается часто в одностороннем, тенденциозном рассмотрении женских тем, артикуляции темы рукоделия, насаждении антифеминистских стереотипов, реализации идеи материнского покровительства и значимости семейных «скреп». Ментальность наполняется либо категорично-патриархатной, либо невнятной, аморфной, либо противоречивой информацией о женском/мужском, женственном/ мужественном (Каменецкая, 2010).

Сознание современного человека, включая и учителя, преодолевает традиционную оппозицию женского/мужского. С одной стороны, быстро развивающееся общество требует инструментальных, маскулинных качеств. С другой стороны, женское сознание несет нагрузку патриархатных ценностей предыдущих поколений, содержащих идеи либо естественного, либо особого, духовного предназначения женщины. Гендерная идеология дифференцирована и часто содержит невнятную и противоречивую информацию о женском / мужском, женственном/мужественном.

Ментальность учителя-женщины: профессиональный ракурс

Актуальное понимание ментальности предполагает ее становление и репрезентацию в пространстве профессиональной деятельности. Исследования профессиональной активности женщин сфокусированы на личностных детерминантах, стержневыми образованиями которых являются характеристики феминности/маскулинности (Чекалина, 2014; Лупенко, 2008; Ожигова, 2006).

Исследования выявили взаимосвязь уровня профессионального самоопределения, пола и типа гендерной идентичности. Высокий уровень профессионального самоопределения в большей степени связан с высокой андрогинией (Бутковская, 2007). Противоречивость и фрагментированность Я-концепции, дифференцированность образов «Я-профессионал» и «Я-женщина» порождают острые внутренние противоречия и ведут к дезадаптации, снижению возмож-

ности самоактуализации личности, возникновению психологической неудовлетворенности жизнью (Лупенко, 2008).

Сознание представителей женской педагогической группы включает представления о возможностях профессиональной карьеры, совмещения семейных и профессиональных ролей (Рахманова, 2008; Ожигова, 2000; Ильин, 2002; Афиногенова, 2007; Бутковская, 2007; Турецкая, 1999). В ведущих мотивах выбора карьерных ориентаций обнаруживается влияние гендерной идентичности, а именно маскулинных черт женщин (Сафонова, 1999).

Ментальность учителя обнаруживает приверженность жестким стереотипам маскулинности и фемининности, отсутствие реализации принципа учета индивидуальных и возрастных особенностей детей в воспитании и обучении, использования научных знаний об особенностях проявления гендера в учебно-воспитательном процессе (Чуракова, 2007; и др.)

Исследователи обращают внимание на роль полотипичности профессии (Мертон, 1971; Грошев, 2002; Калабихина, 2010; Кулагина, 2009; и др.). Занятость в полотипичной/неполотипичной профессии проецируется на характерные черты, стиль взаимоотношений, структуру социальных связей. В ментальности женщин-учителей и женщин-военнослужащих, работающих в неполотипичной профессии, обнаруживаются различия в проявлениях эмоциональности, чувствительности, интуитивности, демонстрации индивидуализма или командной работы (Ковальчук, 2004).

Маскулинизация образования и профессиональной деятельности порождает определенный диссонанс в быденном сознании занятых в этой отрасли женщин – между развитием профессионально важных качеств и способностей (требующих определенной маскулинной выраженности) и социально одобряемыми качествами мужчин и женщин (Лузан, 2006; и др.), дезориентацией представлений о профессиональной сфере и положением человека в профессии в соответствии с «мужскими» и «женскими» социальными ролями.

В ментальном пространстве учителей-женщин обнаружены внутриличностные межролевые конфликты (Гаврилица, 1999; Здравомыслова, 2008; Ожигова, 2006; Турецкая, 2005) и признаки гендерно-ролевого стресса (Зауэр, Айзлер, 2010). Особенности группового сознания проявляются в производственных гомо- и гетерогендерных конфликтах. Исследователи находят гендерные различия в типах конфликтного поведения, их причинной обусловленности, частоте, тактиках поведения в конфликте, направленности, содержании и пр. (Поздняков, 2006).

Ментальность проявляется в позиции учителя-женщины по отношению к руководству. Функционирование в условиях моногендерной (фемининной) монопрофессиональной среды специфична тем, что работа ориентирована не на задачи, а на выполнение ролей; интерес к проблемам направлен не на получение нового, а на его применение; внимание больше уделяется не фактам, а мнениям других; при принятии решений учитываются интуиция и консенсус, а не решительные действия; отношения важнее результатов, а не наоборот (Ерофеева, 1999).

Ментальность учителя-женщины: гендерно-психологический ракурс

Актуальное понимание ментальности предполагает ее становление и репрезентацию в пространстве гендерных отношений. Гендерно-психологический ракурс проблемы ментальности акцентирует внимание на структуре и содержании гендерного сознания учителя, оказывающих регуляторное воздействие на социальное поведение личности.

Проведенное в последнее десятилетие масштабное исследование гендерного самосознания учителя-женщины (на примере учителя начальных классов) позволило обосновать закономерности его функционирования, заключающиеся в интеграции и дифференциации фемининных и маскулинных представлений, отношений и проявлений в процессе пространственно-временных изменений в жизнедеятельности личности (Чекалина, 2014).

Содержание гендерного самосознания учителей когнитивно сложно, имеет определенный объем тезауруса фемининных/маскулинных представлений образа «Я», его границ, внутрифемининную, внутримаскулинную и фемининно/маскулинную дифференцированность компонентов. Сложность когнитивной сферы состоит в определенных объеме и дифференцированности/интегрированности фемининных/маскулинных представлений.

Представления о собственной фемининности эмоционально более привлекательны, чем представления о проявлениях свой маскулинности. Объективные результаты показывают андрогинность гендерной природы учителя, рост и значимость маскулинных характеристик, что не конгруэнтно субъективным ощущениям женщин-учителей и не рефлексировается ими. Фемининность в структурных связях компонентов самосознания женщины-учителя занимает периферийную позицию.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что ролевой репертуар учителя начальных классов гендерно маркирован. Учителя-женщины высказывают неравнозначное отношение к исполняемым ролям: считают, что они исполняют фемининные и андрогинные роли, но подчеркивают желание исполнять маскулинные и андрогинные; идеальному педагогу приписывают больше андрогинных ролей. У современного учителя выражено специфическое отношение к фемининным ролям: все меньше тех, кто считает, что их надо исполнять, в меньшем количестве наделяют ими идеального педагога, в большем – приписывают их анти-идеалу (Чекалина, 2015).

Краткий обзор представленных в ментальности учителей-женщин закономерностей влияния профессии показал пересечение гендерного и профессионального пространств.

Заключение

Таким образом, источниками онтологического содержания обыденного сознания учителя-женщины являются процессы, протекающие как в организме индивида, так и в гендерных культуре и обществе, воплощающиеся в специфике полового диморфизма, гендерных стратификаций, дифференциации, социализации и профессионализации. Гендерное сознание личности учителя-женщины формируется в противоречии между влиянием традиционных патриархальных ценностей и трансформацией понимания женственности/мужественности, деконструкцией гендерных границ, манифестацией равноправия полов/гендеров и всех типов субъективности. Установлено, что специфика женского профессионального труда выявляет конфликты между фемининными стереотипами и инструментальными, маскулинными требованиями делового профессионального поведения, между социальными и индивидуальными фемининными и маскулинными стереотипами.

Литература

- Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М., 2001.
- Афиногенова С. В. Биологический и психологический пол в связи с профессиональными и спортивными интересами в подростковом и юношеском возрасте: Автореф. дис.... канд. психол. наук. СПб., 2007.

- Бедерханова В. П. Педагогическая поддержка процесса индивидуализации человека в образовании // Психологические проблемы самореализации личности: Сборник научных трудов. Краснодар, 1998. Вып. 3. С. 46–57.
- Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2002.
- Бутковская С. А. Становление гендерной идентичности в процессе профессионального самоопределения: Дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2007.
- Гаврилица О. А. Чувство вины у работающей женщины // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 65–71.
- Грошев И. В. Образ женщины в рекламе // Женщина. Гендер. Культура / Под ред. З. А. Хоткиной, Н. Л. Пушкаревой, Н. И. Трофимовой. М., 1999. С. 331–343.
- Грошев И. В. Психология половых различий. Тамбов, 2001.
- Ерофеева Н. Ю. Женщины-руководители в системе образования // Народное образование. 1999. № 9. С. 150–155.
- Здравомыслова Е. А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. Женская и гендерная история / Под ред. Н. М. Пушкаревой. М., 2003. С. 436–463.
- Иваницкий В. Русская женщина в эпоху Домостроя // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 161–172.
- Иванова Т. В. Ментальность, культура, искусство // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 168–177.
- Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2003.
- Калабихина И. Е. Гендерный фактор в экономическом развитии России. М., 2009.
- Каменецкая Н. Ю. Гендерные аспекты репрезентации тела в современном искусстве // Вестник РГГУ. 2010. № 15. С. 224–232.
- Кардапольцева В. Н. Женщина и женственность в русской культуре. Екатеринбург, 2005а.
- Кардапольцева В. Н. Особенности конструирования и репрезентации женственности в русской культуре нового и новейшего времени: Дис. ... докт. культур. наук. М., 2005б.
- Ключко О. И. Гендерный подход в социальном познании и образовании. М., 2015.
- Ковальчук И. С. Мотивация профессиональной деятельности военнослужащих-женщин вузов МО РФ: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004.
- Кулагина Н. В. Внутриличностный гендерный конфликт профессиональной роли: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
- Лузан С. С. Формирование профессиональной направленности студентов с учетом гендерной социализации в образовательном процессе вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2006.

- Лупенко Н. Н. Взаимосвязь гендерного и профессионального образов «Я» в структуре самосознания личности руководителя: Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2008.
- Непочетая Н. И. Гендерный контракт женщин на военной службе в России: история и современность в социологическом освещении: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2004.
- Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради. СПб., 1997. С. 19–26.
- Ожигова Л. Н. Гендерная интерпретация самоактуализации личности в профессии: На материале педагогической профессии: Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2000.
- Ожигова Л. Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар, 2006.
- Поздняков А. А. Гендерные и индивидуально-личностные различия поведенческих паттернов в организационных конфликтах: Дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2008.
- Пушкарева Н. Л. Историческая феминология в России: состояние и перспективы // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 164–172.
- Рахманова С. М. Влияние жизненных смыслов на социальную активность работающих женщин // Вестник университета. Сер. Социология и управление персоналом. М., 2008. № 4 (42). С. 86.
- Сафонова М. В. Социально-психологические особенности женщин, успешных в карьере: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1999.
- Сафронов И. П. Учитель как феномен культуры и социальной реальности: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2002.
- Силласте Г. Г. Гендерная асимметрия в образовании и науке: взгляд социолога // Высшее образование в России. 2001. № 2. С. 96–106.
- Федеральная служба государственной статистики России. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.10.2016).
- Смирнова А. В. Гендерная социализация в общеобразовательной школе: Дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2005.
- Социология гендерных отношений: Учебное пособие для студентов вузов / О. А. Воронина, Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина и др. / Под ред. З. М. Саралиевой. М., 2004.
- Турецкая Г. В. Страх успеха: психологическое исследование феномена // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 37–46.
- Чекалина А. А. Гендерная психология. М., 2009.
- Чекалина А. А. Психология гендерного самосознания: Монография. М., 2014.
- Чекалина А. А. Гендерные маркеры ролевого репертуара учителя начальных классов // Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса: Сборник материалов II межрегиональной научно-практической конференции, 14–15 апреля 2015 г., Москва, МГПУ. В 2 ч. М., 2015. Ч. 1. С. 177–181.
- Чуракова Г. Б. Организация профильного обучения школьников на основе гендерного подхода: Дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2007.
- Шахтарина М. В. Гендерные особенности социальных установок современной российской молодежи: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2001.
- Эрих-Хефели В. К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе XVI века // Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М., 1999. С. 56–105.

